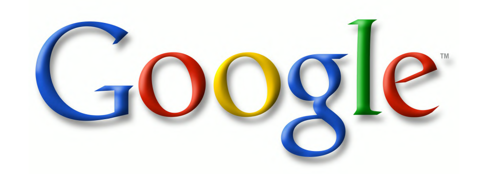


B 815,891

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES · SCIENTIA · VERITAS
1817

Н. П. Лихачевъ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ДИПЛОМАТИКѢ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ

(Перепечатка съ изданія 1901 года съ дополненіями, въ первыхъ лекціяхъ до 70 страницы).

Печатано съ разрѣшенія, но безъ просмотра автора.

Завѣдующій Изданіемъ Слушатель 2 курса Ученый Лѣсоводъ
Митр. Ив. БѢЛАВЕНЕЦЪ.

Изданіе Слушателей Института.
С.-Петербургъ. 1905—1906 учебн. г.

Издано на правахъ рукописи,

Первыя лекціи дополнены по стенографическимъ записямъ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Проф. Н. П. Лихачевъ.

Общія понятія о дипломатикѣ и ея задачахъ.

Одной изъ жалобъ на университетское преподаваніе, до введенія новаго устава, были нареканія на спеціальность, отрывочность курсовъ. Рѣдкій предметъ излагался во всемъ его объемѣ, въ частности, напр., многія эпохи всеобщей исторіи оставались незатронутыми въ теченіе четырехгодичнаго курса. Нетрудно объяснить происхожденіе такого явленія и показать неосновательность нареканій. Стоитъ лишь вспомнить, что центръ тяжести университетскаго образованія, какъ высшаго, лежитъ въ курсахъ спеціальныхъ, а не общеобразовательныхъ. Главная задача не въ подробномъ изложеніи хода событій въ безбрежной исторіи человѣчества, а въ указаніи средствъ, какъ разбираться и цѣнить истинное значеніе безконечной цѣпи фактовъ. Въ спеціальномъ историческомъ изученіи—изложеніе событій есть практика, которой необходимо предшествуетъ теорія — курсы выясненія пріемовъ историческаго изслѣдованія, пріемовъ критической обработки матеріала, указаніе способовъ образованія синтетическихъ выводовъ путемъ постояннаго и неуклоннаго анализа И въ изложеніи событій условія времени и объема курса подчеркнутъ намъ, насколько важнѣе систематическое изображеніе одной эпохи въ полномъ освѣщеніи современнаго историческаго знанія, чѣмъ краткій и поверхностный обзоръ всѣхъ или почти всѣхъ отдѣловъ исторической науки.

Нашъ Археологическій Институтъ является учено-учебнымъ заведеніемъ наивысшимъ и наиспеціальнымъ. Всѣ предметы, въ немъ преподаваемые, всѣ курсы, въ немъ читаемые, уже сами по себѣ спеціальны. И кажется, не надо доказывать, что такая спеціализація въ данномъ случаѣ есть норма.

Но этого мало—и спеціальные предметы—какъ, напр. тотъ, который я имѣю честь излагать, не могутъ быть въ полномъ объемѣ прочитываемы въ двухгодичный курсъ. Въ защиту такой дробности мнѣ и слѣдуетъ указать Вамъ на смыслъ и значеніе

детальныхъ изслѣдованій (и изложеніе ихъ техники), отмѣтивъ, какъ критическія мелочныя наблюденія отражаются иногда въ освѣщеніи цѣлыхъ эпохъ.

Вы безъ сомнѣнія читали и интересовались исторіей Грознаго царя, навѣрное и трагическій эпизодъ съ митрополитомъ Филиппомъ привлекалъ ваше вниманіе. Историки, а за ними романисты, разсказываютъ о казняхъ Колычевыхъ, почти что объ истребленіи этого рода. А вотъ существуетъ документъ (онъ напечатанъ въ I-ой книжкѣ «Извѣстій Русскаго Генеалогическаго Общества»)—„Чинъ бракосочетанія царя Ивана Васильевича съ царицею Анною Васильчиковыхъ“ — простая роспись именъ, но она неожиданно бросаетъ новый свѣтъ. Пересчитывая въ этомъ спискѣ Колычевыхъ, мы находимъ ихъ болѣе 20 человѣкъ. Значитъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины митрополита Филиппа, Колычевы были при дворѣ и притомъ въ необычно большомъ даже числѣ представителей своей фамиліи!

Въ безконечныхъ спорахъ объ отношеніяхъ царя Ивана Грознаго къ боярству — особенное значеніе имѣютъ тѣ случаи когда царь якобы выказывалъ самоуправство, нарушалъ традиціи. Невыясненъ доселѣ вопросъ о порядкѣ прохожденія представителей разныхъ родовъ въ боярскую Думу. Точно извѣстно только, что лишь весьма немногія родовитыя фамиліи миновали окольничество и члены ихъ прямо жаловались въ бояре. Даже такой родъ, какъ Шереметевы, были въ окольничихъ. Понятно значеніе факта, отмѣчаемаго историками и подчеркнутаго В. И. Сергѣевичемъ,—казначей Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ былъ пожалованъ прямо въ боярскую думу бояриномъ, а родной братъ его былъ въ дьякахъ!

Полное нарушеніе традицій! Но только повидимому. Дѣло въ томъ, что если мы подберемъ всѣ указанія въ источникахъ о посольской книгѣ, констатируемъ фактъ, оставшійся незамѣченнымъ, что казначей Сукинъ былъ въ окольничихъ, но оставался въ этомъ званіи (подобно и нѣкоторымъ другимъ лицамъ) всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Я прибавлю къ этому еще нѣсколько примѣровъ. Я укажу, что послѣ того, какъ мнѣ удалось обратить всеобщее вниманіе на значеніе бумажныхъ знаковъ, проф. Платонову пришло въ голову провѣрить одно сомнительное мѣсто въ лѣтописи—знаменитую рѣчь царя Ивана на первомъ земскомъ соборѣ, которую онъ сказалъ, излагая свои взгляды на земскій соборъ. Рѣчь эта чрезвычайно важна, она обратила на себя вниманіе всѣхъ исто-

риковъ и являлась краеугольнымъ камнемъ во взглядахъ на политическія воззрѣнія Іоанна Грознаго. Нѣкоторыя фразы ея таковы, что будь это въ другомъ мѣстѣ, она возбудила бы сомнѣнія. И вотъ Платоновъ потребовалъ оригиналъ этой рѣчи и констатировалъ по бумагѣ, что хотя почеркъ и похожъ, но что этотъ листокъ, на которомъ написана рѣчь, вклеенъ въ книгу и историки не замѣтили этой наклейки. По поводу этого любопытнаго Хрущевскаго списка Степенной книги молодой ученый Васенко написалъ небольшое изслѣдованіе, что вставки, сдѣланныя въ Хрущевскій списокъ, имѣли политическое значеніе. Дипломатика должна быть особенно спеціальна въ Россіи, потому что у насъ напр. совсѣмъ нѣтъ курса исторіографіи не только печатнаго, но даже лекцій. Все это лежитъ на почвѣ отдѣльныхъ наблюденій, мелкихъ поправокъ и фактовъ. Я долженъ сказать, что въ смыслѣ чисто русской дипломатики въ отношеніи къ русскимъ грамотамъ (я обратилъ вниманіе на поддѣлки ихъ) мы до сихъ поръ находимся въ самомъ началѣ. Мнѣ приходилось уже говорить Вамъ относительно грамоты рода Протасьевыхъ: мнѣ удалось доказать, что онѣ созданы по подлиннымъ образцамъ. Я столкнулся опять по поводу одной грамоты съ очень интересной грамотой, которая издана Ключевскимъ въ „Боярской Думѣ". Эта грамота мѣстная Нижегородскаго князя XIV ст., она обратила на себя вниманіе Ключевскаго необычностью своего содержанія и въ то же время своею важностью, которую она имѣла бы для всей русской земли. Въ послѣднемъ изданіи „Думы" найдена была еще подобная же грамота мѣстная, которая хранится теперь въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, поступила по наслѣдству отъ купца Мазурина. Какъ Ключевскій, такъ и его послѣдователи, приходятъ къ заключенію, что эта грамота, извлеченная изъ бумагъ Артемія Волынскаго, подлинная, что въ ней мы имѣемъ рѣдчайшій образецъ мѣстническаго строя во второй половинѣ XIV в. Мое мнѣніе, которое будетъ напечатано въ „Запискахъ Археологическаго Общества", что эта грамота, несмотря на авторитетъ Ключевскаго, представляетъ собою поддѣлку XVII или XVIII в. и была представлена кабинетъ-министру Волынскому, который собиралъ свѣдѣнія о Волынскихъ князьяхъ. Я представилъ цѣлый рядъ указаній на дипломатическія неправильности, и едва ли я ошибусь, если скажу, что наступитъ время, когда эта грамота будетъ причислена къ поддѣлкамъ. Въ ней нѣтъ интерпелляціи, она не принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ документовъ, въ

которыхъ случайно вставлены слова, она представляетъ собою чистѣйшую поддѣлку.

Я долженъ указать на полную неразработанность русской дипломатики и выяснить все значеніе и необходимость экскурсій. Въ нашей наукѣ вопросъ о вліяніи гораздо важнѣе, потому что мы съ нимъ встрѣчаемся со всѣхъ сторонъ. Напр. въ сфрагистикѣ, если мы обратимъ вниманіе на старыя русскія печати, то мы увидимъ, то по нимъ можно возстановить, какъ русскія печати изъ первоначальнаго византійскаго типа измѣнялись въ русскія, свинцовыя печати исчезли, замѣнившись восковыми. Вліяніе Византіи отразилось не только на Россіи и на южно-славянскихъ земляхъ, но и на Папской области (до настоящаго времени печатаютъ папскую буллу свинцовыми печатями), во Франціи и въ Южной Италіи.

Если мы обратимся къ русской сфрагистикѣ и возьмемъ печать московскихъ государей, ту, которую мы имѣемъ въ настоящее время, и прослѣдимъ ея развитіе до настоящаго времени, то мы должны обратить вниманіе также на печати польскую, шведскую и печать римскаго императора. Если мы обратимся къ одному основному акту—къ древнѣйшей грамотѣ московскаго періода—къ грамотѣ Калиты. то мы увидимъ, что тамъ привѣшена печатка съ монгольской тангой. Эта танга очевидно, имѣетъ какую-то связь съ верховнымъ главенствомъ царей Золотой Орды,—и такимъ образомъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ Золотой Орды.

Мы знаемъ документы XV столѣтія, подписанные на восточномъ языкѣ—или по татарски, или по арабски. Тутъ уже мы не можемъ говорить о вліяніи въ смыслѣ верховнаго владычества,—тутъ мы имѣемъ дѣло просто со способомъ сдѣлать грамоту болѣе трудную для поддѣлки. Для этой цѣли иногда подпись была съ росчеркомъ, иногда дѣлался условный знакъ; кто зналъ восточные языки, подписывался на восточномъ языкѣ. Дьякъ Ивашъ употреблялъ латынь въ доказательство того, что онъ знаетъ латинскій языкъ. Такимъ образомъ затруднялась контрафакція. Если мы обратимся къ кла. . . . . . , которые находятся теперь въ Кіевѣ и въ Твери, то мы увидимъ, что эти знаки должны быть сопоставляемы съ другими: если мы будемъ сопоставлять ихъ съ прототипомъ, то мы опустимся въ глубокую древность, мы дойдемъ до кла. . . . . . , которые насчитываютъ до 2000 лѣтъ. Но мы не должны забывать, что эти цивилизаціи въ свою очередь лежатъ въ древнѣйшей восточной цивилизаціи:

нѣкоторые доходятъ до ассирійской цивилизаціи. Конечно, спеціальное изложеніе этихъ областей знанія не можетъ входить въ удѣлъ дипломатиста: еслибы отъ него требовать спеціальныхъ изслѣдованій, то надо было бы предположить въ немъ энциклопедиста. Если про энциклопедиста можно сказать то, что было сказано про Пико де ла Мирандоля „что онъ знаетъ все познаваемое и еще кое что", то дипломатистъ долженъ лишь слѣдить за наукой и быть всегда наготовѣ, чтобы изъ вторыхъ рукъ воспользоваться новыми открытіями. Каковъ же объемъ дипломатики въ полномъ ея видѣ?

Составъ ея слѣдующій:

I. Понятіе о дипломатикѣ, смыслъ ея, какъ знанія, и задачи. Источники изученія. Объемъ и отношеніе къ другимъ историческимъ знаніямъ.

II. Исторія развитія дипломатики, какъ науки (или лучше сказать, какъ вспомогательнаго историческаго знанія):

1) Обзоръ сочиненій по дипломатикѣ, начиная съ попытокъ критики и классификаціи актовъ.

2) Обзоръ изданій, содержащихъ дипломатическія источники, и общая исторіографія археографіи.

3) Обзоръ хранилищъ матеріала, подлежащаго дипломатическому изученію.

III. Матеріалы, служившіе для написанія дипломатическихъ памятниковъ:

1) Камень.

2) Глина и черепки.

3) Металлъ.

4) Дерево и береста.

5) Таблетки съ воскомъ.

6) Папирусъ.

7) Кожа и пергаментъ.

8) Бумага и филиграновѣдѣніе.

IV. Хронологія. Эры. Календари. Различныя датировки по событіямъ и по именамъ чиновниковъ.

V. Внѣшняя критика актовъ:

1) Дипломатическая палеографія: а) Соотношеніе ея съ эпиграфикой и палеографіей общей. Искусственныя письма полностью и искусственныя начертанія въ обычномъ письмѣ.

б) Исторія дипломатической тахиграфіи и тайнописи (крипто графія). Абровіатуры въ дипломатической палеографіи.

в) Различные палеографическіе знаки укрѣпленія (вали-

даціи) акта. Подписи, скрѣпы, помѣты. Монограммы чиновниковъ.

г) Вопросъ объ автографахъ. Разнообразныя стороны изученія автографовъ. Особенности палеографическія сравнительно съ палеографіей общей и дипломатической. Вопросъ о возможности характеристикъ историческихъ дѣятелей. Новѣйшія медицинскія теоріи и соотношеніи письма съ состояніемъ здоровья писавшаго.

д) Форма, составъ и строеніе актовъ. „Богословіе". Вступительныя и заключительныя формулы. Подробности датировокъ.

2) Сфрагистика:

а) Исторія изученія сфрагистики и попытки классификаціи памятниковъ.

б) Исторія сфрагистики. Типы сфрагистическихъ памятниковъ. Цилиндры, скарабонъ, перстни, буллотиріи. Матрицы и оттиски. Основные типы оттисковъ. Печати вислыя и прикладныя.

в) Изученіе того и другого вида печатей, начиная съ древнѣйшихъ прототиповъ.

г) Способы запечатанія документовъ. Исторія закрытыхъ писемъ до изобрѣтенія конвертовъ. Употребленіе конвертовъ въ разное время. Грамоты отворчатыя и затворчатыя.

д) Кустодіи печатей.

3) Украшеніе актовъ съ цѣлями эстетическими и для лучшаго сохраненія (консерваціи). Орнаментика простая и украшенія актовъ изображеніями святыхъ, портретами, гербами Акты златописные, киноварью, на цвѣтномъ матеріалѣ. Прикрѣпленіе кусковъ матеріи, матеріальныхъ и металлическихъ щитковъ для прикрѣпленія печатей.

VI. Исторія архивовъ, какъ мѣстъ храненія документовъ въ различные періоды исторіи.

VII. Исторія эманаціи актовъ (по канцеляріямъ). Типы, виды и подраздѣленія актовъ.

VIII. Внутренняя критика, по тексту и содержанію. Причины, почему этотъ отдѣлъ почти полностью долженъ быть вынесенъ въ область спеціальной исторической критики.

IX. Вопросъ о языкѣ актовъ (отнюдь не надо смѣшивать съ филологическими изысканіями).

Мѣстные языки и нарѣчія. Средневѣковая латынь и новые языки.

Литва и русскій языкъ.

Румынія и славянскій языкъ.

X. Подложные документы и ихъ критика.

Архаизація. Копированіе, имитація безъ цѣлей обмана и настоящія историческія поддѣлки. Исторія поддѣлокъ и фальсификацій. Интерполированіе подлинниковъ, порча регистровъ. Методы критики оригиналовъ и актовъ въ копіяхъ. Совершенная поддѣлка документовъ и автографовъ. Обзоръ важнѣйшихъ случаевъ. Очаги фальсификаціи. Способы критики палеографической и при помощи фотографіи.

Предметъ, которымъ мы займемся, есть историческое источниковѣдѣніе въ спеціальномъ его отдѣлѣ, который въ Западной Европѣ давно уже выработался въ самостоятельное знаніе въ обособленную вѣтвь историческихъ наукъ, получившую названіе „Дипломатики“.

Дипломатика—это и есть наука объ актахъ, актологія, изучающая документальные памятники письменности съ ихъ внѣшней и внутренней стороны.

Въ Западной Европѣ дипломатика имѣетъ свою литературу и давно вошла въ кругъ преподаваемыхъ будущимъ историкамъ и архивистамъ наукъ. Что же касается Россіи, то дипломатика, въ указанномъ ея значеніи, представляетъ одну изъ наименѣе разработанныхъ у насъ вспомогательныхъ отраслей исторической науки. Дѣло изученія ея стоитъ пока на почвѣ отдѣльныхъ, разбросанныхъ въ историко-археографическихъ трудахъ, замѣчаній и изслѣдователю въ этомъ направленіи для каждой мелочи приходится обращаться не только къ первоисточникамъ, но и къ самымъ ихъ подлинникамъ, отнюдь не сосредоточеннымъ въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ, а находящимся на храненіи въ цѣломъ рядѣ архивныхъ учрежденій обѣихъ столицъ. Все объясняется тѣмъ, что издатели актовъ мало обращали вниманія именно на дипломатическую сторону ихъ, а отсутствіе точныхъ способовъ воспроизведенія оригиналовъ не давало возможности составлять альбомы, которые хотя сколько нибудь замѣняли въ этомъ отношеніи подлинники.

Происхожденіе наименованія дипломатики довольно случайное—этимологически оно объясняется изъ греческаго языка *διπλόω-διπλόομαι-διπλοῦν*— сдваивать, отъ *διπλόω*—существительное *δίπλωμα* *), перешедшее въ латинскій языкъ какъ diploma или

*) У Дюканжа — „*Δίπλωμα*, litera Principum signis obsignata, diploma... Vox à Latinis mediae aetatis passim usurpata. Vide Budaeum ad Pandect. part. 2“.

изрѣдка какъ „diuplomum“ отъ duplex—двойной. Такимъ образомъ, первоначальное значенiе слова diploma—это документъ, начертанный на двухъ пластинкахъ, складывающихся вмѣстѣ въ видѣ диптиха. Хотя Форчеллини и записалъ въ своемъ словарѣ опредѣленно и прямо, что подъ этимъ терминомъ „significantur litterae principis, aut, magistratus, quibus aliquid alicui conceditur“, но толкованiе, что дипломы уже въ древности имѣли значенiе императорскихъ привиллегiй, является сомнительнымъ. Правда, у Светонiя сказано про Августа „in diplomatibus, libellisque et epistolis signandis sphinge usus erat“ (50). Но въ эпоху Римской республики и имперiи дипломъ имѣлъ почти исключительное спецiальное значенiе: 1) какъ паспортъ для курьеровъ („diplomate diebus et noctibus iter continuare“), такой дипломъ давалъ право на пользованiе государственной почтой; 2) другой смыслъ диплома римской эпохи—это указъ объ отставкѣ, удостовѣрявшiй права и льготы, выслуженныя ветераномъ, владѣльцемъ диплома—такъ называемыя „honestae missionis“.

Такiе эпиграфическiе памятники были находимы неоднократно, и существуетъ цѣлая литература о военныхъ дипломахъ (diplomata militaria).

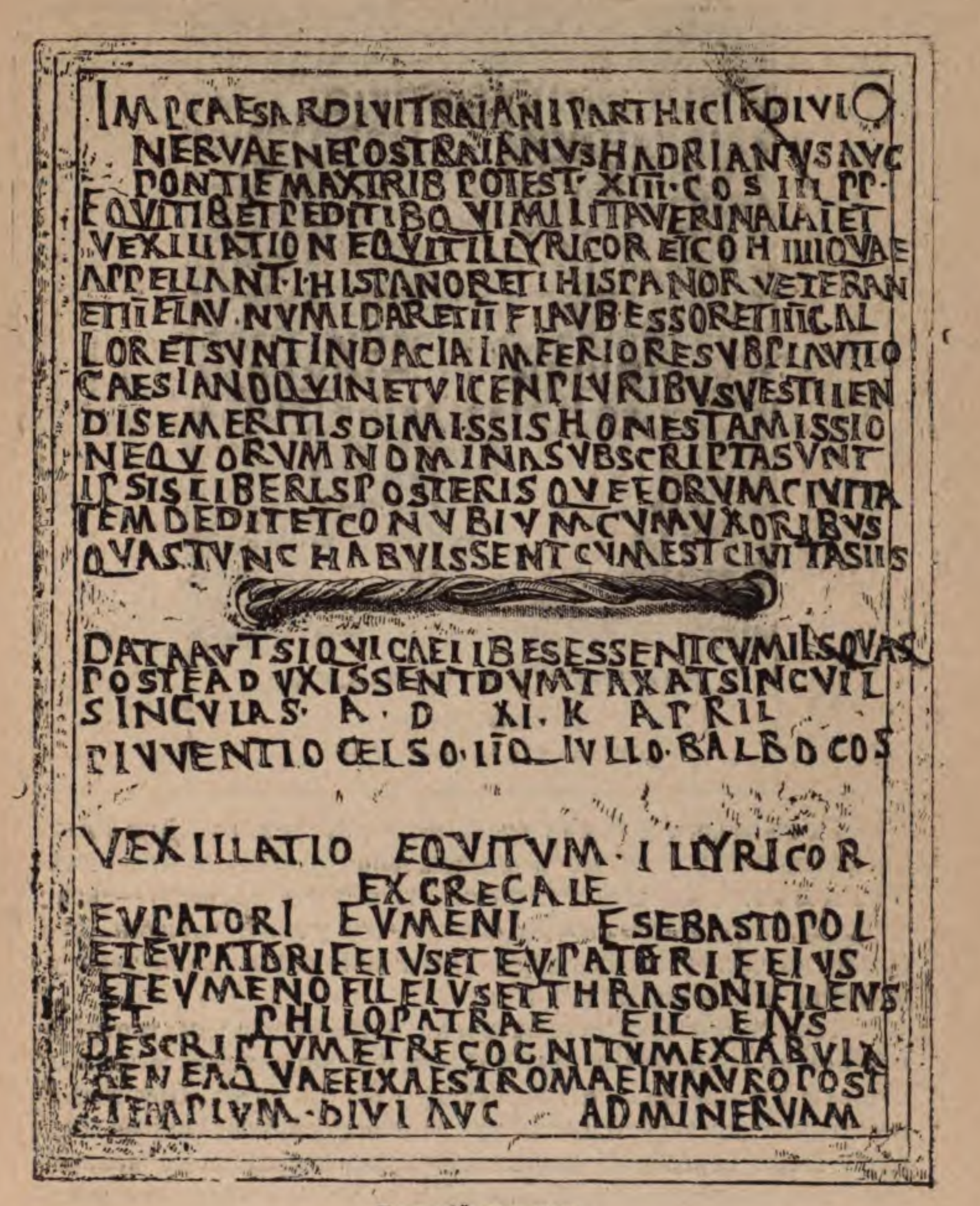
Оба рода дипломовъ вырѣзывались на двухъ бронзовыхъ дощечкахъ, складывавшихся вмѣстѣ.

Терминъ „дипломъ“ почти исчезъ за время среднихъ вѣковъ, но память объ его первоначальномъ значенiи сохранялась довольно долго.

Ученые эпохи Возрожденiя возобновили забытое наименованiе, но примѣнили его не совсѣмъ удачно, обозначивъ этимъ именемъ государственные акты, проистекавшiе отъ верховной власти.

Парижскiй юристъ Гильомъ Будэ (Budaeus), королевскiй секретарь „maitre de la librairie du roi“ (1467—1540) въ 1508 году (второе изданiе въ 1556) въ „Annotationes in XXIV libros Pandectarum“ (II, 84) говоритъ: „diplomata sunt quas litteras patentes nunc appellamus, ejus modi sunt edicta et mandata principum, regis signo sancta, et quas bullas pontificias vocant“. Iоахимъ де Ваттъ (Vadianus) въ „Farrago antiquitatum Alamannicarum“ опредѣляетъ: diplomata quae vulgo privilegia imperatorum, regum, ducum, comitum.

Такая не совсѣмъ правильная въ историческомъ отношенiи терминологiя вошла въ обычай, укрѣпилась и удержалась до настоящаго времени. „Sources diplomatiques“—„documents diplomatiques“ въ научномъ языкѣ вовсе не имѣютъ узкаго значенiя



IMP CAESAR DIVI TRAIANI PARTHICI F DIVI
NERVAE NEPOS TRAIANVS HADRIANVS AVG
PONTIF MAX TRIB POTEST XIII COS III PP
EQVITIB ET PEDITIB QVI MILITAVER IN ALA I ET
VEXILLATION EQVIT ILLYRICOR ET COH IIII QVAE
APPELLANT I HISPANOR ET I HISPANOR VETERAN
ET II FLAV NVMIDAR ET II FLAV BESSOR ET IIII GAL
LOR ET SVNT IN DACIA INFERIORE SVB PLAVTIO
CAESIANO QVINE ET VICEN PLVRIBVSVE STIPEN
DIS EMERITIS DIMISSIS HONESTA MISSIO
NE QVORVM NOMINA SVBSCRIPTA SVNT
IPSIS LIBERIS POSTERIS QVE EORVM CIVITA
TEM DEDIT ET CONVBIVM CVM VXORIBVS
QVAS TVNC HABVISSENT CVM EST CIVITAS IIS

DATA AVT SI QVI CAELIBES ESSENT CVM IIS QVAS
POSTEA DVXISSENT DVMTAXAT SINGVLI
SINGVLAS A D XI K APRIL
P IVVENTIO CELSO II Q IVLIO BALBO COS

VEXILLATIO EQVITVM ILLYRICOR
EX GREGALE
EVPATORI EVMENI F SEBASTOPOL
ET EVPATORI F EIVS ET EVPATORI F EIVS
ET EVMENO FIL EIVS ET THRASONI FIL EIVS
ET PHILOPATRAE FIL EIVS
DESCRIPTVM ET RECOGNITVM EX TABVLA
AENEA QVAE FIXA EST ROMAE IN MVRO POST
TEMPLVM DIVI AVG AD MINERVAM

Римскій дипломъ.

въ смыслѣ памятниковъ дипломатическихъ сношеній, а означаютъ памятники документальные

Въ настоящее время въ русскомъ языкѣ терминъ „Дипломъ“ значительно вернулся къ первоначальному своему смыслу—это свидѣтельство въ пріобрѣтенныхъ правахъ и льготахъ—окончаніе курса учебнаго заведенія, полученіе ученой степени, избраніе въ члены какого-нибудь учрежденія (съ правами такому членству присвоенными) и т. д.

Такимъ образомъ наименованіе „дипломатика“ не соотвѣтствуетъ въ сущности объему той отрасли историческаго знанія, которую мы опредѣлили какъ науку об ъ а к т а х ъ. При этомъ необходимо оговориться, что въ данномъ случаѣ понятіе объ актѣ шире понятія о документѣ, какъ письменномъ доказательствѣ юридическихъ отношеній и событій и вмѣщаетъ представленіе о письменныхъ памятникахъ документальнаго характера, касающихся историческихъ событій вообще.

Воззрѣнія на историческое изученіе и его задачи постоянно мѣняются. Невозможность познанія абсолютной исторической

истины заставляетъ искать все новыхъ и новыхъ путей. Люди разныхъ временъ и взглядовъ приходятъ къ одинаковымъ скептическимъ воззрѣніямъ на историческую правду. „Я всегда доискивался истины“, говоритъ Гиббонъ, „хотя я до сихъ поръ находилъ лишь правдоподобіе (I, с. XVII—XVIII). „Въ исторіи вѣроятное представляетъ собою истинное“, повторяетъ Тэнъ.

Именно въ погонѣ за достовѣрностью XIX вѣкъ выдвинулъ на первый планъ архивные источники историческаго изученія, давъ тѣмъ новый толчокъ разработкѣ дипломатики.

Дипломатическіе источники, представляя крайнее разнообразіе по внѣшнему виду и внутреннему содержанію, дѣлясь на множество видовъ и отдѣловъ, имѣютъ между собою нѣчто общее, что позволяетъ примѣнять къ нимъ и общіе пріемы критики. Ихъ объединяетъ подлинность и современность событій. Это драгоцѣнное качество позволяетъ на основаніи данныхъ дипломатическаго матеріала провѣрять показанія другихъ видовъ историческихъ источниковъ и тѣмъ придаетъ ему весьма важное научное значеніе.

Не мало было споровъ и увлеченій о значеніи архивнаго матеріала. Эти споры, можно сказать, выяснили значеніе дипломатическихъ источниковъ исторіи сравнительно съ повѣствовательными.

Разборъ такихъ памятниковъ, какъ лѣтописи, хроники, мемуары, сказанія, дневники, воспоминанія и т. д. указалъ на все обиліе подводныхъ камней въ этомъ безбрежномъ литературномъ морѣ. Пристрастность, односторонность, забывчивость, ненамѣренный обманъ, наконецъ,—вотъ что заставляетъ изслѣдователя быть постоянно на сторожѣ при пользованіи матеріаломъ повѣствовательнымъ.

Какъ примѣръ мы можемъ взять хотя бы лѣтописи: разное отношеніе разныхъ лѣтописей къ Андрею Боголюбскому, отношеніе сѣверныхъ лѣтописей къ Москвѣ и московскихъ къ Новгороду и т. д.

Внимательное изученіе лѣтописей вскрываетъ передъ нами такую массу наслоеній, переработокъ и прибавокъ, что знаменитые лѣтописные своды наши требуютъ все новыхъ и новыхъ труднѣйшихъ критическихъ изслѣдованій. Въ самое послѣднее время этотъ важный вопросъ поставленъ на совсѣмъ новую почву въ трудахъ академика А. А. Шахматова. Я скажу о недавнемъ открытіи Шахматова; это одинъ изъ маленькихъ

курьезовъ. Въ очень извѣстномъ изслѣдованіи Е. Голубинскаго „Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви" (изд. 2. М. 1903, стр. 580) мы найдемъ такое указаніе: Іоаннъ Сухой. Ярославскій, неизвѣстно когда жившій до второй половины XV вѣка. Въ Новгородской 4-й лѣтописи и въ нѣкоторыхъ спискахъ Воскресенской лѣтописи читается подъ 1463 годомъ, что послѣ того, какъ въ семъ году начались въ Ярославлѣ чудеса отъ гроба князя Θеодора Ростиславича съ дѣтьми: „Иванъ Сухой чудеса творити почалъ по всей Ярославской вотчинѣ" (П. С. Р. Л. IV, 149; VI, 247). Тамъ записанъ „неизвѣстный святой". Но вотъ въ самое послѣднее время Шахматову случайно попался на глаза Ермолинскій списокъ. Подъ 1463 г. онъ нашелъ это извѣстіе, но только съ небольшимъ измѣненіемъ: послѣ описанія чудесъ отъ гроба Θеодора Ростиславича сказано: пріѣхалъ бояринъ Иванъ Сухой и началъ чудеса творити: кому вотчины прибавитъ, кому убавитъ, у кого и совсѣмъ отниметъ". Когда этотъ отзывъ попалъ въ руки московскаго переписчика, то при его уваженіи къ лѣтописному дѣлу онъ записалъ только, что „онъ началъ чудеса творити", а конецъ не записалъ. Между тѣмъ вслѣдствіе этого у Голубинскаго сдѣланъ выводъ, что Иванъ Сухой былъ неизвѣстный святой".

Что касается до мемуаровъ и записокъ, то хвастовство и пристрастность еще не составляютъ ихъ главныхъ недостатковъ,— нерѣдко они прямо сочинялись въ цѣляхъ самооправданія и самовосхваленія. Какъ образецъ пристрастности можно указать на записки Вигеля; документъ самооправданія—мемуары Екатерины Великой, самовосхваленія—записки Дашковой. Въ высокой степени талантливыя записки Екатерины II (къ сожалѣнію, изданныя, кажется, не совсѣмъ исправно и не въ полномъ объемѣ) разсчитаны на впечатлѣніе читателя, краски, которыми зачернена личность Петра III, наложены такъ густо, что можно только удивляться, какъ историки самаго послѣдняго времени подчиняются такому злостному субъективизму. Замѣчательно, что даже и В. Бильбасовъ, большой недоброжелатель Екатерины, въ первомъ томѣ своей исторіи находится явно подъ ея вліяніемъ. Такова сила повѣствовательныхъ источниковъ, когда тенденціи ихъ сходятся съ тенденціями изслѣдователя.

Въ послѣднее время записки, мемуары и воспоминанія въ историческихъ и quasi историческихъ журналахъ сыплятся какъ изъ рога изобилія. И, Боже мой, сколько поправокъ и опроверженій они вызываютъ! Недавно изданныя записки Смирновой

критика, отчаявшись въ нихъ разобраться, прямо наименовала „мутнымъ источникомъ“.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщены не то разсказы, не то воспоминанія нѣкоего Р. Л. Маркова, представляющія такое баснословіе, что не знаешь, къ кому г. Марковъ ближе— къ Хлестакову или къ барону Мюнхаузену.

Юридическіе и административные документы, акты государственные и частные даютъ намъ показанія точныя и фактическія. Творцы договоровъ, духовныхъ, правыхъ, купчихъ и вкладныхъ дѣйствовали ради самихъ себя и отнюдь не ради потомства и изслѣдователей. Имъ не было побужденій оправдываться и обманывать.

Впрочемъ, намъ слѣдуетъ сейчасъ же и оговориться: къ числу актовъ, составляющихъ матеріалъ для дипломатическаго изученія, принадлежатъ и акты, предназначенные для всеобщаго свѣдѣнія. Таковые, сообщая достовѣрный фактъ, нерѣдко грѣшатъ невѣрнымъ освѣщеніемъ этого факта, намѣренно искажаютъ обстановку событій и прагматическую связь между ними. Этотъ родъ актовъ является уже какъ бы переходнымъ къ памятникамъ повѣствовательнымъ со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. Вспомнимъ оффиціальное лѣтописное извѣстіе о разводѣ в. к. Василія III и сравнимъ его съ показаніемъ Герберштейна; укажемъ на грамоту избранія Бориса Годунова и цѣлый рядъ грамотъ Смутнаго Времени, когда московскіе люди измалодушествовались и изолгались въ присягахъ и объясненіяхъ событій.

Можно припомнить и такіе документы, какъ объявленіе о кончинѣ царевича Алексѣя Петровича или манифестъ о кончинѣ императора Петра III отъ 7-го Іюля 1762 года. Не менѣе любопытно въ этомъ отношеніи синодское увѣщаніе отъ Декабря 1806 года. Святѣйшій Синодъ, побуждая православныхъ къ войнѣ съ Наполеономъ, въ порывѣ патріотическаго рвенія приписалъ Наполеону помышленіе: „соединить Іудеевъ... и устремить ихъ на испроверженіе церкви Христовой и (о дерзость, о ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній) на провозглашеніе Лже-Мессіи въ лицѣ Наполеона“.

Можно съ увѣренностью сказать, что обвиненіе это не принадлежитъ къ числу доказанныхъ историческихъ фактовъ.

Особенной неточностью отличаются обыкновенно извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, называемыя „реляціями“. Опубликованныя реляціи двухъ враждующихъ сторонъ объ одномъ и томъ

же дѣлѣ иногда мало похожи другъ на друга и не даромъ сопоставленіе сочиненій Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго такъ глубоко поразило графа Л. Н. Толстого.

Дипломатика, изучая историческіе и юридическіе акты съ внѣшней и внутренней стороны, естественно соприкасается съ цѣлымъ рядомъ другихъ отраслей историческаго знанія.

Обозначить границы каждой такой отрасли дѣло настолько же трудное, насколько необходимое,—безъ этого самый объемъ изучаемой нами дипломатики былъ бы неясенъ.

Прежде всего надо отмѣтить, что въ дипломатику входитъ какъ составная часть палеографія, въ смыслѣ науки объ особенностяхъ письма и матеріалѣ, употреблявшемся для написанія историческихъ памятниковъ. Какъ въ Западно-Европейской, такъ и въ Русской Дипломатикѣ грань между палеографіей дипломатической и палеографіей вообще—проходитъ довольно опредѣленно. Дипломатика не касается палеографіи памятниковъ повѣствовательныхъ, литературныхъ и т. д.; занимаясь историческими источниками документальнаго характера, она кромѣ общепалеографическаго изученія особенностей письма разсматриваетъ подписи, скрѣпы, справы, помѣты и всякіе „signes de validation“ этого рода памятниковъ. Въ палеографіи документовъ многое своеобразно, одна изъ главныхъ особенностей—склонность въ почеркѣ къ новшествамъ и быстротѣ письма (отсюда болѣе раннее и общее употребленіе скорописи, чѣмъ въ книгахъ). Въ папской дипломатикѣ существуетъ очень искусственное, выдуманное и (надо сказать) очень некрасивое письмо „scrittura bollatica“ а въ обычномъ письмѣ употреблялись намѣренно разныя лигатуры, указывавшія на различную важность того или другого документа. Такое же вычурное, можно сказать, изображенное письмо мы видимъ и въ позднихъ Испанскихъ документахъ. Помѣты и монограммы—труднѣйшая и весьма существенная часть палеографіи дипломатической не касается палеографіи вообще. Къ дипломатической палеографіи принадлежитъ и изученіе автографическихъ подписей, столь разнообразныхъ, столь трудно поддающихся пріуроченію къ палеографическимъ правиламъ. Изученіе автографовъ можетъ быть даже выдѣлено особо, такъ какъ оно связано съ опредѣленіемъ характера историческихъ лицъ съ одной стороны и съ вопросами объ образованности общества съ другой.

Наблюденія надъ актами, съ точки зрѣнія изученія подписей, дали уже богатые результаты. Такъ, недавно были разрушены легенды о безграмотности царя Бориса Годунова и патріарха Іоакима Савелова.

Общей палеографіи приходится много заниматься заставками, заглавными буквами и вообще богатой и разнообразной орнаментикой рукописей. Въ этомъ отношеніи палеографія дипломатическая, бѣдная орнаментомъ грамотъ, должна свои выводы провѣрять по даннымъ палеографіи общей.

Не менѣе существенную часть дипломатики составляетъ хронологія, какъ наука о лѣтосчисленіяхъ, эрахъ и календаряхъ, дающая возможность правильно оріентироваться въ хронологическомъ опредѣленіи актовъ. Важность подробнѣйшихъ хронологическихъ изысканій поразительно очевидна особенно въ дипломатикѣ Западной Европы, гдѣ въ средніе вѣка господствовало чрезвычайное и до сихъ поръ не вполнѣ выясненное разнообразіе въ лѣтосчислительныхъ указаніяхъ: начало года помѣчалось въ разные дни не только въ разныхъ странахъ, но иногда и въ двухъ городахъ, лежавшихъ почти рядомъ. При этомъ «стили» нерѣдко мѣнялись, о чемъ не заботились помѣчать при хронологическомъ указаніи на время написанія документа.

Въ цѣломъ своемъ объемѣ входитъ въ дипломатику ученіе о печатяхъ—сфрагистика или, иначе, сигиллографія. Исключеніе долженъ составить только тотъ спорный отдѣлъ сфрагистики, какъ самостоятельнаго знанія, гдѣ печати разсматриваются, какъ памятники исторіи искусства. Въ русской дипломатикѣ сфрагистика должна играть весьма видную роль, и нельзя не пожалѣть, что это поле остается до сихъ поръ невоздѣланнымъ.

Вопросъ о томъ, является-ли архивовѣдѣніе самостоятельною отраслью историческаго знанія—долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Исторія архивовъ и библіотекъ, какъ мѣстъ, въ которыхъ хранились и хранятся документы, подлежащіе дипломатическому изученію, входитъ въ дипломатику, какъ ея составная часть, но изученіе возможно лучшаго устройства архивовъ, изслѣдованіе и критика различныхъ системъ расположенія и храненія документальныхъ источниковъ, выясненіе задачъ дѣятельности ученаго архивиста—это предметъ архивовѣдѣнія, какъ самостоятельнаго знанія.

Тѣсную связь имѣетъ дипломатика съ исторіей права въ

томъ отдѣлѣ, гдѣ она изучаетъ лица и учрежденія, изъ которыхъ проистекали акты. Изслѣдованіе канцелярій правительственныхъ учрежденій, учрежденій судебныхъ и административныхъ, какъ центральныхъ, такъ и провинціальныхъ, должно быть представлено съ большою подробностью. Въ детальныхъ изслѣдованіяхъ по вопросу о такихъ мелочахъ, какъ столы, повытья, подьячіе, писцы и т. д., пожалуй, и можно найти неуловимую границу между изысканіями историко-правовыми и дипломатическими, которыя совмѣщаютъ въ себѣ и элементы бытовой картины, освѣщающей появленіе того или другого акта.

Таковы основные отдѣлы дипломатики, но, кромѣ того, она соприкасается съ цѣлымъ рядомъ наукъ и вспомогательныхъ знаній, пользуясь для своихъ цѣлей результатами, добытыми при ихъ разработкѣ. На первомъ мѣстѣ надо указать на языкознаніе. Изслѣдованія о языкѣ грамотъ и актовъ имѣютъ высокую цѣнность для дипломатики, но требуютъ спеціальной филологической подготовки постояннаго сравнительнаго изученія памятниковъ языка вообще, почему и составляютъ лишь частный отдѣлъ науки о языкѣ, выводами разработки котораго дипломатисту или архивисту и надо пользоваться въ должной полнотѣ.

Такъ, изданіе древнѣйшихъ грамотъ должно быть поручаемо спеціалистамъ, филологамъ: особенности языка нерѣдко ускользаютъ отъ вниманія издателя-историка, который иногда дурное разночтенье можетъ предпочесть правильному и древнѣйшему, но сохранившемуся въ позднемъ спискѣ. Хорошій примѣръ филологическаго изданія грамотъ далъ А. А. Шахматовъ въ юношеской работѣ своей «Новгородскія грамоты».

Разительнымъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ спорнымъ примѣромъ того, какъ лингвистическая критика въ состояніи исправлять историческіе тексты, служитъ договоръ Святослава съ Греками. Въ сохранившихся спискахъ этой грамоты читается: «и хочю имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякымъ и великимъ царемь Грѣцькимъ»... (Ипат. Лѣт., стр. 47). Для непонятнаго «всякымъ» И. И. Срезневскій предложилъ объясненіе, какъ слѣдъ дурного прочтенія глаголицы: вмѣсто «съ Иваномъ великимъ царемь»—лѣтописецъ прочелъ «съ всякымъ великимъ царемь», смѣшавъ нѣсколько схожихъ въ глаголическомъ алфавитѣ буквъ.

Въ такой же мѣрѣ изученіе дипломатики требуетъ знакомства съ современнымъ состояніемъ Геральдика, Генеалогіи,

Археологіи, Нумизматики, Метрологіи, Исторической Географіи и др. отраслей историческаго вѣдѣнія.

Та высокая степень развитія, которой достигла разработка дипломатики западно-европейской, немимуемо заставляетъ насъ вести изученіе русской дипломатики въ связи и сравнительно съ западной.

Самая исторія изученія дипломатики на Западѣ поучительна для насъ въ томъ отношеніи, что и намъ, повидимому, предстоитъ пережить многое изъ того, что тамъ уже пережито. Такова, напримѣръ, и исторія Парижской Ecole des chartes сравнительно съ исторіей нашего Археологическаго Института, который постепенно расширяетъ кругъ дѣйствій и неуклонно идетъ по пути процвѣтанія, вызывая все большій и большій интересъ къ себѣ въ средѣ русскаго образованнаго общества.

Обзоръ исторіи дипломатики.

Обозрѣвая исторію дипломатики и ученые труды, ея касающіеся, мы должны обратить вниманіе на два рода изданій— теоретическіе этюды по дипломатикѣ, какъ наукѣ, и сборники дипломатическихъ матеріаловъ, на которыхъ и зиждутся труды перваго рода.

Исторію изученія дипломатики нельзя начинать со времени появленія спеціальнаго трактата по этой наукѣ. Спеціальнымъ трудамъ всегда предшествуютъ отдѣльные критическіе опыты и замѣчанія, изъ которыхъ постепенно и выясняется объемъ и методъ вновь возникающей отрасли знанія.

Историки и хроникеры пользовались архивными актами. начиная съ глубокой древности. Какъ примѣры, достаточно указать на лѣтопись Нестора, гдѣ записаны цѣликомъ договоры съ Греками, на Григорія Турскаго, у котораго въ текстѣ внесенъ подобный же актъ—Traité d'Andelot. Въ IX столѣтіи неизвѣстный по имени монахъ, написавшій «Gesta Dagoberti», составилъ этотъ трудъ почти исключительно на основаніи архивныхъ документовъ извѣстнаго аббатства Сенъ-Дени.

Императоръ Людовикъ Благочестивый, поручая аббату Гильдуину составленіе книги о св. Діонисіи, рекомендовалъ ему, въ качествѣ источниковъ, не только греческія и латинскія книги, но также и документы, хранящіеся въ аббатствѣ («...nec non et illis quae in tomis vel chartis vetustissimis armarii Parisiacae ecclesiae, sacrae. videlicet, sedis suae, pralatis inveneras... in corpus unum redigas»—монахъ не воспользовался императорскимъ совѣтомъ).

Критическое отношеніе къ актамъ появилось также весьма рано. Въ 590 г. королю Хильдеберту епископъ Реймса представилъ грамоту, которая королевскимъ рефендаріемъ была

признана подложной. Грамотъ «ложныя», «составныя» умѣли опредѣлить и въ старой Руси. Въ самомъ началѣ XIV столѣтія доминиканецъ Бернаръ Гюй (Gui) разбираетъ (по поводу одного хронологическаго вопроса, касавшагося св. Августина) грамоту Лиможскаго епископа, какъ умѣлый дипломатистъ.

Какъ и въ Западной Европѣ, въ старой Руси критическое отношеніе къ актамъ должно было вырабатываться на практической почвѣ. И русскіе дѣльцы, повидимому, не клали «охулки на руку», поддѣлки появлялись тамъ, гдѣ менѣе всего можно было бы ожидать. Въ 1488 г. скончался братъ великаго князя Ивана III—Андрей Васильевичъ Вологодскій. Оказалось, что послѣ его смерти были поддѣланы грамоты отъ его имени, и лѣтописецъ записалъ: «Тое же зимы архимандрита Чюдовского били въ торгу кнутьемъ, и Ухтомского князя, и Хомутова, про то, что сдѣлали грамоту на землю послѣ княжи Ондрѣевы смерти Васильевича Вологодского, рекши: далъ къ монастырю на Каменное къ Спасу».

Чтобы ознакомить васъ съ процессомъ опредѣленія ложныхъ грамотъ, я прочту вамъ одно неизданное дѣло, относящееся ко времени царя Ивана Грознаго, именно къ 1565 и 1566 годамъ [1]). По нему можно судить о тогдашней дипломатической критикѣ и о тѣхъ данныхъ, на которыя мы должны обратить особое вниманіе.

«Списокъ съ правой грамоты»:

Сий судъ судилъ митрополичъ бояринъ Третьякъ Семеновичъ Ѳомина да митрополичъ же бояринъ московской намѣсникъ Мисюрь Ивановичъ Дроздовъ. Тягался Субота Васильевъ сынъ Стромиловъ и въ сына своего мѣста (sic) Григорьева с Ываномъ Михайловымъ сыномъ Чертова по закладной кабалѣ въ полуторасте рублехъ. И въ кабалѣ пишетъ: «Се ѧзъ Иванъ Михаиловъ сынъ Чертовъ занялъ есми у дяди своего у Суботы у Васильева сына Стромилова да у его сына, а своего брата Григорья, полтора ста рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ отъ Олексѣева дни человѣка Божия на годъ, а въ тѣхъ денгахъ и въ ростъ заложилъ есми у нихъ свое селцо Шилбутово и з деревнями вотчинное, жены своей приданое: деревня Гаврилова, да деревня Занино, да деревня Бученикова, да деревня Овсянникова, да л. 778

---

[1]) Въ сборникѣ актовъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря (за указаніе приношу благодарность уважаемому Н. К. Никольскому, въ довольно неисправной копіи).

деревня Грезино (sic), да деревня Боранова, да деревня Обобурова въ Московскомъ уѣздѣ въ Торокмановѣ стану со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селцу и къ деревнямъ угодье истари потеглу (sic), куды ходилъ топоръ и соха и коса, и лѣсы и луги и зъ болоты съ водами и съ селищи, а ростъ имъ давати по розчету, какъ идетъ въ людехъ, на пять шестой, а поляжетъ сребро по сроце, и мнѣ имъ ростъ дати по тому, а то селцо и зъ деревнями нигдѣ не заложены и не проданы, а гдѣ выляжетъ кобала или купчая или іная кокая крепость ни буди, и мнѣ Ивану то селцо и деревни очищати, а къ Суботе и къ его сыну Григорью по сей кабалѣ денегъ убытка не довести къ нимъ, а платити мнѣ сомаму, а на то послуси князь Дмитрей Федоровичъ Шевыровъ-Обаленской да Павлинъ Микифоровъ сынъ Стромиловъ да Яковъ Осифовъ сынъ Корсакова да Михаило Осифовъ сынъ Корсакова, а кабалу писалъ язъ Иванъ самъ на себя своею рукою лѣта 7069-го. Иванъ велѣлъ князю Дмитрею въ послухи писатся». И противъ кабалы Иванъ отвечалъ, а сказалъ: «тому, господине, Суботе отвечаю, а на немъ мнѣ противъ искати; денегъ, господине, у него полутораста рублевъ не заимывалъ
л. 778 об. и вотчины своей въ закладъ ему не давывалъ и кабалы на себя не давывалъ, ни знаю ни вѣдаю, а рука моя подписана» [1]). И ищея Субота слался на кабалныхъ послуховъ и на дияка, а Иванъ на послухи и на дияка послалъ же ся въ послушество, да билъ челомъ, а сказалъ: была господине, у него на меня запись въ полутурасте рублехъ, моя рука, въ жаловалныхъ грамотахъ: мнѣ было ему грамоты отдати, а ему запись выдать, и онъ, господине, съ тоѣ записи на меня тоѣ кабалу нарядилъ. И ищея Субота сказалъ: «язъ, господине, на него кабалы не наряживалъ и запись на него въ полутурасте рублехъ въ грамотахъ не бывало, а есть у меня запись на него въ грамотахъ въ пятидесят(и) рублехъ, и онъ мнѣ грамотъ не отдалъ, и язъ на немъ хочю и по той записи денги взяти. И бояринъ и намѣстникъ вспросили ответчика Ивана, хто же твою руку подписалъ и мочно ли тебѣ отъ своей руки отписатися и запись въ пятидесятъ рублехъ еси въ грамотахъ тому Суботе давывалъ ли? И Иванъ сказалъ: «запись была у него въ грамотахъ въ полутурасте рублехъ, а въ пятидесятъ рублехъ запись на меня не бывала, да высмотривъ въ кабалѣ руки своей Иванъ сказалъ: рука, господине, моя подписана крѣпко и отписатись мнѣ не

[1]) То-есть, что кабала поддѣлана и лишь „подписана“ подъ его руку.

мочно, дай, господине, срокъ и язъ подпищика учну добывать, а подписывалъ мою руку площедной подъячей Палкою зовутъ Белозерецъ». И бояринъ и намѣстникъ вспросили Ивана: «чей л. 779.
же сынъ Палка и гдѣ онъ живетъ? И Иванъ сказалъ: «того господине, не вѣдою, гдѣ живетъ и чей сынъ, ворует̇ъ ходя, того не вѣдаю, гдѣ живетъ». Да Иванъ же билъ челомъ, а сказалъ: «сыщите, господине, того Суботина воровства—ищетъ на мнѣ по кабалѣ полутораста рублевъ денегъ заемныхъ, а у самого у него нѣтъ живота съ полтретьятцать рублевъ». И Субота сказалъ: «почему, господине, онъ мои животы вѣдаетъ? У меня (у) одного лѣта продадутъ хлѣба на двесте рублевъ». И Иванъ сказалъ: шлюсь, господине, въ томъ въ обыскъ около его верстъ по пяти и пошти на всѣ стороны, что онъ человѣкъ голой. И Субота сказалъ: язъ, господине, шлюсь въ обыскъ, въ послушество, почему хто мои животы вѣдаетъ. И бояринъ и намѣсникъ вспросили ищеи Суботы: взялъ еси у того Ивана вотчину его въ денгахъ въ полутораste рублехъ въ закладъ, а царь государь князь великій уложилъ то въ своемъ приговоре, что вотчины купити и въ закладъ имати, а писати тоѣ куплю и̇ закладъ въ книги у діяковъ въ Помѣстной избѣ и у тебя та вотчина въ книгахъ у діяковъ записана ли? И Субота сказалъ: въ книги, господине, тоѣ вотчины не записалъ есми вѣричя тому своему племяннику по свойству. И Иванъ сказалъ: сыщите, господине, его воровство — язъ ему вотчины не давывалъ и въ л. 779 об.
книги ему не записывалъ. Да подалъ Иванъ на Суботу противъ жалобницу и въ жалобнице пишетъ: «Государю Пресвященному Афонасью митрополиту всеа Русиі бьетъ челомъ холопъ твой государевъ Иванецъ Михаиловъ сынъ Чертова, жалоба мнѣ, государь, на Суботу на Васильева сына Стромилова, на дядю своего, да на его сына на Григорья, дѣелось сего лѣта въ Петрово говейно на другой недѣли въ четвергъ, взяли, государь, у меня конь врыжь пегъ съ седломъ и съ уздою да съ морхи, а седло, государь, бархотно, а морхи червчаты шолковы зъ золотомъ да лысина, а сказываетъ ему, государь, ехати до села Крылатцкого царя и великаго князя и того, государь, мнѣ коня и по ся мѣсто не отдалъ, а цена государь, коню и сѣдлу и морхомъ и узде и лысинѣ дватцать рублевъ съ полтиною. Государь, святый митрополитъ, смилуйся дай на нихъ управу!» И противъ жалобницы Субота и сынъ его Гриша отвечали, а сказали: сего лѣта, господине, у того Ивана коня пѣга съ седломъ и съ уздою и съ морхи не имывали, ни знаемъ ни вѣдаемъ. Да въ томъ

межъ собя обо(и) исцы имались за кресное целованье да за поле. И бояринъ и намѣстникъ вспросили ищеи Ивана: сверхъ поля чемъ его уличаешь и память еси на него и на сына его въ томъ конѣ или отпись взялъ ли? И Иванъ сказалъ: памяти, госпо-
л. 780. дине, и отписи язъ на нихъ не взялъ, что мнѣ свои, а сверхъ того шлюсь на Ивана Волынского, тому Ивану вѣдомо, что у меня тотъ Субота и сынъ его конь взяли. И Субота и сынъ его Гриша сказали: мы, господине, на Ивана шлемся въ томъ изъ виноватыхъ, что есмя у того Ивана сего лѣта коня пѣгово не имывали. И бояринъ и намѣстникъ срокъ Ивану дали подпищика добывати на две недѣли Марта съ 23-го числа. И Апрѣля въ 15 день передъ бояры Обрютою да Третьякомъ Семеновичи да передъ намѣсникомъ Мисюремъ Ивановичемъ недѣлщикъ Семенъ Мяхкова обоихъ исцовъ Суботу и Ивана поставилъ. И Субота положилъ зарядную запись въ пятидесятъ рублехъ въ жаловалныхъ грамотахъ. И въ записи пишетъ: «се язъ Иванъ Михаиловъ сынъ Чертова взялъ есми у дяди своего Суботы Васильева сына Стромилова, да у его сына, а у своего брата у Григорья грамоты жаловалные его дѣда, а нашего прадѣда Михаила Олексѣевича Черта Стромилова — Звенигородъ данъ въ кормленье зъ боярскимъ судомъ, пожаловалъ князь великій Василей Васильевичъ всеа Русіи, да другая грамота Звенигородцкоя жъ Звенигородъ данъ въ путь, а въ грамоте пишетца: «се язъ князь великій Василей Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми боярина своего и великие княгини и казначея Михаила Олексѣевича Черта Стромилова Звенигородъ въ пут(ь)», а класти мнѣ те грамоты передъ царемъ государемъ великимъ княземъ и бивъ мнѣ челомъ государю да отдат(и) опятъ дяди своему Суботе да его сыну, а своему брату Григорью, те грамоты на Семенъ день Лѣтапровотца семьдесятнаго (7070) году впредъ на соблюденье, а мнѣ Ивану у Суботы и у Григорья тѣхъ грамотъ не оттягивати, ни царю государю великому князю не бивать челомъ, ни бояромъ, а отдати мнѣ грамоты безъ тяжбы и безъ челобитья, а учну язъ Иванъ бити челомъ на Суботу и на его сына о приставе и грамоты стану затягиват которою хитростью ни буди или тѣ грамоты отдамъ мимо себя искат роду своему дядемъ своимъ или братьемъ въ родстве своемъ Стромиловымъ или Чертовымъ или Щибринымъ, или мимо меня станутъ искать. и станутъ волочит и грамотъ на срокъ не отдамъ на Семенъ день, ино на мнѣ на Иванѣ Суботе и сыну его взяти по сей записи пятдесятъ рублевъ, а на то послуси—князь Дмитрей

Ѳедоровичъ Шевыровъ-Обаленской да Павлинъ Микиѳоровъ сынъ Стромилова да Яковъ Осиѳовъ сынъ Карсакова, да Михайло Осифовъ сынъ Карсакова, а кабалу писалъ язъ Иванъ самъ на себя своею рукою лѣта 7069 го. Иванъ велѣлъ князю Дмитрею л. 781.
въ послухи писатся». И какъ запись вычли и Иванъ Чертовъ высмотривъ записи и руки своей да сказалъ: «такову, господине, язъ запись Суботе далъ и писмо та запись моя рука прямая, а наряжалъ съ тоѣ записи на меня Субота кабалу въ полуторасте рублехъ». И Субота сказалъ: «язъ, господине, кабалы на него не наряживалъ, кабала у меня на него закладная въ вотчине, а та запись въ грамотахъ. Сыщите, господине, его и моего воровства, да виноватого государь не пощади, а прежъ сего, господине, онъ передъ вами и тоѣ записи не сказывалъ на себя, а нынѣ такаетъ по ней. О томъ ведаетъ Богъ на вы». И Иванъ сказалъ: «язъ грамотъ его не запираюсь, которые по той записи написаны, а на срокъ есми ему ихъ отдовалъ, и онъ у меня не взялъ, а хотя меня тою записью продати». Да положилъ Иванъ две грамоты государевы великого князя Василья Васильевича всеа Русіі жаловалные ветхи и честь ихъ нельзя. И въ грамотахъ пишетъ. И какъ грамоты вычли, и Субота, высмотривъ грамотъ, сказалъ: «грамоты, господине, тѣ, а печати у нихъ порчены, тѣ обе печати на шелку, а язъ шлюсь на всѣ великого князя Васильевы старые грамоты, что у нихъ печати на нитехъ на бѣлыхъ, а не на шелку, и на срокъ мнѣ ихъ по той записи Иванъ не давывалъ, язъ на немъ по той записи ищу л. 781 об.
за ряды пятидесят(ъ) рублевъ».

Мы находимъ здѣсь драгоцѣнное дипломатическое (сфрагистическое) указаніе относительно вислыхъ печатей у древнѣйшихъ жалованныхъ грамотъ.

«Иванъ сказалъ, что тѣ грамоты и печати взялъ онъ у Суботы таковы, кои нынѣ положены, да въ томъ межъ себя имался за поле. И бояре и намѣстникъ велѣли по кабалѣ правду поставити. И Мая въ 11 день передъ—бояры Обрютою да Третьякомъ Семеновичи да передъ намѣсникомъ Мисюремъ Ивановичемъ недѣльщикъ Семенъ Мяхкова обоихъ исцовъ Суботу, Ивана и правду кабалную послуховъ Якова да Михаила Корсаковыхъ поставилъ, а про князя Дмитрея Шевырова да про Павлина Стромилова недѣлщикъ сказалъ, что ихъ въ животе не стало. І бояре велели передъ послухи кабалу чести і какъ вычли кабалу и послухи Яковъ да Михайло, высмотря на кабалѣ рукъ своихъ, сказали: «въ той, господине, кабалѣ мы послухи і руки у нѣе наши,

а билъ намъ челомъ въ послухи писатись Иванъ Михаиловъ [1]) сынъ Чертова и тое кабалу писалъ онъ своею рукою». И Иванъ Чертовъ съ послухи съ Яковомъ і съ Михаиломъ просилъ въ томъ крестьного целованья да поля, а они съ нимъ за крестьное целованье і за поля імались же, да Яковъ же да
л. 782. Михаило били челомъ, а сказали: «лжывитъ, господине, тотъ Иванъ свою руку і наши послуховы княжъ Дмитрееву Θедоровича Шевырова Оболенского і наши, і вы, господине, сыщите тѣ княжъ Дмитреевою рукою мертвою, дайтѣ, господине, срокъ і мы княжъ Дмитреевыхъ рукъ добудемъ, а есть, господине, рука его у дву кабалъ у закладныхъ, видѣли есмя, приносили ихъ во государеве въ опале діаку Андрѣю Щелкалову: кабала закладная во сте двацати рубляхъ у Юрья у Неверова, а другая у Лукьяна у Олексѣева въ двацати рубляхъ, а нынѣ обѣ у Лукьяна; велите, господине, Лукьяна поставити, і тѣ кабалы на свидѣтельство велите ему положити». И Иванъ Чертовъ противъ тѣхъ рѣчей не говорилъ ничего. И Маия 18 день передъ бояры Обрютаю да Третьякомъ Семеновичи да передъ Мисюремъ Ивановичемъ билъ челомъ Иванъ Чертовъ, а Субота тутожъ былъ. И сказалъ Иванъ: «сказалъ есми, господине, на Суботе коня і въ томъ слалися есмя на правду на Ивана Волынского, і вы бъ, господине, правды ставити не велели, а язъ пошлины ваши плачю, іскалъ есми на Суботе съ серца». І того жъ лѣта Іюля 6 день бояре Обрюта да Третьякъ Семеновичи велели послати къ тюрмамъ память приказщику Басарге Θедорову, чтобъ прислалъ потпищика Палку Бѣлозерца. И тово жъ дни память къ Басарге о подпищикѣ съ недѣлщикомъ съ Тимоθѣемъ Филиповымъ послана такова: «лѣта 7070 третьяго Іюля въ 6 день, память Босарге Федорову: прислати ему къ митрополичимъ бояромъ Обрюте да Третьяку Семеновичемъ съ товарыщы ісъ тюрмы на ссылку подпищика Палку Бѣлозерца, что писалъ на площади, а съ которыми цѣловалники его пришлетъ і бояре его опять отошлютъ къ Басарге съ теми жъ целовалники». Іюля въ 6 день передъ бо(я)ры Обрюту да Третьяка Семеновичевъ да передъ намѣсника Мисюря Ивановича привели ісъ тюрмы подпищика Палку Бѣлозерца тюремной целовалникъ Михалко Дементиевъ да сторожы Васка Неθедовъ да Ганко Θеминъ, а оба исцы іщея Субота і ответчикъ Иванъ і послухи кабалные Яковъ да Михаило Корсаковы тутожъ стоятъ. И бояре и намѣсникъ спросили Палки:

---

[1]) Въ подлинникѣ описка „Яковлевъ".

знаѣш ли тѣхъ людей, которые передъ нами стоятъ, и въ каковѣ еси дѣли кажненъ і въ тюрму посаженъ? И Палка сказалъ: «техъ, господине, людей всехъ не знаю, а кажненъ есми і въ тюрму посаженъ въ церковъной татбѣ: укралъ есми ізъ церкви Николы Чюдотворца въ Бѣлозерскомъ уѣзде въ Волоховѣ два пролога і попъ Иванъ тое церкви на меня тое тадбу доводилъ і прологи у меня выняли, да въ томъ меня казнили і въ тюрму посадили, а тому двадцать лѣтъ бѣзъ году [1]), а судили меня на Болшемъ Дворце Иванъ Хабаровъ да діаки были Обрюта Мишуринъ да Захарей Панѳиловъ, а подъячѣі былъ Семенъ Стародубовъ». І ответчикъ Иванъ Чертовъ сказалъ: «кажненъ, господине, тотъ Палка (въ) подписке, а не въ церковной татбѣ, сыщите, господине, деломъ, где онъ сyженъ, а мою руку, господине, подписывалъ онъ, а Субота съ нимъ же въ тюрмѣ седелъ». И Субота сказалъ: «язъ, господине, того Палки не знаю, а въ тюрмѣ есми съ тѣмъ Палкою вмѣсте не сиживалъ, а билъ есми челомъ царю государю и великому князю о кормлѣнье и докуки моей было государю много і про то меня въ опалную тюрму не одиножды посылывали, пятья й шестья, да таки если у государя кормленья добился: а воровства за мною не бывало ни которого. Велитѣ, господине, тому Ивану на меня воровство довести, о томъ ведаетъ Богъ да государь». И бояре велѣли передъ подпищикомъ кабалу честн, по которой Субота на Иване искалъ полутораста рублевъ и, выслушавъ кабалу, вспросили Палки: въ той еси кабалѣ Иванову руку подписывал ли? И Палка, высмотря кабалы, сказалъ: «язъ, господине. Ивановы руки не подписывалъ и тѣмъ не промышляю, въ чемъ есми Богу и государю повиненъ, въ томъ и животъ свой мучю, въ татбѣ, а не въ подписке, въ томъ, господине, и на дѣла шлюсь». И Иванъ Чертовъ просилъ въ томъ съ Палкою крестнаго целованья и поле, да просилъ въ томъ Палку на пытку. И Палка с Ываномъ за кресное целованье и за поле имал же ся. И бояре и намѣстникъ вспросили Ивана Чертова: «у ково жъ тотъ Палка прежъ сего руки подписывалъ»? И Иванъ сказалъ: «шлюсь, господине, на дѣло, что онъ кажненъ въ подписке, да и нынѣ. господине, тотъ Палка лѣвою рукою пишетъ книги». И Палка сказалъ: «того, господине, не запираюсь, книги морокую отъ нужи, тѣмъ кормлюсь, а рукъ не подписываю». И бояре и намѣсникъ велѣли послати на Большой Дворецъ къ боярину Ивану

л. 783 об.

[1]) Значитъ Палка былъ площаднымъ подъячимъ въ 1546 году. Указаніе очень цѣнное.

л. 784. Яковлевичу Чеботову память, чтобы велѣлъ доискатись и выписать въ чемъ тотъ Палка кажненъ и въ тюрму посаженъ. И послана о томъ на Дворецъ память съ недѣльщикомъ съ Тимоѳѣемъ Филиповымъ Июля въ 9 такова: «лѣта 7070 третьяго Июля въ 9 день память цареву и великаго князя боярину Ивану Яковличю Чеботову—велѣти ему доискатись въ судныхъ дѣлехъ въ старыхъ и выписати, въ чемъ площедной подъячей Палка Белозерецъ кажненъ и въ тюрму посаженъ, въ подписке ли или въ церковной татбе; а сказалъ тотъ Палка, посаженъ въ тюрьму въ церковной татьбѣ, а доводилъ де на него татбу изъ Белозерского уѣзда изъ Волохова Никольской попъ Иванъ, а судилъ деи то дѣло Иванъ Хабаровъ, а диаки были Обрюта Мишуринъ да Захарьи Панфиловъ, а подъячей Семенъ Стародубовъ, тому дватцать лѣтъ безъ году. И Ивану Яковличю выпись велѣти прислати къ митрополичимъ бояромъ Обрюте да Третьяку Семеновичемъ Ѳомина за диячею приписью часа того на ссылку, за тѣмъ великое дѣло не вершитца». И тово жъ дни бояромъ Обрюте да Третьяку недѣльщикъ Тимоѳей сказалъ, что онъ память боярину Ивану Яковличю отнесъ. И Иванъ деи, выслушевъ память, отказалъ, боярина деи, которой судилъ нѣтъ, а дияки померли, а дела де старые все погорели. Іюля въ 13 день о томъ же послано къ боярину Ивану Яковлевичю другая память съ недѣльщикомъ съ Ываномъ съ Филиповымъ такова жъ, какова прежъ сего послана. И тово жъ дни бояромъ Обрюте да Третьяку Семеновичемъ недѣльщикъ Иванъ Филиповъ сказалъ, что онъ съ памятью къ боярину Ивану Яковличю ходилъ, Иванъ деи и діакъ Иванъ Никиѳоровъ отказали, что дела старые все погорели. Іюля въ 21 день о томъ же делѣ послана къ боярину Ивану Яковличю третья память, какъ и прежние посыланы, съ пересудчикомъ съ Сенкою съ Мяхкимъ и Иванъ де Яковличь и діаки пересудчику отказали тое жъ речи, и что недѣльщикомъ отказывали, дела де старые погорели все.

И лѣта 7070 третьяго Августа въ 27 день сей списокъ передъ господиномъ Афонасьемъ митрополитомъ всеа Русиі чьтенъ и обои исцы передъ господиномъ стояли і сказали: «судъ имъ былъ таковъ, какъ въ семъ спискѣ писано». И Августа въ [2]9 (sic) день сего лѣта бояре Обрюта да Третьякъ Семеновичи Ѳомина и намѣсникъ Мисюрь Ивановичъ Дроздовъ слушали и при-
л. 785. говорили: ищею Суботу Стромилова оправити, а отвѣтчика Ивана Михайлова сына Чертова обвинити, потому искалъ на немъ Субота полутораста рублевъ по закладной кабалѣ его руки, и онъ отвечалъ, а сказалъ: денегъ у Суботы не заимывалъ и кабалы

на себя не давывалъ и вотчины не закладывалъ, а рука его подписана, а есть на него, сказалъ, у Суботы запись въ великого князя Васильевыхъ жаловалныхъ грамотахъ въ полуторасте рублехъ и онъ съ тоѣ записи кабалу нарядилъ и руку подписал. И ищея Субота сказалъ: въ грамотахъ въ жаловалныхъ великого князя Василья на того Ивана есть у него запись въ пятидесятъ рублехъ, а въ полуторасте рублехъ у него на Ивана записи нѣтъ и тоѣ кабалы на него не наряживалъ и руку его не подписывалъ. Да какъ Субота въ пятидесятъ рублехъ на Ивана въ грамотахъ положилъ, и Иванъ и грамоты жаловалные положилъ, а тоѣ записи въ пятидесятъ рублехъ не лживилъ, а сказалъ: та запись его рука, а послухи въ ней тѣжъ, которые въ кабалѣ и рука Иванова и послуховы у тоѣ записи съ кабалою сошлись: одно писмо Иваново и послуховы, а прежъ того Иванъ тоѣ записи въ пятидесятъ рублехъ у Суботы не сказывалъ, доколѣ еѣ Субота не положилъ. Да и потому: и Иванъ же искалъ на Суботе съ сыномъ противъ, не сходя съ суда, коня съ седломъ и съ уздою, а цена ему дватцать рублевъ съ рублемъ. И Субота и въ сына своего мѣсто отвечалъ, а сказалъ: такова коня у Ивана не имывалъ да въ томъ межъ себя имались за крестьное цѣлованья да за поле, а сверхъ поля Иванъ слался на Ивана на Волынского въ томъ, что у него Субота тотъ конь взялъ. И Субота на его правду слался изъ виноватыхъ, и Иванъ не дожидаясь правды своей да сказалъ, что того коня искалъ на Суботѣ съ серца, и въ томъ бы правды его не ставили. А сверхъ того бояре и намѣсникъ велѣли съ тѣмъ дѣломъ итти къ Борису Ивановичю Сукину діаку Ильѣ Царегородцову, что въ томъ дѣле Борисъ приговоритъ. Августа въ 3 (день) съ семъ дѣломъ къ Борису Ивановичю диякъ Илья Царегородцовъ ходилъ, и Борисъ, выслушевъ дѣло, да приговорилъ по тому жъ, какъ и бояре Обрюта да Третьякъ приговорили, ищею Суботу оправилъ, а отвѣтчика Ивана обвинилъ: тѣжъ ему вины сказалъ, что и бояре.

И лѣта 7070 четвертаго Сеньтебря въ 14 день по сему приговору обоимъ исцемъ правда и вина сказана и велено на отвѣтчике на Ивана Михаилове сыне Чертова исцовъ искъ Суботинъ полтораста рублевъ по кабалѣ да ростъ въ полы на четыре годы шездесятъ рублевъ, правити недѣлщику Ивану Филипову и выпись ему дана такова: «лѣта 7074 го Сентебря въ 21 день память недѣлщику Ивану Филипову: доправити ему на ответчике на Иване Михайлове сыне Чертова исцевъ искъ Суботы л. 78б.

Стромилова и его сына Григорья по кабалѣ полтораста рублевъ да росту на четыре годы въ полы шездесятъ рублевъ и боярские пошлины съ того иску по гривне съ рубля, а доправя ему тѣ денги отдати Суботе передъ бояры и пошлины принести къ бояромъ же и на дѣле записати». И стоялъ Иванъ на правеже мѣсецъ, а Субота съѣхалъ съ Москвы. И лѣта 7074 го Генваря въ 15 день Субота передъ бояры Обрютаю да Третьякомъ Семѣновичи Фомина сталъ и билъ челомъ, чтобы его искъ на Иване доправили, и бояре тово жъ дни велѣли Ивана поставити часа того. И Генваря во 18 день недѣльщикъ Иванъ Филиповъ передъ бояры Обрютою да Третьякомъ Семеновичи Ивана Михаилова поставилъ болнаго, а Субота Стромиловъ туто жъ былъ. И бояре вспросили Ивана, стоялъ еси на правеже мѣсяцъ и после того Субота съ Москвы съѣжъжалъ и нынѣ тебѣ
л. 786 об. мочно ли Суботе денги искъ его по закладной кабалѣ полтораста рублевъ да въ полы росту шездесятъ рублевъ заплатить и переводъ по тебѣ въ тѣхъ денгахъ есть ли, и мы тебѣ срокъ дадимъ. И Иванъ сказалъ: «по грѣхомъ есми, господине, боленъ и невистенъ (sic) и денегъ мнѣ взяти нѣгде, а переводу по мнѣ въ тѣхъ денгахъ нѣтъ же, и язъ, господине, Суботе и сыну его Григорью сступаюсь по закладной кабалѣ, что у васъ въ судѣ за ихъ денги за полтораста рублевъ да за ростъ за шездесятъ рублевъ жены своей Агрофѣнины приданые вотчины селцо Шилбутово зъ деревнями да и руку, господине, къ своей скаске въ жены своей мѣсто приложу, что мнѣ и женѣ моей Огрофѣне и дѣтемъ нашимъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ, отступилися есмя еѣ Суботе и сыну его Григорью впрокъ безъ выкупа, емлите себѣ они вотчину». И Субота сказалъ: «язъ господине, и сынъ мой вотчину возмемъ, дайте намъ на ту вотчину правую грамоту, а еще мнѣ на Иване искать своего безчестья». И бояре велѣли Ивану Чертову къ тѣмъ рѣчемъ руку приложить, что онъ жены своей приданые вотчины отступился.
л. 787. И Иванъ тово жъ часу къ своей скаске руку приложилъ. И тово жъ лѣта 7074-го Апрѣля въ 3 день бояринъ Третьякъ Семеновичъ Ѳоминъ да Мисюрь Ивановичъ Дроздовъ Суботе и сыну его Григорью на Ивана Чертова сю правую грамоту дали за дячми приписми Ильи Церегородцева да Никиты Аксентьева и печати свои къ сей правой грамоте приложили, а на судѣ у бояръ были митрополичи жъ дѣти боярские Григорей Кузминъ сынъ Болтинъ да Володимеръ Васильевъ сынъ Григоровъ, а подписалъ дiѳкъ Илья Царегородцовъ.

Позади правой грамоты на ставехъ пишетъ: припись дьяка Никиты Парфеньева» [1]).

Такимъ образомъ, грамоты, повергшіяся подозрѣнію въ неподлинности, были признаны настоящими. Фальшивыхъ документовъ мы не нашли, но процессъ опредѣленія подлинности актовъ проходитъ передъ нами во всей подробности, рядомъ съ яркой исторической и бытовой картиной. Поразительно типичны Суббота Стромиловъ, шесть разъ сидѣвшій въ тюрьмѣ за докуку царю и все-таки добившійся кормленія, и подьячій Палка, по страсти къ книгамъ стянувшій два Пролога и въ тюрьмѣ (гдѣ сидѣлъ уже 19 лѣтъ) продолжавшій списывать книги правой и лѣвой рукой.

Во время разныхъ перипетій этого спора, когда одни ссылались на другихъ, записано нѣсколько любопытныхъ, мелкихъ черточекъ, касавшихся тогдашней дипломатики.

Онѣ вскрываютъ цѣлый процессъ храненія документовъ: всѣ документы должны были записываться, для вѣрности, въ книгѣ особыми дьяками и хранились въ ларяхъ, называвшихся по имени дьяковъ: ларь съ книгами такого-то дьяка. Это любопытное указаніе относительно того, какъ функціонировали приказы. Это время наидревнѣйшее и свѣдѣній о немъ мы имѣемъ очень мало. Къ сожалѣнію, надо сказать, что ни одна изъ этихъ книгъ, за весь XVI в., не сохранилась, а относительно сфрагистики, между прочимъ, записано замѣчаніе, въ высшей степени любопытное для насъ: «грамоты, господине, тѣ, а печати порченыя»... Такимъ образомъ, мы видимъ дипломатическій признакъ, что жалованныя грамоты XV в. не имѣли такого вида, который онѣ имѣли въ XVI в.: не имѣли красной печати, а имѣли маленькія печати на бѣлыхъ нитяхъ. Это замѣчаніе интересно тѣмъ, что такое отношеніе къ подлинности грамотъ существовало въ XVI столѣтіи и грамоты были признаны подложными.

Едва-ли не первымъ дипломатистомъ является хранитель Государственнаго Архива Франціи при королѣ Карлѣ V (р. въ 1337 г., нач. царств. 1356 (1364), ум. 1380)—Жераръ де-Монтэгю (Gérard de Montaigu), умершій въ 1391 году.

---

[1]) Субота Стромиловъ, получивъ правую грамоту, немедленно продалъ Шилбутово въ томъ же 7074 году Ивану Васильевичу Большому Шереметеву, который въ 7077 году далъ это село вкладомъ по душѣ сына Еремѣя въ Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь.

Онъ оставилъ небольшой сборникъ замѣчаній объ актахъ, который доказываетъ, что авторъ глубоко проникалъ уже въ сущность дипломатической критики [1]). Почти въ то же время, именно въ 1361 году, знаменитый Франческо Петрарка, въ письмѣ къ императору Карлу IV, опровергъ достовѣрность вымышленныхъ привилегій Юлія Цезаря и Нерона («de falsitate privilegii Austriam ab imperio eximentis», см. Rerum senilium, Lib. XV, epistol. V. Издано было впервые въ концѣ XV столѣтія).

Въ Италіи при папской куріи, еще въ XIII столѣтіи (можетъ быть, даже въ концѣ XII—начало ихъ см. Delisle, III, p. 68) составлены были нѣчто въ родѣ дипломатическихъ руководствъ для чиновниковъ канцеляріи, главнымъ образомъ съ цѣлью дать имъ возможность опредѣлять подложные акты (основная точка отправленія, что поддѣлыватели не могли знать всѣхъ разнообразныхъ правилъ и ухищреній въ особенностяхъ письма папскихъ документовъ).

Хроникеръ, родомъ изъ Троппау, умеръ въ Болоньѣ въ 1278 г. только что назначенный епископомъ въ Гнѣзно въ половинѣ XIII столѣтія (Delisle, l. c. p. 48) оставилъ свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ опредѣляли поддѣльность буллъ-пломбъ (въ Summa decreti et decretalium, въ словѣ Falsarius) по точкамъ вокругъ головъ апостоловъ. Это напоминаетъ мнѣ наши 10-рублевыя бумажки; только когда онѣ были изъяты, одинъ чиновникъ разсказывалъ, что въ цифрѣ 10 было нѣсколько линій, которыя составляли число 10, и это позволяло опредѣлять, подложная бумажка или нѣтъ.

Du-Tillet въ Recueil des roys de France ссылается на трудъ Жерара де-Монгэгю: «Mais il m'advint ce que le maistre Girard de Montaigu, secrétaire et trésorier des chartes du roy Charles cinquiesme, escriet en l'épistre luminaire de son repertoire general et registre du dit Trésor cotté par A. A., que aucum ses

---

[1]) Подробно о трудѣ Gérard de Montaigu можно прочесть въ изслѣдованіи H. François Delaborde: „Les inventaires du Présor des chartes dressés par Gerard de Montaiqu“ (Paris, 1900, 4°), въ которомъ указана и вся литература о замѣчательномъ архивистѣ. Исправляетъ онъ и ошибки предшествующихъ ученыхъ, напр., о „Roger“ („Rogero custode“ вмѣсто „regis custodem“), никогда не существовавшемъ якобы предшественникѣ Жерара-де-Монтэгю (предметомъ былъ на самомъ дѣлѣ Vierre Tarfain). О Монтэгю—см. еще Bibl. de l'École des chartes. T. LXI (1900), стр. 11.

antecesseurs au dict office avoient laissé l'oeuvre par eux commencié audict Trésor imparfect [1]).

Въ XIV столѣтіи была уже «liber cancellariae apostolicae», а въ концѣ этого вѣка одинъ изъ папскихъ секретарей (abbreviator), Дитрихъ Ніэмъ (Dietrich von Nieheim)—Theodoricus de Nyem — составилъ маленькое, но совсѣмъ дипломатическаго характера руководство «Stilus palatii abbreviatus» [2]).

Эпоха Возрожденія была первымъ расцвѣтомъ дипломатической критики. Историки, юристы и публицисты этого времени жадно изучали прошедшее классической древности, выработали новые методы изслѣдованія и приложили ихъ къ изученію средневѣкового міра.

Около 1443 года Лаврентій Валла (Lorenzo Valla) страстнымъ тономъ и съ пышной риторикой написалъ брошюру о подложности акта извѣстнаго дара императора Константина Великаго: «De falso credita et ementita donatione Constantini». Эта статья была напечатана Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ въ 1517 г. [3]) и открыла собою цѣлый рядъ критическихъ нападокъ на документы папства.

По другимъ, но неправильнымъ указаніямъ, книжка появилась лишь въ 1520 г. подъ заглавіемъ: «Laur, Val. de dona. Const. iperatoris» (Lugduni, 1520. 4°, 32 лл., см. Graesse, VI. 249; Olschki cat. № L № 1277). Разность въ показаніяхъ зависитъ отъ того, что рѣдчайшее изданіе 1517 г. является какъ бы подпольнымъ (напечатано въ замкѣ Гуттена Штекельбергѣ, безъ означенія времени). Сочиненіе Валлы, очень несовершенное по пріемамъ, но рѣзкое и обличительное, не могло не обратить всеобщаго вниманія. Оно касается и насъ, русскихъ, и критическіе труды покойнаго А. С. Павлова едва-ли не увѣнчали и не завершили литературу вопроса. Въ 1879 г. сочиненіе Валлы было переведено на французскій языкъ Алсидомъ Бонно (Bonneau) и издано въ Парижѣ съ подробнымъ историческимъ

---

1) См. H. François Delaborde: „Note sur une série de registres du trésor des chartes" (Bibl. de L'École des chartes, 1900 (LXI), № 1). Delaborde цитируетъ по изданію 1607 года съ исправленіями орѳографіи, я привелъ цитату по изданію 1586 г. съ полною точностью.

2) Georg Erler: „Der Liber Cancellariae Apostolicae vom Yahre 1380" (Leipzig, 1888, 8°).

3) См. Alcide Bonneau, p. LXXXIII.

вступленіемъ [1]). Бонно крайне строго относится къ папству и обвиняетъ его даже въ такихъ поддѣлкахъ, въ которыхъ оно неповинно, напримѣръ, письмо Авгаря, письмо Пилата къ Тиверію, письмо Лентула и т. д. Но не безъ основанія Бонно отмѣчаетъ, что фальсификаторы-монахи поощрялись примѣромъ свыше, что папы сознательно пользовались поддѣльными актами: «Mais quoi! Ces moines suivaient la plus ancienne tradition de l'Église; l'exemple leur venait de haut, car la plus belle des chartes mensongères est assurément celle qu'avec le temps s'est amassée la Papauté pour asseoir, agrandir ou défendre son pouvoir temporel: Donation de Pepin à Etienne II, Donation de Charlemagne à Leon III, Charte de Louis le Débonnaire, Charte d'Othon I, Testament de Henri VI, trouvé juste à point par Innocent III dans les bagages d'un des generaux de l'Empire, etc. etc. Tous ces actes sont faux nul aujourd'hui ni le conteste»... (p. IX).

Особенно нападаетъ онъ на папу Льва IX, признаннаго святымъ, который, сообщая въ Константинополь текстъ «дара Константина» въ томъ видѣ, какъ онъ заключается въ лжедекреталіяхъ, не постѣснился прибавить, что текстъ извлеченъ изъ собственноручной грамоты императора Константина, положенной на мощи св. Петра: «Pauca ex privilegio ejusdem Constantini manu, cum cruce aurea super coelestis clavigeri venerabile corpus posito, ad medium proferemus» (S. Leonis papae epistola I, см. Bonneau, p. XLVI).

Два вѣка спустя Вольтеръ («Essai sur les moeurs», ch. X) издѣвался надъ тѣмъ, что такая «si ridicule imposture, très digne de Gille et de Pierrot принималась на вѣру въ теченіе вѣковъ, но за сомнѣніе въ подлинности «дара» въ Страсбургѣ, въ XIII столѣтіи сожгли нѣсколько людей живыми, а въ XVI опубликованіе книжки Валлы вызвало цѣлый рядъ опроверженій, правда, яростныхъ, но болѣе или менѣе невѣжественныхъ. Въ книгѣ папскаго канцеляриста Августа Steuchus: «Contra Laurentium Vallam de donatione Constantini» мы находимъ рядъ буллъ и папскихъ писемъ, документовъ весьма цѣнныхъ въ дипломатическомъ отношеніи (между прочимъ одна булла къ князю русскому Дмитрію, въ которой папа Григорій VII извѣщаетъ его,

---

[1]) „La donation de Constantin... par Laurent Valla... traduit en fransasi par Alcide Bonneou" (Paris, 1879, 12°, XCVI, 332). Въ нѣмецкой литературѣ вопросъ о дарѣ Константина вызвалъ диссертацію въ самое послѣднее время (начало 1901 г.).

что русское княженіе онъ по своему праву передалъ сыну его, князя Дмитрія, бывшему на паломничествѣ въ Римѣ).

Лоренцо Валла не былъ единственнымъ гуманистомъ, который касался подложности нѣкоторыхъ документовъ. Современникъ его, знаменитый философъ, теологъ и математикъ (В. еще въ 1436 г. говорилъ объ исправленіи Юліанскихъ календарей), кардиналъ Николай *Кузанскій* (род. 1401 г. въ Cues, около Trèves, кардиналъ въ 1448 г., ум. 11 августа 1464 г. въ Тоди, въ Италіи), также писалъ о ложныхъ псевдо-исидор. декретахъ и дарѣ Константина—«Nicolai de Cusa cardinalis titrili sancti Petri ad Vincula, sententia de donatione Constantini quam scripsit ad Concilium Basiliense de concordantia catholica» (Lib. III, capite II), каковая замѣтка въ XVI столѣтіи перепечатывалась вмѣстѣ съ трудомъ Лоренцо Валла.

Николай Кузанскій кончаетъ словами: «Sunt meo indicio illa (donatio) de Constantino apocrypha».

И св. архіеп. Флорентинскій Антонинъ (Antoninus Torcillioni, 1448—1459) въ историческомъ своемъ трудѣ помѣтилъ: «Tertium dubium est de donatione focta ecclesiae a Constantino, de qua habetur in decretis, distin. 96. Constantinus. Ted illud cap. non habetur in antiquis decretis» (Raphael Volateranus повторилъ это указаніе съ ссылкою на Антонина). Такимъ образомъ, сомнѣніе въ дарѣ Константина было достаточно распространено въ XV столѣтіи.

Древнѣйшими печатными книжками, касающимися дипломатики мы должны указать: 1) «Stilus romane curie», in 4⁰, безъ указанія мѣста печати, но въ Римѣ, въ послѣдней четверти XV в. (несомнѣнно XV в. изданія: а) 10 лл. по 35 строкъ; б) 12 лл. по 30 строкъ; в) 10 лл. по 32 и 33 строки; г) 11 лл.); д) «Regulae, ordinationes et constitutiones cancellariae», I изд. Romae, 1471; 2) S. I. a. et t. (Romae. Planck. 1493?). Hain., 634; 3) «Modus legendi abreviaturas in utroque jure cum aliis tractatibus iuridicis». Древнѣйшее изданіе s. l. a. et typ., но «Argent, Ioa Mentelin, circa 1465 (Hain., 1480), на 227 лл. in folio. Эта книжка выдержала десятки изданій (нѣсколько въ XV вѣкѣ) въ разныхъ городахъ и типографіяхъ; 4) «Tormularium instrumentorum ad usum curiae Romanae» [1])—I изд. in folio въ Римѣ въ ноябрѣ 1474 года (Hain., № 7275); также былъ цѣлый

---

[1]) Еще подъ Taxa, Termini... etc. См. Hain, l. c. (много въ кат. Людв. Розент. № CII).

рядъ переизданій (упомянемъ еще «Formularium Terminorum rotae Romanae» и «Formularium procuratorum»); 5) «Ars notarialis perutilis» (изд. 1515 г. въ Парижѣ и мн. др.), какъ кажется, входила иногда составной частью въ «Modus legendi abreviaturas».

Въ началѣ XVI столѣтія жили тѣ два лица, которыя дали опыты изложенія дипломатики. Королевскій секретарь, «maitre de librairie du roi», Гильомъ Бюде (Budaeus—род. 1467 г. въ Парижѣ, умеръ 1540 г.), «возстановитель знаній греческаго языка», юристъ и филологъ, 1508 году издалъ свои «Annotationes in XXIV libros Pandectarum» (Парижъ. In folio) [1]), изъ которыхъ мы уже приводили опредѣленіе термина «дипломъ», а швейцарецъ Іоахимъ де-Ваттъ (Vadianus, род. 1484 г., умеръ 1551 г.) сочинилъ въ своемъ «Farrago antiquitatum Alamannicarum» трактатъ о грамотахъ въ приложеніи къ изученію древностей. Этотъ трудъ былъ изданъ значительно позднѣе Гольдастомъ (Goldast) въ III томѣ «Scriptores rerum Alamannicarum» (первое изданіе во Франкфуртѣ въ 1616 году in folio).

Этими лицами началось изученіе дипломатики, какъ научнаго знанія, но потребовалось еще цѣлое столѣтіе, чтобы появился настоящій «отецъ дипломатики».

Одной изъ первыхъ попытокъ во Франціи составить нѣчто въ родѣ палеографическаго трактата съ сборникомъ древнихъ почерковъ и притомъ именно дипломатическаго характера является трудъ секретаря короля Карла IX, палеографа *Pierre Hamon* (род. въ началѣ XVI столѣтія, поступилъ секретаремъ въ 1564 году, повѣшенъ, какъ протестантъ, 7 марта 1569 года), который въ 1566—1567 гг., послѣ продолжительныхъ занятій въ архивахъ и библіотекахъ, составилъ «Recueil d'anciennes écritures», хранящійся въ Парижск. Нац. библіотекѣ и описанный *H. Omont* [2]). *Pierre Hamon* въ 1561 г. напечаталъ въ Парижѣ «Alpabet de l'invention des lettres en diverses écritures» [3]) и

[1]) Второе изданіе вышло въ 1535 г. in folio (но есть изданіе и 1524 г.), затѣмъ перепечатано въ 1554 г. и 2 раза въ 1556 г. Это показываетъ важность и распространеніе книги. Ему же принадлежитъ сочиненіе о римскомъ „Asse“ и его частяхъ выдержавшее, начиная съ Парижскаго 1514 г. (in folio), множество изданій.

[2]) „Le recueil d'anciennes écritures de Pierre Hamon“. Bibl. de l'École des Chartes, 1901 (LXII) № 1, pp. 57—73.

[3]) Переизданія въ 1567, 1577, 1580 годахъ.

пользовался *Мабильонъ*, говорящій объ этомъ въ концѣ предисловія къ своему классическому труду. Въ сборникѣ *Hamon* среди снимковъ съ рукописей, напримѣръ, факсимиле нѣсколькихъ строкъ диплома Хильдеберта I и «charte de Chulherta» 720 года изъ патентовъ Людовика Толстого (Louis VI), равенскаго папируса (ложно приписаннаго въ видѣ завѣщанія Юлію Цезарю) и т. д., между прочимъ нѣсколько строкъ съ буллы Александра III.

Pierre Hamon снималъ съ самыхъ разнообразныхъ рукописей и памятниковъ, не только письмо ломбардское, готское и т. п., но даже эпиграфическія надписи «lettres hetrusques, volsques et osques» [1]) и «Alhabet d'Armenge».

Какъ и отмѣтилъ еще *Мабильонъ*, работа P. Hamon рѣзко выдѣляется отъ подобныхъ итальянскихъ трудовъ: «verum isti non alia fere quam recentium scripturam exempla exhibuerant, sed Hamo de congerendis etiam anbiquis sollicitus fuit».

Итальянцы работали болѣе для каллиграфіи и лишь извѣстно сочиненіе «Libro di Giovan batista Palatino nel qual s'insegna a scrivere ogni sorte di lettera antica e moderna» (Roma, Antonio Biado, in 4⁰ (мал.) 1 изд. 1540, лучшее 1545) [2]). Книжку *Palatino* потомъ замѣнилъ трудъ S. Tr. Cresci «Perfetto scrittore (Roma, 1570 2 part in 4 oblong).

Для дипломатической разработки папскаго архива много поработалъ Онофрій *Панвиній* (род. 1530—ум. 1568) [3]) (Коллекціи поступили въ Ватиканъ въ 1592 г.). «Mit Massarello und Panvinio», говоритъ Кэръ, «müsste man eigentlich die Geschichte der päpstlichen Diplomatik beginen».

Они описывали и факсимилировали документы, срисовывали розы и монограммы, изслѣдовали даты, подписи папъ и кардиналовъ.

Angelo *Massarelli* былъ секретарь Тридентскаго Собора и оставилъ послѣ себя палеографическій сборникъ, которымъ

---

[1]) Переизданія 1544, 1547, 1548, 1550, 1553, 1556, 1561, 1566 и все-таки всѣ изданія зачитаны и довольно рѣдки.

[2]) Изъ книги печатной Maffei-Raphael Volateranus „Raphaelis Volaterrani commentariorum urbanorum libri octo et trigiata". M. Raph. Volat. одинъ изъ первыхъ начавшихся изучать эпиграфики.

[3]) О немъ: Davide Aurelio Perini: „Onofrio Panvinio e le sue Opere" (Roma. 1899, 8⁰) съ портретомъ. P. Kehr: „Die Scheden des Panvinius" (въ Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen" Philol. hist Klasse. 1901. № 1).

написалъ его акты, умеръ въ 1566 году епископомъ Телезійскимъ (Telesia—1557—1566). [1]).

Онуфрій *Панвиній* былъ монахъ Августинскаго ордена, родомъ изъ Вероны, знаменитый въ свое время теологъ и историкъ. Онъ далъ толчокъ критикѣ въ разработкѣ исторіи «De Thou disait de lui qu'l était né pour retirer des ténèbres les antiquités romaines et ecclesiastiques. Его дипломатическія работы шире того, что оставилъ Массарелли.

Реформація разбудила средневѣковое общество; на почвѣ вѣры и религіозныхъ сомнѣній, грозящихъ спасенію души, выросла критическая мысль, немедленно обратившаяся на изученіе исторіи. Вмѣсто единичныхъ работниковъ появились сотни; вмѣсто единичныхъ избранниковъ интеллигентнаго класса, стремившихся къ наукѣ, массы общества разнороднаго по образованію и достаткамъ жадно внимали критикамъ-обличителямъ и раскупали безчисленныя полемическія брошюры. Велась война противъ папскаго абсолютизма, а рядомъ съ богословіемъ расцвѣло изученіе греческаго языка и классическихъ писателей, расцвѣла историческая критика, вышли на свѣтъ Божій многочисленные историческіе документы.

Матвѣй Флакъ Франковицъ (Flacius Hliricus) [2]), по происхожденію славянинъ и Магдебургскіе ученые, извѣстные подъ названіемъ «центуріаторовъ», завершили свои труды противъ папства (и главнымъ образомъ лжедекреталій) громаднымъ трудомъ: «Ecclesiastica historica, integram ecclesiae Christi ideam secundum singulas centurias perspicuo ordine complectens (Bâle. 1560—1574. 13 v. in folio).

Это открытое нападеніе на папство вызвало большое исторіографическое движеніе и въ противномъ лагерѣ. Надо сказать, что центуріаторамъ часто не доставало документовъ и это приводило къ ошибкамъ и къ неточностямъ. Отвѣтъ послѣдовалъ изъ самого Рима и при помощи Ватиканскихъ архивовъ. Въ 1578 г. появился въ свѣтъ первый томъ обширной церковной исторіи, составленной извѣстнымъ ученымъ кардиналомъ Цезаремъ Бароніемъ (Baronius) «Annales ecclesiastici a Christo nato

---

[1]) P. Kehr „Die Sammlugen des Angelo Massarelli in San Severino („Nachrichten" v. d. K. G. d. W. zu Göttingen. 1898. № 4, p. 505 и слѣд.).

[2]) Род. 3 марта 1520 г., ум. 11 марта 1575 г. (о немъ книга G. Preger'a, изд. въ Ерлангенѣ 1859—1861), см. также Dr. F. Wegele „Geschichte der deutschen Historiographie" (München, 1885, 8°) стр. 328 и слѣд.

ad annum 1198» (Romae, in folio, 12 vls—1578—1583). Трудъ Баронія, можетъ быть и тенденціозный, является, однако, въ полной мѣрѣ классическимъ. Даже у насъ при Петрѣ Великомъ было переведено и напечатано сокращеніе Анналовъ Баронія (2 тома in folio). Бароній скончался въ 1607 г. и при жизни видѣлъ, что его громадное изданіе перепечатано 4 раза (лучшее изданіе, исправленное авторомъ, вышло въ Майнцѣ, въ 1601—1605 г.г. 12 том. in folio). Анналы Баронія цѣлый кладезь лѣтописный и документальный. Доведенный до 1198 г. трудъ Баронія былъ продолжаемъ въ XVII столѣтіи Одерикомъ Райнальдомъ и Яковомъ Ладеркіемъ съ одной стороны (до 1571 года) и Бзовіемъ (до 1565, менѣе цѣнно) и Spondanus'омъ съ другой (этотъ трудъ также не особенно цѣненъ). Въ половинѣ XVIII столѣтія Ant. Pagius передѣлалъ и дополнилъ индексами трудъ Баронія и его продолжателей и выдалъ новое изданіе въ 38 фоліантовъ (Lucca. 1738 — 1759). Даже въ недавнее время Августинъ Тейнеръ предпринялъ переизданіе Баронія («Annales ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab Augustino Theiner», t. I—XXVIII въ Bar le Duc, t. XXIX—XXXVII въ Парижѣ), все изданіе продолжалось съ 1864 по 1882 года и осталось незаконченнымъ, (форматъ былъ 4⁰). Отдѣльныя части Баронія переводились на итальянскій, французскій, нѣмецкій, польскій и даже арабскій языки.

Все это показываетъ значеніе прекраснаго труда ученаго кардинала, черпавшаго изъ первоисточниковъ такъ обильно и систематически, что лишь черезъ два столѣтія его сочиненіе можетъ быть сочтено устарѣлымъ.

Почти въ то же время во Франціи появляется рядъ сочиненій, основанныхъ на актахъ: Таковы напримѣръ: Jean du Tillet (ум. 1570), «protonotaire et secretaire du Roy, greffier de son Paplament», который написалъ сборникъ «Recueil de roys de France, leur couronne et maison», изданный послѣ его смерти съ дополненіемъ сочиненій старшаго брата его Жанаже, епископа въ Мо [1]) (изданія были въ 1580, 1586, 1602, 1607 и 1618 г.г.), Стефанъ Паскье (Pasquier) въ «Recherches de la France» (первая книга—Paris, 1560, вторая—1565, 8⁰) поль-

[1]) Собственно трудъ дю-Тиле носилъ названіе „Mémoires et recherches touchant pliuseurs choses mémorables pour l'intelligence de l'estat et des affaires de France“ и былъ изданъ ранѣе этого въ 1577 г. (Rouen, 1577, in folio) и въ 1578 (Troyes, 8⁰).

зуется документами для свѣдѣній по исторіи учрежденій при описаніи нравовъ, обычаевъ и т. д.

Надо особенно отмѣтить Pierre Pithou, который въ своей исторіи графовъ Шампанскихъ [1]) разсказываетъ, что онъ составилъ ее «pièce à pièce et au vray d'anciennes chartes desquelles une bonne partie se manie encore aujourd'hui par peu de gens».

Клавдій Фоше (Fauchet) въ книгѣ «Origine de dignitez et magistrats de France» (поднесена Генриху III въ 1584 году) пользуется въ весьма значительной мѣрѣ оффиціальными документами.

Нѣсколько позднѣе появляется въ свѣтъ «Histoire des comtes de Tolose» (Tolose. 1623, folio)—par Guillaume Catel и «Histoire de l'abbaye de S. Denys» (Paris. 1625. 4⁰) par Fr. Jacques Doublet — оба труда, основанные на архивныхъ розысканіяхъ. Дублэ напечаталъ впервые рядъ документовъ меровингской эпохи: правда не по подлинникамъ, которыхъ онъ не въ состояніи былъ разбирать, а по спискамъ въ картуляріяхъ; правда, что и со включеніемъ актовъ апокрифическихъ, но все же за нимъ заслуга первоиздателя-дипломатиста.

Въ то же время въ Бельгіи Aubertus Miraeus (1573—1640) издавалъ сборники документовъ подъ разными заглавіями [2]). Труды его были переизданы подъ названіемъ «Opera diplomatica et historica» въ 1723 г. (Bruxellis, 4 vls. in folio). И у этого ученаго найдется много погрѣшностей, но и онъ явился начинателемъ и прокладывалъ новый путь.

Особый подъемъ научной дѣятельности мы видимъ во Франціи XVII столѣтія. Это зависѣло отъ культурнаго состоянія ея общества, «то былъ тотъ вѣкъ», по выраженію В. Г. Васильевскаго, «когда ея національная литература становилась классической для всей Европы, когда короли, министры, епископы и частныя лица соперничали въ уваженіи къ учености, въ заботахъ объ основаніи библіотекъ и собираніи рукописей» (стр. 55). «Возможно», прибавляетъ онъ, отмѣчая всю важность общаго уровня умственнаго развитія руководящихъ общественныхъ слоевъ Франціи, «что въ извѣстной странѣ очень

---

[1]) „Le premier livre des mémoires des comtes héréditaires de Champagne et de Brie" (Paris, 1572, 8⁰).

[2]) О немъ—1) Le Glay: „Revue de l'Opera diplomatica de Miraeus" (Bruxelles, 1856, 8⁰). 2) De-Ridder, Ch.: „Auberte Le Mire, sa vie et ses écrits". (Bruxelles, 1863, 4⁰).

ясно будутъ сознаваться побужденія къ занятію прошлыми судьбами другой, но, хотя бы дѣло шло о единовѣрной и отчасти единоплеменной странѣ, за недостаткомъ собственныхъ ученыхъ силъ, все будетъ оставаться втунѣ» [1]).

XVII вѣкъ создалъ дипломатику и далъ намъ такіе героическіе, можно сказать «эпическіе», примѣры мужей науки, которые доселѣ возбуждаютъ чувство благоговѣйнаго удивленія. Названіе «бенедиктинцевъ», «болландистовъ» становятся нарицательными, приложеніе этого термина къ ученому любой страны является крайне лестнымъ и почетнымъ. Правительство и общество стремились поддержать ученыхъ; ученые, обезпеченные относительно изданія своихъ трудовъ, творили подвиги. Громадные фоліанты мелкой, убористой печати одинъ за другимъ появлялись въ свѣтъ, раскупались, переиздавались.

Парижское изданіе корпуса византійскихъ писателей завершилось громаднымъ трудомъ Le Quien (Michel): «Oriens christianus quo exhibentur ecclesiae patriarchae, etc. tatius Orientis». (Paris. 1740. 3 vls. in folio). Трудъ крайне важный и нужный, особенно для насъ русскихъ. Прошло полтораста лѣтъ, самое понятіе объ исторической наукѣ успѣло преобразоваться, безчисленныя изданія документальныхъ источниковъ освѣтили древность, а о передѣлкѣ и переизданіи Le Quien'а все только еще толкуютъ!

И послѣдній, бывшій въ Римѣ въ 1900 г. съѣздъ (всемірный) христіанскихъ археологовъ въ числѣ своихъ постановленій отмѣтилъ необходимость переизданія Le Quien'а въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Увы! Времена другія— нѣтъ поддержки извнѣ, нѣтъ и такихъ работниковъ, которые не страшились бы времени и брались бы за работы, требующія десятилѣтій труда!

Правда, написаніе большинства фоліантовъ совершалось въ тиши монастырскихъ келій, людьми далекими отъ треволненій жизни и добыванія куска хлѣба, но были и свѣтскіе люди, такіе, которые были и да будутъ для всѣхъ насъ, интересующихся наукой, яркими свѣточами.

Плодотворная дѣятельность Мазарини, Сегье, Фукэ, Кольбера, при которыхъ даже посольствамъ вмѣнялось въ обязан-

---

[1]) См. его извѣстный очеркъ: „Обозрѣніе трудовъ по Византійской исторіи“. Вып. I (Спб., 1890, 8⁰).

ность пріобрѣтать манускрипты, создала ту атмосферу, въ которой расцвѣлъ великій ученостью и неистомный въ трудѣ «Gharles du Fresne, sieur du Cange» (1610—1688). Громкое, общеизвѣстное имя! «Среди людей, занимавшихся Византійской исторіей въ XVII вѣкѣ», говоритъ В. Г. Васильевскій (l. c. стр. 116), «первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно Шарлю Дюканжу. Да едва ли не ему принадлежитъ первое мѣсто не только въ тотъ вѣкъ, но и въ послѣдующія времена». «Про него говорили, что онъ единственный человѣкъ, который прочелъ въ оригиналѣ всѣхъ византійцевъ, а теперь можно прибавить, что еще не нашлось второго такого ученаго» (ibidem, стр. 128—129).

18 декабря 1610 г. родился «ex antiqua et nobili gente» въ городѣ Амьенѣ у Люи Дюфреня сынъ, который получилъ имя Шарля. «Канжемъ назывался одинъ изъ старинныхъ леновъ Дюфреня, а въ то время въ дворянскихъ семействахъ было въ обычаѣ давать каждому сыну имя какого-нибудь помѣстья. Отецъ Дюканжа былъ чиновникомъ, какъ и всѣ его предки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ высокообразованный и много занимался науками. Можно сказать, что умъ и талантъ были наслѣдственны въ этомъ семействѣ, имя котораго никогда не забудется» (стр. 116). Дюканжъ «очень рано поступилъ въ Амьенскую гимназію, которая тогда процвѣтала подъ руководствомъ іезуитовъ. 13 лѣтъ онъ уже хорошо зналъ греческій языкъ, а 18 лѣтъ окончилъ курсъ. По мнѣнію учителей молодого Дюканжа, которые были очарованы его живымъ умомъ и настойчивымъ прилежаніемъ, онъ былъ достаточно способенъ сдѣлаться чѣмъ угодно, но особенно хорошимъ чиновникомъ. Поэтому отецъ Дюканжа послалъ его изучать право въ Орлеанъ, издавна славившійся своимъ юридическимъ факультетомъ. Но чиновничья карьера не пришлась ему по вкусу; онъ былъ уже въ Парижѣ зачисленъ въ адвокаты, когда рѣшился оставить столицу и вернуться въ свой родной городъ, гдѣ думалъ заняться наукою. Его привывало сюда еще чувство долга: онъ считалъ себя обязаннымъ ухаживать за старикомъ отцомъ. Дюфренъ, любившій науку, постоянно поощрялъ сына къ серьезнымъ занятіямъ; онъ былъ лучшимъ его учителемъ, и Дюканжъ, потерявшій мать слишкомъ рано, вдвойнѣ привязался къ своему достойному отцу. Съ этихъ поръ Дюканжъ окончательно посвятилъ себя исторіи; онъ занимался не только изученіемъ фактовъ, но и вспомогательными науками, необхо-

димыми для пониманія исторіи, лингвистикой, филологіей, правомъ, философіей и богословіемъ. Такъ долго трудился онъ ничего не печатая и находя наслажденіе въ самомъ процессѣ труда.

Въ 1638 г. Дюканжъ потерялъ отца, и чтобы заставить его нѣсколько забыть горе, друзья уговорили его жениться. Говорятъ, что въ самый день свадьбы онъ работалъ 6 или 7 часовъ. Такова была у него привычка къ труду. Отъ этого брака Дюканжъ имѣлъ 10 человѣкъ дѣтей. Въ нѣсколько странномъ припадкѣ удивленія одинъ позднѣйшій ученый XVIII вѣка (Дюваль) [1]) воскликнулъ: «какъ это возможно, чтобы человѣкъ, который столько думалъ, столько прочелъ, столько написалъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ женатъ 50 лѣтъ и имѣлъ такое многочисленное семейство?». «Многіе полагаютъ», замѣчаетъ знаменитый Балюзъ въ своемъ некрологѣ Дюканжа, что «брачныя связи мѣшаютъ ученымъ занятіямъ и что свойство этихъ занятій таково, что имъ могутъ предаваться только люди, ведущіе холостую жизнь, qui libero lectulo utuntur, какъ говоритъ Цицеронъ. Однако, занятія Дюканжа не потерпѣли никакого ущерба или замедленія отъ его брака» (Васильевскій, l. c., стр. 117).

Дюканжъ былъ прекрасный семьянинъ и даже для лучшаго обезпеченія семьи занималъ чиновничье мѣсто—казначея въ г. Амьенѣ и только въ 1668 г. перебрался окончательно въ Парижъ. Современники передаютъ, что Дюканжъ былъ поразительно скроменъ и не былъ честолюбивъ, онъ очень долго не печатался, а пріобрѣтя знаменитость съ удовольствіемъ дѣлился съ другими учеными неизданными матеріалами [2]).

Первой печатной книгой его былъ обширный трудъ «Histoire de l'empire de Constantinople sur les empereurs français», вышедшій въ свѣтъ въ 1657 г., т. е. когда автору шелъ уже сорокъ седьмой годъ.

Труды, которые насъ наиболѣе касаются, можно сказать, завершили ученую карьеру и долгую жизнь Дюканжа. Это: 1) Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis (3 vls. in folio. Paris, 1678) и 2) вышедшій въ годъ смерти автора:

---

[1]) Учитель исторіи и подъ конецъ жизни библіотекарь Австрійскаго Императора.

[2]) См. нар. статью H. Hardouin „Notice sur la vie et les principaux ouvrages publiés ou inédites du Dufresne-du-Cange“ (Amiens, 1839, 88), стр. 8.

Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis (Lugduni. 1688. 2 vls. in folio).

Относительно второго труда достаточно сказать, что онъ, несмотря на неоднократныя попытки, не передѣланъ и не переизданъ. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи выпущено фотолитографическое переизданіе буква въ букву, начиная съ заглавнаго листа и до ерратъ включительно. Не далѣе, какъ въ прошломъ 1904 г. снова составлялась подписка на это фотолитографическое изданіе. Находился одинъ ученый, готовый взяться за это—нѣкто Муллахъ, но и ему было отказано въ помощи какъ Берлинской, такъ и Вѣнской академіями. Докладывалъ о предпріятіи Муллаха и нашей академіи покойный академикъ Куникъ (Учен. Зап. 1 и 3 отд. т. Ш (1855), стр. 413—428). Но и «Русская академія», какъ замѣчаетъ В. Г. Васильевскій («Обозрѣніе трудовъ по Византійской Исторіи», стр. 143), «которая, казалось бы, должна была принять къ сердцу предпріятіе Муллаха, столь важное для славянской филологіи и разработки русской исторіи, отнеслась къ нему также несочувственно, какъ ученыя учрежденія Западной Европы». А между тѣмъ Куникъ особенно напиралъ на ту непреложную истину, что «кто близко знакомъ съ нынѣшнимъ состояніемъ византійскихъ занятій и кто понимаетъ ихъ важность для славянскаго языкознанія, литературы и исторіи, тотъ долженъ согласиться, что успѣхи въ этой области существенно зависятъ отъ новаго изданія словаря Дюканжа».

За то наша академія издала неимовѣрный Санскритскій словарь, чрезвычайно нужный нѣсколькимъ западно-европейскимъ санскритологамъ!

Иначе отнеслась Европа къ латинскому словарю Дюканжа, къ труду почти сверхъестественному для силъ одного человѣка. Замѣчательнаго предисловія, предпосланнаго тексту, достаточно было бы, чтобы сдѣлать ученаго знаменитымъ. Въ восторгомъ восклицаетъ Hardouin: «Scaliger avait desiré ce livre; Meursius l'avait promis, Spelmann et Vossius l'avaient entrepris», но только «à Du Cange la gloire d'une oeuvre si difficile». «Tour à tour architecte, antiquaire, jurisconsulte, géographe, grammairien polyglotte, ou mathématicien, Du Cange, toujours sagace érudit semble avoir voulu renfermer, dans cet ouvrage, les annales de, l'esprit humain» (Hardouin, стр. 11).

Столь же лестную оцѣнку даетъ труду Дюканжа и нашъ знаменитый В. Г. Васильевскій:» Дюканжъ не думалъ ограни-

чиваться, какъ это сдѣлали Етьенни по отношенію къ классическому языку, однимъ собираніемъ словъ и указаніемъ ихъ различныхъ значеній; онъ полагалъ, что по поводу и при помощи этихъ словъ можно познакомиться съ самою сущностью вещей, означаемыхъ словами, съ политическимъ и религіознымъ бытомъ, съ учрежденіями, правами и обычаями средневѣковой жизни. Въ словарѣ выступаютъ наружу въ алфавитномъ порядкѣ матеріалы, собранные авторомъ въ теченіе 50 лѣтъ. Подъ отдѣльными словами, какъ напримѣръ, advocatus, comes, senescallus, marescallus, Дюканжемъ помѣщены цѣлыя диссертаціи, которыя онъ готовилъ для предполагавшейся имъ исторіи французскихъ феодальныхъ владѣній. Такимъ образомъ въ этомъ безпримѣрномъ трудѣ заключается исторія нѣсколькихъ вѣковъ, преимущественно феодальной эпохи, и форма словаря служитъ только для облегченія справокъ. До тѣхъ поръ нигдѣ не было собрано такой массы изданныхъ и неизданныхъ текстовъ — греческихъ, латинскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ и т. д. Въ долгій періодъ паденія Имперіи латинскія слова, утративъ свое первоначальное значеніе, походили все больше и больше на потертыя монеты, цѣнность которыхъ трудно опредѣлить. Авторовъ этихъ вѣковъ объясняли на основаніи однихъ только предположеній. Дюканжъ замѣнилъ случайное объясненіе систематическимъ. Подъ скромнымъ заглавіемъ Глоссарія Дюканжъ воздвигъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ учености того вѣка. Онъ далъ цѣлый рядъ отличныхъ трактатовъ почти по всѣмъ наукамъ» (ibidem стр. 125 и 126).

Въ частности для дипломатики подъ отдѣльными словами этого словаря заключенъ систематическій подборъ матеріаловъ для всѣхъ частей дипломатики.

Глоссарій Дюканжа былъ гигантской попыткой гиганта ученаго, но все-таки эта попытка была первой въ своемъ родѣ и не могла быть совершенной. По мѣрѣ разработки исторической науки она требовала дополненій и поправокъ; благодарные современники и потомки вполнѣ поняли это. Послѣ того, какъ Глоссарій дважды былъ перепечатанъ (въ 1681 и 1710 годахъ), рядомъ выдающихся ученыхъ постепенно пополнялся основной великій трудъ. Колоссальныя изданія смѣняли одно другое и въ настоящее время все тотъ же Caroli domini Ducangi Glossarium изданъ подъ редакціей L. Favre'а въ 10 тол-

стыхъ квартантахъ (Niort, 1883—1887) и съ приложеніемъ обширной біографіи автора [1]).

И таково значеніе этого словаря, что до сихъ поръ ни одинъ дипломатистъ не можетъ обойтись безъ постоянныхъ справокъ въ этой драгоцѣнной сокровищницѣ разнообразныхъ научныхъ свѣдѣній.

По выраженію кардинала Беллармина, XVI вѣкъ былъ для католичества вѣкомъ святыхъ, и въ этомъ именно столѣтіи зародилась мысль о грандіозномъ собраніи дѣяній святыхъ—acta sanctorum [2]). Прелатъ Алоизій Липомани (ум. 1560 г.), секретарь папы Юлія III, предсѣдатель собора въ Тріентѣ (Trente), издалъ въ Римѣ [3]), въ 1551—1558 годахъ, шесть большихъ томовъ «Sanctorum priscorum vitae» (in 4⁰), трудъ, выдержавшій, съ разными дополненіями, нѣсколько изданій въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Знаменитый Бароній также предполагалъ издать «Vitae Patrum» (Pitra, p. 12), но не Риму суждено было стать колыбелью колоссальнаго, общеизвѣстнаго изданія «Acta Sanctorum». Мысль объ этомъ сборникѣ зародилась среди іезуитовъ Бельгіи въ аббатствѣ Liessies, монахи котораго прославились подвижничествомъ и ученостью.

Въ 1607 г. патеръ Герибертъ Розвейде (Héribert Rosweyde) опубликовалъ проектъ и образецъ предпринятаго имъ изданія «Fasti Sanctorum» [4])—маленькая книжка, въ 12-ю долю листа, не болѣе. Дѣло шло ни болѣе ни менѣе какъ о собраніи всѣхъ изданныхъ и неизданныхъ житій святыхъ «conquirere undequaque vites ab aliis editas .... nondum editas». Авторъ проспекта обѣщалъ 2 тома in folio посвятить земной жизни Іисуса Христа, житію Богоматери и праздникамъ, Спасителю и Богородицѣ посвященнымъ, 13 томовъ житій и дѣяній Святыхъ (два — праздники, по одному на мѣсяцъ «acta sincera»), 1 томъ — мартирологи, 2 тома — примѣчанія и указатели разнаго рода. Итого 18 фоліантовъ, при чемъ на 50 страницахъ идетъ перечень святыхъ, труды и жизнь которыхъ обѣщался составить

---

[1]) См. еще біографію при Ducange: „Glossaire françois, faisant suite au Glossarium mediae et infimae latinitatis (Niort. 1879. 8⁰. 2 vls.).

[2]) Pitra. „Études sur la collection des actes des saints par les RR. PP. Jésuies Bollandistes» (Paris. 1850. 8⁰), см. Ch. 1.

[3]) По Pitra въ Римѣ, по Graesse въ Венеціи.

[4]) „Fasti Sanctorum, quorum, vitae in Belgicis bibliothecis manuscriptae... nunc primum integre edita» (collect. Hérib. Rosweydo). Antwerpiae (ex officina Plantiniana). 1607. 12⁰.

отважный ученый. Когда брошюра эта была вручена кардиналу Беллармину, онъ воскликнулъ: «Сколько же лѣтъ автору?» И на отвѣтъ, что около сорока, сказалъ: «Неужели онъ думаетъ прожить двѣсти лѣтъ?» Беллярминъ оказался проницательнымъ: прошло болѣе двухсотъ лѣтъ, а выполненіе дерзостной идеи Розвейде еще не закончено! Однако оно близится къ концу, и несмотря на то, что другое имя стало нарицательнымъ въ предпріятіи Гериберта Розвейде, память иниціатора живетъ въ болѣе чѣмъ шестидесяти фоліантахъ «Acta Sanctorum.» Общество издателей «Acta» получило наименованіе «Болландистовъ» [1]) по имени преемника Розвейде—патера Іоанна Болландуса (Bollandus), который разработалъ мысль о. Гериберта, собралъ колоссальный матеріалъ, выпустилъ въ свѣтъ первый томъ «Acta Sanctorum quotquot toto urbe coluntur» (Antw., 1643, in folio) и проработалъ надъ этимъ изданіемъ 34 года (съ 1631 г., ум. 12 сентября 1665 г.). Сотрудникомъ и продолжателемъ его былъ патеръ Годфруа Геншенъ (Henschenius), род. 1600 г., ум. 1681 г., посвятившій 46 лѣтъ жизни этому труду и участвовавшій въ изданіи 24 томовъ. Подъ вліяніемъ именно Геншенія въ 1635 г. Болландъ переработалъ въ третій разъ и окончательно планъ «Дѣяній Святыхъ». Даже протестанты восхвалили въ тотъ вѣкъ религіозной борьбы грандіозное предпріятіе, а папа Александръ VII выразился, что «никто еще до сего времени не совершалъ и не предпринималъ дѣла болѣе полезнаго и славнаго для церкви («Utilius opus et Ecclesiae Dei gloriosus hactenus nullum editum esse a quoquam nec etiam inchoatum»).

Основатели «Acta Sanctorum» скоро нашли себѣ замѣчательнаго и неутомимаго помощника, сотрудника и продолжателя въ лицѣ Даніеля Ванъ-Паперброка (Papebrochius), родомъ изъ Антверпена (род. 1628 г.), на девятнадцатомъ году жизни вступившаго въ орденъ и быстро снискавшаго извѣстность своими трудами. Будучи столь малаго роста, что Питра называетъ его самымъ маленькимъ іезуитомъ, Паперброкъ обладалъ, однако, желѣзнымъ организмомъ и страстной душой. Насколько Болландъ былъ кротокъ, Геншеній спокоенъ, настолько Паперброкъ былъ пылокъ. Въ сотрудники агіографовъ Паперброкъ поступилъ въ 1659 г., когда выяснилась необходимость продолжительнаго путешествія по Европѣ и главнымъ образомъ

---

[1]) J. Cornandet et J. Févre: „Les bollandistes et l'hagiographie ancienne et moderne“ (Lyon. 1866, gr. 8°).

въ Италію, куда звалъ Болланда папа. Болландъ въ это время былъ уже старъ и не рѣшился ѣхать, поѣхалъ Геншеній съ Папеброкомъ. Поѣздка была похожа на тріумфальное шествіе, вездѣ агіографовъ принимали съ распростертыми объятіями, вездѣ уже знали и цѣнили вышедшіе въ свѣтъ пять фоліантовъ («Acta Sanctorum» за январь и февраль). Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Германіи, путники пріѣхали въ Италію и 23 декабря 1660 г. прибыли въ Римъ. Обласканные папой, они встрѣтили и среди мѣстныхъ ученыхъ самое одушевленное сочувствіе. Префектъ папской библіотеки Лео Аллацій, Кирхеръ, Угелли, Аринги, Чіампини — все знаменитыя имена—наперерывъ помогали агіографамъ, сообщая и указывая матеріалы. Будущій папа Климентъ XI, тогда аббатъ Франческо Альбани, счелъ долгомъ для святого дѣла стать на время простымъ переписчикомъ. Даніель Папеброкъ давалъ примѣръ и поражалъ своей выносливостью и трудолюбіемъ. Онъ вставалъ въ два часа ночи и копировалъ греческія рукописи вплоть до поздняго вечера безъ передышки. Такъ трудились девять мѣсяцевъ и 2 октября 1661 г. выѣхали въ Неаполь. По возвращеніи въ Бельгію, Папеброкъ погрузился въ изданіе «Acta Sanctorum», при чемъ пылкая и даровитая натура его не могла ограничиваться простыми комментаріями, онъ совершалъ систематическіе обширные экскурсы въ разныя области исторіи и агіографіи. Такъ онъ описалъ и, насколько могъ, подробно изслѣдовалъ московскіе лицевые святцы. Этотъ трудъ очень любопытный самъ по себѣ,—къ сожалѣнію, я не могъ добиться, существуютъ-ли оригиналы въ Музеѣ. Самымъ же замѣчательнымъ трудомъ его явился дипломатическій этюдъ: «Propylaeum antiquarium circa veri ac falsi discrimen in vetustis membranis» (при апрѣлѣ мѣсяцѣ «Acta Sanctorum»), вышедшій въ свѣтъ въ 1675 г. Этотъ трудъ, несмотря на его несовершенства, положилъ основу научной дипломатики. Первая мысль объ этомъ сочиненіи пришла Папеброку въ горячемъ спорѣ о подлинности одного диплома. Можетъ быть, именно потому-то книга и вышла торопливой, горячей, пристрастной, состоя вся изъ полемики, написанная какъ бы «ab irato». Состоитъ она изъ трехъ частей: 1) «De veterum fundationum, donationum, privilegiorum instrumentis descernendis»; 2) «De praetensa quorumdam Carmeliticorum Conventuum antiquitate»; 3) «De Martyrologió Brixiensi». Смѣлая отрицательная критика Папеброка одинаково охватывала какъ свѣтскіе акты, такъ и нѣкоторыя пап-

скія буллы. Страстный полемистъ немного придерживался того огульнаго мнѣнія, которое незадолго до того было выражено англичаниномъ Джономъ «Marscham» въ предисловіи къ громадному «Monasticon anglicanum» Duydale'я (1655) относительно древнихъ документовъ, что «tantó minus eis adhibentum fidei quantó plus prae se ferunt antiquitatis».

Пятьдесятъ пять лѣтъ труда, посвященнаго «Acta Sanctorum», окружили Папеброка ореоломъ, но и его жизнь была полна борьбы съ нападеніями критиковъ и завистниковъ, иногда вліяв-

шихъ даже на Римъ. Горячность Папеброка дѣйствительно увлекала его иногда въ ошибки. Такъ, дипломатическій трудъ, направленный косвенно и противъ ученыхъ Бенедиктинцевъ, вызвалъ появленіе опроверженія въ видѣ труда классическаго, ставшаго во главу угла.

«Когда говорятъ:[1]) «вѣкъ Людовика XIV», то разумѣютъ при этомъ имена Расина и Мольера, Боссюэта и Фенелона, но часто забываютъ, что помимо блестящей плеяды литературныхъ дѣятелей, прославившихъ этотъ періодъ французской исторіи, въ то же время существовало другое общество или другой кругъ писателей, собственно такъ называемыхъ ученыхъ, общество, очень отличное отъ того, которое, по общему признанію, считается выраженіемъ замѣчательнаго вѣка, менѣе бросающееся въ глаза, но столь же производительное и одушевленное, оставившее и въ свою очередь прочные слѣды въ ходѣ умственнаго развитія великой націи» (стр. 149).

«Обокъ съ избранными представителями литературнаго движенія, во второй половинѣ XVII вѣка существовало многочисленное общество трудолюбивыхъ и даровитыхъ ученыхъ, связанныхъ однимъ союзомъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою разсѣянныхъ отъ одного конца Франціи до другого, поддерживавшихъ между собою корреспонденцію, слѣдящихъ за открытіями и работами другъ друга. Центромъ этого общества во Франціи былъ извѣстный монастырь въ предмѣстьи столицы, который очень охотно и часто посѣщалъ Дюканжъ въ концѣ своей жизни, знаменитое Сенъ Жерменское аббатство (Saint-Germain des Prés), въ которомъ жили и трудились такъ называемые Мавриньяне, члены конгрегаціи св. Мавра, т.-е. особой ассоціаціи монастырей и монаховъ въ нѣдрахъ Бенедиктинскаго ордена, возникшей въ началѣ XVII в. ради оживленія и поднятія строгой религіозной жизни и духовнаго просвѣщенія и названной такъ по имени св. Мавра, одного изъ учениковъ основателя ордена св. Бенедикта. Но къ этому центру примыкали и другія посторонніе лица, какъ духовныя, такъ и свѣтскія». «Все-таки это былъ отдѣльный міръ,

---

[1]) Пользуюсь превосходнымъ очеркомъ В. Васильевскаго: „Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи", стр. 149 и слѣд., использовавшаго въ данномъ случаѣ и трудъ E. de Broglie: „Mabillon et la société de l'abbaye de S.-Germain des Prés" (Paris. 1888. 2 vls. 8°), а равно и „Correspondance de Mabillon", изданную de Valery (3 vls. in 8°).

малоизвѣстный для придворнаго и городского общества; члены этого кружка не особенно старались выйти изъ полумрака, довольные тѣмъ, что находятъ себѣ надлежащую оцѣнку въ средѣ посвященныхъ, и будучи всецѣло погружены въ свои изслѣдованія. Трудясь ради своего призванія и науки, эти скромные рабочіе не искали шумной славы и безъ сожалѣнія посвящали свою жизнь задачѣ, которая даже имъ могла бы показаться неблагодарною, если бы они не находили поддержки и одобренія въ средѣ себѣ подобныхъ, мнѣніемъ которыхъ дорожили. Открытіе и печатаніе древнихъ текстовъ, собираніе старинныхъ хартій, изученіе греческихъ и латинскихъ средневѣковыхъ манускриптовъ, накопленныхъ вѣками въ библіотекахъ, однимъ словомъ. изученіе прошлаго составляло задачу ихъ жизни, — это была ихъ страсть. Они собрали сокровища эрудиціи, которыми питались послѣдующія поколѣнія и продолжаютъ питаться» (стр. 150). Герцогъ де-Брольи, «посвятившій этому обществу ученыхъ обширное сочиненіе, поражается отчужденностью, незначительностью связей, существующихъ между литераторами и учеными означенной эпохи. Въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ этого періода,—замѣчаетъ онъ,—почти не встрѣчается никакого упоминанія именъ ученыхъ и точно также наоборотъ». «Нельзя сказать, чтобы общество держало ученыхъ въ презрительномъ отдаленіи; напротивъ, всѣ они находятся въ сношеніяхъ съ самыми вліятельными лицами даннаго времени; король ихъ знаетъ и покровительствуетъ ихъ занятіямъ. Но они не ищутъ почестей и внѣшней славы» (стр. 151).

Изъ среды этихъ Бенедиктинцевъ, имя которыхъ стало нарицательнымъ эпитетомъ высшей учености, и послѣдовалъ отвѣтъ Даніелю Ванъ-Папеброку. Въ 1681 г. въ Парижѣ вышелъ въ свѣтъ большой фоліантъ (635 стр.) «De re diplomatica libri VI» [1]). «Вмѣстѣ съ появленіемъ этой книги»,— говоритъ В. Г. Васильевскій,—«получила свое бытіе, лучше сказать, заразъ выступила въ зрѣлой полнотѣ и всеоружіи совсѣмъ новая наука» (стр. 153).

---

[1]) Въ 1704 г. появилось „Librorum de re diplomatica supplementum“, въ 1709 г. вышло второе изданіе самой книги; 3-е изданіе вышло въ свѣтъ въ Италіи (графа Adimari), въ Неаполѣ, въ 1789 г. въ видѣ двухъ роскошнѣйшихъ томовъ, gr. in folio.

DE
RE DIPLOMATICA

ex Libris Monasterii Sti Basoli [illegible]

LIBRI VI.

ordinis Sti Benedicti congregationis Sti Mauri

IN QUIBUS QUIDQUID AD VETERUM Inſtrumentorum antiquitatem, materiam, ſcripturam, & ſtilum; quidquid ad ſigilla, monogrammata, ſubſcriptiones, ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, hiſtoricam, forenſemque diſciplinam pertinet, explicatur & illuſtratur.

ACCEDVNT

Commentarius de antiquis Regum Francorum Palatiis.

Veterum ſcripturarum varia ſpecimina, tabulis LX *comprehenſa.*

Nova ducentorum, & amplius, monumentorum collectio.

Operâ & ſtudio Domni JOHANNIS MABILLON, Presbyteri ac Monachi Ordinis S. Benedicti è Congregatione S. Mauri.

LUTECIÆ PARISIORUM,

Sumtibus LUDOVICI BILLAINE, in Palatio Regio.

M DC LXXXI.

CUM PRIVILEGIO REGIS, ET SUPERIORUM PERMISSU.

Авторомъ классическаго труда былъ Іоаннъ Мабильонъ (dom Jean Mabillon, род. 1632 г., ум. 27 декабря 1707 г.), монахъ аббатства Saint-Germain des Prés, уже давно посвятившій себя историческимъ трудамъ. Происходилъ онъ изъ Шампани. изъ маленькой деревушки, отъ бѣдняковъ-крестьянъ.

На счастье, одинъ изъ его дядей былъ кюрэ одного изъ сосѣднихъ приходовъ, и мальчикъ имѣлъ возможность получить у него первоначальное образованіе и обратить на себя вниманіе своими блестящими способностями. Нашелся и добрый человѣкъ, одинъ изъ настоятелей Реймскаго собора, который на

свой счетъ устроилъ юнаго Жана въ университетскій колледжъ. Съ этого момента судьба Мабильона была рѣшена,—католичество всегда умѣло воспользоваться выдающимися талантами.

Изъ колледжа Мабильонъ перешелъ въ семинарій, устроенный кардиналомъ Лотарингскимъ, погрузился въ изученіе наукъ, и 5 сентября 1653 г., будучи 21 года, принялъ монашество, въ 1660 г. сталъ священникомъ, а въ 1664 г. знаменитый Luc d'Achery вызвалъ его для ученыхъ работъ въ аббатство S.-Germain des Prés. Еще до появленія книги о дипломатикѣ Мабильонъ уже былъ знаменитъ изданіемъ «Acta sanctorum ordinis S.-Benedicti», начавшимъ выходить съ 1668 г.; трудъ же «de re diplomatica» упрочилъ за нимъ европейскую славу.

Если и признать этотъ трудъ въ нѣкоторой мѣрѣ собирательнымъ, такъ какъ авторъ несомнѣнно пользовался совѣтами и сотрудничествомъ другихъ Бенедиктинцевъ, а также и Дюканжа, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не удивляться той силѣ таланта, съ какой Мабильонъ объединилъ и систематизировалъ все ранѣе извѣстное, разрѣшилъ множество спорныхъ вопросовъ и создалъ западную дипломатику настолько цѣлостно, что послѣдующимъ ученымъ осталось лишь разрабатывать указанные пути. Появленіе трактата Мабильона можно сравнить развѣ съ появленіемъ у насъ исторіи Карамзина: такое потрясающее впечатлѣніе произвела эта книга.

Надо вспомнить, что масса архивнаго матеріала въ дореволюціонный періодъ не была кодифицирована и имѣла юридическую силу. Не только ученый міръ, но и юристы, и чиновники, завѣдывавшіе архивами, постоянно натыкались на недоразумѣнія и спорные, нерѣшенные вопросы. Самъ Папеброкъ написалъ Мабильону, что онъ доволенъ уже тѣмъ, что его работа послужила поводомъ къ появленію труда, столь совершеннаго. «Не затрудняйтесь,»—прибавляетъ онъ,—«высказывать публично всякій разъ, какъ будете имѣть къ тому случай, что я (теперь) вполнѣ съ вами согласенъ».

Всѣ послѣдующіе ученые равно высоко цѣнили Мабильона, а В. Г. Васильевскій выражается о немъ восторженно, отмѣчая скромность Бенедиктинцевъ. «Самые ученые между ними въ то же самое время суть наиболѣе скромные. Таковъ былъ Мабильонъ, котораго, вмѣстѣ съ Дюканжемъ, справедливо называютъ основателемъ и столпомъ новой французской учености, а черезъ нее, отчасти, и вообще Европейской, котораго критическая проницательность въ изученіи памятниковъ прошлаго

доходила, можно сказать, до геніальности: самый возвышенный, благородный и симпатичный характеръ не только въ конгрегаціи св. Мавра, которой онъ составляетъ украшеніе, но и вообще среди христіанскаго монашества» (стр. 151).

«Когда послѣ изданія Дипломатики, посвященной Кольберу, предполагалось отправить Мабильона въ ученую миссію для обслѣдованія библіотекъ итальянскихъ, то и король Людовикъ XIV пожелалъ его видѣть. Летеллье, архіепископъ Реймскій, прелатъ, извѣстный своимъ высокомѣріемъ, и Боссюэтъ, другой архіепископъ, прославившійся своимъ краснорѣчіемъ и ученостью, должны были его представить въ Версали. Летеллье и Боссюэтъ были проникнуты взаимнымъ нерасположеніемъ, и вотъ, когда Летеллье, подводя Мабильона къ королю, сказалъ: «Государь, я имѣю честь представить вашему величеству самаго ученаго человѣка въ вашемъ королевствѣ», то Боссюэтъ, почувствовавъ въ этихъ словахъ затаенное остріе укола, направленнаго противъ его самолюбія, съ своей стороны отозвался: «О, государь, архіепископъ Реймскій долженъ былъ бы прибавить: и самаго смиреннаго» (стр. 154), и въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ. Такъ же, какъ и Дюканжъ, Мабильонъ отличался поразительной и искренней скромностью.

Трактатъ «De re diplomatica» дѣлится на шесть отдѣловъ:

1) «Liber primus, in quo veterum instrumentorum, antiquitas, materia et scripturae explicantur» — о документахъ вообще, объ ихъ характерѣ, различныхъ ихъ родахъ и видахъ, объ ихъ древности, подлинности, поддѣлкахъ и причинахъ поддѣлокъ, о письменныхъ матеріалахъ и различныхъ видахъ письма.

2) «Liber secundus, cujus argumentum est diplomatum stilus, suscriptiones, sigille et notae chronologicae» ученіе о стилѣ документовъ и грамотъ, о внѣшнихъ признакахъ, которыми канцеляріи стремились укрѣпить актъ, подписяхъ, монограммахъ, печатяхъ и т. д. Хронологія документовъ.

3) «Liber tertius in quo quaedam adversariorum objecta diluuntur: tun Notitiarum et Chartariorum expenditur auctoritas» подвергаются критикѣ положенія, высказанныя Папеброкомъ, въ смыслѣ опредѣленія подлинности и достовѣрности документовъ.

4) «Liber quartus, ubi agitur de Francorum regum Palatiis, villisque regus, in quibus Diplomata condita sunt» — о дворцахъ и виллахъ Франкскихъ королей, которые указаны въ ихъ дипломахъ; такъ какъ этими указаніями опредѣляется датировка актовъ, то понятно, что эта глава весьма важна для дипломатики

5) «Liber V, in quo exhibentur explicanturque specinuna veterum scripturarum,» Книга палеографическаго содержанія съ 58 гравированными на мѣди таблицами, содержащими образцы письма. Снимки поразительной точности для того времени и могутъ сослужить прекрасную службу и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что транскрипція въ нихъ поставлена надъ самой строкой.

6) «Liber Vl, compectens varia diplomata et instrumenta ad praecedentium librorum probationem». Сборникъ документовъ (около 200) отъ 471 года по XI столѣтіе, анализъ которыхъ можетъ подтвердить правила, изложенныя въ первыхъ книгахъ.

Въ «Supplementum» Мабильонъ касается вопроса о буллахъ и, между прочимъ, издаетъ и комментируетъ знаменитый, единственный въ своемъ родѣ, фрагментъ письма византійскаго императора, адресованнаго къ одному изъ французскихъ королей, но до сихъ поръ это не доказано [1]).

Среди единодушныхъ похвалъ, только іезуиты пытались подорвать славу Мабильона, они защищали Папеброка, который между тѣмъ самъ благородно призналъ правду противника. На нападенія іезуитовъ возражали сторонники Мабильона; возгорѣлась полемика, названная «дипломатическою войною».

Высокая репутація Даніеля Ванъ-Папеброка и соревнованіе ученыхъ іезуитовъ съ учеными бенедиктинцами вызвали обширную литературу за и противъ Мабильона. Въ пылу полемики не обращалось вниманія даже на то, что самъ Папеброкъ призналъ правоту противника [2]).

Противъ Мабильона выступилъ съ большой горячностью іезуитъ-патеръ Barthol. Germon съ книжкой «De veteribus regum Trancorum diplomatibus et arte secernendi antiqua diplomata vera à falsis disceptatio» (Parisiis, 1703, 8°), въ 1706 г. онъ выпустилъ

---

[1]) О Мабильонѣ вышла въ свѣтъ біографія на французскомъ языкѣ черезъ два года послѣ его кончины—въ 1709 г.; сочинилъ ее Theodoricus Ruinart. Трудъ этотъ переведенъ на латинскій языкъ: „Vita Ioannis Mabillonii“ (Patavii, 1714, 8°). Emmanuel de Broglie: „Mabillon et la Société de l'Abbaye de St. Germain de Prés“ (2 vls. Paris, 1888, 8°). H. Jadart: „Dom Jean Mabillon“ (Reims, 1879). F. Karker: „Dom Jean Mabillon“ (Paderborn, 1889, 8°), маленькая и поверхностная книжка. P. Guitbert Baumer: „Iohannes Mabillon“ (Ein Lebens und Litoraturbild aus dem XVII und XVIII Jahrhundert), издана въ Аугсбургѣ въ 1892 г., 8°, съ портретомъ Мабильона и съ прекрасной библіографіей источниковъ и пособій.

[2]) Въ „Supplementum“ Мабильона напечатана: „P. Paperbrochii epistola ad Mebillonium, quam lecto ejus libro de re diplomatica scripsit, in qua ignoscendi postulatio continetur, scripta 1683“.

вторую «Disceptatio», а въ 1707 г. «disceptationes» противъ многихъ защитниковъ Мабильона, каковыми явились: 1) Fontanini: «Vindiciae antiquorum diplomatum» (Romae, 1705, 4°), 2) Theod. Ruinart: «Ecclesia Parisiensis vindicata adversus R. P. Barthol. Germonii duas disceptationes (Parisiis, 1705, 12°), 3) Lazarini; 4) Gatti и др. Но еще раньше изъ глубины Испаніи раздался голосъ въ защиту мнѣній Мабильона—въ 1688 г. въ Саламанкѣ Joseph Perez напечаталъ «Dissertationes ecclesiasticae de re diplomatica» (4°), — книжка повидимому чрезвычайно рѣдкая, потому что за 10 лѣтъ ни одинъ книгопродавецъ не могъ ее достать. Бой разгорѣлся до того, что въ 1729 г. могла появиться цѣлая книжка Gasp. Beretti: «Historia della guerra diplomatica» (Mediolani, 4°) и даже въ 1770 годахъ проф. Schwabe въ Гейдельбергѣ печаталъ въ защиту о. Жермона.

Въ смыслѣ развитія изученія дипломатики, вся эта полемика отразилась самымъ благодѣтельнымъ образомъ; литература такъ разрослась, что къ концу XVIII в. стала сознаваться необходимость въ библіографическихъ трудахъ, каковымъ и явилась книга Friedrich August Huch: «Versuch einer Litteratur der Diplomatik» (Erlangen. 1792. 8°).

Французскіе ученые продолжали господствовать и послѣ Мабильона на почвѣ изученія историческаго источниковѣдѣнія. Съ 1750 и по 1765 г., въ 6 толстыхъ in 4°, Бенедиктинцы dom Tassin и dom Toustain издали «Nouveau traité de diplomatique», знаменитый трудъ, который до сихъ поръ служитъ справочной книгой, хотя онъ, можетъ быть, только дополнилъ, а не превзошелъ геніальнаго творца книгъ «de re diplomatica». Но эти громадные квартанты составляютъ до сихъ поръ первоисточникъ: при каждой справкѣ необходимо перелистать тамъ соотвѣтствующій отдѣлъ.

Среди тѣхъ же Мавриніанъ появился ученый, создавшій палеографію и дипломатику греческихъ документовъ. Это былъ домъ-Бернаръ де-Монфоконъ, младшій современникъ Мабильона [1]), могучій работникъ, который собралъ вокругъ себя кружокъ ученыхъ, получившій даже наименованіе академіи Бернардиновъ («Academie Bernardine», «les Bernardins»).

Бернаръ Монфоконъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, изъ провинціи Лангедокъ, и въ немъ выразились

---

[1]) О немъ, напр., Emman de Broglie: „Bernard de Montfaucon et les Bernardins“ (Paris, 1891, 2 vls. 8°).

всѣ не разъ описанння особенности французскихъ южанъ; пылкій, страстный, порывистый, одинаково впечатлительный и упрямый, онъ нисколько не походилъ по характеру на кроткаго Мабильона; быстрый и на рѣзкость, и на остроты, онъ нерѣдко смущалъ своихъ товарищей монаховъ, прозвавшихъ его въ шутку по имени принадлежавшаго его роду замка, господиномъ Роктальядомъ (de Roquetaillade). Монфоконъ родился въ 1655 г. въ семьѣ довольно богатаго дворянина, и провелъ дѣтство среди многочисленныхъ братьевъ и сестеръ (семья состояла изъ 4 сыновей и 7 дочерей) и очень рано пристрастился къ книгамъ; въ этомъ ему весьма помогъ одинъ изъ его родственниковъ имѣвшій замокъ и землю, но проводившій жизнь исключительно въ собираніи и чтеніи книгъ. Чтеніе книгъ не довело этого господина до добра; нашлись люди, которые его разорили, онъ лишился земель и принужденъ былъ поселиться у родственниковъ. Въ Роктальядъ, къ Монфоконамъ, онъ явился съ громаднымъ ларемъ, наполненнымъ книгами. Это было все его достояніе, которое и осталось у Монфоконовъ. Однажды мальчикъ Бернаръ замѣтилъ, что мыши прогрызли сундукъ и таскаютъ оттуда кусочки бумаги; для спасенія книгъ пришлось подобрать ключъ и, открывъ ларь, перебрать книги. Неисчислимыя сокровища по исторіи и географіи открылысь юному Бернару Монфокону, и онъ погрузился въ чтеніе, проводя надъ книгами по семи-восьми часовъ въ день. Однако исторіи войнъ увлекали болѣе, чѣмъ другія книги, и вотъ, въ 1672 г. Бернаръ де Монфоконъ поступаетъ въ военную службу, въ войска, предводимыя Тюреннемъ. Неудачны были походы Монфокона. Въ 1674 г. онъ захворалъ, и во время его болѣзни произошла битва, кончившаяся смертельнымъ пораженіемъ ближайшаго начальника Монфокона, капитана d'Hautpoul, который приходился родичемъ владѣтелямъ Роктальяда. На смертномъ одрѣ умирающій посовѣтовалъ юному родственнику бросить военную службу и вернуться къ себѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ, хворый и разстроенный, удалился Монфоконъ на родину и едва пріѣхалъ, какъ лишился матери, скончавшейся въ концѣ 1674 г. Оставшись круглымъ сиротою (отецъ умеръ въ 1672 г.), девятнадцатилѣтній Бернаръ рѣшился уйти въ монахи. Онъ постригся въ Тулузѣ, въ Бенедиктинскомъ монастырѣ. Умные монахи поняли настроеніе юноши и заняли его наукой. Старая страсть проснулась, и Монфоконъ забылъ всѣ горести въ изученіи книгъ и греческаго языка. Юный офицеръ быстро пре-

вратился въ ученаго іеромонаха, поразительныя способности котораго обратили на себя вниманіе въ Парижѣ. Въ 1687 г. Монфоконъ былъ вызванъ въ Парижъ въ знаменитое аббатство S.-Germain de Prés, и тамъ сдѣлался помощникомъ и любимцемъ Мабильона. Какъ знатоку греческаго языка, Монфокону поручены были занятія надъ греческими рукописями и изданіе твореній нѣкоторыхъ св. отцовъ восточной церкви.

Въ 1698 г. вышли въ свѣтъ, въ трехъ томахъ in folio, сочиненія св. Аѳанасія Александрійскаго, встрѣтившія самый лестный пріемъ. И нашъ знаменитый византивистъ [1]) отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Трудъ принадлежалъ исключительно Монфокону, который, вмѣстѣ съ нимъ, выросъ до полной и удивительной ученой зрѣлости, успѣвъ познакомиться, сколько было нужно, съ языками еврейскимъ, сирійскимъ, коптскимъ и отчасти арабскимъ. Предисловіе, исполненное учености, въ которомъ показана недостаточность всѣхъ прежнихъ изданій, слѣдующія затѣмъ приложенія съ жизнеописаніями св. Аѳанасія (одно арабское переведено было Ренодо (Renaudot), текстъ, установленный по спискамъ парижскимъ и ватиканскимъ, все это сообщало чрезвычайную цѣну труду Монфокона; изданіе тогда же было названо несравненнымъ и остается доселѣ несравнимымъ». Въ виду того, что предполагалось изданіе полнаго собранія сочиненій св. Іоанна Златоустаго, Монфокону необходимо было ознакомиться подробнѣе съ библіотеками Италіи, въ которой онъ и провелъ слишкомъ три года, посѣтивъ Венецію, Миланъ, Флоренцію, Монтекассино, а главнымъ образомъ Римъ. Результатомъ, въ видѣ отчета, былъ большой квартантъ Diarium italicum, вышедшій въ свѣтъ въ 1702 г. [2]). Монфокона въ Италіи вездѣ «встрѣчали [3]), какъ великую знаменитость; герцогъ тосканскій вручилъ ему во Флоренціи ключи отъ Лаврентіанской библіотеки, чтобы онъ могъ заниматься въ ней когда угодно; самъ папа оказалъ свое вниманіе и благосклонность, такъ что эти знаки всеобщаго уваженія къ иностранцу возбудили нѣкоторое чувство ревности, если не зависти, въ мѣстныхъ ученыхъ, не исключая Цаканьи (Zaccagni), префекта Ватиканской библіотеки. Сюда относится разсказъ объ испытаніи или, лучше сказать, ловушкѣ, устроенной противъ Монфокона этимъ Цаканьи съ

---

[1]) Васильевскій, В. Г., I, стр. 156.

[2]) Очень цѣнна также переписка Монфокона, см. Valery: „Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, 3 vls. 8°.

[3]) Васильевскій, ibidem, стр. 157.

друзьями. Ему предложили старинную греческую рукопись и съ лестными комплиментами просили научить и наставить—опредѣливъ прежде всего вѣкъ, къ которому манускриптъ долженъ быть относимъ. Когда Монфоконъ указалъ на послѣднюю четверть десятаго вѣка (за семьсотъ лѣтъ), то ему сухо замѣтили, что онъ ошибается, такъ какъ имя императора Василія, упомянутое въ припискѣ, свидѣтельствуетъ о принадлежности рукописи еще предыдущему столѣтію: Василій Македонянинъ царствовалъ отъ 867 по 886 годъ. Однако Монфоконъ пожелалъ ближе всмотрѣться въ приписку, и когда оказалось, что при имени Василія прибавлено слово «Ἐκ τῆς Πορφύρας» (отъ порфиры), то, въ самомъ дѣлѣ, получилъ возможность преподать хорошій урокъ своимъ совопросникамъ, научивъ ихъ, что эта прибавка указываетъ на Василія Порфиророднаго, рожденнаго въ пурпурѣ, а такимъ былъ только Василій II Болгаробойца (976—1025 г.). Возможность такого анекдота, разсказаннаго въ похвальной рѣчи Монфокону де-Бозомъ (de Boze), доказывается до нѣкоторой степени тѣмъ, что знаменитый Ватиканскій Менологій, драгоцѣннѣйшая изъ всѣхъ византійскихъ рукописей по своимъ миніатюрамъ, вслѣдствіе посвященія имератору Василію долго считался принадлежностью девятаго вѣка, и Бароній прямо разумѣлъ тутъ Василія I Македонянина».

Съ теченіемъ времени Монфоконъ пріобрѣлъ славу перваго, по ученой эрудиціи, ученаго Европы и занялъ въ ученомъ мірѣ совсѣмъ особое первенствующее мѣсто. Этому способствовала всегдашняя самостоятельность Монфокона, рисовавшая его недосягаемымъ, непоколебимымъ. Онъ никогда не вступалъ въ полемику, не отвѣчалъ на критики, внѣ сферы своихъ занятій ничего не добивался. До 1719 г. онъ не былъ членомъ Академіи Надписей и не проходилъ тогда необходимыхъ степеней «élève, adjoint, associé, которыя предшествовали званію академика. Въ 1719 г. Регентъ Франціи внялъ общественному мнѣнію; король Людовикъ XV по докладу регента приказалъ принять Монфокона въ число членовъ академіи, хотя не было ни одного свободнаго мѣста, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ ему было предоставлено первое вакантное кресло. Честь была оказана, какъ написано въ подлинномъ оффиціальномъ письмѣ, дабы въ Академіи «on y profitera de ses lumières».

Критическое чутье, выработанное колоссальной начитанностью, превосходное знаніе многихъ языковъ, феноменальная память и еще болѣе феноменальная продуктивность — все это,

взятое вмѣстѣ, поражало современниковъ, окружало Монфокона ореоломъ. Онъ казался какимъ-то одинокимъ гигантомъ, сверхчеловѣкомъ! И надо сказать—онъ издалъ однихъ фоліантовъ 44, не считая мелкихъ произведеній! Тайну этой продуктивности онъ выдалъ случайно, мимоходомъ, въ мемуарѣ, въ которомъ онъ самъ для себя сдѣлалъ обзоръ своихъ трудовъ: «Je ne dois pas omettre, que trois ou quatre ans avant que de partir pour l'Italie je m'étais fort appliqué à l'hébreu, au syriaque et à l'arabe, et que j'employais plusieurs heures du jour à l'étude de ces langues. Je continuais aussi en même temps la lecture des historiens grecs, Hérodote, Thucydide etc., et des historiens ecclésiastiques, Eusèbe, Socrate, Sozomène etc. J'employais treize ou quatorze heures par jour à lire et à écrire, comme j'ai toujours fait jusqu' à présent [1]).

А написано это въ 1739 г., какъ разъ когда Монфокону пошелъ 85-й годъ.

Наиболѣе важнымъ. въ научномъ отношеніи, трудомъ этого удивительнаго человѣка является его «Palaeographia Graeca, sive de ortu et progressu literarum graecarum (Parisiis. MDCCVIII, in folio), въ которой создана новая научная дисциплина да такъ, что послѣдующій цѣлостный трудъ въ этой области «Griechische Palaeographie». Gardthausen'а появился лишь въ 1879 г.

Палеографія Монфокона составилась изъ изумительнаго количества личныхъ наблюденій надъ рукописнымъ матеріаломъ, творчески сведенныхъ въ одно цѣлое. Замѣчательно, что несмотря на тѣ открытія, которыя сдѣланы въ XIX столѣтіи, основныя идеи Монфокона сохраняютъ свою силу. По его подсчету, ему были извѣстны 11.630 греческихъ рукописей!

Для насъ особенно важно, что шестая книга палеографіи,—«Liber sextus: De re diplomatiea graece. Prologus do Diplomatibus graecis, et de diplomatibus Regni Neapolitani et Siciliae» спеціально посвящена палеографіи дипломатической, можно сказать, прямо дипломатикѣ, на основаніи южно-итальянскихъ архивовъ, въ которыхъ еще сохраняются немногіе акты на греческомъ языкѣ. Мнѣ не извѣстно, чтобы въ новѣйшее время кто-либо посвятилъ спеціальный трудъ греческой дипломатикѣ, а это вопросъ назрѣвшій; собранный и обнаруженный въ настоящее время матеріалъ далеко превосходитъ то, что было извѣстно

---

[1]) De Broglie, v. I, II.

во времена Монфокона. Отмѣтимъ, между прочимъ, что въ главѣ о дипломатикѣ Монфоконъ допустилъ извѣстное невѣрное чтеніе подписи на знаменитомъ письмѣ Византійскаго императора, именно онъ прочелъ «(Cons)-tantinus» (см. стр. 266).

Надо сказать, что если Монфоконъ и ошибался въ этомъ письмѣ, то въ оправданіе его можно сказать, что письмо это является чѣмъ-то исключительнымъ въ своемъ родѣ и что и Мабильонъ ошибался въ признаніи подлинности документа. Объ этомъ знаменитомъ дѣлѣ я буду говорить позднѣе, въ немъ былъ замѣшанъ Этьенъ Балузій, который будто бы является соучастникомъ поддѣльщиковъ. Греческіе документы, о которыхъ писалъ Монфоконъ, до сихъ поръ остаются почти неизученными. Въ самое послѣднее время въ Аѳинахъ сдѣланъ переводъ съ англійской палеографіи Тонса. Но какъ всегда, починъ принадлежитъ нѣмцамъ, и Баварская Академія Мюнхена постановила собрать памятники среднихъ вѣковъ и новаго времени и они довольно остроумно раздѣлили всѣ существующіе документы на семь серій: Königl. Bayerische Academie der Wersenschaften eines Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Mnuchen. 1903. 4⁰. Главная часть— трудъ Paul *Marc*: «Register über des Byzantinische und neugriechische Urkundenmaterial».

I. Erste Sektion: Konstantinopel und Umgebungen.
  a) Kaiserurkunden.
  b) Patriarchatsurkunden.
  c) Klöster und Kirchen.
  d) Gerichts-und Privaturkunden.
  e) Umgebungen.
II. Zweite Sektion.
  Kleinasien mit dem Hinterland und mit den Inseln.
III. Dritte Section.
  Kymos. Syrien. Palaestina. Sinai. Aegypten.
IV. Vierte Sektion.
  Thenalien und Epeiros mit Jonischen Inseln.
V. Hellas und die griechischen Inseln.
VI. Italien und des Abendland.
  a) Sizilien.
  b) Unter Italien.
  c) Mittel und Oberstalten.
VII. Siebende Sektion.
  Thrakien, Makedonien, Dalmatien und der Slavische Norden

(тутъ и Сербія, и Болгарія, Угровлахія, Херсонесъ, Кавказъ и Russland).

NS. На послѣдней стр. расчетъ всей стоимости 18 томовъ по 500—600 стр. in folio 8^0; всѣ расходы считаются 5.000 м. за часть—все предпріятіе, 90.000 м.

NS. Указываютъ, что трудъ Miklosich und Müller «Acta et diplomata» въ 6 частяхъ былъ изданъ въ 300 экз. и давно распроданъ. Spata, Cusa Trinchera и т. д. или рѣдки, или разбросаны по разнымъ изданіямъ и на разныхъ языкахъ. (Въ 1901 г. Академія Баварская рѣшила заняться составленіемъ Корпуса: начало съ Константина Великаго, періоды по 1453 и съ 1453—1800 (съ выборомъ). Инціаторы—Иреченъ, Вѣна и Крумбахеръ, Мюнхенъ).

Аѳонъ, которымъ занимается Петербургская Академія, выдѣленъ въ секцію VIII. Издавать будетъ ассоціація академій.

Не знаю, удастся-ли исполнить Мюнхенской Академіи это предпріятіе: то, что можно было создать въ 1617 г., какъ-то труднѣе создается въ настоящее время, но надо думать, что это предпріятіе, во всякомъ случаѣ, будетъ исполнено скорѣе, чѣмъ инвентарь всѣхъ русскихъ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ авторовъ до 1613 года, на исполненіе котораго еще меньше можно надѣяться теперь, когда вся Россія находится въ угарѣ политики, отвергающей науку.

Превосходнымъ дополненіемъ къ «Paleographia graeca» служитъ вышедшій въ 1715 г. громадный томъ «Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana» (Parisiis, in folio), въ которомъ описаны греческія рукописи библіотеки герцога Коалена, нынѣ находящіяся въ Національной Французской библіотекѣ, и изданы снимки съ нѣкоторыхъ миніатюръ, изображающихъ византійскихъ императоровъ въ орнаментѣ.

Хотя либеральное философское движеніе въ XVIII столѣтіи отвлекало мысль отъ изученія древности и предлагало новыя задачи обществу, но и за XVIII вѣкъ во Франціи задумывается и почти до конца выполняется цѣлый рядъ грандіозныхъ предпріятій. Замѣчательно только, что вездѣ мы видимъ имена все тѣхъ же несравненныхъ бенедиктинцевъ!

Напомнимъ такія изданія, какъ «Recueil des historiens des Gaules et de la France» (Par M. Bouquet), первый томъ котораго вышелъ въ 1738 г., какъ «Histoire littéraire de la France» (первый томъ вышелъ въ 1733 г.), какъ «Gallia christiana»

(Parisiis, 1716—1785, XIII vls. in folio. Это, впрочемъ, второе изданіе; 1 изд.—Paris, 1656, 4 vls. in folio).

Изданіе документовъ развилось до того, что въ 1769 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ труда Bréquigny: «Tables chronologiques des diplômes, chartes, titres et actes imprimés, concernant l'histoire de France» (Paris, 1769—1783, 3 vls. in folio. 4-й томъ былъ начатъ печатаніемъ и уничтоженъ во время революціи).

Этотъ трудъ былъ настолько цѣненъ, что нѣсколько томовъ было издано впослѣдствіи, но естественно, что трудъ, который былъ начатъ въ половинѣ XVIII столѣтія, въ этомъ изданіи уже устарѣлъ и въ настоящее время служитъ только памятникомъ того, что дѣлалось въ XVIII столѣтіи. Надо сказать, что это предпріятіе имѣетъ чрезвычайно важное практическое значеніе, потому что акты разбросаны по изданіямъ періодическимъ, которыхъ за границей безчисленное множество, до такой степени много, что нигдѣ, кромѣ Бельгіи, не рѣшаются предпринять что-либо подобное.

Какъ бы въ дополненіе къ громадному «Traité» бенедиктинцевъ, архивистъ Le Moine издаетъ «Diplomatique-pratique ou traité de l'arrangement des archives et trésors des chartes» (Metz, 1765, 4⁰), а архивистъ Battheney: «L'archiviste François, ou méthode sure pour apprendre à arranger les archives et déchiffrer les anciennes écritures», 2 изд. (Paris, 1775, 4⁰).

Оба изданія представляютъ практическія руководства для пользованія архивами и древними документами и содержатъ въ приложеніи рядъ таблицъ съ гравированными изображеніями различныхъ средневѣковыхъ сокращеній.

Въ 1774 г. J. F. de Vaines, подъ названіемъ «Dictionnaire raisonné de diplomatique» (Paris, 2 vls. 8⁰), издалъ расположенное въ формѣ словаря сокращеніе шеститомнаго «Nouveau Traité» своихъ сотоварищей бенедиктинцевъ. Трудъ этотъ оказался настолько удачнымъ и полезнымъ, что былъ переизданъ (съ значительными, впрочемъ, дополненіями) A. Bonnetty (Paris, 2 vls. 8⁰) не далѣе, какъ въ 1863 г.

Интенсивная научная дѣятельность французовъ не могла не отразиться и въ другихъ странахъ: въ Италіи, Германіи и Англіи изученіе дипломатики становится на прочную почву уже въ XVIII столѣтіи.

Въ настоящее время если какая-либо страна соперничаетъ съ Франціей въ области изученія западно-европейской дипломатики, такъ это Италія. Какъ и слѣдовало ожидать, именно

въ ней съ наибольшей силой отразились труды иноземныхъ бенедиктинцевъ и іезуитовъ. Высокая культурность Италіи еще въ XVI столѣтіи создала большую литературу: съ XV вѣка въ Италіи появляются и становятся обычнымъ явленіемъ крупныя, изящныя изданія, роскошно иллюстрированныя и еще лучше исполненныя въ типографскомъ отношеніи. Немудрено, что въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ Италія опережала и Францію. Такъ, ранѣе, чѣмъ былъ задуманъ «Recueil des historiens des Gaules et de la France», въ Миланѣ сталъ появляться въ свѣтъ громадный сборникъ «Rerum Italicarum Scriptores», первый фоліантъ котораго, украшенный роскошнымъ фронтисписомъ, вышелъ въ свѣтъ въ 1723 г. Издалъ его патеръ Людовикъ-Антоній Муратори (р. 1672,—ум. 1750), библіотекарь герцога Моденскаго, по трудолюбію и учености достойный соперникъ бенедиктинцевъ.

Съ 1723 г. и по 1728 г. онъ напечаталъ 24 тома въ 27 фоліантахъ (25-й и послѣдній томъ былъ изданъ посмертно съ 1751 г.) [1], а съ 1738 и по 1742 г. (въ Миланѣ же) издалъ знаменитый свой трудъ (въ шести фоліантахъ) «Antiquitates Italicae medii aevi», состоящій изъ огромнаго количества небольшихъ диссертацій, обнимающихъ разнообразныя стороны италійскихъ древностей. Два очень цѣнныхъ трактата: «De diplomatibus antiquis, dubiis aut falsis» и «De Sigillis medii aevi» (оба разсужденія въ III томѣ) касаются прямо дипломатики и, такъ сказать, продолжаютъ Мабильона.

Муратори, издавшій, кромѣ указанныхъ 33 томовъ in fólio, еще длинный рядъ другихъ сочиненій, составляетъ гордость Италіи. Черезъ тридцать уже лѣтъ послѣ его смерти стала издаваться его обширная переписка, затѣмъ мало-по-малу появилась одна за другой монографіи о немъ и его дѣятельности, а къ двухсотлѣтію дня рожденія благодарные итальянцы почтили Муратори изданіемъ «Archivio Muratori» (Modena, 1872). На одной изъ лучшихъ улицъ г. Модены Муратори воздвигнутъ памятникъ.

Литература относительно Муратори въ послѣднее время еще болѣе расширилась, такъ какъ рѣшено было переиздать «Rerum italicarum scriptores, какъ основной источникъ итальянской исторіи, что уже наполовину и приведено въ исполненіе.

---

[1]) Въ настоящее время начато переизданіе громаднаго сборника Муратори (съ поправками и дополненіями).

Въ настоящее время итальянцы издаютъ громадный «Epistolario Muratoriano», въ который войдутъ всѣ письма этого удивительнаго труженика.

Надо отмѣтить также и дѣятельность маркиза Сципіона Маффеи (Maffei), написавшаго «Istoria diplomatica» (Mantova, 1727, 4⁰)—собственно, какъ и обозначено въ длинномъ заглавіи книги, введеніе въ науку критическаго изученія документовъ. Маффеи трактуетъ объ эпиграфикѣ римлянъ, касается архивовъ, печатаетъ тексты древнѣйшихъ, ему извѣстныхъ, актовъ на папирусѣ и не переходитъ за XVIII столѣтіе. Въ концѣ книги приложенъ рядъ диссертаціи, имѣющихъ весьма малое соотношеніе съ дипломатикой, какъ, напримѣръ, о происхожденіи этрусковъ и латинянъ. Отмѣтимъ еще трудъ Giovan-Erisostomo (sic) Trombelli: «Arte di conscere l'età de'codici latini e itatiani (2 изд. Bologna, 1778, 4⁰).

Въ Англіи спеціальные трактаты по дипломатикѣ прилагались, въ видѣ предисловій и введеній, къ сборникамъ документовъ. Такъ, Madox, въ видѣ вступленія къ «Formulare anglicanum» (London, 1702, folio), напечаталъ длинное разсужденіе о древнихъ хартіяхъ, написавъ его на англійскомъ языкѣ («A dissertation concerning ancient charters and instruments», въ приложеніи помѣщена таблица съ дипломатическими свѣдѣніями, начиная съ Вильгельма Завоевателя); Ѳома Рудиманъ (Th. Rudimann) напечаталъ обширный трактатъ по дипломатикѣ шотландскихъ королей, въ видѣ введенія къ сборнику актовъ, изданныхъ Андерсономъ (Anderson) въ факсимиле: «Selectus diplomatum et numismatum Scotiae thesaurus» (Edimburg, 1739, in folio).

Вліяніе Мабильона въ Германіи раньше всего сказалось въ обширномъ трудѣ, заглавіе котораго не соотвѣтствуетъ его содержанію. Я разумѣю книгу «Ghronicon Gottwicense seu annales liberi et exemptri monasterii Gottwicensis» Tegerusee, 1732, in folio). Авторъ ея, Bessel (G.), хотѣлъ написать исторію своего монастыря, но задумалъ свое предпріятіе въ столь широкихъ размѣрахъ, что ему удалось выпустить въ свѣтъ лишь «Tomus prodromus», спеціально посвященный германской дипломатикѣ («de codicibus, antiquis, de imperatorum ac regum Germaniae diplomatibus» и т. д.).

Это огромное сочиненіе, снабженное рядомъ гравированныхъ таблицъ, является первымъ цѣльнымъ трудомъ по нѣмецкой дипломатикѣ.

Нѣмецкіе ученые XVIII столѣтія занялись спеціализаціей

дипломатическаго знанія, въ ихъ этюдахъ видно стремленіе къ превращенію дипломатическихъ трактатовъ въ справочныя книги; эта осабенность нѣмецкаго генія сказалась и въ позднѣйшихъ изданіяхъ разныхъ «регестъ».

Очень цѣненъ былъ для своего времени большой трудъ профессора юриста Іоанна Геймана (Heumann): «Commentarii de re diplomatica» («imperatorum ac regum inde a Caroli Magni temporibus adornati»), изданный въ 3 vls. 4⁰, въ Нюрембергѣ, въ 1745—1753 годахъ.

Авторъ подробно и систематически разбираетъ акты по царствованіямъ, начиная съ Карла Великаго, и въ самомъ введеніи опредѣленно указываетъ, что идетъ по слѣдамъ Мабильона, Балюзія, Мартеня и Муратори.

Даніель-Эбергардъ Барингій (Baringius), въ сочиненіи своемъ: «Clavis diplomatica» (Hanoverae, 1737, 4⁰), перенесъ дѣло на практическую почву и обратилъ главное вниманіе на словарь сокращеній, употреблявшихся въ актахъ, съ одной стороны, и на справочную библіографію дипломатики—съ другой. Трудъ Барингія, въ виду его полезности, былъ переизданъ въ 1754 г. (Hanoverae, 4⁰), съ указаніемъ въ самомъ заглавіи, что это editio «sic·ab auctore recognita, emendata ac locupletata, ut novum opus videri possit», и дѣйствительно это изданіе, выпущенное въ свѣтъ сыномъ автора, почти тройного размѣра противъ перваго, считая въ томъ числѣ перепечатки «Propylacum» Папеброка и статей нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ.

Однако, въ смыслѣ словаря сокращеній, почти безконечное обиліе которыхъ такъ затрудняетъ и въ настоящее время, не менѣе, чѣмъ прежде, западную дипломатику, пальму первенства получилъ вышедшій вскорѣ послѣ этого превосходный трудъ Walther'а (Ulnae, 1756), небольшой фоліантъ, весь состоящій изъ гравированныхъ таблицъ. Книга составлена настолько хорошо, что до сихъ поръ очень цѣнится, продается очень дорого и можетъ служить справочной книгой.

Много сдѣлалъ для практическаго примѣненія и распространенія дипломатическихъ знаній геттингенскій профессоръ Гаттереръ, одинъ изъ трудовъ котораго, «Начертаніе гербовѣдѣнія», былъ переведенъ и на русскій языкъ. Слѣдуетъ отмѣтить его книжки: «Elementa artis diplomaticae universalis» (Göttingen, 1765, 4°); «Abriss der Diplomatik» (Göttingen, 1798, 8⁰); «Praktische Diplomatik» (Göttingen, 1779, 8⁰).

Надо сказать, что Гаттереръ имѣлъ своимъ корреспонден-

*

томъ нашего Миллера, директора Московскаго Архива, который готовилъ ему документы.

Изданіе документовъ процвѣтало въ Германіи уже и въ XVIII столѣтіи, достаточно указать, что 1763 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ драгоцѣннаго сборника Мюнхенской Академіи «Monumenta Boica» (Monachii, 4⁰).

Конецъ XVIII столѣтія ознаменовался страшнымъ переворотомъ во Франціи, бурей и грозой въ человѣчествѣ, которыя хотя и очистили, освѣжили воздухъ, но въ слѣпой ярости стихій переломали, исковеркали, уничтожили много драгоцѣнныхъ вещей, учрежденій, даже жизней. Во имя гуманности залита была Франція человѣческой кровью, во имя свободнаго просвѣщенія потокомъ невѣжества смыто было съ лица земли огромное количество памятниковъ письменности, памятниковъ искусства! На время замолкло во Франціи изученіе древности, но тѣмъ сильнѣе была потомъ реакція.

Если въ области дипломатики сдѣланъ былъ рядъ пріобрѣтеній, то опять таки этимъ наука была обязана Франціи, въ которой учрежденіе специальной École des Chartes дало сильный толчекъ разработкѣ вспомогательныхъ историческихъ знаній.

Исторія учрежденія и постепеннаго развитія École des Chartes очень поучительна; весьма любопытно сопоставленіе судебъ ея съ исторіей нашего Археологическаго Института.

École des Chartes учрежденіе государственное съ опредѣленнымъ штатомъ профессоровъ и курсами, обезпеченное матеріально и имѣющее полную возможность правильнаго изданія такого важнаго и довольно на иностранный ладъ обширнаго (надо вамъ сказать, что заграничные журналы гораздо меньше нашихъ толстыхъ журналовъ) органа, какъ «Bibliothèque de l'École des Chartes», закончившаго въ 1900 г. 61-й томъ и годъ существованія. Если поступленіе въ школу весьма затруднено большими требованіями — степень баккалавра и строгимъ вступительнымъ экзаменомъ, на которомъ требуется писаніе на тему по латыни, знаніе языковъ: англійскаго, нѣмецкаго и одного изъ двухъ — или итальянскаго или испанскаго, то зато дипломъ архивиста-палеографа даетъ его обладателю значительныя права. Въ главнѣйшихъ правительственныхъ архивахъ и библіотекахъ почти всѣ должности по закону замѣщаются исключительно этими дипломированными архивистами. Къ сожалѣнію, демократическая республика не оставила въ покоѣ и научныхъ

дѣятелей: явилась тенденція замѣщать ученыя должности креатурами господъ депутатовъ, не имѣющими ученыхъ степеней. Такъ въ 1902 г. были назначены: директоромъ архивовъ, а завѣдующимъ всѣми библіотеками. Этими прецедентами подрывалось движеніе по службѣ настоящихъ ученыхъ, которыхъ ограничивали второстепенными. мѣстами. Ученые указали на законъ, который представлялъ имъ право занимать извѣстныя должности, но правительственный судъ рѣшилъ, что дѣло идетъ о должностяхъ, которыя требуютъ особаго довѣрія. И такимъ образомъ правители расписались въ томъ, что науку они довѣряютъ такимъ людямъ, которые ея не знаютъ. Въ 1904 г. произошелъ случай еще болѣе возмутительный, показывающій всю прелесть демократическаго правленія и демократической нивеллировки: знаменитый палеографъ Леопольдъ Делиль, извѣстный всему міру, которому въ день его юбилея были поднесены сотни адресовъ, черезъ мѣсяцъ послѣ этого былъ уволенъ по преклонному возрасту отъ управленія Національной Библіотекой и замѣненъ господиномъ, который ничего не значитъ въ наукѣ. Но Леопольдъ Делиль даже и въ отставкѣ остается такимъ же первымъ въ теченіе первой половины вѣка палеографомъ въ Европѣ.

Въ настоящемъ своемъ положеніи École des Chartes учрежденіе въ одно и то же время ученое и учебное, преподаваніе въ ней охватываетъ всѣ отрасли историческаго знанія, которыя могутъ служить для выясненія и изученія состоянія Франціи до конца XVIII в., причемъ особенное вниманіе обращается на средніе вѣка. Такимъ образомъ подготовляются ученые спеціалисты по историческому источниковѣдѣнію, изъ среды которыхъ уже вышло не мало именъ, составляющихъ украшеніе французской науки. Съ другой стороны школа прекрасно выполняетъ и практическую задачу – подготовленіе ученыхъ архивистовъ и библіотекарей.

Первоначально мысль объ основаніи школы появилась въ формѣ такого учрежденія, гдѣ бы старики ученые въ тиши уединенія руководили бы и совершенствовали молодыхъ людей, способныхъ къ наукамъ, приготовляя ихъ къ предпріятію большихъ научныхъ трудовъ. Въ такомъ направленіи подана была докладная записка Наполеону I въ 1807 г., который высказался съ полнымъ пониманіемъ той пользы, какую должна имѣть школа, посвященная спеціально разработкѣ исторіи и географіи Франціи. Проектъ былъ близокъ къ осуществленію, но внѣшнія

обстоятельства воспрепятствовали его выполненію и École des Chartes не суждено было появиться при Наполеонѣ, несмотря на все его сочувствіе этому дѣлу.

Только въ концѣ 1820 г. баронъ де-Жерандо (Gérando) внесъ новый проектъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ графу Симеону (Siméon). 22 февраля 1821 г. на основаніи этого проекта и была учреждена «École des Chartes», главной цѣлью которой уже прямо было выставлено только чтеніе и критика средневѣковыхъ текстовъ.

Учрежденіе и дѣятельность Парижской École des Chartes въ исторіи Дипломатики составили эпоху и имѣютъ въ XIX столѣтіи такое же значеніе, какое въ XVII имѣли труды Мабильона. Можно пожелать, чтобы и нашъ Археологическій Институтъ по отношенію къ русской наукѣ когда-нибудь выполнилъ ту миссію, какую выполнилъ уже институтъ французскій для изученія среднихъ вѣковъ Западной Европы вообще.

Когда проектъ барона де-Жерандо (Gérando) въ его первоначальномъ видѣ встрѣтилъ препятствіе къ исполненію, министръ внутреннихъ дѣлъ Людовика XVIII графъ Симеонъ въ февралѣ 1821 г. подалъ королю докладъ, въ которомъ настаивалъ на необходимости подготовлять на государственный счетъ нѣсколькихъ молодыхъ людей къ чтенію и критикѣ средневѣковыхъ текстовъ, чтобы возродить науку о хартіяхъ («la science des chartes»). Графъ имѣлъ полное основаніе говорить о возрожденіи—этотъ терминъ приложимъ къ тому состоянію, въ какое пришло изученіе древностей послѣ революціонной эпохи. Уничтоженіе монашескихъ орденовъ и особенно конгрегаціи св. Мавра подорвало въ корень изученіе вспомогательныхъ историческихъ знаній. Время великой революціи было въ этомъ отношеніи эпохой вандализма—историческое источниковѣдѣніе понесло въ нѣсколько лѣтъ страшныя, невознаградимыя утраты. Многое было варварски уничтожено, часть спасена иностранцами. Россія съ гордостью можетъ указать на скромнаго безвѣстнаго посольскаго чиновника Дубровскаго, который не поддался идеямъ времени и въ водоворотѣ революціонныхъ страстей скупалъ средневѣковые манускрипты и документы. Собраніе Дубровскаго, нынѣ находящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, по своему значенію дипломатическому, палеографическому, для исторіи средневѣковой миніатюры и орнамента — положительно не можетъ быть оцѣнено на деньги. Во французской литературѣ напечатано нѣсколько описей, инвентарно перечисляющихъ уни-

чтоженные революціонными властями документы. Въ этихъ печальныхъ мартирологахъ дипломатики значатся иногда цѣлые «ящики» съ хартіями королей, начиная отъ Карла Великаго.

При настоятельной потребности образовать нѣсколькихъ ученыхъ библіотекарей и архивистовъ, школа, учрежденная по докладу графа Симеона высочайшимъ повелѣніемъ отъ 22 февраля 1821 г., естественно имѣла характеръ узко-практическій.

Ученики школы въ количествѣ двѣнадпати, какъ максимумъ, получали казенное содержаніе, выбирались изъ среды образованныхъ молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ по списку, представленному въ министерство внутреннихъ дѣлъ академіей надписей въ двойномъ количествѣ кандидатовъ.

Двѣнадцать слушателей или воспитанниковъ школы дѣлились на два разряда по шести, которые слушали параллельные курсы—одинъ разрядъ въ Королевской Библіотекѣ, другой въ Государственныхъ архивахъ. Каждому отдѣленію дано было по одному профессору руководителю, которые должны были обучать и упражнять слушателей въ чтеніи различныхъ манускриптовъ и въ изъясненіи французскихъ средневѣковыхъ діалектовъ («à lire les divers manuscrits et à expliquer les dialectes français du moyen âge»).

Профессорами были назначены—аббатъ Лепинъ (Lespine) чиновникъ рукописнаго отдѣла Королевской Библіотеки, Павилье, (Pavillet) стоявшій во главѣ управленія исторической секціей Государственнаго Архива.

Цѣль и смыслъ назначенія этихъ лицъ—понятны, но узкость программы, одноличное преподаваніе занятыхъ уже лицъ—все это не могло содѣйствовать процвѣтанію новаго учрежденія и школа конечно быстрыми шагами пошла къ полному упадку.

Былъ даже періодъ полнаго бездѣйствія въ теченіе шести лѣтъ. Попытки упрочить положеніе школы не удавались. Въ 1834 г. Палата депутатовъ отказала, напримѣръ, Гизо въ его скромномъ ходатайствѣ о 4000 франковъ на содержаніе архивистовъ-палеографовъ. Въ такомъ положеніи школа могла лишь прозябать, но зато воспитанниками ея являлись люди призванія, не жаждавшіе только диплома и правъ, и они-то, фактъ замѣчательный и поучительный, поддержали зданіе своей almae matris.

Когда дважды данное правительствомъ обѣщаніе учредить при школѣ періодическое изданіе, въ которомъ помѣщались бы труды бывшихъ учениковъ школы, было нарушено—лица, слу-

шавшія лекціи и окончившія курсъ въ École des Chartes, всего 48 человѣкъ, основали между собою общество и начали изданіе знаменитой «Bibliothèque de l'École des Chartes».

Энергическая дѣятельность членовъ новаго общества, ихъ цѣнные труды, преодолѣли всѣ преграды: правительство и общество поняли, въ какой тѣсной связи находится развитіе такого учрежденія, какъ École des Chartes, съ прогрессомъ историческихъ знаній.

31 декарбя 1846 г. École des Chartes была преобразована на широкихъ началахъ и съ этого времени въ ея внутренній и внѣшній строй вносились лишь частныя измѣненія.

Въ настоящее время школа обладаетъ значительнымъ бюджетомъ въ 70.000 франковъ, обезпечиваетъ разныя права своимъ ученикамъ и профессорамъ, которые съ 1884 года утверждаются не министромъ, а непосредственно Президентомъ Республики. Матеріальное положеніе учрежденія прекрасно иллюстрируетъ его цѣнныя и по внѣшности, и по внутреннему содержанію изданія.

Трехгодичный курсъ École des Chartes, преподаваемый восемью профессорами, обнимаетъ слѣдующіе предметы:

1) Палеографія.

2) Романскіе языки.

3) Библіографія, расположеніе Архивовъ и библіотекъ (то, что у насъ Архивовѣдѣніе).

4) Дипломатика, въ которую входитъ и курсъ о Средневѣковыхъ канцеляріяхъ и архивахъ.

5) Учрежденія политическія, административныя и судебныя Франціи.

6) Право гражданское и право каноническое среднихъ вѣковъ.

7) Средневѣковая археологія.

8) Критическое изученіе источниковѣдѣнія исторіи Франціи.

Мы не замѣчаемъ тутъ двухъ важныхъ предметовъ: Исторической географіи съ одной стороны, Нумизматики и Метрологіи съ другой. Надо думать, что они слиты съ другими курсами, такъ какъ значатся въ программѣ 1846 г.

Основное изданіе школы «Bibliothèque de l'École des Chartes» обнимаетъ изслѣдованія по всѣмъ указаннымъ, читаемымъ или читавшимся въ школѣ предметамъ; съ трудами воспитанниковъ школы приходится встрѣчаться въ изложеніи каждаго отдѣла дипломатики. Французы первые создали спеціалистовъ источниковѣдовъ и пожали отъ этого обильные плоды.

Во время революціонныхъ броженій Франція уступила свое первенство въ области изученія дипломатики Германіи, которая, разгромленная внѣшними врагами, нншла опору и возрожденіе между прочимъ въ научномъ изученіи своей исторіи. Какъ разъ въ періодъ революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнъ стяжалъ громкую извѣстность ученый профессоръ Вѣнскаго Университета Трауготъ Готлибъ Шонеманъ (Schönemann), авторъ руководства для архивистовъ: «Versuch eines vollständigen Systems der allgemeinen besonders ältern Diplomatik» (Hamburg, 1801—1802, 2 vls. 8⁰), во второмъ дополненномъ изданіи, вышедшемъ уже прямо, какъ «Lehrbuch der... Diplomatik» (Leipzig, 1818, 2 vls. 8⁰). Къ этому надо присоединить его же изданія «Codex für die praktische Diplomatik» (Göttingen, 1800—1803, 2 vls., 8⁰), большой сборникъ текстовъ разныхъ латинскихъ документовъ, долженствующихъ иллюстрировать руководство къ Дипломатикѣ. Трудъ Шонемана отличался такими достоинствами, что только сравнительно недавно въ нѣмецкой литературѣ появился систематическій курсъ, устранившій устарѣлый «Lehrbuch».

Вообще, въ началѣ XIX столѣтія Вѣна славилась изученіемъ дипломатики, даже славяне не были забыты и профессоръ Францъ Карлъ Алтеръ (Alter) въ 1801 г. издалъ небольшую книжку: «Reitrag zur praktischen Diplomatik für Slaven, vorzüglich für Bohmen» (Wien, 1801, pet. in 8⁰), далекую впрочемъ отъ чего-либо систематическаго. Вслѣдъ за Шонеманомъ выдвигается многоученый U. Fr. Kopp., оставившій послѣ себя цѣнный трудъ: «Paleographia critica» (Mannheim, 1817, 4⁰, 2 vls.), касающійся, впрочемъ, главнымъ образомъ древнѣйшаго періода, касающійся криптографіи. Къ сожалѣнію, Коппъ, углублявшійся въ критику документовъ, не успѣлъ выдать въ свѣтъ большей части своихъ изысканій, послѣ него остался цѣлый рядъ таблицъ и снимковъ, изданныхъ далеко позднѣе и безъ текста.

Почти тотчасъ по завершеніи Наполеоновскихъ войнъ, въ 1819 г. баронъ Штейнъ образовалъ знаменитое историческое Общество, во главѣ котораго явился Перцъ и которое занялось грандіознымъ изданіемъ «Monumenta Germaniae Historica». Въ составъ этихъ «Monumenta» должны были входить и акты германской имперіи вплоть до XIV столѣтія. Хотя, какъ я буду имѣть еще случай говорить, изданіе дипломатовъ среди различныхъ серій «Monumenta Germaniae» вообще не заладилось и только недавно собственно и начато, но именно дѣятельность Штейна и Перца вызвала сильное оживленіе въ изученіи дипло-

матики, выразившееся въ трудахъ надъ такъ называемыми регестами.

Съ наступленіемъ реставраціи во Франціи проснулось сознаніе необходимости продолженія научныхъ работъ Бенедиктинцевъ, вслѣдъ за École des Chartes стали открываться многочисленныя ученыя общества, а скоро появился и видный государственный дѣятель, который далъ толчокъ и способствовалъ систематизаціи ученыхъ работъ. Самъ историкъ и профессоръ Гизо (род. 1787 г.—умеръ 1874 г.) чувствовалъ всю важность систематической разработки архивовъ и создалъ въ 1832 г. Comité des travaux historiques, цѣлью котораго было изданіе громадныхъ серій, продолжающихся и до настоящаго времени (въ томъ или другомъ видѣ) «Documents inédits de l'Histoire de France». Всѣ провинціальныя ученыя силы были приглашены способствовать обширнымъ научнымъ задачамъ правительства, предстояло дать имъ руководство къ правильному и строго научному обращенію съ документами, надо было составить систематическій курсъ дипломатики, который резюмировалъ бы и пополнилъ старый трудъ Бенедиктинцевъ. Гизо поручилъ (въ 1834 г.) эту работу молодому ученому Natalis de Wailly (род. 1805 г., умеръ 1886 г.), который черезъ нѣсколько лѣтъ работы выпустилъ въ свѣтъ въ 1838 г. два громадныхъ тома (gr. in 4°) подъ заглавіемъ «Éléments de Paléographie». Изданіе было сдѣлано въ высшей степени роскошное и вошло въ составъ коллекціи изданій «Documents inédit de l'Histoire de France», хотя конечно правильнѣе было бы поставить его особнякомъ. Въ объемистомъ трудѣ de Wailly—только заглавіе, по выраженію A. Giry, было элементарно, содержаніе же наоборотъ было высоконаучно и спеціально, спеціально даже до мелочности. De Wailly свелъ все, что сдѣлано было Бенедиктинцами и прибавилъ отъ себя множество частныхъ наблюденій. Неудовлетворительные въ качествѣ учебнаго руководства «Éléments de Paléographie» сдѣлали эпоху въ разработкѣ дипломатики и прославили автора.

Обширность труда de Wailly и неудобства его въ справочномъ отношеніи вызвали появленіе книги M. Quantin: «Dictionnaire raisonné de Diplomatique chrétienne» (Paris, 1846, 8°), составляющія одинъ изъ томовъ «Encyclopédie réligieuse» знаменитаго аббата Миня.

«Школа Хартій», выпускающая ежегодно нѣсколько человѣкъ спеціалистовъ по палеографіи и дипломатики, необыкно-

венно оживила французскую историческую науку. Рядъ громкихъ именъ, напримѣръ: Гераръ, Кишера, графъ Ма-Латри, Леопольдъ Делиль, Анри Омонъ—среди палеографовъ и архивистовъ; рядъ археологовъ и историковъ, напримѣръ, Ганото, бывшій министръ и одинъ изъ творцовъ франко-русскаго союза,—принадлежатъ École des Chartes. Ея питомцы обогатили литературу историческаго источниковѣдѣнія безчисленнымъ количествомъ статей, касающихся самыхъ разнообразныхъ областей этого знанія. Многое поставлено на новую почву, многое получило новое освѣщеніе. Совсѣмъ въ новѣйшее время талантливый, рано (всего на 40-мъ году) скончавшійся Жульенъ Авэ (Havet) (род. 19 августа 1853 г., умеръ 4 апрѣля 1893 г.) переработалъ весь вопросъ объ актахъ Меровингской эпохи и сдѣлалъ рядъ открытій. Многаго можно было ожидать отъ этого подвижника науки, такъ безвременно похищеннаго смертью: онъ, давая цѣнныя изслѣдованія, самъ неутомимо продолжалъ учиться. По поводу книги Бубнова онъ изучалъ русскій языкъ, передъ смертью работалъ надъ арабскимъ.

Богатство частныхъ изслѣдованій вызываетъ и облегчаетъ попытки систематическихъ общедоступныхъ курсовъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, A. Chassaut «Paléographie des chartes et des manuscrits du XI—XVII siècle», которой въ 1885 г. вышло уже 8-е изданіе; Maurice Prou «Manuel de paléographie latine et française du VI au XVII siècle» (Paris, 1 изд. 1889, 8°; 2 изд. 1892, 8°), а главное трудъ недавно скончавшагося профессора Écoles des Chartes Артура Жири—Giry «Manuel de Diplomatique» (Paris, 1894, 8°).

Къ французской же литературѣ можно, пожалуй, отнести и въ 1899 г. вышедшій въ свѣтъ цѣнный трудъ Лувенскаго профессора Рейзенса (Reusens) «Élements de paléographie» (въ 2-хъ выпускахъ) и содержащій довольно много фототипическихъ таблицъ.

Изобрѣтеніе фотографіи оказало исторической наукѣ неисчислимыя благодѣянія—облегчивъ изданіе точныхъ снимковъ. Западная Европа вообще, а Франція въ частности, такъ широко воспользовались этимъ драгоцѣннымъ открытіемъ, что трудно было бы перечислить даже главнѣйшіе снимки, разсѣянные въ безчисленныхъ журналахъ, сборникахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ. Въ послѣднее время появились двѣ интересныя работы по этому поводу: 1) «Paléographie et diplomatique de 1888 à 1897» par

Maurice Prou (Paris, 1899, 8⁰), и 2) спеціальная статья въ журналѣ «Centralblatt für Bibliothekswesen» за 1900 годъ, касающаяся услугъ фотографіи для палеографіи и перечисляющая очень точно и подробно всѣ изданія, гдѣ есть снимки съ рукописей, миніатюръ и хартій.

Не говоря уже о томъ, что такъ называемые «Cartons des rois», знаменитые «Diplomata et chartoe Merovingicae aetatis» въ 1844—1866 годахъ были изданы литографически Letronne и Tardif'омъ въ видѣ атласа изъ 62 таблицъ in folio и тома объяснительнаго текста in 8⁰, еще до фотографическихъ воспроизведеній, — всѣ подлинники меровингской эпохи въ настоящее время уже замѣнены для изученія желающихъ фотогравюрами, а сами оригиналы (за исключеніемъ немногихъ, выставленныхъ въ витринахъ) помѣщены въ особыхъ несгораемыхъ шкафахъ.

École des Chartes, начавъ еще къ 1837 году изданіе снимковъ съ древнѣйшихъ актовъ, написанныхъ на папирусѣ, скоро перешла къ снимкамъ съ разнообразныхъ документовъ, которые бы могли служить и для преподаванія и экзаменовъ въ школѣ. Эти снимки, составляющіе «Ancien fonds des facsimilé», сначала выполнялись литографіей, а затѣмъ стали примѣняться опыты фотографій и даже фотогравюръ. Къ 1870 году этотъ фондъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 700 листовъ, но къ сожалѣнію оставался недоступнымъ не только для публики, но и для громаднаго большинства библіотекъ, такъ какъ экземпляры его не поступали въ продажу. Съ 1872 года директоромъ школы Quicherat начатъ былъ новый фондъ «Facsimilés héliogravés pour l'enseignement de l'École des Chartes» опять съ № 1 и въ видѣ великолѣпныхъ геліогравюръ. Въ настоящее время эта серія имѣетъ уже болѣе 400 листовъ, но увы! совершенно недоступна. Несмотря на то, что сама школа собственница геліогравюрныхъ досокъ, оттиска съ нихъ нельзя пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ директорѣ, весьма нелюбезномъ и едва ли не семитическаго происхожденія, ни въ обмѣнъ, ни за наличныя деньги. Мало того, экземпляровъ этихъ факсимиле нѣтъ и въ большихъ государственныхъ библіотекахъ, такъ что мы должны повѣрить на слово проф. Пру относительно того, что при факсимиле имѣются и чрезвычайно интересныя «notices, rédigées par le directeur de l'Ecole M-r Paul Meyer».

Но кромѣ этихъ двухъ секретныхъ сокровищъ École des chartes—издала и для публики великолѣпный альбомъ въ 4-хъ выпускахъ: «Recueil des facsimilés à l'usage de l'École des Char-

tes» (Paris, 1880—1887. gr. in folio). Профессоромъ Maurice Prou изданы для школьнаго употребленія два маленькихъ атласа: 1) Recueil de facsimilés d'écritures du XII—au XVII s.» (Paris, 1892. 4⁰) и 2) «Nouveau recueil de facsimilés d'écritures...» (Paris, 1896. 4⁰).

Въ 1904 году Maurice Prou выпустилъ въ свѣтъ третій «Recueil de facsimilés d'écritures du V au XVII siècle» (manuscrits latins, français et provensaux) (Paris, 1904. gr. in 4⁰). Пятьдесятъ фототипическихъ таблицъ разнообразнаго содержанія. Преобладаютъ, конечно, акты, начиная съ диплома короля Людвига Благочестиваго (832 годъ), но въ началѣ даны новые образцы письма унціальнаго, капитальнаго и минускульнаго меровингскаго, а во второй половинѣ снимки съ регистровъ, квитанцій, актовъ нотаріальныхъ, писемъ и разнаго рода черняковъ—то-есть документовъ, которыми болѣе или менѣе пренебрегался въ виду отсутствія исторической цѣнности содержанія предшествовавшія составители альбомовъ.

Французское правительство пользовалось каждой выставкой для созданія какого-либо научнаго шедевра, цѣннаго съ внутренней стороны и блестящаго въ типографскомъ отношеніи. Такъ выставка 1900 года ознаменовывается изданіемъ изумительной исторіи книгопечатанія во Франціи (многолѣтній трудъ A. Claudin), а въ 1878 году былъ выпущенъ въ свѣтъ при содѣйствіи все тѣхъ же палеографовъ-архивистовъ школы (главнымъ образомъ Julien Havet)—драгоцѣнный альбомъ — «Musée des archives départamentales» (Paris, 1878. gr. folio — 170 снимковъ), среди таблицъ котораго есть геліографическія доски невѣроятной величины — болѣе метра — такова хартія кутюмовъ Кондома). Этотъ «Musée» явился какъ бы пополненіемъ гораздо болѣе скромному, но чрезвычайно интересному «Musée des Archives nationales» (Paris, 1872. 4⁰ съ 1200 скилограф. факсимиле), представляющему систематическое и превосходное описаніе палеографическаго музея—выставки Національныхъ архивовъ въ его старомъ расширенномъ противъ современнаго объемѣ. Хартіи, хранящіяся въ архивахъ Сѣверной Франціи, вызвали недавно палеографическій альбомъ Фламмермона «Album paléographique du Nord de la France» (Lille. in 4⁰ oblong. 1896).

Указанныя изданія, спеціально дипломатическія, составляютъ лишь нѣкоторую часть богатой французской литературы. Кромѣ ряда частныхъ изслѣдованій, богато снабженныхъ снимками,

матеріалъ дипломатическій найдется и въ обще-палеографическихъ сборникахъ и альбомахъ. Не касаясь старыхъ роскошныхъ до великолѣпія и не доступныхъ до утраты полезности трудовъ Сильвестра (Paléographie universelle) и графа Bastard d'Estang'a, нельзя не упомянуть о такихъ изданіяхъ, какъ — 1) H. Omont: «Facsimilés des plus anciens manuscrits grecs en onciale et en minuscule» (Paris. 1892. in folio), 2) H. Omont: «Facsimilés des manuscrits grecs datés du IX au XVI s.» (Paris, 1891. iu folio). 3) Emile Chatelain: «Paléographie des classiques latins», громадное изданіе, идущее съ 1884 года.

Aemilius Chatelain въ 1902 году выпустилъ великолѣпный атласъ in folio (Paris. Welten 1901—1902) «Uncialis scriptura codicum latinorum novis exemplis illustrata (V—VIII вѣкъ).

Сто великолѣпныхъ геліогравюрныхъ таблицъ альбома драгоцѣнны для палеографическихъ справокъ, но, конечно, имѣютъ мало отношенія къ дипломатикѣ.

Французская литература такъ богата, что имѣются уже альбомы и для позднѣйшаго періода палеографіи.

Таковы—1) Jean Kaulek et Engène Plantet: «Recueil de facsimilé pour servtr'à l'étude de la paléographie moderne XVII—XVIII siècles) gr. in folio (Paris, 1889). Вышла въ свѣтъ только первая серія, снимки съ автографовъ королей и королевъ Франціи.

2) Renaud (H): «Paléographie française, ou méthode de lecture des manuscris français du XIII au XVII s. (Rochefort, 1860. 4°, литографія).

3) Bourmond (A. de): «Lecture et transcription des vieilles écritures. Manuel de peléographie des XVI, XVII, XVIII siècles» (Caen. 1881. in folio).

4) «Autographes des personnages ayant marquè dans l'histoire de Bordeaux et de la Guyenne» (Sociètè des Archives historiques de la Gironde, t. XXX—1895 г.). Хотя великолѣпные снимки этого изданія и начинаются съ хартіи XI вѣка, Вильгельма IX, герцога Аквитаніи [1]), но снимковъ до XVI вѣка всего лишь 13, за XVI же, XVII и XVIII ихъ 91.

Просвѣщенное вниманіе къ нуждамъ исторической науки папы Льва XIII, открывшаго архивы Ватикана, недоступные ранѣе даже для отдаленныхъ эпохъ, вызвало во всей Западной Европѣ подъемъ интереса именно къ области историческаго

[1]) И къ сожалѣнію въ очень уменьшенномъ видѣ.

источниковѣдѣнія. Французская школа въ Римѣ стала работать съ необычайной энергіей. Много труда потрачено между прочимъ на изданіе реестровъ папскихъ документовъ за XIII вѣкъ. Франція и Германія какъ бы размежевали папскую дипломатику (нѣмцы, какъ скажу подробнѣе далѣе, хлопочутъ о приведеніи въ извѣстность всѣхъ документовъ, проистекавшихъ изъ папскихъ канцелярій до 1198 года). Четырнадцатый и послѣдующіе вѣка въ Ватиканскихъ архивахъ представляютъ такое море актовъ, что о систематическомъ исчерпаніи его пока никто не смѣетъ и мечтать.

Грандіозный печатный инвентарь французскихъ архивовъ (выходящій въ свѣтъ съ 1860 года), насчитывающій уже сотни томовъ, служитъ показателемъ могущества и богатства французской дипломатической литературы.

Одно лишь предпріятіе потерпѣло неудачу во Франціи. Въ 1769 году Brequigny началъ публикацію: «Table chronologique des diplômes, chartes, lettres et actes imprimés concernant l'histoire de France», которой вышло всего 3 тома in folio— 1 т. Paris, 1769. 3-ій Ibidem 1783. Революція уничтожила четвертый томъ. Послѣ долгаго перерыва въ началѣ 1830 годовъ работа была поручена École des Chartes, но вслѣдъ за тѣмъ въ 1835 году взята на себя Академіей надписей (которая пользовалась услугами все тѣхъ же архивистовъ палеографовъ). Академія въ періодъ съ 1836 по 1876 годы издала томы IV, V, VI, VII и VIII—по 1314 годъ, но увы! ограничилась лишь матеріаломъ, собраннымъ Брекиньи и слѣдовательно крайне устарѣвшимъ. Маленькая Бельгія въ этомъ отношеніи перещеголяла Францію. Въ ней Wauters издалъ: «Table chronologique des chartes et diblômes imprimés concernant l'histoire de la Belgiqne» (Bruxelles, VII vis. 1866 — 1888. 4°) въ семи квартантахъ, охватывающихъ время по 1300 годъ.

Германія въ XIX столѣтіи не отставала отъ Франціи по солидности своихъ работъ. Правда, мы не находимъ въ Германіи того количества прекрасныхъ работниковъ спеціалистовъ, которымъ щеголяетъ, благодаря раннему учрежденію École des Chartes, Франція, но за то тѣ сравнительно немногія лица, которыя выдвинулись на поприщѣ дипломатики въ Германіи, поражаютъ силой эрудиціи, строгой систематичностью, обширностью замысловъ.

Особенно надо отмѣтить двухъ выдающихся ученыхъ—Th. Sickel, автора «Beiträge zur Diplomatik» (I — VIII. Вѣна,

1861—1882. 8°) и Bresslau Harry: «Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien» (Leipzig, B. I. 1889. 8°); трудъ Бреслау отличается глубокой ученостью и полнотой, онъ, можно сказать, съ систематическимъ учебникомъ соединяетъ строгое ученое изслѣдованіе. Замѣчателенъ выдержавшій три изданія (изд. 3-е въ 1896 году) трудъ Wattenbach'а: «Das Schriftwesen im Mittelalter» (Leipzig, 8° 1871, 1875, 1896); нельзя не указать и Юлія Фиккера (Ficker): «Beiträge zur Urkundenlehre» (Innsbruck, 1877—1878. 2 vls. 8°). Крупными дипломатистами якляются Пфлугъ фонъ-Гартнунгъ (труды по папской дипломатикѣ), Винкельманъ и друг. Brinckmeier E. издалъ громадный «Glóssarium diplomaticum» (Gotha, 1852—1863. 2 Bde. in 4°). По изученію частныхъ актовъ труды: 1) O. Posse: «Die Lehre von den Privaturkunden» (Leipzig, 1887. folio), и 2) Friedrich Leist'а: «Der Notariats-Signete» (Leipzig, 1899).

Изъ учебниковъ укажемъ—Friedrich Leist: «Urkundenlehre, katechismus der Diplomatik, Paläographie, Chronologie und Schragistik» (2 изд. Leipzig, 1893), Arndt'а: «Paleographia Latina» по нѣмецки въ 1889 году и по французски переведена Евгеніемъ Баша (Bacha) въ 1891 году (Liège, 8°).

Открытія, сдѣланныя въ Египтѣ, внесли значительныя дополненія въ древнѣйшую Западно-Европейскую дипломатику, нѣмецкая наука совокупно съ англійской произвели рядъ изслѣдованій надъ папирусами греческими и коптскими, которыми такъ богаты Британскій и Берлинскій музеи, и знаменитый музей эрцгерцога Райнера въ Вѣнѣ.

Было бы весьма затруднительно перечислить многочисленные дипломатическіе codex'ы и Urkundenbuch'и, которыми обладаетъ въ настоящее время Германская наука. Достаточно указать на тѣ превосходные труды по классификаціи и библіографіи матеріала, на тѣ справочныя книги по историческому источниковѣдѣнію, которыя въ русскомъ ученомъ вызываютъ невольное чувство зависти. Укажемъ, напримѣръ, Dahlmann-Wáitz: «Quellenkunde der Deutschen-Geschichte» (6 изд. Göttingen, 1894. 8°); Potthast August: «Bibliotheca historica medii aevi» (2 изд. Berlin, 1895—1896. 8°); H. Osterley: «Wegweiser durch die Literatur der Urkundensammlungen» (Berlin, 1885—1886. 2 Bde. 8°).

Весьма замѣчательны работы нѣмцевъ въ области регестъ и хронологическихъ перечней актовъ. Колоссальные труды J.

F. Böhmer'a «Regesta chronologico-diplomatica Karolorum». «Regesta imperii», относящіеся по изданію къ 1830 и 1840-мъ годамъ, въ настоящее время переработаны Mühlbacher'омъ (Каролинги): Ottenthal'емъ (Саксонскій домъ), Ficker'омъ, Winkelmann'омъ, Huber'омъ. Драгоцѣнны и труды Stumpf'a «Die Kaiserurkunden des X, XI und XII Jahrh. chronologisch verzeichnet» (Innsbrusk. 1865—1883. 8°).

«Regesta Habsburgica: Reqesten der Grafen von Habsburg und der Herzoge von Österreich aus dem Hause Habsburg».

I. Abteilung: Die Regesten der Grafen von Habsburg bis 1281 (bearbeitet von Harold Steinacker). Innsbruck 1905. 4°.

«Die Regesten der Erzbischöfe von Köln an Mittelalter» Zweiter Band (1100—1205) Bearbeitet von Dr. Richard Knipping. Bonn. 1901. gr. in 4°.

Нѣмцамъ принадлежитъ и честь изданія папскихъ регестъ. Phil. Jaffe въ 1851 году издалъ: Regesta Pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum p. Chr. natum 1198» (Berolini 2 vls 1851. 4°). Въ 1874 году вышелъ въ свѣтъ первый и въ 1875 году второй томъ огромнаго труда Potthast'a: «Regesta Pontificum Romanorum inde ab a. 1198 ad a. 1304» (2 Bde. 4°. Berolini). Первый изъ этихъ трудовъ былъ классически переработанъ S. Löwenfeld'омъ въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми другими учеными и вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1885—1888 годахъ (2 vls. Leipzig. 4°): трудъ же Potthast'a потерялъ цѣну по не зависящимъ отъ него обстоятельствамъ.

Открытіе ватиканскихъ архивовъ папою Львомъ XIII обнаружило, что въ то время какъ для періода до папы Иннокентія III (т. е. до 1198 года) въ Ватиканѣ имѣются лишь сравнительно немногіе оригиналы и значительное число копій съ отдѣльныхъ актовъ, книги же записныя сохранились только въ единичныхъ обрывкахъ,—въ это же время для XIII вѣка существуетъ такой систематическій подборъ реестровъ и книгъ записныхъ, [въ каковыя записывались цѣликомъ или въ извлеченіи всѣ выходившіе изъ папской канцеляріи документы], что извѣстные ранѣе акты этой эпохи являются лишь частью цѣлаго. Понятно, что трудъ Потгаста былъ обезцѣненъ и французкіе ученые принялись за изданіе подробныхъ регестъ по каждому папствованію отдѣльно. Нѣкоторые же изслѣдоватeли занялись оригиналами XIII и XIV вѣковъ [1].

[1] См. напримѣръ, Eugène Déprez: „Recueil des documents pontificaux, conservés dans diverses Archivee d'Italis (XIII° et. XIV° siècles). Это изданіе начато въ Римѣ въ 1900 году.

Нѣмецкіе же ученые рядомъ съ французами приступили къ еще болѣе колоссальной задачѣ. Такъ какъ послѣ открытія папскихъ архивовъ нечего ожидать впредь большихъ и неожиданныхъ находокъ древнѣйшихъ папскихъ документовъ, то выяснилась возможность исчерпать вопросъ до конца и издать полный булларій всѣхъ распоряженій, что только исходили отъ папъ вплоть до 1198 года. Предпріятіе грандіозное, за которое взялись съ нѣмецкою систематичностью, могущей послужить добрымъ примѣромъ. Выработаны были общія правила, система, и затѣмъ рой молодыхъ ученыхъ разсыпался по Италіи. Геттингенское ученое общество взяло на себя печатать отчеты и въ приложеніяхъ неизданные акты. Каждый городокъ Италіи, каждый архивчикъ обшаривается въ буквальномъ смыслѣ слова. И вотъ, несмотря на недавніе, упорные труды Pflugk-Harttung'a («Acta Pontificum Romanorum inedita», 3 тома, Тюбингенъ, 1884—1888. 8°), и Löwenfeld'a («Epistolae pontificum Romanorum ineditae», Leipzig, 1885. 8°), сотни новыхъ документовъ текутъ въ сокровищницу Общества.

Въ области палеографическихъ пособій, альбомовъ снимковъ, Германія не отстала отъ Франціи. Какъ только выяснилось значеніе фотографированія документовъ, въ Вѣнѣ стали выходить подъ редакціей знаменитаго Зиккеля: «Monumenta grachica medii aevi», gr. in folio—I вып. въ 1858 году, IX—въ 1866 и, наконецъ, въ 1882 заключительный X выпускъ (текстъ in 4°). Къ сожалѣнію фотографіи этого цѣннаго изданія очень выцвѣли.

Въ настоящее время законченъ изданіемъ драгоцѣнный, великолѣпно исполненный геліогравюрный альбомъ «Kaiserurkunden in Abbildungen», подъ редакціей H. von Sybel и Th. von Sickel, начатый въ 1881 году. Этотъ памятникъ состоитъ изъ 12 выпусковъ альбома формата огромнаго in folio oblongato и изъ крайне любопытнаго и ученаго тома текста in 4°. Воспроизведенные документы охватываютъ періодъ отъ Пепина Короткаго до Карла V, съ VIII по XVI вѣкъ.

Julius v. Pflugk-Harttung издалъ въ видѣ громаднаго фоліанта «Chartarum pontificum romanorum specimina selecta» (Stuttgart, 1885—1887, 2 части листъ огромнаго формата и 3-я часть in 4°—изображенія печатей).

Таблицы всѣ сдѣланы литографическимъ способомъ съ калекъ. Этотъ способъ воспроизведенія вызвалъ рѣзкую полемику, въ которой неутомимый труженикъ горячо защищался, но которая доставила ему конечно не мало огорченій.

Изобилуетъ нѣмецкая литература и небольшими палеографическими пособіями—атласами. Отмѣтимъ для древнѣйшаго періода: Wessely «Schrifttafeln zur älteren lateinischen Palaeographie» (Wien, 1898. in folio)—исполнено литографіей. По палеографіи вообще:

1) Arndt W. «Schriftafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie» (1 изд. Berlin, 1874; 2—ibidem—1887, 1888). 3-е изд. въ прекрасныхъ фототипіяхъ вышло въ свѣтъ ibidem въ 1897 году.

2) Къ «Schriftafln» Arndtla Michael Tangl въ 1903 году издалъ въ томъ же форматѣ (in folio) Drittes Heft (Berlin 1903).

Содержащую таблицы 71—107. Какъ специалистъ по дипломатикѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на акты вообще и специально на папскую курію, нѣкоторые specimena документовъ, которой онъ издалъ впервые.

3) Paul Ewald und Gust Loewe: «Exempla scripturae Visigoticae XL tabulis expressa» (Heidelbergae, 1883. in folio).

4) Wattenbach und von Velsen: «Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum» (50 табл.).

5) Zangemeister und Wattenbach: «Exempla codicum latinorum litteris majusculis scriptorum (52 табл.)—Къ этому сборнику «Supplementum» (14 таблицъ).

Къ греческой дипломатикѣ древнѣйшаго, до Византійскаго періода, между прочимъ, даютъ матеріалы—«Tafeln zur älteren Griechischen Palaeographie», изданные докторомъ Urlich Wilcken'омъ (Leipzig und Berlin, 1891) [1]).

Новое громадное изданіе снимковъ (геліогравюрныхъ) съ латинскихъ манускриптовъ и хартій объявлено въ Мюнхенѣ. Это предпріятіе D-r Anton Chroust: «Monumenta palaeographica—Denkmäler des Schreibkunst des Mittelalters» начало выходитъ съ 1899 года въ видѣ выпусковъ большое folio; первая серія: Erste Abteilung: Schriftafeln in lateinischer und deutscher Sprache, по 10 таблицъ въ выпускѣ (München фирма Braun. Снимки превосходны!) Въ 1905 году вышелъ 17-й выпускъ, а предпріятіе расчитано на 480 таблицъ!

Главная особенность—систематизація по школамъ письма. Такъ напримѣръ, въ Zicf IV (1901) почерки Регенсбурскихъ

[1]) Для новѣйшей палеографіи см. изданіе Вѣнскаго Военнаго архива—„Unterrichts-Behelfe zur Handschriften-Kunde“ (снимки 16, 17 и 18 стол. съ 1529 по 1758).—20 табл. (Wien, 1889, in folio).

*

рукописей (особенно въ абб. св. эммерана). Zicf VIII — Зальцбурскія рукописи. Zicf IV—Вюрцбурскіе документы. Zicf XV—XVIII манеры письма знаменитаго монастыря Сен-Галленскаго, гдѣ выработалась цѣлая школа.

Рядъ снимковъ посвященъ Императорской канцеляріи въ Вѣнѣ (многочисленны снимки съ реметровъ).

Для палеографіи новаго времени весьма цѣнно изданіе D-r Joh Ficker и Dr Otto Winckelman: «Handschriftenproven des Sechrehnten Johrhnunderts nach Strassburger Originalen».

Erster Band. Tafel 1 — 46. Zur politischen Geschichte (Strassburg 1902, in folio). Zweiter Band. Tafel 47 — 102. Zur geistigen Geschichte (Strassburg, 1905 in folio).

Сборникъ состоитъ изъ снимковъ съ автографовъ дѣятелей XVI столѣтія (писемъ). Такъ какъ каждая таблица состоитъ изъ нѣсколькихъ снимковъ, то передъ нами громадный матеріалъ весьма важный и въ палеографическомъ отношеніи и въ историческомъ (напримѣръ, для исторіи Реформаціи).

Мы видимъ, какъ широко поставлены задачи палеографіи и дипломатики въ Германіи, обратимся теперь къ Англіи и Италіи.

За послѣднее время въ дипломатической наукѣ все большее и большее значеніе пріобрѣтаетъ Австрійская École des Chartes, называющаяся Institut für österreichische Geschichtsforschung [1]) съ ея печатнымъ органомъ «Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung», выходящимъ съ 1878 г. in 8° по тому въ годъ (въ 1905 г. XXVI Band) и чрезвычайно богатымъ статьями по средневѣковой дипломатикѣ. Институтъ основанъ въ 1854 г. съ узкопрактическими цѣлями, такъ какъ въ Австріи къ этому времени не оказалось ни одного профессора исторіи — австрійца и пришлось приглашать изъ-за границы иностранцевъ. Институтъ преслѣдуетъ цѣли, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя преслѣдуетъ нашъ Институтъ; въ немъ небольшое и даже малое число слушателей; они дѣлятся на дѣйствительныхъ и вольныхъ слушателей «ausserordentliche Mitglieder». Дѣйствительными являются шесть казенныхъ стипендіатовъ, спеціально приготовляемыхъ для профессуры. Это ко

[1]) Theodor Sickel: „Das K. K. Institut für österreichische Geschichtsforschung“ (Innsbruck, 1879, 8°).

E. v. Ottenthal: „Das K. K. Institut für österreichische Geschichtsforschung (1854—1904). Festschrifft“. Wien, 1904, 8°.

личество обусловливается и небольшимъ количествомъ преподавателей и спеціальнымъ характеромъ преподаваемыхъ предметовъ.

Начальниками школы были—основатель ея D-r Abb. Jäger (1854—1869), Theodor Sickel (1869—1891), Zeissberg (1891—1896), Mühlbacher Engelbert (1896, ум. 1903), съ 1904 г. D-r Emil v. Ottenthal (спеціалистъ особенно по папской дипломатикѣ).

Уставъ передѣлывался нѣсколько разъ. Одно время задачи были огромны и ученіе очень обширно. Теперь программа нѣсколько сокращена и раздѣлена на обязательные предметы и необязательные, но желательные. Институтъ этотъ тѣсно связанъ съ философскимъ факультетомъ Вѣнскаго Университета: на первый курсъ принимаются только лица, прослушавшіе годъ или два въ Вѣнскомъ Университетѣ на философскомъ факультетѣ. Курсы дѣлятся на три года: одинъ подготовительный и два настоящихъ; есть обязательные и необязательные предметы. Если мы подробно сравнимъ съ тѣми каѳедрами, которыя существуютъ у насъ, то мы найдемъ, что нѣкоторые изъ обязательныхъ у насъ предметовъ перенесены въ необязательные, нѣкоторые предметы раздѣлены (сфрагистика и геральдика выдѣлены изъ дипломатики и читаются отдѣльно).

ПРОГРАММА:

3. Die obligaten verteilen sich wie folgt:
   a) Im Vorbereitungsjahre:
      1. Quellenkunde der österreichischen Geschichte.
      2. Paläographie.
      3. Chronologie.
      4. Allgemeine Kunsgeschichte.
   b) Im ersten Jahre der Mitgliedschaft:
      1. Geschichte der Verfassung und Verwaltung Österreichs (mit Übungen).
      2. Diplomatik (Kaiser und Papsturkunden).
      3. Sphragistik und Heraldik.
      4. Kunstgeschichte mit Übungen (Mittelalter).
   c) Im zweiten Jahre der Mitgliedschaft:
      1. Lektüre und Kritik österreichischen Geschichtsquellen.
      2. Diplomatik (Privaturkunden und praktische Übungen).

3. Archiv und Bibliothekskunde.
4. Kunstgeschichte mit Übungen (Renaissance und Neuzeit).

4. Wünschenswerte Studien und Kenntnisse:
   a) Mittelhochdeutsche Sprache, deutsche Rechts und Verfassungs geschichte, Kirchenrecht, Wirtschaftsgeschichte, Literatur und Altertümer des Mittelalters, historische Geagraphie, Numismatik.
   b) Die Kenntnis moderner Sprachen (französisch, italienisch, englisch, slawische Sprachen).

Мы видимъ, что изученіе современныхъ языковъ является «желательнымъ», т.-е. то, что поставлено было на обязательную почву въ École des Chartes. Я думаю, что для школы спеціальной подобная постановка и правильнѣе, но она сама собой достигается въ Австріи, которая состоитъ конгломерата народностей и австрійцы сами по себѣ являются языковѣдами.

Что насъ поражаетъ въ этой программѣ — такъ это то, что тамъ не значится изученіе венгерскаго языка. Оттенталь въ 1904 г. издалъ брошюрку «Исторія Института» и изъ нея мы узнаемъ, что тамъ былъ только одинъ русскій вольнослушатель — нашъ профессоръ Л. Петровъ — и какъ нарочно онъ является спеціалистомъ по венгерскому языку — едва-ли не единственный русскій ученый, который въ совершенствѣ знаетъ этотъ языкъ.

Археологическій Институтъ въ Австріи, если и не сыгралъ той общеевропейской роли, какъ École des Chartes, то во всякомъ случаѣ помимо своей спеціальной задачи онъ далъ чрезвычайно много цѣнныхъ изслѣдованій по дипломатикѣ среднихъ вѣковъ: главнымъ образомъ тамъ являлись статьи по разработкѣ Ватиканскаго музея, безъ которыхъ изслѣдователь обойтись не можетъ.

Какъ изданіе на нѣмецкомъ языкѣ, можно отнести къ германскимъ изслѣдованіямъ и слѣдующее швейцарское изданіе: профессоръ Фрейбургскаго (въ Швейцаріи) университета D-r Franz Steffens въ 1903 г. предпринялъ подъ названіемъ «Lateinische Paläographie» изданіе такого палеографическаго атласа въ 100 таблицъ, который бы иллюстрировалъ всю исторію видоизмѣненій въ латинскомъ шрифтѣ.

Первый выпускъ: I «Entwicklung der lateinischen Schrift bis Karl den Grossen» вышелъ въ 1903 г. (in folio), содержитъ 35 таблицъ. Начинается знаменитой древнѣйшей надписью,

найденной на форумѣ (черный камень). Этотъ фрагментъ найденъ на могилѣ Ромула, написанъ такими письменами, которыя отличаются отъ римскихъ письменъ, и возбудилъ оживленную полемику. Онъ долженъ заинтересовать не только спеціалистовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей; если-бы удалось доказать, какъ хотѣли доказать итальянцы, что тамъ дѣло идетъ о царяхъ, то этимъ былъ бы нанесенъ ударъ всей нѣмецкой школѣ, которая признаетъ миѳическое происхожденіе римлянъ. Затѣмъ идутъ снимки съ могилъ, эпиграфическія надписи на мраморѣ разныхъ вѣковъ, восковыя таблетки (для римскаго курсива), римскіе дипломы (на бронзѣ) и контракты на папирусѣ (изъ Египта). Впрочемъ, авторъ неоднократно пользуется большими ранѣе изданными альбомами.

Второй выпускъ: II: «Entwicklung der lateinischen Schrift von der Zeit Karls des Grossen bis zum Ende des XII jahrhunderts» (Freiburg, 1904).

Таблицы съ 36—70 представляютъ снимки съ рукописей и документовъ расположены по странамъ и представляютъ въ ихъ систематической подробности большой интересъ (авторъ особенно пользуется Сенъ-Галленскими документами и манускриптами). Весьма интересенъ и подборъ папскихъ документовъ (нѣкоторые, къ сожалѣнію, въ уменьшенную величину). Такъ какъ на многихъ таблицахъ по нѣсколько снимковъ, то атласъ является очень богатымъ по матеріалу...

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ Германіи развивается дипломатическая литература. То же происходитъ и въ другихъ европейскихъ странахъ. Многіе русскіе не любятъ Англіи, какъ исконнаго и непримиримаго врага, но нельзя не отдать справедливости этой великой странѣ великаго народа, что тамъ національный интересъ и патріотизмъ процвѣтаютъ до такой степени, до какой это непонятно ни въ какой другой странѣ.

Едва ли какое-либо правительство сдѣлало больше для изученія и собиранія древностей своихъ и чужихъ, чѣмъ правительство Англіи. Сознаніе значенія музеевъ, галлерей, архивовъ вошло въ плоть и кровь англичанъ. Не только каждый посолъ, каждый консулъ, но и частныя лица—путешественники и коммивояжеры считаютъ патріотическимъ долгомъ заботиться объ увеличеніи національныхъ сокровищницъ. Британъ Музеумъ предметъ гордости каждаго британца, альфа и омега вожделѣній старьевщиковъ и антикваровъ всего міра. Была бы вещь хоро-

ша—все равно манускриптъ, хартія, печать, монета—все возьметъ музей и по лучшей цѣнѣ. Чѣмъ дальше отъ Лондона. тѣмъ обаяніе сильнѣе; дѣйствительность переходитъ въ нѣчто миѳическое. Здѣшніе жидки, пріобрѣтя за гроши грамоту на графское достоинство А. В. Суворова и желая по случаю юбилея получить за нее ни болѣе, ни менѣе какъ 20.000 рублей, грозились все тѣмъ же Британскимъ музеемъ, который якобы даетъ имъ все, что имъ вздумается спросить.

Такое впечатлѣніе является отраженіемъ тѣхъ громадныхъ средствъ, которыя тратитъ Англія, чтобы догнать и превзойти Францію и Италію, страны—въ которыхъ архивы и библіотеки обратили на себя вниманіе за долго до основанія Британскаго Музея. Трудно соперничать съ Франціей, въ которой въ XIV уже вѣкѣ король Карлъ V собиралъ библіотеку, родичь его герцогъ Беррійскій былъ страстнымъ любителемъ манускриптовъ съ миніатюрами, а король Наварры явился августѣйшимъ нумизматомъ! [1]).

Конечно Англія изобиловала обширными изданіями дипломатическихъ текстовъ и въ XVIII столѣтіи. Я уже указывалъ, напримѣръ, на труды Madox'а и на трудъ Андерсена по Шотландской дипломатикѣ, совмѣщающій сборникъ документовъ съ дипломатическимъ введеніемъ и съ палеографическимъ альбомомъ. Такое изданіе какъ Rymer'а: «Foedera, conventiones et cujusquam generis Acta Publica» (London, 1704—1726. 20 vls) указано первымъ примѣромъ для подражанія въ предисловіи гр. Румянцева къ «Собранію государственныхъ грамотъ и договоровъ». Изъ болѣе новыхъ отмѣтимъ, напримѣръ, Kemble: «Codex diplomaticus aevi Saxonici» (6 том. London, 1839—1848), 1369 актовъ съ 604 по 1061 годы; Birch: «Cartularium Saxonicum» (1885) и т. д.

Необыкновенно въ англійской литературѣ богатство палеографическихъ атласовъ и альбомовъ, свидѣтельствующихъ о большихъ тратахъ. Отмѣтимъ:

1) «Fac-similes of national manuscripts from William the Conquerorto queen Anne...» (Southampton — London, 1865—1868, 4 vls. gr. in folio).
2) «Fac-similes of national manuscripts of Scotland» (Southampton — London, 1869 — 1871, 3 vls. gr. in folio).

---

[1]) A. Heiss: „Un roi de Navarre numismatiste“ (Paris, 1893, 8°).

Сборникъ содержитъ воспроизведеніе 272 документовъ, начиная съ XI и кончая началомъ XVIII столѣтія.

3) «Fac-similes of national manuscripts of Ireland» (London—Southampton, 1874 — 1885, 5 vls. gr. in folio), всего 282 таблицы, среди которыхъ только меньшинство съ актовъ.

Всѣ три изданія, какъ это можно судить и по времени, въ большинствѣ случаевъ исполнены фотоцинкографіей, только въ послѣднемъ отдѣлѣ въ концѣ появляется фотогравюра. Рядомъ съ матеріаломъ палеографическимъ имѣется въ приведенныхъ сборникахъ матеріалъ и для исторіи миніатюры.

4) «Fac-similes of Anglo-Saxon manuscripts» (Southampton, 1878—1884, 3 vls. gr in folio). Въ числѣ снимковъ воспроизведено болѣе сотни грамотъ.

Главнымъ же изданіемъ по дипломатикѣ является трудъ Bond'a и Thompson'a: «Fac-similes of ancient charters in the British Museum» (London, 1873—1878, 4 vls. gr. in folio), состоящій изъ 144 фотолитографированныхъ таблицъ, воспроизводящихъ документы съ 679 года по 1065 годъ.

F. Warner and Henry J. Ellis издали «Fac-similes of royal and other charters in the Britisch Museum». Vol. I. William I—Richard I (London, 1903, in folio). Семьдесятъ семь документовъ на 50 фототипическихъ таблицахъ прекрасно дополняютъ то, что издано въ основномъ изданіи (Facs. of Anc. Ch.—Parts I—IV) и Палеографическимъ Обществомъ.

Чтобы помочь изученію дипломатической палеографіи болѣе поздняго времени, которое пренебрегаетъ дипломатикою Британскій Музей сталъ издавать съ 1895 года «Fac-similes of royal, historical, literary and other Autographs in the Department of Manuscripts British Museum» (in folio), серіями, безъ соблюденія хронологіи. Въ I серіи изъ 30 снимковъ (фотолитографія) только нѣсколько относятся къ XVI вѣку, остальные позднѣйшаго времени, при чемъ факсимилировано и письмо королевы Викторіи 1885 гола. Вторая серія вышла въ 1896 году, третья въ 1897, — древнѣйшими являются драгоцѣнные автографы и болѣе ранней эпохи Генриха V и Эдуарда IV, заканчиваются же серіи снимкомъ съ письма еще живого въ то время поэта лауреата Теннисона.

Въ дополненіе къ правительственнымъ изданіямъ подъ редакціей тѣхъ же E. A. Bond'a и E. M. Thompson'a «Palaeographical Society» стало съ 1873 года выпускать знаменитое

изданіе: «Facsimiles of ancient Manuscrits and Inscriptions» съ самой широкой программой—памятники всѣхъ вѣковъ и народовъ должны были найти мѣсто въ этой колоссальной палеографической энциклопедіи. Все изданіе раздѣлено на три части. Серіи I и II—памятники Европы, серія III—памятники Востока. Третья серія, начинавшаяся древнѣйшими надписями Египта, была закончена (вѣрнѣе прервана) въ 1885 году сотой таблицей. Съ этихъ поръ памятники Востока стали попадать и во вторую серію, такъ въ ней издана древнѣйшая семитическая надпись царя Моавскаго Меши, относящаяся къ IX столѣтію до Р. Х. Первыя двѣ серіи насчитываютъ теперь около 560 таблицъ превосходнѣйшихъ и огромнаго размѣра фототипій. Это изданіе было прервано, но важность этого изданія такъ велика, что это вызвало продолженіе его. Матеріалы трехъ серій чрезвычайно разнообразны. Греческія и латинскія палеографія и дипломатика одинаково богато представлены; надписи, снимки съ рукописей, хартіи и письма-автографы—все находитъ свое мѣсто. Матеріалъ брался изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Изъ Неаполитанскаго музея взяты таблетки I в. до Р. Х. Такъ, изъ Аѳинскаго музея заимствованъ едиктъ Діоклетіана отъ 301 года, вырѣзанный на стеклѣ. Высокозамѣчательный по содержанію, онъ весьма важенъ и въ палеографическомъ отношеніи, показывая совершенно установившееся уже унціальное письмо, въ отличіе отъ капитальнаго. Изъ музея города Лейдена взяты древнѣйшіе дипломатическіе памятники—императорскіе указы V вѣка. Среди средневѣковыхъ документовъ найдется не мало важныхъ и интересныхъ изъ числа и не англійскаго происхожденія. Очень цѣнны матеріалы для древнѣйшей палеографіи, даваемые воспроизведенными въ изданіи Палеографическаго Общества папирусами, привезенными изъ Египта. Въ изданіи этихъ памятниковъ, составившихъ вообще новую эру въ исторіи изученія греческаго древлеписанія, англичане явились инициаторами. Британскій музей опубликовалъ нѣсколько изданій въ этой области (между прочимъ громадный альбомъ подъ ред. Kenyon'a) и, наконецъ, англійскій ученый Frederic Kenyon издалъ систематическое изслѣдованіе—учебникъ: «The palaeography of Greek papyri» (Oxford, 1899. 8°), съ 20 таблицами, изъ которыхъ первыя представляютъ снимки съ памятниковъ дипломатическихъ. Въ 1903 г. начало свою дѣятельность «The New Palaeographical Society» въ изданіи

«Facsimiles of ancient manuscripts»... Part. I (London, 1903)—таблетки 1—21 (между прочимъ греческій документъ на папирусѣ эпохи Птоломеевъ—за 127 л. до Р. Х.); part. II (London, 1904)—табл. 22—46 (между прочимъ фрагментъ греческаго текста на папирусѣ очень древній IV в. до Р. Х.; греческіе документы изъ Эль-Файсома—V и VI вѣковъ, папская булла 1147 г.); part III (London 1905)—табл. 47—73 (между прочимъ очень интересное по манерѣ письма письмо на греческомъ языкѣ патріарха Александра къ клиру на папирусѣ, 577 года). Кусокъ очень широкаго пергаментнаго свертка представляетъ собою уставъ, очень схожій съ коптскимъ письмомъ. Во всѣхъ трехъ частяхъ есть и средневѣковыя англійскія грамоты. Между прочимъ двѣ—королевы Матильды (a) 1106—1118, b) 1115), нѣсколько документовъ Вестминстерскаго аббатства.

Указывая богатую англійскую литературу роскошныхъ изданій альбомовъ снимковъ, я касался только тѣхъ атласовъ, гдѣ есть грамоты и акты; можно было бы, конечно, прибавить и еще рядъ изданій чисто палеографическихъ съ одной стороны и посвященныхъ изученію орнамента и миніатюры съ другой.

Но если коллекціи снимковъ въ Англіи такъ поразительно многочисленны и разнообразны, то зато англійская наука не изобилуетъ систематическими трудами по дипломатикѣ. Если мы кромѣ вышеуказаннаго Kenyon'a, отмѣтимъ еще прекрасный трудъ Томпсона, въ видѣ статьи въ Encyclopaedia Britannica подъ заглавіемъ «Palaeography» (1885 годъ. Греческая и латинская палеографія E. M. Thompson вышла и отдѣльнымъ дополненнымъ изданіемъ въ 1894 г., а въ 1903 г. этотъ трудъ былъ переведенъ съ обширными примѣчаніями Спиридономъ Лапмросомъ на греческій языкъ и изданъ въ Аѳинахъ (библіотека Маразли, №№ 192, 194, 195) въ трехъ выпускахъ, составляющихъ одинъ томъ: «'Εγχειρίδι ον Ελλμνικῆς καὶ λαςινιπῆς Παλαιογραφὶας—ὑπὸ 'Εδουασ δου Θόμφωγος καλὰ μελαφρασιν Σπυριδωνος Λάμπρον» ('Eυ 'Αθήναις. 1903. 8°), статьи цѣнной и касающейся греческой и латинской палеографіи въ сжатомъ видѣ (въ итальянскомъ переводѣ она составила одинъ изъ томиковъ «Manuali Hoepli»—«Palaeografia di E. M. Thompson», съ примѣч. Fumagalli, Milano, 1890. 32°), то наиболѣе извѣстнымъ англійскимъ компендіумомъ останется старый трудъ прошлаго столѣтія Astle (Thomas) «Origin and Progress of Writing», первое изданіе

въ XVIII в. (2 изд. 4° въ 1802), удостоившійся переизданія не далѣе какъ въ 1876 году (Roxburghe, 4°). Отмѣтимъ еще — J. Earle: «A Handbook to the Land Charters and other Saxonic documents» (Oxford, 1888. 8°).

Мнѣ не извѣстно — удалось-ли выполнить грандіозное предпріятіе одному американцу, Henry Smith Williams, который разсылалъ въ прошломъ (1904) году проспекты «The History of the art of Writing» (manuscripts, inscriptions and muniments Oriental, Classical, Medieval and Modern), которая должна была охватить пространство съ 45-го столѣтія до Р. Х. и кончая XIX в. по Р. Х. — итого 60 вѣковъ, въ 4 альбомахъ формата $33^{1}/_{2} \times 55$ сант. Обѣщано было 200 снимковъ въ краскахъ, но я нигдѣ не встрѣчалъ указаній, появился-ли первый выпускъ.

Страна старой культуры, страна каменныхъ построекъ, Италія является классической страной архивовъ и библіотекъ. Въ крохотныхъ городкахъ не рѣдки обширные архивы, въ частныхъ домахъ обѣднѣвшихъ патриціевъ часто шкапы и сундуки набиты бумагами и не только фамильными, ибо государственные люди Италіи оставляли въ роду своемъ архивы, накопившіеся за время ихъ дѣятельности. На этомъ основано высокое значеніе частныхъ архивовъ тѣхъ фамилій, изъ среды которыхъ выходили папы. То же самое надо сказать про архивы кардиналовъ.

Итальянскія хранилища актовъ, повидимому, менѣе пострадали отъ времени и людей, чѣмъ французскія, выдержавшія гнусную расправу санкюлотовъ во время революціи [1]).

Подъ названіе «феодальныхъ» бумагъ подходили и манускрипты, и хартіи, и просто архивные документы; они складывались въ громадные костры и поджигались окруженные чиновниками, слѣдившими, чтобы что-нибудь не было утащено и спасено! Погибли драгоцѣнныя коллекціи рукописей и акты, иногда оригиналы, восходившіе до временъ Карла Великаго.

Важнѣйшіе архивы пострадали, впрочемъ, напримѣръ, при Наполеонѣ I, который таскалъ Ватиканскій архивъ въ Парижъ, при чемъ документы пропадали цѣлыми возами. Онъ былъ великимъ человѣкомъ, онъ задумалъ объ École des Chartes, но

---

[1]) О томъ, что потерпѣли эти архивы, есть изслѣдованія: P. Bénétrix: „Le vandalisme révolutionnaire dans le Gers" (Bordeaux, 1891, 8°), E. Despois: „Le vandalism révolutionnaire" (Paris, 1868).

онъ при этомъ желалъ, чтобы въ столицѣ міра совмѣщались не только французскіе документы, но и всѣ другіе, онъ предположилъ перетащить изъ Италіи всѣ драгоцѣнные памятники, весь Ватиканскій Архивъ. Конечно, когда порядокъ былъ возстановленъ, то эти документы были возвращены, но исполнительность чиновниковъ была такого рода, что пропадали цѣлые ящики документовъ.

«Nous avons vu, à cette époque», сообщаетъ одинъ любитель, «des charretées de dipmlômes, bulles et lettres des papes, lettres des rois, enfouies chez l'épicier et encombrer sa boutique. C'était le bon temps pour les chercheurs d'autographes...» Къ счастью, такихъ людей было мало. И все таки это были пустяки сравнительно съ гекатомбами революціи. Достаточно сказать, что съ 3 октября 1792 года («la loi autographoclaste») и по 1838 годъ французская артиллерія стрѣляла древними документами, спеціально сваленными въ арсеналы для производства «gargousses» (картузовъ для пушечныхъ зарядовъ). «Pourquoi», спрашивалъ одинъ наивный коллекціонеръ, «n'a-t-on pas eu l'idée de charger les canons avec du papier blanc. C'eût été beaucoup plus convenable» [1]). Чудаку не пришло въ голову, что чистая бумага денегъ стоитъ, а архивы-то либеральные правители даромъ отняли. Нѣтъ сомнѣнія, что итальянскіе архивы потерпѣли и при австрійскомъ нашествіи: многое было уничтожено, многое разобрано по рукамъ, но все таки Италія является поразительнымъ собраніемъ сокровищъ археологіи; ни одна страна не обладаетъ такими роскошными помѣщеніями для архивовъ, какъ Италія. Кто имѣлъ возможность видѣть ихъ, тотъ можетъ только пожалѣть о томъ, въ какомъ печальномъ состояніи находятся наши архивы (кромѣ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ).

Изданія актовъ въ Италіи разростаются съ необыкновенной быстротой; въ настоящее время общества разныхъ провинцій соперничаютъ другъ съ другомъ. Рядомъ съ такими общими изданіями, какъ «Hisroriae patriae monumenta» [(Туринъ съ 1836, in folio), въ которыхъ имѣется нѣсколько томовъ грамотъ (т. I—1836, т. II (VI)—1853, т. III (X) — 1861, т. IV (XII)—1868; затѣмъ общаго счета т. XIII (хартій т. 3-й) и XVII (1877)] и «Miscellanea di storia Italiana» (Туринъ съ 1862 года), все множатся и множатся изданія, касающіяся отдѣльныхъ областей и городовъ. Въ послѣднее время появились, напримѣръ, дипло-

---

[1]) Lescure: „Les autoraphes en France et à l'ètranger“, p. 40.

матическіе кодексы такихъ городковъ, какъ Кавы, Ареццо (ред. Убальдо Паски), Орвіето, Бари. И надо прибавить—по бумагѣ, шрифту, чуднымъ снимкамъ, прекраснымъ примѣчаніямъ и описаніямъ—это все завидные шедевры съ внѣшней и внутренней стороны.

Чувствуется — сколько любви и почтительнаго уваженія внесено въ это дѣло! На югѣ Италіи и въ Сициліи сохранились нѣкоторые акты на греческомъ языкѣ; среди латинскихъ документовъ—это капля въ морѣ, но посмотрите сколько изданій посвящено уже этой серіи документовъ на чужомъ языкѣ. Напримѣръ: F. Trinchera: «Syllabus graecarum membranaram» (Napoli, 1865); Spata, G.: «Diplomi greci inediti» (Torino, 1870); G. Spata: «Diplomi greci inediti... di Palermo» (въ Miscellanea); D'Ovidio: «di alcuni documenti greci» и цѣлый рядъ статей съ литографированными снимками. Большинство италіанскихъ архивовъ находится въ прекрасномъ порядкѣ, печатаются описанія, въ многочисленныхъ университетахъ каѳедры палеографіи и дипломатики, «школы палеографіи» находятся въ разныхъ городахъ, нѣкоторыя основаны уже много лѣтъ назадъ. Такъ, въ Миланѣ «школа Палеографіи» основана въ 1842 году, въ Венеціи въ 1854. Въ Римѣ въ Ватиканѣ въ 1884 году устроено съ довольно широкими задачами учрежденіе—«École de paléographie et d'histoire comparée du Vatican». Не даромъ еще въ 1817 г. въ Италіи появилось разсужденіе: «Discorso sull'antichità ed utilità degli Archivii non che sulla dignità degli archivisti» (Venezia, 8⁰).

Степень развитія и изученія палеографіи и дипломатики въ Италіи обрисовывается ярко и тѣмъ количествомъ курсовъ, спеціальныхъ работъ и популярныхъ мануалей, которые мы въ ней находимъ. Старые труды Муратори, Плачентини («Epitome graecae palaeographiae», Romae, 1735, 4⁰), Тромбелли («Arte di conoscere l'età de'codici latini e italiani», 2 изд. Bologna, 1778, 4⁰, первое въ 1756), Синьгорелли — «Elementi di critica diplomatica» (Parma, 1805, 3 vls. 8⁰), Fumagalli «Instituzioni diplomatiche» (Milano, 1802, 2 vls. 4⁰)—замѣняются все новыми и новыми, и замѣчательно, что большинство трудовъ не теряетъ значенія, потому что касается отдѣльныхъ мѣстностей. Такъ еще въ 1834 году вышелъ трудъ Петра Датта (Datta): «Lezioni di paleografia e di critica diplomatica sui documenti della monarchia di Savoia» (Torino, 8⁰), касающійся спеціально сѣверной Италіи. «Programma dell'imperial real scuola di Paleografia in Venezia»,

составленная архивистомъ Cecchetti (Venezia, 1862, in folio) касается Венеціи (отмѣтимъ, что Чекетти дѣлалъ не мало ошибокъ въ чтеніи древнихъ документовъ, древнѣйшій актъ, приведенный въ снимкѣ отнесенъ къ 984 вмѣсто 850, см. Giry). Обширный трудъ A. Gloria: «Compendio delle lezioni teorico-pratiche di paleografia e diplomatica» (Padova, 1869—1870, 8⁰ и съ атласомъ), въ которомъ авторъ хотѣлъ захватить большую область, довольно малозначителенъ и устарѣлъ, хотя и цѣнится въ антикварной продажѣ за обиліе снимковъ. Clemente Lupi издалъ во Флоренціи спеціальное руководство «Manuale di paleografia delle carte» (Firenze, 1875, 8⁰), маленькая и интересная чисто дипломатическая книжка. Для юга Италіи также имѣется спеціальная книга Michele Russi: «Paleografia e diplomatica de'Documenti delle Province Napolitane» (Napoli, 1883, 8⁰), касающаяся между прочимъ и документовъ на греческомъ языкѣ. Префектъ Ватиканской Библіотеки, покойный, Isidoro Carini—составилъ въ видѣ «corso di paleografia, diplomatica e critica storica»—компендіумъ «Sommario di Paleografia ad uso della pontificia scuola Vaticana», переиздававшійся изъ года въ годъ (4 изд. 1889, 8⁰). Проф. C. Malagola написалъ «Sunti delle lezioni del corso ufficiale di Paleografia e diplomatica» (Bologna, 1897). Въ настоящее время директоръ Неаполитанскаго Музея. Но всѣхъ превзошелъ знаменитый флорентинскій проф. Cesare Paoli, авторъ спеціальнаго трактата о папирусѣ. Онъ составилъ руководство — «Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatica» (Флоренція, 1883, 8⁰) настолько важное, что оно немедленно было переведено на нѣмецкій языкъ — (Innsbruck, 1885, 8⁰). Съ 1888 г. и по 1900 — Cesare Paoli закончилъ второе расширенное изданіе своей прекрасной книги подъ тѣмъ же заглавіемъ и въ 3-хъ частяхъ: I.—Paleografia latina, 1888, 8⁰; II. — Materie scrittorie e librarie; III. — Diplomatica — (dispensa I.—Firenze, 1898.—Dispensa 2 ed ultima—1900). И это изданіе немедленно было переведено Карломъ Ломейеромъ, профессоромъ въ Кёнигсбергѣ. Вообще нѣмецкая наука заимствуетъ тщательно все цѣнное изъ другихъ литературъ, напримѣръ, цѣнные труды Фабретти по древнѣйшей эпиграфикѣ также переведены и изданы въ Лейпцигѣ.

Извѣстная трудность чтенія латинскихъ документовъ вслѣдствіе обилія сокращеній, вызвала два хорошихъ труда: 1) Zanino Volta: «Delle abbreviature nella Paleografia làtina» (Milano, 1892, 8⁰) и 2) Adriano Cappelli: «Dizionario di abbreviature latine ed

italiane» (Milano, 1899, 8⁰, въ Manuali Hoepli), съ огромнымъ количествомъ клише. Эта послѣдняя книжка является чрезвычайно доступной и настольной книжкой для изучающихъ латинскіе шрифты.

Въ послѣднее время въ Европѣ стала назрѣвать потребность въ руководствахъ по изученію Автографовъ для любителей такого рода памятниковъ, всего живѣе переносящихъ собирателя въ изучаемую имъ эпоху или среду лицъ. Появившись въ Европѣ едва ли не въ прошломъ XIX лишь столѣтіи, страсть къ автографамъ быстро разрослась, стала на научную почву, и неожиданно для многихъ, дала богатую жатву для историковъ. Распутывались темные вопросы, обрисовывались характеры, появлялся матеріалъ для біографій. Безъ коллекціонеровъ и любителей никогда бы не выплыли съ такой быстротой безчисленныя письма и переписки, къ которымъ теперь не легко было бы составить библіографію. Надо сказать, что въ продажѣ появляются такіе документы, которые соблазняютъ автографовъ. Я уже говорилъ о неприлично-любовномъ письмѣ Наполеона, которое совсѣмъ не было извѣстно. Нѣсколько времени тому назадъ въ Парижѣ продавалось завѣщаніе Людовика XVI. Несмотря на то, что оно продавалось въ теченіе нѣсколькихъ недѣль оно все-таки попало въ частныя руки. Затѣмъ въ Парижѣ продавалась записка де-Лонэя, который былъ начальникомъ Бастиліи въ моментъ ея взятія, эту записку онъ писалъ передъ смертью; она тоже попала въ частныя руки.

По слѣдамъ стараго преждевременнаго, можно сказать, французскаго труда Jules Fontaine'я: «Manuel de l'amateur d'autographes» (Paris, 1836, 8⁰), извѣстный миланскій издатель Ulrico Hoepli выпустилъ въ свѣтъ два толстыхъ томика:

I) Conte E. Budan: «L'Amatore d'Autografi» (Milano, 1900) и

II) C. Vanbianchi: «Raccolte e Raccoglitori d'Autografi in Italia» (Milano, 1900).

Къ сожалѣнію авторы этихъ новыхъ книгъ оказались не на высотѣ своего положенія; повидимому имъ недостало ни эрудиціи, ни хорошей исторической школы, а предшественниковъ не было, брать примѣра было не съ чего. Такъ какъ нѣмецкій трудъ -ра остался неизвѣстнымъ, а англійскій трудъ Дэли еще менѣе интересенъ. Интересныя по содержанію книжки представляютъ лишь намекъ на то, что слѣдовало бы сдѣлать настоящему ученому и что вышло бы весьма солиднаго объема, мало подходящаго къ популярнымъ руководствамъ Hoepli.

Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что серьезный и содержательный журналъ L. S. Olschki — «La Bibliofilia» слишкомъ ужъ рѣзко, что называется «отдѣлалъ» новыя начинанія, правильное развитіе которыхъ тѣсно связано съ развитіемъ и разработкой дипломатики.

Италіанскія изданія документовъ, большею частью, по прекрасному обыкновенію италіанскихъ ученыхъ обществъ сопровождаются довольно обильно превосходными снимками, но, конечно, несмотря на это и въ Италіи мы найдемъ нѣсколько драгоцѣнныхъ палеографическихъ альбомовъ.

Изъ старыхъ, ручнымъ способомъ воспроизведенныхъ, сборниковъ отмѣтимъ — G. Marini: «I papiri diplomatici» (Roma, 1805, in folio), съ 22 таблицами; Oderisio Piscicelli-Taeggi: «Paleografia artistica di Monte-Cassino» (Montecassino, 1877 — 1881, малое folio), съ 54 таблицами, изъ которыхъ многія представляютъ снимки съ документовъ знаменитаго аббатства (напримѣръ, дипломъ папы Захаріи). Въ 1880-хъ годахъ началось изготовленіе драгоцѣнныхъ свѣтопечатныхъ атласовъ. Въ 1882 году вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ «Archivio paleografico italiano» подъ редакціей проф. E. Monaci форматомъ большое фоліо (38×55 сан.). Задача этого сборника дать матеріалы для исторіи письма въ Италіи, снимки съ рѣдчайшихъ рукописей, снимки съ древнихъ документовъ въ постепенномъ развитіи дипломатическаго письма, снимки съ историческихъ автографовъ. Предположены были двѣ серіи — I — Miscellanea и II — Monumenti paleografici di Roma, въ видѣ 2 отдѣльныхъ томовъ, но затѣмъ изданіе было раздѣлено просто на томы, первый закончень сотой таблицей, а таблицы II и III тома продолжаютъ выходить выпусками, при чемъ начатъ и т. IV, въ который, повидимому, войдутъ лицевыя рукописи, первыя таблицы его заняты листами знаменитой «Biblia di S. Paolo». Въ самое послѣднее время (въ 1904 г.) прибавленъ V томъ, предназначенный для дипломатической эпиграфики. Въ теченіе 1904 и 1905 гг. вышли 2 послѣднихъ выпуска 18 (1900), 19 (1904), 20 (1905). Табл. въ этихъ трехъ выпускахъ: томъ II — 66 — 91, томъ III — 30 — 53, томъ IV, томъ V — 1 — 8, къ іюлю 1905 г. вышелъ выпускъ 21. Въ I — III томахъ преобладаютъ хартіи сѣверной Италіи и города Рима, при чемъ обращено особое вниманіе на частные акты. Изъ римскихъ документовъ отмѣтимъ одинъ 1002 года съ подписью префекта города Рима, сдѣланной греческими литерами. Особенное вниманіе между прочимъ проф. Monaci

обращаетъ на частныя коллекціи въ справедливой надеждѣ сохранить памятникъ отъ возможной утраты путемъ фотографическаго его воспроизведенія. Такъ имъ изданъ полностью документъ на папирусѣ, одинъ изъ знаменитыхъ Равеннскихъ папирусовъ, находившійся въ то время въ коллекціи Корвизьери. Въ описаніи документа проф. Моначи спрашиваетъ «былъ въ собраніи Корвизьери, теперь?», замѣчаніе справедливое, потому что въ 1899 году коллекціи Корвизьери по смерти маститаго собирателя были проданы съ аукціона. Мнѣ извѣстно, что папирусъ, о которомъ идетъ рѣчь, Корвезьери продалъ въ Англію еще при жизни. Письма XIV столѣтія, воспроизведенныя изъ частной коллекціи, въ настоящее время совершенно неизвѣстно гдѣ находятся и, можетъ быть, совсѣмъ утрачены.

Отмѣтимъ въ послѣднихъ двухъ выпускахъ многочисленные цѣнные документы изъ частнаго архива Francesco Gencarelli dei Coronei въ Козенцѣ, напримѣръ, Diploma di Umfredo conte di Montescaglioso—Генварь 1083 г., Diploma di Emma contessa di Montescaglioso—1110 г. Diploma di Ruggiero conte di Sicilia—1124 г., при немъ не принадлежащая ему булла свинцовая, подвѣшенная позднѣе, съ именемъ «R. Machabeus». Въ томѣ V римскія надписи и между прочимъ куски эдикта Діоклетіана и конституцій Юліана Отступника (362).

Тотъ же Ernesto Monaci собралъ и издалъ: «Facsimili di Antichi Manoscritti per uso delle scuole di filologia neolatina» (Roma, in folio—32 × 46 c.), 4 выпуска, всего 100 таблицъ среди которыхъ есть нѣсколько грамотъ, три восковыхъ дощечки и въ концѣ, два снимка почему то съ румынскихъ рукописей.

Не меньшаго значенія, чѣмъ Archivio Paleografico Italiano другой атласъ, начавшій выходить въ свѣтъ съ 1884 года подъ редакціей двухъ знаменитостей, профессоровъ Вителли (греческая палеографія) и Паоли (дипломатистъ): «Collezione fiorentina di facsimili paleografici greci e latini» (Firenze, 1884—1889, in folio). Пока изданіе ограничилось 4 выпусками съ 96 таблицами, среди которыхъ много актовъ, заимствованныхъ изъ драгоцѣннѣйшаго и превосходно устроеннаго Флорентинскаго архива и охватывающихъ VIII—XIV вѣка.

Къ числу дипломатическихъ альбомовъ надо отнести и «Specimiua paleographica Regestorum Romanorum Pontificum ab Innocentio III usque ad Urbanum V (an. 1198—1370)», состоящія изъ 60 геліотипій съ старѣйшихъ записныхъ книгъ пап-

ской канцеляріи. Надо сказать, что эти «регесты» особенно издаются теперь французами въ видѣ серій

Отмѣтимъ еще, наконецъ, не альбомъ, пожалуй, но тоже значительной величины сборникъ документовъ и снимковъ, составленный P. Vayra: «Il Museo storico della casa di Savoia nell' Archivio di Stato in Torino» (Torino, 1880. 8°) и представляющій систематическое обозрѣніе важнѣйшихъ документовъ Савойскаго архива, выставленныхъ въ Туринскомъ архивѣ въ цѣломъ рядѣ залъ. Книга дѣлится на три части. Въ первой описаны и даны снимки съ рукописей и автографовъ членовъ Савойскаго дома. Въ этомъ отдѣлѣ находятся снимки съ любопытнѣйшихъ писемъ, дневниковъ и даже стиховъ, кончая письмами Виктора Эммануила II. Вторая часть (съ стр. 294) описываетъ залъ документовъ,—начиная съ акта основанія монастыря Новалезы въ 726 году, дипломатическаго памятника Меровинской эпохи, данъ снимокъ съ любопытнаго диплома Лотаря, «re d'Italia», отъ 825 года и т. д. — И между прочимъ совершенно неожидано среди снимковъ находимъ факсимиле съ славянской грамоты—письма патріарха Сербіи и Болгаріи Іоанна (отъ 13 декабря 1608 года) къ дукѣ «Карлу Емануелу», отдѣлъ заканчивается памятниками эпохи объединенія Италіи. Въ третьей части описаны автографы (есть между прочимъ Павла I, Екатерины II) включая сюда письма и восточныхъ владѣтелей. Упомянемъ еще кстати книгу Michele Favaloro, который величаетъ себя профессоромъ: Spicilegia storico—paleografico di alfabeti e facsimili, tratti da codici, dimlomi e mouumenti 9, (всего 77 таблицъ in 4° Palermo). Эта книга представляетъ собою опытъ составленія алфавитовъ всѣхъ народовъ, вѣковъ и манеръ письма. Есть и «alplabeto slavo»—очень красивый, но имѣющій весьма мало общаго съ палеографіей. Тамъ, гдѣ авторъ у себя дома, альбомъ поучителенъ, но рѣдко весьма ненадеженъ. (Матеріалъ въ значительной части взятъ въ Сициліи, что всетаки придаетъ цѣнность, какъ труду спеціальному).

Мы видимъ какъ цвѣтуща, богата и разнообразна дипломатическая литература Италіи.

Въ настоящее время Испанія, въ довершеніе бѣдъ ограбленная и раззоренная въ послѣдніе годы свободными и въ смыслѣ этики американцами, является какимъ то синонимомъ страны запустѣнія, отсталости, бѣдности и финансовыхъ затрудненій. Но было время, когда въ Великой Испанской монархіи,

не закатывалось солнце, когда сокровища науки и искусства отовсюду стекались въ столицы Карла V и Филиппа II. Обширные музеи, библіотеки и архивы, великолѣпные галлереи до сихъ поръ полны памятниками прежняго величія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на археологической Мадритской выставкѣ испанцы произвели глубокое впечатлѣніе на чужеземныхъ ученыхъ и любителей громадными коллекціями рукописей съ миніатюрами [1]).

Въ изученіи родныхъ древностей Испанія старалась не отстать отъ Франціи и Италіи. Достаточно припомнить такія изданія, какъ «España sagrada» (Madrid, 1747 — 1886. 4°), которой вышло уже 51 томъ, или «Coleccion de decumentos ineditos para la historia de España»», (Madrid, 1842—1893. 4°. 105 томовъ), число томовъ которой въ настоящее время далеко перевалило за сто. Уже въ XVIII столѣтіи въ Испаніи появились два руководства къ палеографіи и дипломатикѣ, оба весьма интересныя, между прочимъ, даже въ типографскомъ отношеніи: по превосходнымъ шрифтамъ и тонкому изяществу. Авторами того и другого были отцы іезуиты.

Первое носитъ названіе «Paleografia Españolaque contiene todos los modos conocidos que ha habido de escribir en España», вышло въ свѣтъ въ Мадридѣ въ 1758 году въ видѣ небольшой книжки въ малую четвертку и пренадлежитъ перу отца «Estevan de Terreros y Pando», страннымъ образомъ по спеціальности бывшаго «Maestro de Mathematicas». Отецъ Estevan на маломъ числѣ страничекъ успѣлъ поговорить о многомъ, даже объ изобрѣтеніи книгопечатанія и арабской палеографіи; испанскую палеограграфію онъ изложилъ въ видѣ толкованія и объясненія таблицъ, начавъ съ болѣе новаго времени и уходя въ глубь вѣковъ.

Гораздо болѣе замѣчателенъ роскошный фоліантъ, исданный въ Мадридѣ въ 1780 году отцемъ Andres Merino подъ заглавіемъ: «Escuela Paleohraphica, ó de leer letras antiguas, desde la entrada de los Godos en España, hasta nuestros tiempos» полный превосходныхъ заставокъ и прекрасно гравированыхъ таблицъ. Вся книга состоитъ изъ таблицъ съ транскрипціей ихъ и длинными, содержательными учеными примѣчаніями. На таб-

---

[1]) О библіотекахъ и архивахъ Испаніи, см. Beer Rudolf: „Handschriftenschätze Spaniens“ (Wien, 1891. 8°) и Carini Isidoro: «Gli Archivi e le Biblioteche di Spagna“.

лицѣ первой изображено знаменитое завѣщаніе Юлія Цезаря, въ сущности одинъ изъ «равеннскихъ» папирусовъ VI вѣка, именно 564 года (charta plenariae securitatis [1]) изданный Мабильономъ и вызвавшій долгіе споры. Книга Мерино по подбору образцовъ письма заслуживаетъ названіе превосходной. Въ виду же того, что большинство таблицъ заимствованы изъ испанскихъ архивовъ, трудъ ученаго іезуита и до сихъ поръ не потерялъ значенія.

Всѣ послѣдующія палеографическія руководства, вышедшія въ Испаніи, по внѣшности далеко уступаютъ щегольскому Merino, который въ этомъ отношеніи и въ настоящее время можетъ служить продметомъ для подражанія.

Сочиненія Don Joaquin Tos «Paleografia, que para inteligencia de los manuscritos antiguos de este principado», изданное безъ обозначенія года въ Барселонѣ, представляетъ изъ себя неряшливо напечатанную на плохой бумагѣ книжку in 4^{0} съ слабыми заимствованными таблицами, и касается обще-европейской дипломатики вообще [2]).

Много лучше изданъ компендій—«Compendio de paleografia Española (ó escuela de leer todas las letras que se han usado en España») сочиненія don Antonio Alverá Delgrás, вышедшій въ 1857 году in folio, съ 32 таблицами. Авторъ этой книги въ отношеніи текста и таблицъ находится впрочемъ въ полной зависимости отъ Мабильона и Мерино. Самостоятельно и интересно составлена Дельграсомъ хронологическая таблица испанскихъ и португальскихъ королей.

Очень хорошо подобранъ и исполненъ въ типографскомъ отношеніи сборникъ палеографическихъ таблицъ Venancio Colomera Rodriguez подъ названіемъ «Paleografia Castellana» (Valladolid, 1862, in folio); состоитъ онъ изъ большого количества снимковъ съ транскрипціями и касается главнымъ образомъ позднихъ испанскихъ писемъ, развившихся съ начала XV столѣтія, трудныхъ для чтенія и столь же непріятныхъ на видъ, какъ и «scrittura bollatica». Просматривая сборникъ Родригеца, мы убѣдимся, что и онъ не самостоятеленъ, старики Merino и Terreros служатъ почти единственными источниками, не даромъ первый изъ нихъ титулуется «el inmortal Merino».

---

[1]) Теперь въ одной изъ витринъ палеографической выставки въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ.

[2]) Есть еще „Paleografia Espanola", изданная въ Барселонѣ въ 1846 году (in folio) сочиненія Esteban Paluzie y Cantalozella.

Учрежденіе въ Мадридѣ специальной школы дипломатики: «Escuela Superior de Diplomatica» въ 1856 году, конечно, не могло не принести обильныхъ плодовъ. Особенной плодовитостью отличился профессоръ этой школы донъ Jesùs Muńoz y Rivero.

Перечислимъ его изданія:

1) «Manual de paleografia diplomatica española de los siglos XII al XVII» (Madrid, 8⁰. 1 изд. 1880, 12⁰; 2 изд. безъ года (1890) in 8⁰). Съ 240 факсимиле разныхъ документовъ.

2) «Nociones de Diplomatica Española» (Madrid, 1881, 8⁰).

3) «Paleografia Visigoda» (método teórico - practico para aprender a leer los codices y documentos españoles de los siglos V al XII), изданной въ Мадридѣ, въ 1881 году, in 8⁰ съ 45 таблицами на желтоватомъ картонѣ, подражающемъ пергамену («expresamente fabricada para esta obra»). Наиболѣе цѣнный и интересный трудъ Muńoz y Rivero. Всѣ снимки самостоятельно заимствованы изъ архивовъ и сопровождаются транскрипцiей.

4) «Idioma y escritura de España» (Madrid, 1888, 12⁰), очень маленькая книжка, но съ образцами и точной транскрипцiей, дѣлающей это руководство удобнымъ.

5) «Paleografia popular; arte de leer documentos antiguos, escritos en castellano» (Madrid, 1886, 8⁰). Приложены цинкографическіе снимки со ста документовъ отъ 1213 по 1653 годъ.

6) Chrestomathia palaeographica: scripturae hispanae veteris specimina» [Matriti, (s. d.=1890). 12⁰]. Вышла часть I—«scriptura chartarum» — безъ транскрипцій, и часть II — «scriptura codicum».

Въ дополненіе къ трудамъ Muńoz'a должно указать полезный трудъ Ramon Alvarez de la Braña: «Siglas y abreviaturas latinas» (Leon, 1884, 8⁰), въ которомъ сокращенія изображены лишь буквенно (Fia. R=filia regis; Fi. c.=fiduciae causa), почему пользованіе имъ и затруднительно.

Изъ сборниковъ снимковъ мнѣ извѣстенъ только тотъ же Muńoz y Rivero «Colleccion de facsimiles de documentos de los siglos XII al XVII», выходившій выпусками съ 1880 года (въ Мадридѣ) и въ маломъ форматѣ (6 выпусковъ?)

Такимъ образомъ и въ Испаніи разработка палеографіи и дипломатики стоитъ на значительной высотѣ. Даже въ маленькой Португаліи еще въ первой половинѣ XIX столѣтія появился трудъ Рибейра. Если мы обратимся на сѣверъ, то и тамъ найдемъ оживленную дѣятельность, въ Голландіи уже въ

XVIII вѣкѣ были случаи цѣлостнаго факсимилированія документовъ (напримѣръ, роскошное воспроизведеніе въ 1778 году Утрехтскаго трактата 1578 года) въ Даніи, Швеціи и Норвегіи издаются дипломатаріи, памятники дипломатическихъ сношеній, альбомы печатей, а равно и чисто дипломатическія изслѣдованія.

Польская литература, благодаря усиленной издательской дѣятельности въ Краковѣ и Львовѣ («Monumenta Poloniae Historica», «Codex diplomaticus majoris Poloniae», «Codex diplomaticus minoris Poloniae»), завидно богатая роскошными актовыми изданіями, въ послѣднее время (не считая старыхъ трудовъ, напримѣръ, Строньчинскаго) обогатилась еще чисто дипломатическими изслѣдованіями г.г. «Раpee» Кентшинскаго и Кшижановскаго.

Въ Южно Славянскихъ земляхъ и Румыніи также издано большое количество документовъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, «Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium» и многочисленные труды и изданія Рачкаго, статью Любича «Rukoviet jugoslavenskich listina» (Starine, X—1878).

Особенно цѣнны изданія въ «Споменик'ѣ» Сербской Королевской Академіи и «Гласник'ѣ» сербскаго ученаго дружства. Такъ, напримѣръ, – Стояновича «Стари Српски Хрисовульи, акти»... (Бѣлградъ, 1890, 8⁰); Новаковича о хрисовулѣ св. Стефана (съ факсимиле), о хрисовулѣ Стефана Душана; Константина Иречка «Споменици Српски» (изъ Дубровничскаго архива) и т. д.

Въ «Сборникѣ» Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія (который долженъ служить примѣромъ для всѣхъ правительственныхъ учрежденій вообще за баснословную дешевизну, дѣлающую его весьма доступнымъ, и за стремленіе къ изяществу и красотѣ изданія),—нельзя не указать на трудъ Милетича: «Дако-ромънитѣ и тѣхна-та славянска писменость» (София, 1893, 8⁰. Отд. отт. изъ IX тома), съ солиднымъ изслѣдованіемъ отчасти дипломатическаго характера. Напечатанные документы пополняютъ то, что сдѣлано было когда-то Венелинымъ въ его русскомъ изданіи Влахо-болгарскихъ грамотъ. Въ приложеніи три прекрасныхъ большихъ фототипіи.

Еще интереснѣе вторая статья доктора Милетича подъ тѣмъ же заглавіемъ, заключающая въ себѣ описаніе и изданіе влахоболгарскихъ грамотъ, найденныхъ въ архивѣ города Брашова; помѣщена въ XIII томѣ «Сборника», вышедшемъ въ свѣтъ въ

1896 т. Эти письма Влашскихъ воеводъ къ Брашовянамъ крайне любопытны по формѣ, содержанію и языку, отличаясь отъ обычныхъ большихъ пергаменныхъ грамотъ съ вислыми печатями. Документы начинаются со второй половины XIV вѣка.

Систематическое изданіе драгоцѣнныхъ архивовъ, подобныхъ Брашовскому, предпринято Румынской Академіей въ ея Аналектахъ.

Изъ приведеннаго нами обзора видно, какъ много вниманія обращается на историческое источниковѣдѣніе во всѣхъ странахъ Европы, какая кипучая дѣятельность идетъ по изданію актовъ, разбору архивовъ, воспроизведенію документовъ въ точныхъ фотографическихъ снимкахъ. Высокія научныя требованія, высокая художественная техника сказываются въ тѣхъ многочисленныхъ геліогравюрныхъ и фототипическихъ снимкахъ, какими изобилуютъ изданія Западной и Южной Европы. Одно за другимъ образовываются все новыя и новыя историческія мѣстныя общества, съ ними возникаютъ ихъ органы и множится актовый матеріалъ!

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ того, что совершено и что надлежитъ еще сдѣлать въ области историческаго источниковѣдѣнія у насъ въ Россіи.

Касаясь лишь дипломатики, мы обратимъ вниманіе: 1) на изданіе актовъ; 2) дипломатическую ихъ обработку и 3) на сборники снимковъ съ древнихъ актовъ и автографовъ.

Источниками для составленія такого обзора являются:

1) В. С. Иконникова: «Опытъ русской исторіографіи», томъ I (кн. 1 и 2). Кіевъ, 1891, 4⁰). Превосходный, общеизвѣстный трудъ, соединяющій въ себѣ съ подробнымъ ученымъ курсомъ элементы справочной книги.

2) Проф. Котляревскаго: «Библіографическій словарь», недавно переизданный Академіей Наукъ.

3) D-r Fr. Pastrnek'a: «Bibliographische Übersicht über die Slavische Philologie» (1876—1891). Berlin, 1892, 8⁰.

Для желающихъ детально ознакомиться съ тѣмъ, что издано по части актовъ, можно рекомендовать просмотръ библіографическихъ трудовъ вообще, юбилейныхъ изданій разныхъ ученыхъ Обществъ (излагающихъ ихъ исторію); важны также указатели къ такимъ періодическимъ изданіямъ, какъ «Москвитянинъ», «Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и т. д.

Московская Русь понимала значеніе архивовъ, своеобразно хранила въ ящикахъ, но все-таки хранила, старинные документы, дѣля ихъ на грамоты, книги, столпы и рознь; имѣла недурныя описи дѣлъ, вела записныя грамотныя книги, большей частью не сохранившіяся до нашего времени. Но, конечно, эта старая Русь не помышляла о научной разработкѣ древнихъ документовъ, не думала объ архивныхъ системахъ и не издавала постановленій о способахъ сохраненія документовъ. Извѣстны случаи, когда московское правительство собирало копіи съ старинныхъ актовъ, но такія предпріятія вызывались практическими соображеніями, напримѣръ, вслѣдствіе необходимости возстановить нѣкоторые документы, утраченные въ великій пожаръ 1626 года.

Петръ Великій явился преобразователемъ архивнаго дѣла; онъ ввелъ въ употребленіе самый терминъ «Архивъ» (П. С. З., VI, № 3534), издалъ постановленія по архивной части о веденіи и сохраненіи документовъ (см., напримѣръ, въ изд. «Памятники Сибирской Исторіи» № 22), но увы! именно XVIII вѣкъ и проявилъ варварское отношеніе къ памятникамъ до-реформенной Руси; страшно вспомнить сколько драгоцѣнныхъ матеріаловъ погибло отъ сырости и всяческой небрежности.

До-Петровская Русь сравнительно мало воспользовалась и искусствомъ книгопечатанія для воспроизведенія документовъ. Въ 1649 году издано было Уложеніе, въ 1653 году—Кормчая книга, въ 1654 году была опубликована на двухъ открытыхъ листахъ грамота таможенная (о мытахъ) и отпечатаны чины присягъ, около 1656 года напечатана грамота Никона патріарха о Крестномъ монастырѣ (въ Москвѣ, безъ года, in 4⁰).

Въ 1665 годы типографія Иверскаго монастыря напечатала (въ листъ) списокъ съ грамоты жалованной Иверскому монастырю.

Кромѣ того, печатались жалованныя вотчинныя грамоты, въ концѣ столѣтія примѣнили печатный станокъ къ ставленнымъ грамотамъ, существуетъ, наконецъ, среди грамотъ Коллегіи Экономіи грамота патріарха Адріана, отпечатанная, что особенно рѣдко и интересно, на пергаменѣ.

Петръ Великій имѣлъ самые широкіе планы относительно изданія лѣтописей, требовалъ собиранія рукописей, храненія древностей, описанія археологическихъ находокъ.

20 Декабря 1720 г. губернаторамъ и вице-губернаторамъ предписывалось «во всѣхъ монастыряхъ, епархіяхъ и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія куріозныя письма ори-

гинальныя, такожде и историческія рукописныя книги пересмотрѣть и переписать».

При Петрѣ печатались въ большомъ количествѣ манифесты, указы, регламенты, трактаты, тарифы, присяги дипломы и т. д., но изъ древнихъ документовъ онъ воспроизвелъ только знаменитую грамоту императора Максимиліана, которая ему нужна была для обоснованія правъ на императорскій титулъ.

Было издано, правда, Соборное дѣяніе XII вѣка—«соборъ на Мартина еретика» (три изданія въ одномъ 1718 году in 8° и in 4°, затѣмъ Черниговъ, 1720, 4° и т. д.), но объ этомъ надо упомянуть съ грустью, такъ какъ этотъ актъ просто недостойная поддѣлка.

Еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ былъ подготовленъ къ печати Хронографъ, который и по нынѣ остался не напечатаннымъ; точно также и зародившаяся у Петра Великаго еще въ 1703 году мысль объ изданіи лѣтописей осталась безъ исполненія. Мало того, когда въ 1734 году Академія Наукъ задумала издавать Лѣтописи, то снесшись черезъ Сенатъ съ Синодомъ получила отъ просвѣщенныхъ архипастырей слѣдующую резолюцію: «Разсуждаемо было, что въ Академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ книгахъ писаны лжи явственныя...., отчего въ народѣ можетъ произойти не безъ соблазна» [1]). Вотъ отъ цитатъ изъ Ѳеогностова требника и дѣянія на Мартина еретика соблазна не предполагалось!

Начало собиранія и изданія актовъ положено было двумя незабвенными въ русской исторіографіи дѣятелями—В. Н. Татищевымъ и Герардомъ Фридрихомъ иначе Ѳедоромъ Ивановичемъ Миллеромъ.

Татищевъ, первый русскій историкъ, вызвалъ цѣлую литературу о себѣ, и, надо думать, вызоветъ еще не малое количество споровъ и разсужденій. Изъ актовъ онъ издалъ (вѣрнѣе приготовилъ къ изданію)—Судебникъ царя Ивана Грознаго съ драгоцѣнными примѣчаніями (1 изд. Москва, 1768. 4°; 2 изд. ibidem, 1786. 8°).

Герардъ Фридрихъ Миллеръ пріѣхалъ въ Россію молодымъ человѣкомъ въ 1725 году въ Ноябрѣ, тотчасъ принялся изучать русскій языкъ и скоро сосредоточился на русской исторіи.

---

[1]) Временникъ Моск. Общ Ист. и Древн. Росс., кн. XXIV—„Проэктъ изданія лѣтописей въ 1734 году“.

Его сборникъ «Sammlung russischer Geschichte» (Gvls. St.-Petersburg. 1732—1764. 8°) началъ выходить еще до Сибирскаго путешествія, которое съ одной стороны рѣшило участь самого Миллера, а съ другой образовало и дало Россіи перваго ученаго архивиста и перваго труженика по русской дипломатикѣ [такъ какъ, надо замѣтить, Миллеръ для профессора Гаттерера составлялъ отвѣты о древнихъ русскихъ грамотахъ, ихъ письмѣ, бумагѣ и печатяхъ, оставшіеся ненапечатанными (Словарь Евгенія, II, 86)].

Въ 1733 году Г. Ф. Миллеръ былъ назначенъ членомъ 2-й Камчатской экспедиціи Беринга и хотя не попалъ въ Камчатку, но пробылъ въ Сибири цѣлыхъ десять лѣтъ, осмотрѣлъ не менѣе 20 архивовъ, изъ коихъ и сдѣлалъ громадное количество выписокъ, нынѣ хранящихся въ такъ называемыхъ «портфеляхъ Миллера». Весьма значительная часть оригиналовъ, которыми пользовался Миллеръ, въ настоящее время уже утрачены. Какъ это было указано въ послѣднее время Н. Н. Оглоблинымъ, Миллеръ при списываніи актовъ отдавалъ дань времени, допуская сокращенія и перифразы, но во всякомъ случаѣ удивительно какъ хорошо этотъ иностранецъ, ставшій впослѣдствіи русскимъ подданнымъ и вполнѣ обрусѣвшій, понялъ и изучилъ русскій актовый языкъ, разобрался въ неизвѣданной его палеографіи!

Самъ Миллеръ мало воспользовался, сравнительно, тѣми архивными сокровищами, которыя привезъ изъ Сибири и собиралъ потомъ всю свою долгую жизнь (ум. 1783). Однако знакомство Миллера съ актами и пользованіе ими мы найдемъ и въ «Sammlung» и въ статьяхъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» (издавалъ Миллеръ 1755—1764. 20 томовъ), и въ «Описаніи Сибирскаго Царства» (Спб. 1750. 4°; 2 изд. ibidem, 1787, 4°).

Порученное императрицей Екатериной II собраніе трактатовъ Россіи съ иностранными державами не могло быть выполнено Миллеромъ, за старостью, было начато и осталось въ рукописи.

Главное же значеніе Миллера въ томъ, что онъ сдѣлавшись начальникомъ Московскихъ архивовъ, не только теперешняго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, но и архива Разряднаго и Сибирскаго приказа, радушно сообщалъ копіи съ памятниковъ разнымъ издателямъ и изслѣдователямъ.

Можно сказать, что ни одно почти русское печатное историческое изданіе XVIII столѣтія, сколько-нибудь затрогивающее

архивный матеріалъ, не обошлось безъ косвеннаго или прямого участія Миллера. Новиковъ, Голиковъ, Туманскій всѣ получали отъ него «списки» и скромный труженикъ довольствовался славой быть полезнымъ для другихъ. Благодарные Новиковъ, кн. Щербатовъ и др. принесли ему благодарность въ предувѣдомленіяхъ и ссылкахъ.

«Исторія» князя Щербатова въ послѣднее время нашла горячаго защитника и выдвинута на первый планъ П. Н. Милюковымъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не обратить особеннаго вниманія на тѣ громадныя документальныя приложенія, которыя мы въ ней впервые встрѣчаемъ. Худо ли хорошо ли изданы, но всетаки изданы обширныя извлеченія изъ драгоцѣннѣйшихъ книгъ посольскихъ статейныхъ списковъ, съ которыми никакъ не могутъ справиться ни II Отдѣленіе Его Величества Канцеляріи, ни Императорское Русское Историческое Общество.

Въ предисловіи князь Щербатовъ воздалъ честь Миллеру въ такихъ выраженіяхъ: «я долженъ признаться, что онъ не токмо вложилъ мнѣ охоту къ познанію исторіи отечества моего; но, увидя мое прилежаніе, и побудилъ меня къ сочиненію оной».

Главнымъ же, такъ сказать, воспитанникомъ Миллера является Н. И. Новиковъ, свѣтлая, обаятельная личность котораго общеизвѣстна. Этотъ просвѣтитель русскаго народа, изыскивавшій всѣ способы для распространенія свѣта просвѣщенія, не только издавалъ книги, но и прилагалъ всѣ средства, чтобы удешевить ихъ, сдѣлать общедоступными, распространить ихъ въ возможно большемъ количествѣ. Обширная издательская дѣятельность Новикова граничила съ благотворительностью! Рядомъ съ книгами литературными, обличительными, просвѣтительно-образовательными и сельско-хозяйственными Новиковъ задумалъ обширное изданіе русскихъ историческихъ документовъ. Императрица дала разрѣшеніе открыть Новикову архивы; при помощи Миллера въ нѣсколько лѣтъ былъ изданъ тотъ громадный сборникъ «Древняя Россійская Вивліоѳика», безъ котораго не можетъ обойтись ни одинъ ученый, занимающійся русской исторіей. Сначала «Вивліоѳика» выходила выпусками въ теченіе 1773, 1774 и 1775 годовъ и составила 10 томовъ въ малую восьмушку, въ 1782 году первыя двѣ части были переизданы. Въ 1776 году была сдѣлана попытка продолжить сборникъ подъ другимъ названіемъ, и вышелъ въ свѣтъ (Спб. 1776. 8°) первый и единственный выпускъ «Повѣствователя древностей Россійскихъ» (ставшаго большой рѣдкостью).

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Новиковъ рѣшилъ переиздать свою Вивліоѳику, расширивъ ее, насколько представится возможнымъ. Новое изданіе начало выходить въ другомъ форматѣ (большая восьмушка) и съ новымъ распредѣленіемъ матеріаловъ. Въ теченіе 1788—91 годовъ было выпущено изъ печати 20 томовъ, которые при отсутствіи указателя ужасали митрополита Евгенія, какъ «indigesta moles», но цѣнились всѣми такъ, что и чрезъ много лѣтъ графъ Н. П. Румянцевъ задумывалъ продолжить это изданіе.

Въ нѣкоторыхъ своихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Древней Россійской Идрографіи» (Спб. 1773. 8°)—она же книга Большаго Чертежа, Новиковъ выказалъ себя передовымъ ученымъ, производя сличеніе списковъ, стремясь сохранить древнюю орѳографію и т. д. [1]). Еще болѣе это видно изъ возрѣній, изложенныхъ въ «Санктъ-Петербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ», изданныхъ въ 1777 году и представляющихъ первый опытъ научной библіографіи; въ этомъ важномъ и интересномъ органѣ высказывались требованія соблюдать, при изданіи историческихъ памятниковъ, палеографическую точность, дѣлать сводъ разнорѣчій, прилагать указатели.

Ничего подобнаго мы не увидимъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, которая страдаетъ неточностью изданія текстовъ. Въ ней немало ошибокъ и опечатокъ, есть спутанныя мѣста, но не смотря на это она и черезъ сто лѣтъ не утратила своего значенія. И по сейчасъ къ ней обращаются за многими доселѣ не переизданными документами.

Содержаніе «Древней Россійской Вивліоѳики» въ высшей степени разнообразно. Спеціально для нашихъ дипломатическихъ цѣлей мы должны указать:

1) Первыя двѣ части наполнены грамотами Новгородскими и великокняжескими договорными и духовными (кончая княженіемъ великаго князя Ивана III); въ третьей части среди другихъ документовъ—помѣщены грамоты за время съ 1505 по 1534 годъ. Всѣ эти матеріалы потомъ точнѣе были переизданы гр. Н. П. Румянцевымъ.

2) Въ 3 части—книга, глаголемая Урядникъ (новое Уложеніе Сокольничьяго пути).

---

[1]) Замѣчательно, что въ одной изъ реляцій графа Лесси отъ Августа 1742 года помѣщено съ соблюденіемъ отчасти стариннаго правописанія копія съ надписи на колоколѣ 1545 года, найденномъ въ Борго.

3) Въ 4 части—статейныя списки посольствъ—дьяка Племянникова къ императору Максимиліану I (1518), Михаила Глѣбовича Салтыкова къ Польскому королю въ 1601 году, Чемоданова въ Венецію, Лихачева во Флоренцію, Потемкина въ Испанію и Францію.

4) Въ 5 части — посольство кн. Барятинскаго въ Персію (1618) и Бор. Петр. Шереметева въ Венецію, Римъ, Мальту—въ 1697 году.

5) Часть VI: Уставъ великаго князя Владиміра. Ярлыки ордынскихъ хановъ.

6) Часть VII:—Чины вѣнчанія государей россійскихъ.

7) Часть VIII: «Тысячная книга» 1550 года. Крестоприводныя записи.

8) Часть XII: грамоты, выписанныя изъ статейныхъ списковъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Всѣ, кромѣ письма Лжедимитрія къ папѣ Павлу V (1605)—относятся къ XVI столѣтію. Совершенно неожиданно между этими грамотами двѣ жалованныя—Алфимову—1553 года и Окуневу—1581 года.

9) Части XIII—XIV, разряды великокняжескихъ и царскихъ свадебъ и разряды воинскіе съ 1556 по 1585 годъ.

10) Часть XV—жалованныя грамоты Янглычу, Ознобишинымъ и т. д. Рядъ грамотъ изъ книгъ посольскихъ: напримѣръ, знаменитыя грамоты бояръ къ королю Польскому Сигизмунду Августу. Нѣсколько документовъ изъ эпохи междуцарствія и временнаго правительства 1612 и начала 1613 годовъ.

11) Часть XVI—содержитъ въ себѣ «титулярникъ» трактатъ чисто дипломатическаго содержанія о формахъ грамотъ, титулахъ и печатяхъ [1]), какія употреблялись при ссылкѣ съ иноземными государями. Выписка о мѣстническихъ дѣлахъ, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 года.

12) Часть XVII—Соборное дѣяніе объ отставкѣ отеческихъ случаевъ (24 ноября 1681 года).

13) Часть XX—Статья о Московскихъ приказахъ, отчасти по утраченнымъ уже документамъ, и историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи.

За «Древней Россійской Вивліофикой» еще въ первомъ ея изданіи установилась такая репутація, что сама Академія Наукъ предприняла въ 1786 году изданіе—«Продолженіе Древней Россійской Вивліофики» въ видѣ томиковъ въ малую восьмую, всего

[1]) Печать описана тамъ же въ П. С. З. Р. И.

вышло XI частей, изъ нихъ 2, содержащія «Судебникъ» царя Ивана Грознаго съ примѣчаніями, и Новгородскую лѣтопись, вышли въ 1786 году; 3 и 4 въ 1788, 10-я въ 1795, а 11-я часть въ 1801 году (уже съ обычнаго разрѣшенія цензуры).

Въ 3, 4, 5, 6 и 7 частяхъ помѣщены многочисленныя грамоты, взятыя изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и даже съ ссылками на NN описи (что для того времени составляло отрадное нововведеніе). Части 7—11 заключаютъ въ себѣ книги посольскихъ сношеній съ нагайскими мурзами, кончая 1560 годами.

Рядомъ съ Древней Россійской Вивліофикой надо отмѣтить «Опыты трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ», которыхъ вышло съ 1774 по 1783 годъ 6 небольшихъ по формату и объему книжекъ.

Какъ было заявлено въ предисловіи: «Побудитель къ заведенію Вольнаго сего Россійскаго Собранія есть Его Превосходительство тайный совѣтникъ Императорскаго Московскаго Университета Кураторъ и Воспитательнаго Дому опекунъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино, который сему учрежденію стараться будетъ подавать всякое ободреніе и подкрѣпленіе, а въ потребномъ для его трудовъ всевозможную помощь».

Задачи Собранія были обширны и только между прочимъ охватывали и исторію, которую предполагалось «усовершенствовать» при помощи изданія документовъ.

«Публичныя и приватныя книгъ и писемъ хранилища, содержащія въ себѣ достопамятныя предковъ Россійскихъ дѣла, глубокою древностью закрытыя, могутъ такимъ образомъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ, для удовольствія общенароднаго, и для приведенія въ совершенство Россійскія со временемъ Исторіи. Судебныя архивы, въ которыхъ до днесь сокрывается старинное утвержденіе правъ Россійскихъ, могутъ чрезъ сіе собраніе много споспѣшествовать исторіи законоискусства Россійскаго».

Въ I-й же части—помѣщенъ чинъ постановленія на царство царя Алексѣя Михаиловича и начатъ печатаніемъ знаменитый послужной списокъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, сообщенный М. П. Шереметевой.

Во II-й части помѣщены разряды 2 свадебъ (изъ нихъ одна—Василія Ш) и выписка изъ древнѣйшей Польской посольской книги объ отпускѣ въ Литву царевны Елены Ивановны въ 1495 году.

Въ Ш-й части—грамота избранія на царство Бориса Годунова и грамота духовная Іова патріарха.

Въ IV и V частяхъ—посольства (наказы и статейные списки) князя Барятинскаго въ Персію въ 1618 году и Племянникова къ цесарю Максиміліану въ 1518 году.

Мы видимъ, что документальные матеріалы этихъ «трудовъ» потомъ были перепечатаны Новиковымъ во второмъ изданіи Вивліоѳики.

Изъ меньшихъ работъ XVШ столѣтія по документамъ упомянемъ труды Крестинина и Ѳомина, работавшихъ надъ исторіей Бѣлаго моря и Архангельска и пользовавшихся актами. На архивные документы обращали вниманіе и академическіе путешественники, особенно Палласъ и Лепехинъ. Лепехинъ списалъ нѣсколько весьма старыхъ и важныхъ грамотъ. Рычковъ много сдѣлалъ для Казанской Исторіи.

Бывали и случаи отдѣльнаго напечатанія того или другаго документа. Такъ Шлецеръ напечаталъ въ 1767 году «Русскую Правду» отдѣльной маленькой брошюрой. Дважды издалъ «Русскую Правду» А. И. Мусинъ-Пушкинъ (Спб. 1792 г.; М. 1799—оба изд. in 4⁰), онъ же въ 1793 году издалъ духовную Владиміра Мономаха и въ 1792—«Книгу Большаго чертежа» (составленную въ 1627 году). В. Г. Рубанъ (1742—1795) издалъ: «Походъ боярина А. С. Шеина къ Азову» (Спб. 1773) и весьма интересный «Уставъ ратныхъ пушечныхъ и другихъ дѣлъ» (переводный) Спб. 1777—81, 4⁰).

Бригадиръ Дмитріевъ-Мамоновъ издалъ жалованную родовую грамоту при Вѣдомостяхъ. Въ Костромѣ издали въ 5 частяхъ списки рейтарскихъ полковъ, въ Ярославлѣ начали печатать разряды, да напали на вымышленные.

Такимъ образомъ къ концу столѣтія изданіе актовъ все увеличивается.

Очеркъ разработки русской дипломатики въ XIX столѣтіи пропускается, а все дальнѣйшее изложеніе (за исключеніемъ страницъ о научномъ значеніи филиграней) временно издается корректурно по непереработаннымъ конспектамъ, изложеннымъ слушателямъ.

Дипломатическая критика и виды актовъ.

Первое, что должна рѣшить дипломатическая критика,—это подлинность акта; къ этому должны быть направлены всѣ усилія разбирающаго источникъ дипломатиста. Затѣмъ идетъ опредѣленіе времени, къ которому относится актъ, выясненіе даты, если таковая существуетъ, возможно точное опредѣленіе ея, если актъ не датированъ. Русскіе акты не представляютъ большей частію тѣхъ поразительныхъ трудностей, которыми изобилуетъ западная дипломатика, въ коей хронологическій отдѣлъ—одинъ изъ самыхъ сложныхъ, разработанныхъ и вызывающихъ все новыя и новыя изслѣдованія; но и въ русскихъ документахъ лѣтосчисленіе мартовское, январское, датированіе грамотъ по историческимъ событіямъ и частнымъ случаямъ («Бѣлевщина» = пораженіе 1437 г.; «эдигеева рать») — покажутъ намъ, насколько важенъ и у насъ хронологическій отдѣлъ дипломатики. Въ видѣ примѣра укажу на грамоту Кирилло-Бѣлозерскихъ старцевъ, чтобы показать, какъ важно выясненіе даты. Эту грамоту относили по датѣ къ 1395 г., но изслѣдованіе выяснило, что въ грамотѣ, несомнѣнно подлинной, пропущены десятки лѣтъ и она написана въ 1485 году. Опредѣленіе времени актовъ безъ даты и у насъ, конечно, не менѣе трудно, чѣмъ на Западѣ и требуетъ приложенія всѣхъ пріемовъ современной исторической критики. При всемъ томъ успѣшная работа въ этомъ направленіи всецѣло зависитъ отъ начитанности критика въ актахъ и его памяти относительно лицъ, мѣстностей и разнаго рода мелочей. Какъ важно и необходимо изученіе грамотъ, въ доказательство этого можно указать на грамоту дѣльную — двухъ братьевъ князей на сельцо Колесниково. Срезневскій отнесъ ее къ концу XIV вѣка, а Мейчикъ къ концу XV вѣка; значитъ разница въ опредѣленіяхъ на столѣтіе. Вѣроятнѣе — мнѣніе Мейчика.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ времени акта начинается критика его текста. Когда имѣется дѣло съ подлинникомъ, такая критика довольно проста, но когда до насъ дошла только позднѣйшая копія съ подлинника — приходится нерѣдко истощать всѣ ресурсы исторической и филологической критики. Вольныя и невольныя интерполяціи и сокращенія, неразобранныя переписчикомъ мѣста и простыя описки—все это заставляетъ быть очень осторожнымъ и, можно сказать, еще не одинъ изъ ученыхъ

изслѣдователей и издателей актовъ не избѣжалъ погрѣшностей или отъ ошибокъ въ спискѣ или отъ неразборчивости подлинника. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ погрѣшностей:

Арх. Комм. разобрала—«монастырскаго яму» вмѣсто «татарскаго яму».

Издатели Древняго Лѣтописца (въ царств. Екатерины II)—«отъялъ еси поле Заичь и Миловцы» вм. заячьими ловцы.

Холмогоровъ — «консеръ» вм. «конь сѣръ». «Безновъ»—«Безсоновъ».

Карповъ—«и на конѣ учини», надо «инако не учини».

А. А. Титовъ—«Ефиромантовичъ» вм. Жигимонтовичъ».

М. И. Семевскій,—монахи жаловались, что у нихъ отняли «статую и колесницу» вмѣсто «сжатую пшеницу».

Иногда при печатаніи типографскій недосмотръ создаетъ важныя ошибки и недоразумѣнія. Напримѣръ, въ редактированныхъ мною текстахъ напечатано: «во слушанномъ», и «долеска», между чѣмъ какъ даже въ корректурахъ было: «в ослушанномъ» и «до леска» (то есть—до лѣска̀).

Дало дипломатической критики такъ трудно, что вообще надо взять за правило—относиться съ возможно большимъ вниманіемъ къ своему труду и съ возможно большимъ снисхожденіемъ къ чужому.

Слѣдуетъ указать, что нѣкоторые дипломатисты относятъ къ критикѣ дипломатической еще и критику толковую, такъ сказать,—герминевтику текста. Думается, однако, что это дѣло нужно предоставить каждому изслѣдователю въ частности, причемъ, впрочемъ, не возбраняется и каждому дипломатисту становиться изслѣдователемъ и въ отдѣльныхъ трудахъ давать объясненіе текста актовъ.

Нужно сказать, что то обстоятельство, что въ предисловіяхъ къ актамъ указывается и отмѣчается все болѣе или менѣе важное, часто приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы, потому что исчерпать содержанія актовъ невозможно, а все неотмѣченное нерѣдко погребается на многіе годы.

Ошибки издателей актовъ немедленно вводятъ въ заблужденіе историковъ. Напримѣръ, духовное завѣщаніе князя Дмитрія Ивановича было опредѣлено издателями С. Г. Г. и Д., какъ завѣщаніе внука великаго князя Ивана III. Такіе ученые, какъ Соловьевъ и Костомаровъ пользовались этимъ важнымъ документомъ именно въ этомъ смыслѣ, тогда какъ еще въ 1825 году было указано, что это завѣщаніе не сына в. к. Ивана

Ивановича, а брата его Дмитрія Ивановича Жилки. Достаточно вспомнить исторію вѣнчаннаго внука великаго князя Ивана III, чтобы понять, насколько важно въ историческомъ отношеніи подобное завѣщаніе.

Мнѣ приходилось говорить о промахахъ русскихъ археографовъ и дипломатистовъ. Въ защиту ихъ погрѣшностей укажу на факты, свидѣтельствующіе о томъ, насколько медленно и съ какими прегрѣшеніями шло дѣло изданія документовъ и на Западѣ. Припомнимъ, что самъ Мабильонъ, увлеченный примѣромъ Балюзія, вѣрилъ въ подлинность документовъ «titres de la maison d'Auvergne» и долженъ былъ отказаться отъ своего мнѣнія, когда дѣло было вполнѣ разоблачено. Мнѣ уже пришлось помянуть, что въ самое послѣднее время Julien Havet переработалъ тексты эпохи Меровинговъ.

Въ Германіи, классической странѣ серьезной учености, гдѣ и до сихъ поръ ореолъ золотаго тельца мало затмѣваетъ обаяніе отвлеченнаго знанія, только недавно изданіе актовъ встало на должную высоту. Изданіе Diplomatum tomus I (in folio. Hannoverae. 1872 г.) было неудачно; поэтому черезъ нѣсколько лѣтъ снова выходитъ Diplomatum tomi I, pas prior (4^0. Hannoverae. 1879). Эти изданія составляютъ часть Monumenta Germaniae Historica. Кажется страннымъ, какимъ это образомъ редакція Mon. Germ. Hist. еще въ 1872 г. издавшая 1-й томъ изъ отдѣла Diplomata, въ 1879 г. вдругъ снова издаетъ тотъ же первый томъ, да при томъ не весь, а одинъ начальный выпускъ! Причина заключается въ томъ, что редакція пожелала исключить изъ своего знаменитаго изданія изданный въ 1872 г. томъ грамотъ, какъ не заслуживающій стоять рядомъ съ другими фоліантами. Дѣло въ томъ, что Общество издававшее Diplomata было усиленно занято изданіемъ лѣтописей. Бёмеръ хлопоталъ объ изданіи дипломовъ и частнымъ образомъ издалъ регесты; но ему не было поручено изданіе дипломовъ. Георгъ Генрихъ Пертцъ поручилъ это дѣло своему сыну Карлу, который издалъ почти единолично первый томъ — Дипломы Меровингской эпохи въ 1872 г. Рецензія Stumpf'a въ Historische Zeitschrift убила это изданіе. Зависимость французскаго сборника Bréquigny въ переизданіи Pardessus; пропуски документовъ; неточное чтеніе; поправки оригиналовъ безъ сносокъ и указаній въ комментаріяхъ и т. д., неудачный выборъ времени: германскій дипломатарій долженъ былъ бы состоять изъ актовъ Германской имперіи съ 911 г., какъ и сдѣлалъ знаменитый

Зиккель, которому было поручено переизданіе этихъ дипломовъ. Первая тетрадь перваго тома, изданнаго Зиккелемъ въ 1879 г., обняла лишь акты Конрада I и Генриха I съ 911 г. по 936 г. (Mon Germ. Hist. должны, по плану, состоять изъ 5-ти отдѣловъ: scriptores, leges, diplomata, epistolae и antiquitates).

Каждый актъ можетъ дойти до насъ въ трехъ видахъ— какъ подлинникъ (archetypa, autographa), какъ копія и, наконецъ, въ сокращеніи или просто въ записи, въ реестрѣ и въ записныхъ книгахъ.

Каждый оригиналъ не непремѣнно одинъ, не говоря уже о трактатахъ, которые составляются по числу сторонъ, и другіе акты содержатъ указанія на то, что были написаны въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Въ Западной Европѣ подобные акты существуютъ съ VII в., напримѣръ, дипломъ Хильдеберта III аббатству Сенъ-Дени отъ 695 г. Въ хартіи короля англійскаго Егберта отъ 838 г. прямо записано: «Duasque scripturas per omnia consimiles hujus reconciliationis conscribere statuimus» (мы постановили написать два совершенно согласныя писанія). Только въ позднѣйшее время, съ XIII в., начали обозначать по числу оригиналовъ — duplicata, triplicata и т. д.

Въ русской дипломатикѣ хорошо извѣстны противни: противни княжескихъ договоровъ въ С. Г. Г. и Д. Противни купчихъ—«се язъ продалъ», — «се язъ купилъ» (напр. актъ изъ рода Монастыревыхъ въ А. Ю.).

Только въ рѣдкихъ случахъ противнемъ называется копія, снятая во время написанія самаго акта и лишенная знаковъ утвержденія.

О мѣстахъ храненія и о количествѣ оригинальныхъ актовъ сохранилось не мало свѣдѣній. Отмѣтимъ запись въ изданной нами вкладной грамотѣ Строгановыхъ (Гр. Колл. Экон., № 5 по Устюгу):

> «...а тѣ роздѣльные книги по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и отца ево государева великого государя святѣйшаго Ѳиларета Никитича, патріарха Московскаго и всеа Русіи указу ихъ государьскому положены на Москве въ Устюжской чети, а другие книги положены на ево государеве патріархове дворе Казенномъ Дворцо-

вомъ приказѣ, а третьие книги положены у митрополита Варлама Ростовского» (см. мою брошюру «Новая Строгоновская именная икона» 1894 г.). Значитъ, было три экземпляра, кромѣ того, который предположительно долженъ былъ бы находиться въ рукахъ самихъ Строгановыхъ.

Значеніе подлинниковъ имѣютъ и черняки актовъ (minutes). Но мы должны обращаться съ ними съ крайней осторожностью: можетъ случиться, что они представляютъ только проектъ акта, на самомъ дѣлѣ не изданнаго въ свѣтъ.

Въ чернякѣ иногда титулы и обычныя формулы сокращены, дата не сходится съ сохранившимся подлинникомъ, который на бѣло могъ быть позднѣе проекта; иногда въ чернякѣ нѣтъ совсѣмъ даты, сдѣланъ рядъ сокращеній или поправокъ. Въ чернякахъ всегда отсутствуютъ знаки утвержденія и т. д.

Въ русской дипломатикѣ — приказные черняки архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ представляютъ большой интересъ, благодаря помѣтамъ и поправкамъ дьяковъ.

Вопросъ о копіяхъ съ актовъ имѣетъ весьма важное значеніе и у насъ такъ же, какъ и на Западѣ. На Западѣ значеніе ихъ, пожалуй, еще больше. Русская дипломатика не знакома съ «copies figurées» и «actes récrits»—явленіемъ, весьма затрудняющимъ изученіе актовъ.

Съ древнѣйшей эпохи средневѣковыхъ актовъ, они, съ цѣлью по возможности рѣже прибѣгать къ оригиналамъ ради лучшаго оныхъ сохраненія, переписывались не только съ сохраненіемъ внѣшняго вида, но и съ поддѣлкой подписей, при чемъ никогда не отмѣчалось, что это не подлинникъ, а «copie figurée», всегда подозрительная въ интерполяціяхъ и поправкахъ. Copies figurées иногда фабриковались съ такою ловкостью, что, многіе, напримѣръ, акты изъ эпохи Каролинговъ только въ новѣйшее время Sickel'емъ опредѣлены, какъ репродукціи, позднѣйшія сравнительно съ оргиналами на время, начиная отъ нѣсколькихъ десятилѣтій.

Actes récrits—это уже совсѣмъ фабрикація актовъ на основаніи остатковъ подлинника, а иногда на основаніи просто старинныхъ указаній и копій съ акта. Во Франціи такими документами изобилуютъ монастырскіе архивы. Эпоха нашествія Нормановъ, смуты конца періода Каролинговъ повели къ пропажѣ громаднаго количества монастырскихъ актовъ, которые

ловкими монахами по копіямъ и были возсоздаваемы въ X и XI столѣтіяхъ.

У насъ неизвѣстны actes récrits въ чистомъ видѣ, такъ какъ это еще не поддѣлки, встрѣчаемыя и между русскими актами. Но мнѣ, кажется, удалось найти два или три акта récrits въ настоящемъ смыслѣ этого слова (грам. въ Рум. Муз. собр. Муханова и вкладная И. Ю. Грязнаго въ Арх. Юст.). И эти акты составляютъ плодъ дѣятельности также, можно думать, монастырей.

Замѣчательно, что на Западѣ, гдѣ весьма много (сравнительно) подобныхъ actes récrits, съ весьма ранняго времени существовалъ законный путь къ возобновленію утраченныхъ грамотъ—это Appennis или praeceptum de chartis perditis. Названіе это, какъ доказываютъ, идетъ еще со временъ Римской Имперіи—отъ времени царствованія императора Гордіана, который повелѣлъ возобновлять утраченныя грамоты и акты, по просьбѣ просителя, буде доставитъ достаточныя доказательства справедливости своей просьбы. Вновь написанный оригиналъ выдавался просителю, а копія съ него для всеобщаго свѣдѣнія вывѣшивалась на городской площади. Отсюда—отъ appendere—«appensa» или «appennis», отсюда—«chartula quae vocatur appennis».

Съ теченіемъ времени процессъ appennis исчезъ и замѣнился тѣмъ, что послѣ сыска правъ просителя, утраченные документы вписывались въ новый, возобновлявшій ихъ королевскій дипломъ. Отсюда — «praecepta de chartis perditis» и потомъ «panchartae, pantochartae».

Въ Московской Руси утраченныя грамоты возобновлялись послѣ приказнаго сыска съ объясненіемъ «билъ намъ челомъ» и т. д. Духовная власть употребляла тотъ же пріемъ; напримѣръ грамота патріарха Іосифа игумену Левкію Череповецкаго Воскресенскаго монастыря отъ іюля 1648 г. взамѣнъ его ставленнической иноческой поповской грамоты, утраченной въ пожарное время (хранится въ Археографической Коммиссіи).

Въ теченіе довольно долгаго времени на Западѣ въ «praecepta» акты вносились въ сокращеніи, только начиная съ XII вѣка убѣдились въ несовершенствѣ такого процесса и съ этого времени акты вносятся цѣликомъ—съ обозначеніемъ: «hoc est praeceptum», «haec est continentia chartae». Изъ этого развился новый обширный классъ актовъ — такъ называемые «Vidimus». Происхожденіе этого слова отъ формулы, начало

которой положено въ канцеляріяхъ Людовика IX и окончательно утвердившейся въ королевскихъ канцеляріяхъ съ XIV вѣка:

«Noverint universi... quod nos legimus et inspeximus», а затѣмъ «vidimus» или «nos vidisse».

Отсюда глаголы vidimare и французское vidimer; актъ вписанный въ praecepta = acte vidimé. (Во Франціи и Германіи болѣе vidimus, въ Англіи сохранилось болѣе—inspeximus.

Между самыми знаменитыми «vidimus» мы должны отмѣтить привиллегіи Римской церкви въ количествѣ 91 акта, въ видѣ vidimus'а, выданные онъ имени папы Иннокентія IV на Ліонскомъ соборѣ 17 іюля 1245 г. на 17 листахъ пергамена. Пользуются извѣстностью подъ названіемъ «Rouleaux de Cluny» одинъ изъ экземпляровъ этого vidimus'а, положенный послѣ собора въ аббатствѣ Клюни.

Нечего и говорить, что въ vidimus'ы въ средніе вѣка попало множество подложныхъ документовъ. Такъ, Филиппъ IV въ 1290—91 году утвердилъ дипломъ Хильперика I, въ 562 г., данный якобы церковнымъ властямъ города Турнэ. Признаны нѣкоторые фальшивые акты отъ имени Дагоберта I,

У насъ въ родословныхъ росписяхъ Разрядный Приказъ и Герольдія XVIII вѣка не мало погрѣшили.

Vidimus смѣнились точными отдѣльными копіями—«copies authentiques» съ обозначеніями: «datum per copiam» или въ французскихъ текстахъ «donné par copie».

Такой же процессъ постепенно происходилъ въ Московской Руси. Мы найдемъ и засвидѣтельствованныя копіи, выданныя по челобитнымъ, и цѣлые сборники монастырскихъ документовъ въ сборникахъ, переписанныхъ въ Приказахъ и утвержденныхъ совершенно такъ, какъ западные vidimus. Таковы сборники грамотъ Троице-Сергіевой Лавры (хранятся въ архивѣ Лавры). Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (въ Библ. Санктпетерб. Дух. Акад.) и другихъ большихъ монастырей (въ собровіи Грамотъ Коллегіи Экономіи въ Моск. Архивѣ Мин. Юстицій).

О достовѣрности такихъ сборниковъ—о томъ, что они остерегались подложныхъ актовъ—см. іер. Арсенія «О вотчинныхъ владеніяхъ Троице-Сергіева монастыря при жизни преп. Сергія» въ VII выпускѣ Лѣтописи занятій Археогр. Киммисіи.

Въ древнѣйшее время, напр., въ старѣйшій правыхъ грамотахъ точно также усматривается обычай предъявленные древніе документы списывать съ нѣкоторыми сокращеніями.

Кромѣ засвидѣтельствованныхъ копій встрѣчаются акты

Московскаго періода въ копіяхъ, трудно различаемыхъ отъ подлинниковъ. Это копіи съ актовъ безъ печатей, причемъ въ копіи послухи и скрѣпы переписаны, какъ и въ оригиналѣ, и безъ обычнаго «а въ подлинномъ назади пишетъ».

Проф. Загоскинъ на диспутѣ при защитѣ моей докторской диссертаціи заявилъ, что подлинники всегда можно отличить отъ копій по подписямъ послуховъ, не встрѣчающимся на копіяхъ. Однако, на самомъ дѣлѣ, эти подписи появляются лишь во второй половинѣ XV вѣка. Для частныхъ актовъ XV вѣка, къ которымъ печати не прикладывались, опредѣленіе подлинности настолько затруднительно, что иногда только тщательныя палеографическія наблюденія и разсмотрѣніе бумаги, на которой документъ писанъ, можетъ обнаружить истину.

Цѣлый рядъ актовъ сохранился не въ подлинникахъ, а только въ сборникахъ копій. На западѣ – это Cartularii, Cartulaires, получившіе на языкѣ старыхъ дипломатистовъ наименованіе Codices diplomatici.

Древность такихъ сборниковъ несомнѣнна, можно думать, что о нихъ упоминаетъ уже Григорій Турскій въ своей Исторіи Франковъ (кн. 10, гл. 19) подъ «Chartarum tomi» но древнѣйшіе изъ сохранившихся относятся къ X вѣку. Отмѣтимъ, что такіе сборники не всегда состоятъ изъ тетрадей пергамена или бумаги, но встрѣчаются изрѣдка и изъ сшитыхъ листовъ пергамена—Rotuli=rouleaux, являющіеся какъ бы прототипами нашихъ столбцовъ (о происхожденіи которыхъ мы скажемъ послѣ).

Самымъ древнимъ картуляріемъ считаютъ cartulaire аббатства de Saint-Bertin de Saint Omer, писанный въ 962 году монахомъ Фулькономъ (Folquin) и озаглавленный имъ какъ Gesta abbatum Sithiensium.

О дипломатическомъ и юридическомъ значеніи актовъ, заключающихся въ картуляріяхъ, много спорили; надо отрѣшиться отъ воззрѣнія на ихъ только, якобы, историческое значеніе. Копія и безъ скрѣпы, разъ тождественность ея съ оригиналомъ критически вывѣрена, есть тотъ же документъ.

Въ русской дипломатикѣ можно указать рядъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ сборниковъ безъ скрѣпъ, — напр. Сборникъ рукоп. И. Д. Бѣляева, № 127 въ Москов. Публич. Музеѣ (копія съ сборника синодальнаго № 173). Важное значеніе имѣютъ такіе сборники, какъ записныя книги, въ которыя акты вписывались цѣликомъ, напр. Новгородская записная книга грамотъ 1553--1556 гг. (См. Д. А. И. т. I).

Много актовъ дошло въ формѣ только коротенькихъ записей въ такъ называемыхъ регистрахъ или реэстрахъ,—терминъ доселѣ очень распространенный и проистекающій изъ «Gesta», напр. «Gesta municipalia»,—которыя записывались когда то въ муниципальныя книги. (Въ Римскую эпоху записка частныхъ сдѣлокъ въ римскихъ муниципіяхъ). Въ Западной Европѣ регистры иногда сливаются съ картуляріями, какъ сборники черновыхъ отпусковъ изъ канцелярій. У насъ для Московской Руси, не знавшей этого термина, его всего удобнѣе примѣнить къ пошлиннымъ книгамъ Печатной Конторы». Таково названіе полуторы тысячи книгъ за XVII столѣтіе, находящихся нынѣ въ Архивѣ Мин. Юст. въ Москвѣ и заключающихъ въ себѣ записи и изложеніе содержанія всѣхъ актовъ, при совершеніи которыхъ бралась пошлина. Подобныя же книги существовали и для безпошлинныхъ документовъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить еще одинъ видъ дипломатическихъ источниковъ — это старинные сборники образцовъ актовъ — «formulaires», составители которыхъ въ видѣ образцовъ брали настоящіе, а не выдуманные документы. Древнѣйшимъ изъ такихъ сборниковъ является рукопись VIII в., «Formulae Andecavenses» и затѣмъ знаменитыя «Formulae Marculfi» (монахъ Маркульфъ посвятилъ свой сборникъ епископу Ландри, бывшему епископомъ Парижскимъ въ 650—656 гг.). Изъ не французскихъ формуляріевъ есть и еще болѣе древніе, напр., во время составленія «formulae Visigothicae» должно быть относимо ко времени между 615 и 620 гг. Большою извѣстностью пользуется папскій сборникъ: «Liber diurnus». Для западно-европейской дипломатики formulaires представляютъ такую важность, что описанію ихъ посвящаются, обыкновенно, цѣлые отдѣлы.

Для Московской Руси мы имѣемъ собственно одинъ только formulaire — это сборникъ митрополичьихъ грамотъ, дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ — Синод. Библ. (оригиналъ XV вѣка), гр. Толстого, И. Н. Царскаго. Отрывки такого же сборника помѣщены въ Четьихъ-Минеяхъ митр. Макарія. Эти документы очень цѣнны. Къ формуляріямъ можно причислить Титулярники, хранящіеся въ Моск. Архивѣ Министр. Иностр. Дѣлъ дающіе много любопытныхъ подробностей о посольскихъ сношеніяхъ и о томъ, какъ писалось къ какимъ иностраннымъ государямъ. Нѣкоторыя посольскія книги, послужившія имъ матеріаломъ, въ настоящее время уже утрачены.

Приходится съ грустью отмѣтить, что оба эти рода русскихъ formulaires до сихъ поръ не имѣютъ критическаго, полнаго и достойнаго ихъ изданія.

Обзоръ архивовъ.

По обзору архивовъ въ иностранной литературѣ существуетъ много прекрасныхъ трудовъ; изъ нихъ мы укажемъ лишь два выдающіеся, именно — нѣмецкую работу: — Hermann Oesterley «Wegweiser durch die Literatur der Urkundensammlungen» (Berlin, 1885 и 1886 г. 2 vls in 8^0. Въ этой работѣ есть даже неполное обозрѣніе архивовъ Россіи, славянскихъ земель, Польши, Америки, Африки) и еще лучшій французскій трудъ по отношенію къ Франціи Ch. v. Langlois et H. Stein «Les archives de l'histoire de France», начатый печатаніемъ въ 1891 г. и выпущенный въ свѣтъ въ 1893 г. (Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, подробныя указанія, напримѣръ, на то, что находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ). Въ нашей литературѣ по указанному предмету мы должны отмѣтить трудъ В. С. Иконникова, профессора Кіевскаго Университета: «Опытъ русской исторіографіи» Кіевъ, 1891 г., (а также печатанный въ приложеніяхъ къ Университетскимъ Извѣстіямъ за 1884—1891 гг.). Въ первомъ томѣ—въ отдѣлѣ I—Исторіографіи, между прочимъ, говорится: объ архивныхъ матеріалахъ и ихъ изданіяхъ, трудахъ по русской исторіографіи, о началѣ книжнаго дѣла въ Россіи, перепискѣ и собираніи рукописей, о Московской Библіотекѣ и Царскомъ Архивѣ, объ описаніяхъ архивовъ и библіотекъ, о дѣятельности Археографической Экспедиціи и Археографической Коммиссіи, о мѣстныхъ коммиссіяхъ для описанія и изданія актовъ и памятниковъ древности, о трудахъ статистическихъ комитетовъ и проч.

Отдѣлъ II перваго тома составляютъ главы: 1) Взглядъ на архивное дѣло въ Россіи. Правительственные и центральные архивы, описанія ихъ и изданіе матеріаловъ. 2) Архивы: губернскіе, областные городскіе, войсковые и сословные. 3) Епархіальные, монастырскіе и церковные архивы и библіотеки; раскольническія собранія рукописей; архивы и библіотеки римско-католической церкви и протестантскихъ общинъ въ Россіи. 4) Библіотеки духовнаго вѣдомства—Синодальная и Типограф-

ская, духовныхъ академій, семинарій и училищъ. 5) Правительственныя и общественныя библіотеки: Дворцовая въ г. Павловскѣ, Императорская публичная, Московская публичная и Румянцевскій музей. Мѣстныя публичныя библіотеки. Почтенный трудъ В. С. Иконникова можетъ по справедливости занять самое видное мѣсто среди другихъ русскихъ работъ по обзору архивовъ.

Письменныя сокровища въ древней Руси хранились въ «казнѣ». Монастыри для этой цѣли имѣли особыхъ лицъ, которыя назывались «книгохранителями». Въ старомъ «Оуставѣ како достоитъ избирати епископа» читается «...Тогда книгохранитель повелеваетъ ту соущему писарю написати тріехъ именъ ихже епископи избрали суть...» «...потомъ старѣйшій епископъ иже иныхъ предсѣдить степенемъ се и запечатлѣетъ таковый свитокъ и вдадят(ъ) его вси книгохранителю». Книгохранители въ монастыряхъ, богатыхъ книгами, появились, конечно, вмѣстѣ съ накопленіемъ книгъ; особенно часто начинаютъ они упоминаться съ начала XVI столѣтія. Такъ въ 1514 году былъ книгохранитель въ Псковской Еліазаровой пустыни; въ 1545 (7053) году опись церковнаго имущества Іосифо-Волоколамскаго монастыря была составлена старцемъ Зосимою и книгохранителемъ Паисемъ; въ 1582 — 1583 году въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ былъ «книгохранитель Аѳонасій». Даже въ маленькомъ Болдинѣ-Дорогобужскомъ монастырѣ были особые книгохранители. Монастырскія книгохранительницы нерѣдко упоминаются, какъ особыя помѣщенія. Въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ по описи 1642 (7150) года значится «въ книгохранительницѣ книги». Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ въ началѣ XVII вѣка было особое мѣсто для книгъ, называвшееся книгохранительницею—«...да въ той же соборной церкви въ книгохранительницѣ книги всякіе...». Въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ хранится псалтырь, впереди которой на бѣломъ листѣ написано: «псалмы, письмо чернца Боголѣпа, переводъ Ниловъ, держати ихъ въ книгохранительницѣ, а кельямъ не давати и не учитися по нихъ». Иногда упоминаются книгохранительныя палаты, палатки. Въ описи Патріаршей Ризницы 1631 года читаемъ: «Великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, Московскаго и всеа Русіи, на его государевѣ патріарше дворѣ, въ книгохранительной палаткѣ книгъ нынѣ на лицо»... Въ описи книгъ Спасо-Евфиміева монастыря, составленной въ 1660 году, находимъ перечень «въ книгохранительной палатѣ монастырскихъ церковныхъ книгъ»...

Нерѣдко помѣщенія для книгъ называются книгохранительными казнами. По листкамъ рукописи сочиненій Зиновія Отенскаго находящейся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи идетъ подпись: «Сія книга Соловецкаго монастыря соборнаго старца Иринарха Тарбѣева келейная. По смерти моей взяти въ книгохранительную Соловецкую казну, прочитающимъ въ пользу выдавати и меня грѣшнаго во святыхъ вашихъ мотитвахъ поминати. Подписалъ своею бренною грѣховодимою рукою Маія въ 9 день (1680 года)». Въ расходныхъ книгахъ Болдиной Герасимовой пустыни подъ 15 Апрѣля 1585 года записано: «того ж дни купил въ монастыр въ книгохранительную казну главицъ книжныхъ дестныхъ и полуторныхъ, двои главицы шелковы з золотомъ да серебромъ, а двои шелковы без золота: дано за всѣ главицы десять алтынъ».

Иногда помѣщенія для книгъ называются и просто «казной» (см. мою книгу «Библіотека и Архивъ Московскихъ Государей въ XVI столѣтіи» Спб. 1894). Казна является даже наиболѣе распространеннымъ названіемъ того мѣста, гдѣ хранились книги; въ казнѣ находились книги и великаго князя (см. стр. 45—48); Надо отмѣтить, что въ языкѣ Московскаго періода «казной» называлось всякое имѣющее цѣнность имущество (см. стр. 48). Рядомъ съ казной, какъ казначействомъ, куда платили подати и оброки («въ государеву казну въ Большой приходъ» и т. п.) «казна» могла обозначать и то, что въ современномъ языкѣ сохранилось въ названіи «казёнка». «Пименъ же въ казню загляда и обрѣте харатію ненаписану за великаго князя печатію» (Тверская лѣтопись подъ 6887 годомъ). Въ языкѣ XV—XVI вѣка, казна, какъ помѣщеніе для книгъ, можетъ обозначать библіотеку, какъ хранилище документовъ—архивъ.

При описаніи монастырей неоднократно упоминаются грамоты въ «казнѣ»; рядъ свидѣтельствъ документальныхъ удостовѣряетъ подробно, какъ митрополиты и епископы собирали документы въ свои казны и какъ «доискивались» они по актамъ, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній среди подвѣдомственныхъ лицъ. Въ первой половинѣ XV столѣтія терминъ «казна» употребляется уже для обозначснія великокняжескаго архива (см. мою книгу «Библ. и Арх.» стр. 50—51). Обыкновенно, съ понятіемъ о казнѣ тѣсно связывается представленіе о казначеяхъ и казенномъ приказѣ (см. стр. 51—55).

Но архивы несомнѣнно существовали въ XVI столѣтіи и при другихъ приказахъ.

Въ случаѣ потери документовъ утраченное сыскивалось въ архивѣ; надо было указать только въ чье сидѣніе въ Приказѣ записанъ былъ документъ. «А записано, государь, то дѣло у твоего государева дьяка у Микиты у Фуникова» (7052). «И та деи у нихъ наша жаловалная посылная грамота у нашихъ діяковъ у Юрія у Сидорова да у Кожуха у Кроткого написана... И діяки наши Юрій Сидоровъ да Кожухъ Кроткой въ книгахъ тое грамоты доискалися, что такова посылная грамота по княжь-Дмитреевской грамотѣ Ивановича Углецкого, лѣта 7046 іюня въ 6 день, а подпись на грамотѣ была діяка нашего Ѳедора Мишурина...» [1]).

Въ Ямскомъ приказѣ, какъ видно изъ документовъ, (прилагаемыхъ нами въ кн. «Библ. и Архивъ». Прилож. 1, скл. 36), велись кормовыя книги за время княженія Василія III, но сгорѣли въ одинъ изъ пожаровъ ранѣе 1582 года, когда сдѣлана была о нихъ справка. Справка эта производилась въ самомъ приказѣ, а слѣдовательно старыя книги хранились при немъ, а не въ какомъ-либо общемъ архивѣ.

Съ положеніемъ провинціальныхъ архивовъ на Руси въ XVII в. можно познакомиться по статьѣ Н. Н. Оглоблина, помѣщенной въ «Вѣст. Арх. Инст.», т. VI. Надобно замѣтить, что въ допетровской Руси архивы гибли и отъ дурныхъ сырыхъ помѣщеній и отъ пожаровъ. Въ древнихъ извѣстіяхъ о пожарахъ и вражескихъ нападеніяхъ мы постоянно встрѣчаемъ указанія на уничтоженія книгъ. Во время взятія Кіева войсками Рюрика и Ольговичей (1203 г.) были захвачены монастырскія богатства и книги. Въ большомъ пожарѣ во Владимірѣ, бывшемъ 11 мая 1227 г. погибло множество церквей, дворъ великаго князя Константина и книги его библіотеки.

---

[1]) Акты Археографической Экспедиціи, т. I, стр. 220 (грам., отъ 17 мая 7059 г.). Слѣдуетъ думать, что архивы существовали уже въ XV столѣтіи и были настолько въ порядкѣ, что давали возможность провѣрки актовъ, разъ становилось извѣстно, кѣмъ подписана грамота. Вотъ почему еще около 1490 года, напр., судьи спрашивали: „...есть ли у васъ здѣсе на Бѣлѣзерѣ, вотчинѣ во княжѣ Михайловѣ Андреевича, иные грамоты даные княжи Ивановы Андреевича, съ печатми со княжими съ Ивановымн и со дьячми подписми, который вамъ дьякъ имянемъ подписалъ ту грамоту?..“ (Акты Юридическіе, стр. 9). См. еще цитаты, приведенныя мною въ „Разрядныхъ Дьякахъ“, стр. 45 и 46.

Множество книгъ сгорѣло во время нашествія на Москву Девлетъ-Гирея; взятіе Полоцка Баторіемъ въ 1579 г. сопровождалось пожаромъ, уничтожившимъ весьма драгоцѣнную библіотеку, содержавшую въ себѣ много лѣтописей и отцовъ церкви въ славянскомъ переводѣ. Извѣстная библіотека московскихъ князей, какъ можно думать была расхищена въ смутную эпоху. Московскіе архивы подвергались большой опасности во время пожара 1626 года (тогда пожаръ истребилъ большую часть бумагъ помѣстнаго приказа, которыя пришлось пополнять матеріалами изъ другихъ приказовъ и документами, находившимися въ частныхъ рукахъ. Пожары истребили значительную часть Сибирскихъ архивовъ, документы которыхъ сохранились только благодаря ученой экспедиціи Миллера въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ XVIII столѣтіи не разъ были истребляемы архивы, напримѣръ, въ Минскѣ и Вильнѣ. Въ 1744 году былъ уничтоженъ пожаромъ архивъ Войска Донскаго; въ 1779 г. Архангельскій губернскій архивъ; въ 1811 г. сгорѣлъ магистратскій архивъ въ Кіевѣ. Въ 1815 г. пожаръ истребилъ центральный губернскій архивъ въ Казани, заключавшій въ себѣ весьма важные историческіе акты XVI—XVIII вв.; а въ 1841 г. погорѣла большая часть архивовъ присутственныхъ мѣстъ въ Орлѣ. Если въ 1812 году Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ весь сохранился, то этимъ онъ обязанъ особенной предусмотрительности начальства и своему государственному значенію. Но тогда же погибли весьма многіе семейные архивы и библіотеки, въ числѣ которыхъ были извѣстныя собранія рукописей и книгъ—Мусина-Пушкина, проф. Баузе, Д. И. Языкова, Бантышъ-Каменскаго, Калайдовича, г. Бутурлина, П. Г. Демидова, Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ и мн. другихъ. Къ сожалѣнію не менѣе стихійныхъ бѣдствій принесло вредъ архивамъ людское невѣжество. Еще митрополитъ Евгеній указывалъ, что въ кіевской казенной палатѣ гнили въ погребахъ и ящикахъ многіе важные матеріалы, пришедшіе туда послѣ отобранія монастырскихъ вотчинъ, но и теперь нерѣдко можно встрѣтить заявленія объ истребленіи рукописей, вещественныхъ памятниковъ, цѣлыхъ собраній, составленныхъ учеными, и даже оффиціальныхъ документовъ, какъ напр. сожженіе секретныхъ дѣлъ морскаго архива (Иконниковъ, т. I, гл. III, стр. 109—111).

«Хорошій архивъ долженъ быть устроенъ какъ аптека, гдѣ каждая банка имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и свою

сигнатурку, чтобы все легко и безошибочно отыскивать» «чтобы архивныя сокровища сдѣлать болѣе доступными для науки, требуется печатаніе описей ихъ. Необходима также централизаціи архивовъ». «Имѣя у себя копіи всѣхъ указателей документовъ провинціальныхъ архивовъ и находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ними, центральный архивъ можетъ лучше всего знать, въ какой изъ означенныхъ архивовъ слѣдуетъ обратиться для полученія требуемыхъ свѣдѣній. Въ тоже время онъ можетъ имѣть общее наблюденіе за дѣятельностью всѣхъ архивныхъ чиновниковъ въ государствѣ, слѣдить за всѣми ихъ розысканіями и направлять производящіяся въ архивахъ работы по своему усмотрѣнію» (Легеръ, въ Сборн. Арх. Инст., кн. 2, отд. 3, стр. 11 и стр. 37—38).

Во Франціи, при Наполеонѣ I мы видимъ стремленіе собрать, по возможности, все замѣчательное въ одно мѣсто. Наполеонъ I послѣ революціи въ 1808 году указомъ предписалъ приспособить подъ центральный музеумъ и архивъ въ Парижѣ дворецъ, принадлежавшій принцамъ de Subis. До того же времени замѣчательные документы хранились въ разныхъ мѣстахъ и не было ни общаго каталога, ни систематическаго порядка въ храненіи этихъ рѣдкихъ предметовъ науки и цивилизаціи. Тотъ-же императоръ въ 1810 г. образовалъ центральный архивъ въ Венеціи, въ который были собраны всѣ дѣла изъ различныхъ хранилищъ. Подъ архивъ было приспособлено огромное зданіе упраздненнаго францисканскаго монастыря со всѣми принадлежавшими ему корпусами, за исключеніемъ уцѣлѣвшаго и донынѣ костела. На устройство Венеціанскаго архива тогда было затрачено до 70.000 франковъ.

Въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ и болѣе благоустроенныхъ архивовъ считаются архивы баварскіе. Они за послѣднія три столѣтія были счастливы тѣмъ, что имѣли въ своей главѣ рядъ замѣчательныхъ архиваріусовъ, которые и поддерживали архивы на надлежащей высотѣ. О состояніи баварскихъ архивовъ можно читать хорошую статью директора королевско-баварскихъ архивовъ доктора фонъ Легера «Баварскіе архивы». Историческая замѣтка о возникновеніи баварскихъ архивовъ», помѣщенную въ русскомъ переводѣ въ «Сборникѣ Археологическаго Института» кн. II—III. Эта статья отстаиваетъ строгую централизацію архивовъ.

Мухановъ въ своей брошюрѣ «Что желательно для Русской Исторіи»? (Спб. 1870), говоритъ: «не надобно забывать,

что мы не имѣемъ архивистовъ, приготовленныхъ спеціальнымъ образованіемъ къ этому званію. У насъ нѣтъ, какъ во Франціи, École des Chartes...» Въ этой же брошюрѣ П. А. Мухановъ указываетъ на необходимость печатанія краткихъ описей архивовъ. «Необходимо приступить къ напечатанію описей, пишетъ онъ. Это и дѣлается во Франціи теперь. Намъ кажется, что съ нашими архивами слѣдовало бы поступать также, т.-е. начать обнародованіе краткихъ описей (inventaire commaire), что не только содѣйствовало бы ознакомленію нашей публики съ тѣмъ, что находится въ нашихъ архивахъ, но и къ ихъ сохраненію. Если мы съ перваго раза будемъ гоняться за совершенствомъ и предпримемъ подробное описаніе каждаго акта, тогда врядъ ли и внуки наши увидятъ конецъ этихъ геркулесовскихъ трудовъ». Примѣромъ для изданія краткихъ описей можетъ служить описаніе 80.000 актовъ коллекціи барона Журсанво (Paris. 1838. 2 v. 8°).

Въ ближайшее къ намъ время наибольшую заботливость объ архивахъ проявилъ Н. В. Калачевъ. По его иниціативѣ въ 1873 году была учреждена при министерствѣ народнаго просвѣщенія временная коммиссія по устройству архивовъ. Между прочимъ въ этой коммиссіи для устройства центральныхъ архивовъ, кромѣ Петербурга, Москвы, Варшавы, Вильны и Кіева, гдѣ уже существуютъ архивы такого рода, Н. В. Калачевымъ были намѣчены новые города, а именно: Уфа, Архангельскъ, Казань, Пермь, Саратовъ, Тифлисъ, Новочеркасскъ, Харьковъ, Одесса, Кишиневъ. Въ то же засѣданіе коммиссіи (19 ноября 1874 г.) было признано необходимымъ при центральныхъ архивахъ учредить ученыя историческія общества по образцу заграничныхъ (объ этомъ см. Сб. Арх. Инст. кн. I, отд. III, стр. 28). Н. В. Калачевъ много также трудился по устройству архива министерства юстиціи въ Москвѣ, въ которомъ былъ управляющимъ. Истинный архивистъ — Николай Васильевичъ придавалъ громадное значеніе описямъ. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», т. IV [С.-Петербургъ, 1877 г.]—«Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство» Н. В. Калачевъ высказываетъ такой взглядъ на описи: «Другая же задача, составляющая собственную цѣль накопленія и сбереженія пригодныхъ для науки документовъ, заключается въ томъ, чтобы безмолвные памятники, наполняющіе такія хранилища, были открыты изслѣдователямъ, чтобы послѣдніе знали, гдѣ и что найти, и чтобы, благодаря

ихъ трудамъ, историческія данныя, частью уже забытыя отдаленнымъ отъ нихъ потомствомъ, но сокранившіяся въ рукописяхъ, были передаваемы во всеобщее свѣдѣніе. Но чѣмъ значительнѣе количество бумагъ, составляющихъ архивъ, тѣмъ труднѣе знать ихъ безъ указателей не только разныхъ отдѣловъ ихъ по содержанію, но и каждой рукописи въ особенности. Такіе указатели важны еще и въ другомъ отношеніи: ученый, живущій не въ томъ городѣ, гдѣ находится архивъ, по составленному хорошо указателю можетъ судить, насколько ему необходимо посѣщеніе архива для изученія въ немъ рукописи, хотя бы и относящейся къ предмету его занятій. Итакъ, первою главною обязанностью служащихъ въ архивѣ есть составленіе описаній и указателей ввѣреннаго имъ хранилища». (стр. 26).

Въ 1877 году Н. В. Калачеву удалось основать Археологическій Институтъ для образованія ученыхъ архивистовъ, въ подражаніе французской École des Chartes. Учреждены были ученыя архивныя коммисіи, поставленныя подъ вѣдѣніе директора Археологическаго Института. Въ печатномъ органѣ института «Сборникъ Археологическаго Института», а потомъ «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи» печатались по временамъ свѣдѣнія объ архивахъ. Ученыя архивныя коммиссіи одною изъ своихъ задачъ имѣютъ и печатаніе разнаго рода старинныхъ актовъ.

Съ учрежденіемъ въ 1834 году губернскихъ статистическихъ комитетовъ, нѣкоторые изъ нихъ внесли въ науку весьма цѣнные матеріалы для историко-археологическаго изученія Россіи. Губернскіе статистическіе комитеты издавали: «Матеріалы», «Труды», «Памятныя книжки», «Ежегодники», «Сборники», «Записки», въ которыхъ кромѣ историко-статистическихъ очерковъ и описанія городовъ и населенныхъ мѣстъ, помѣщались нерѣдко архивные матеріалы, этнографическіе очерки, а также описанія или матеріалы, касающіеся мѣстныхъ древностей. На 1-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1869 г. былъ поднятъ вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе статистическихъ комитетовъ губернскихъ архивовъ; а на IV археологическомъ съѣздѣ въ Казани возникъ вопросъ о привлеченіи комитетовъ къ постоянному участію въ храненіи и собираніи архивныхъ матеріаловъ, памятниковъ письменности и мѣстныхъ древностей. При нѣкоторыхъ статистическихъ комитетахъ существуютъ свои архивы и историческіе или археологическіе музеи (напр. въ Воронежѣ).

Печальное положеніе архивныхъ коммиссій и статистиче-

скихъ комитетовъ и ихъ необезпеченность со стороны правительства были причиною того явленія, что въ дѣлѣ процвѣтанія этихъ учрежденій до сихъ поръ имѣютъ главное значеніе отдѣльныя лица. Пока живы такія лица, какъ напримѣръ: Жизневскій, Селивановъ, Дубасовъ (предсѣдатели коммиссій) или Артемьевъ, Второвъ и Тихонравовъ (дѣятели статистическихъ комитетовъ) — коммиссіи и статистическіе комитеты, а также и ихъ изданія процвѣтаютъ. Разъ эти дѣятели сходятъ со сцены, падаютъ и коммиссіи и комитеты: (примѣръ—печальная судьба Новгородскаго музея).

На II археологическомъ съѣздѣ П. И. Мельниковъ обратилъ вниманіе на то, что въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ помѣщено множество извѣстій о древнихъ русскихъ памятникахъ и рекомендовалъ все это собрать и, подвергнувъ критическому разбору, напечатать въ одной книгѣ, такъ какъ губернскія и епархіальныя вѣдомости составляютъ библіографическую рѣдкость и даже въ Императорской Публичной Библіотекѣ едва ли находятся въ полномъ составѣ. На Казанскомъ съѣздѣ предложено было сдѣлать тоже относительно актовъ и другихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ въ означенныхъ изданіяхъ.

Труды архивистовъ при Калачовѣ и Поповѣ, «Описи и обозрѣнія архивовъ». Были изданы, напримѣръ, «Описи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи», всего XII томовъ. «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода» т. I—IX:—«Архивъ Правительствующаго Сената» т. I и П. И. Баранова.—Особенно замѣчательна издательская дѣятельность Архива Морскаго Министерства.

«Описанія дѣлъ Архива Морскаго Министерства» вышло уже VIII томовъ, а IX находится въ печати.

Эти IX томовъ заключаютъ въ себѣ описаніе дѣлъ съ 1654 по 1812 годъ включительно.

Первые VII томовъ вышли подъ редакціей Ѳ. Ѳ. Веселаго (ум. 17 октября 1895 г.). VIII т. и большая часть IX т. составлены подъ редакціей Н. А. Коргуева (ум. 5 августа 1900 года).

Трудъ этотъ продолжается въ настоящее время подъ руководствомъ С. Ф. Огородникова.

Кромѣ того изъ дѣлъ Архива выбирается болѣе важное и печатается цѣломъ или въ извлеченіяхъ и издается подъ названіемъ «Матеріалы для исторіи Русскаго флота».

Матеріаловъ уже вышло въ свѣтъ XV т., а XVI находится въ печати и доведенъ до 1800 года; будетъ продолженъ до 1812 года.

Кромѣ того издано XII томовъ «Общаго Морскаго списка» доведеннаго до царствованія Императора Александра II.

Списки эти заключаютъ въ себѣ краткія служебныя біографіи всѣхъ строевыхъ флотскихъ офицеровъ и выдающихся чиновъ различныхъ морскихъ спеціальностей.

Также нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ печатныхъ описей къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ архивовъ Министерства Финансовъ и Министерства Военнаго. Напримѣръ: «Систематическій каталогъ дѣламъ государственной коммерцъ-коллегіи». Спб. 1884 г. Кайданова; «Описи Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба» (4 вып.), и т. д.

I. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

Этотъ архивъ есть продолженіе древняго государственнаго архива—архива Посольскаго приказа. Проф. В. О. Ключевскій стоитъ за позднее образованіе названнаго Приказа. Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «Боярская дума древней Руси» (стр. 171) онъ говоритъ: «Несмотря на многостороннее развитіе дипломатическихъ сношеній московскаго двора со времени Ивана III, долго не замѣтно особаго завѣдывавшаго ими учрежденія: ихъ велъ непосредственно самъ государь съ думой. Въ 1565 году построено было особое зданіе для этого учрежденія въ Кремлѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ его находимъ и въ XVII вѣкѣ. Съ тѣхъ поръ это учрежденіе зовется въ актахъ Посольской Палатой, Посольской Избой или Посольскимъ Приказомъ. Но оно остается еще очень легкимъ на подъемъ, подвижнымъ учрежденіемъ: выѣзжая изъ Москвы, царь беретъ его съ собою вмѣстѣ съ управлявшимъ имъ дьякомъ А. Щелкаловымъ, такъ что эта изба, называясь посольскимъ приказомъ, была похожа на походную канцелярію государя по иностраннымъ дѣламъ.

Прежде всего надо замѣтить, что необходимо отдѣлять посольскій приказъ отъ походной государевой канцеляріи. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній, частью въ изданныхъ, частью въ неизданныхъ, можно услѣдить иногда факты переписки между Посольскимъ приказомъ въ лицѣ его дьяка и отсутствующимъ государемъ. Приказъ функціонировалъ своимъ чередомъ, а пріемы пословъ происходили въ Александров-

ской слободѣ, Старицѣ, Новгородѣ—своимъ чередомъ, только отвѣтные дьяки были другіе. Всякій такой пріемъ заносился потомъ въ книги въ Москвѣ съ обозначеніемъ, гдѣ происходилъ.

Во-вторыхъ, «Посольская Изба» упоминается ранѣе постройки зданія въ 1565 году. Такъ, напр. въ Датскихъ статейныхъ спискахъ подъ 27 апр. 1564 г. читаемъ: «А какъ Сахаріясъ пріѣхал в городъ и царь и великій князь велѣлъ ему ѣхати в Посолную избу к діяку к Ондрѣю Васильеву...» (кн. I, л. 407). В. О. Ключевскій справедливо замѣтилъ, что Посольская палата въ актахъ называется то «палатой», то «избой», то «приказомъ». Это вполнѣ подтверждается документальными свидѣтельствами. Но кромѣ этого мы должны указать на старинное обозначеніе Приказа дьячьей избой съ именемъ дьяка, имъ управлявшаго. 4 февраля 1564 года посолъ датскій былъ въ городѣ «а пріѣхалъ посланникъ Сахаріясъ в городъ в посолную избу к дьяку к Ондрѣю Васильеву...» (Датскіе статейные списки, кн. 1, л. 396), а 6 февраля того же года «дохторъ Сахаріясъ былъ въ дьячей избѣ у дьяка у Ондрея Васильева...» (ibidem, л. 405).

Доказательства древности Посольскаго Приказа и состоявшаго при немъ архива мы находимъ и въ свѣдѣніяхъ о самомъ архивѣ. Въ описи «Царскаго Архива», изданной въ Актахъ Археографической Экспедиціи (т. I, № 289, стр. 335—355) читаемъ:

Ящикъ 72. А въ немъ списки казанскіе старые и грамоты посылные татарскимъ писмомъ при Маахметъ-Аминѣ царѣ и при Абдылъ-Летифѣ царѣ съ великимъ княземъ Иваномъ и съ великимъ княземъ Васильемъ, про розмирицу, при Майкѣ при дьякѣ» (стр. 341—342).

«Ящикъ 64. А въ немъ списки литовскіе старые, при дьякѣ при Лукѣ, отвѣтъ Жигимонтовъ короля Михайлу Юрьеву, коли былъ посольствомъ въ Литвѣ» (стр. 341).

«Ящикъ 75. А въ немъ списки Губы Моклокова рознь» (стр. 342).

«Ящикъ 136... и тое грамоты нѣтъ, а послана, сказываютъ, на Сѣбежъ къ Сѣбежскимъ судьямъ при Третьякѣ» (стр. 344).

«Ящикъ 162. Бакакиньской съ приказными дѣлы» (стр. 346).

«Ящикъ 139. А въ немъ книги посолные Литовскіе, Крымскіе, Нагайскіе, Казанскіе, Нѣметцкіе, Астараханскіе, Турскіе, при дьякѣ Иванѣ Михайловѣ» (стр. 345).

Всѣ лица, упомянутыя нами въ приведенныхъ выпискахъ, хорошо извѣстны: «Майко», ко времени дѣятельности котораго, относятся списки и грамоты «про розмирицу», это дьякъ Андрей Ѳедоровичъ Майко, который велъ переговоры и принималъ пословъ въ 1494—1501 годахъ; «Лука»—это дьякъ Лука Семеновъ, бывшій при пріемахъ пословъ въ 1507 — 1511 годахъ; «Губа Моклоковъ», это дьякъ Никита Семеновичъ Моклоковъ, котораго видимъ состоящимъ при посольскихъ дѣлахъ въ 1508—1515 годахъ;— «Третьякъ»—это дьякъ Третьякъ Михайловичъ Раковъ, который несомнѣнно управлялъ посольскими дѣлами въ 1542 и 1543 годахъ.

«Бакакиньской» ящикъ также значитъ ящикъ дьяка «Бакаки», иначе дьяка—Ивана Бакаки Митрофановича Карачарова, который стоялъ во главѣ Посольскаго Приказа въ 1548 и 1549 годахъ, и смѣненъ былъ дьякомъ Иваномъ Михайловымъ, т.-е. Висковатымъ, дѣятельность котораго, какъ Посольскаго дьяка, общеизвѣстна.

Дьякъ Иванъ Михайловъ упомянутъ совершенно также, какъ и предшествующіе дьяки, а мы документально знаемъ, что Висковатый завѣдывалъ «казною»—архивомъ и описалъ ее.

9 мая 1554 года государь королевскую перемирную грамоту «далъ діаку Ивану Михайлову, а велѣлъ положить въ казну».

Опись, напечатанная Археографической Коммиссіей, неоднократно ссылается на книги Ивана Михайлова, указываетъ выдачи документовъ «по писму» Ивана Михайлова, т.-е. по отмѣтѣ имъ въ своихъ переписныхъ книгахъ, обозначаетъ даже, какая часть архива существовала до Ивана Висковатаго и какіе ящики прибыли при немъ.

Такимъ образомъ, ящикъ съ именемъ дьяка Майка указываетъ, что въ его время, т.-е. въ концѣ XV столѣтія, архивъ уже существовалъ и по обычной московской системѣ въ ящикахъ съ именами дьяковъ. Этотъ нашъ выводъ вполнѣ подтверждается и древнѣйшими статейными списками.

Текстъ посольскихъ книгъ даетъ намъ ясныя доказательства древности посольскаго архива. Въ книгѣ Крымскихъ Дѣлъ за № 4 подъ 1515 годъ отмѣчено: «А съ Волошскою грамотою ѣздилъ Останя Андрѣевъ и та грамота и посылка Останина писана въ Волошскомъ ящикѣ...» Подъ 29 Марта 1503 года въ Польскихъ дѣлахъ отмѣчено:... и что съ Нѣмци о перемирьѣ говорили и что Нѣмци противъ того говорили не

по пригожу, и тотъ разговоръ писанъ въ нѣметцкомъ ящикѣ...» Въ Крымской посольской книгѣ подъ Ноябремъ 1502 года находится извѣстіе: «и та грамота въ Литовскомъ ящикѣ»...

Такое же значеніе имѣютъ записи, подобныя находящейся, напримѣръ, въ Дѣлахъ Крымскихъ, книгѣ 6-й подъ сентябремъ 1525 года: «и которые грамоты Исламъ царь прислалъ къ великому князю зъ Девлетъ Килдѣемъ и тѣ грамоты писаны въ Исламовыхъ царевичевыхъ тетратяхъ...», или въ тѣхъ же дѣлахъ подъ іюлемъ 1503 года: «и та грамота писана въ волошскіе книги»...

Не говоримъ о древности тѣхъ книгъ, которыя находились нѣкогда въ архивѣ, описанномъ въ Актахъ Археографической Экспедиціи, какъ то: «Книги великихъ князей старыхъ» (стр. 340); «...да тетрати старые докончалные великого князя Василья и Витовта и иныхъ государей» (стр. 340); «...книги королей Литовскихъ, писаны докончалные грамоты, и въ тѣхъ же книгахъ грамота Казимера короля Іонѣ митрополиту» (стр. 336).

Но и дошедшія до насъ посольскія книги очень стары. Древнѣйшія книги—Польская и Крымская по палеографическимъ признакамъ и по знакамъ бумаги писаны еще при великомъ князѣ Иванѣ III. Позднѣе другихъ составлена заднимъ числомъ и потому кратко и открывочно Греческая посольская книга, № 1-й, обнимающая время съ 1509 и по 1571 годъ. Въ самомъ текстѣ ея есть указаніе на время ея написанія. Именно, послѣ проѣзжей грамоты отъ 19 сентября 1509 года идетъ запись (л. 18 об.): «А что пріѣзжали к великому князю из Святые горы старцы из Лавры святого Афонасья старецъ Мелентей Еклисіарха да изъ Ватопета монастыря старца Нифонта духовника зъ грамотами, и тѣ грамоты были у Юрьи у Малого, и Юрьи ихъ у себя не доискался...» Значитъ, и эта книга составлена при извѣстномъ казначеѣ великаго князя Юрьѣ Дмитріевичѣ Маломъ Траханіотѣ около 1517 года.

Такимъ образомъ, всѣ свѣдѣнія, собранныя нами относительно того архива, который Археографическая Коммиссія назвала царскимъ, заставляютъ относить время образованія его къ XV столѣтію, а этотъ выводъ очень важенъ для насъ, какъ указаніе, что посторонніе книги и рукописи, попавшія въ архивъ, могли быть очень древняго происхожденія и дѣйствительно положены, напр., въ эпоху Ивана III.

Составъ хранилища актовъ, описаннаго въ документѣ, изданномъ Археографической Коммиссіей, поражаетъ съ перваго взгляда чрезвычайнымъ разнообразіемъ, но въ сущности не трудно уловить общій характеръ этого состава. Передъ нами архивъ государственно-политическій. Наибольшее количество дѣлъ касается внѣшнихъ сношеній, переговоровъ, договоровъ, документовъ, опредѣляющихъ границы и т. д. Въ связи съ сношеніями съ Иностранными Державами стоятъ дѣла о порубежныхъ обидахъ, объ иностранцахъ и иностранныхъ купцахъ. Второй отдѣлъ—акты, касающіеся главы государства—Государя и его предковъ, его семейства; князей удѣльныхъ и служилыхъ; выѣзжихъ царей и царевичей. Сюда же относятся документы и удѣльныхъ государственныхъ архивовъ (наприм. Рязанскаго, см. ящики №№ 17 и 146). Третій родъ документовъ—дѣла, по государственному управленію вообще, судебники, акты соборовъ, построеніе городовъ, крестоприводныя записи, политическія сыскныя дѣла, дѣла объ ересяхъ, судныя дѣла, вершенныя Боярской Думой, и наконецъ, матеріалы для оффиціальной лѣтописи, остроумно именуемой въ Царственной книгѣ «памятными книгами времяни» (стр. 141).

Въ XVII вѣкѣ область Посольскаго Приказа была значительно расширена: ему подчиняются отдѣльные приказы (малороссійскій, литовскій, смоленскій, новгородскій, полоняничный), четверти (галицкая, владимірская, устюжская), область Великопермская, иновѣрныя дѣла, нѣкоторыя монастыри, привеллегированныя лица и отдѣльныя части управленія: (Строгановы, иностранцы, Касимовскіе цари, Нѣмецкая слобода, смотритель желѣзнаго завода въ Москвѣ Петръ Марселисъ съ дѣтьми, Мѣщанская слобода за землянымъ градомъ, Троицкая слобода со всѣми мѣщанами, гранатный дворъ, гдѣ останавливались пріѣзжіе купцы-персидскіе, армянскіе, бухарскіе, индійскіе; мастеръ бархатныхъ дѣлъ Захарій Пульсъ съ заводомъ, иностранные комедіанты, вызванные въ Москву въ 1702 году; имеретинская царица Екатерина Давыдовна и молдавскій господарь князь Кантемиръ; заводы, аптеки). Хотя съ учрежденіемъ коллегій многія дѣла этого приказа отошли въ ихъ вѣдѣніе, но собраніе дѣлъ осталось въ вѣдѣніи иностранной коллегіи. Такимъ образомъ въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ сосредоточены не только матеріалы, относящіеся къ внѣшнимъ сношеніямъ, но и многія дѣла касающіяся внутренняго управленія Россіи въ періодъ XVI, XVII и XVIII сто-

лѣтія. Вначалѣ этимъ архивомъ завѣдывали дьяки, и старыя дѣла, за печатью, сдавались на храненіе въ сундукахъ на казенный дворъ. По временамъ составлялись описи дѣламъ архива, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились до сихъ поръ.

Посольскій приказъ при Иванѣ Грозномъ помѣщался въ особыхъ посольскихъ палатахъ при дворцѣ; при Ѳедорѣ Ивановичѣ для него былъ построенъ отдѣльный домъ. Алексѣй Михайловичъ выстроилъ новое зданіе въ Кремлѣ, принадлежавшее посольскому вѣдомству до 1762 г. Но только со времени учрежденія коллегіи иностранныхъ дѣлъ впервые упоминается о ея архивѣ, для разбора дѣлъ котораго въ 1720 г. Петръ В. назначилъ особаго архиваріуса (Алексѣя Почайнова), причемъ ему дана была инструкція. Съ тѣхъ поръ были постоянные архиваріусы, но до назначенія директоромъ архива исторіографа Миллера, это были лица, не заслуживающія упоминанія. До него дѣла почти не разбирались, при перемѣщеніи—ихъ переносили кучами, въ кулькахъ, и самый архивъ пришелъ въ запущеніе. Въ 1762 году архивъ переведенъ былъ въ домъ Ростовскаго подворья на Варваркѣ, но и здѣсь ему достались гнилые подвалы, что повредило его бумагамъ болѣе, чѣмъ пожары 1626, 1737 и 1747 гг. Такъ, даже въ 1812 г. Растопчинъ успѣлъ вывести архивъ въ Нижній-Новгородъ и Владиміръ почти въ полномъ его составѣ, между тѣмъ какъ въ 1766 году контора опредѣлила было сжечь девять сундуковъ дѣлъ, въ которыхъ документы обратились въ гниль и прахъ. Впрочемъ, въ томъ же году завѣдываніе архивомъ было поручено Миллеру. По его настоянію для архива купленъ былъ домъ кн. Голицына, недалеко отъ Покровки у Ивановскаго монастыря, принадлежавшій прежде думному дьяку Украинцеву. Миллеръ позаботился приведеніемъ архива въ порядокъ и составленіемъ реестровъ. Помощниками Миллера въ этомъ дѣлѣ были Стриттеръ, Бантышъ-Каменскій и Соколовскій. По смерти Миллера они продолжали его дѣло. Особенно извѣстенъ своими трудами по описанію и храненію архива Н. Н. Бантышъ-Каменскій (1783—1814 гг.). Онъ занимался извлеченіемъ матеріаловъ, касающихся сношеній Россіи съ иностранными державами, что и выполнилъ весьма успѣшно, усердно и обстоятельно, и составленіемъ описей архива, которыя и теперь признаются замѣчательными по своей тщательности и точности (Калачевъ въ Сборн. Государ. Знаній, кн. IV, 212). Уже Карамзинъ могъ воспользоваться ими для своего обширнаго труда.

Послѣ Бантышъ-Каменскаго завѣдываніе архивомъ было ввѣрено сенатору А. Ѳ. Малиновскому (1814—1840 гг.), а затѣмъ кн. М. А. Оболенскому († 1873 г.), издавшему весьма много важныхъ документовъ и матеріаловъ изъ этого архива въ своихъ сборникахъ и отдѣльно. Съ 1873 года архивомъ завѣдывалъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, при которомъ состоялось (въ 1874 г.) перемѣщеніе архива въ новое зданіе (на Воздвиженкѣ, близъ Кремля), приспособленное къ современнымъ требованіямъ.

Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся всѣ дѣла, доставшіяся ему отъ времени Посольскаго Приказа и Коллегіи иностранныхъ дѣлъ до 1801 года. По своему общему содержанію они раздѣляются на два отдѣла: дипломатическій и недипломатическій, а по времени— на древнія (по 1700 г.), старыя (по 1762 г.) и новыя (по 1801 г.) (Иконниковъ, отд. II, гл. I, стр. 386—388).

При Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ находятся слѣдующія три учрежденія: древлехранилище, библіотека и Литовская метрика. Дипломатическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статейные списки, грамоты (кредитивныя, поздравительныя и проч.), трактаты, договоры съ иностранными державами, ратификаціи, дипломатическую переписку, консульскія дѣла, возникшія по разнымъ обстоятельствамъ, но соединенныя сношеніями (дѣла объ эмигрантахъ), военныя дѣла, архивы миссій, записки и проекты по дипломатической части, дѣла по разграниченіямъ и т. п. Дѣла, составляющія этотъ отдѣлъ, расположены по государствамъ, которыя раздѣлены на европейскія и азіатскія (ibidem—388). Въ этомъ же отдѣлѣ имѣются «Приказныя дѣла», среди которыхъ находимъ не только посольскія, но и дѣла, напр., боярской коллегіи.

Недипломатическій отдѣлъ очень важенъ. Онъ заключаетъ въ себѣ остатки древняго государственнаго архива. Въ этомъ отдѣлѣ между другими документами имѣются: 1) Грамоты Московскихъ и другихъ удѣльныхъ князей (договорныя, крѣпости и записи, духовныя) съ 1256 по 1585 гг.; 2) Древніе договоры Новгорода съ русскими великими князьями (1265—1472 гг.); 3) Малороссійскія дѣла съ 1654—1688 гг.; 4) Переписка русскихъ государей 1619—1748.

Въ этомъ же отдѣлѣ хранятся: 1) Приказныя дѣла Посольскаго Приказа (якобы съ 1505 г.); 2) Якобы боярскія книги (1556, 1604 и др.); 3) О выѣздахъ въ Россію ино-

странцевъ; 4) Дѣла донскихъ казаковъ; 5) Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта 1726—1731 гг.; дѣла Кабинета — 1731—1742 гг.; 6) Дѣла князя Меньшикова; 7) Приходо-расходныя книги, документы и счетныя выписи съ 1635 г.

Библіотека архива, въ основаніи которой есть книги и рукописи еще отъ Посольскаго Приказа, прочно установлена была указомъ 29 іюня 1696 года. Въ этомъ указѣ читаемъ: «Всѣ книги собирать и держать въ посольскомъ приказѣ въ береженіи и записать для вѣдома въ книгу». Въ библіотеку архива поступили книги изъ Стрѣлецкаго приказа, на иностранныхъ языкахъ, принадлежавшія прежде боярину А. С. Матвѣеву. Замѣчательна библіотека исторіографа Г. Ф. Миллера, пріобрѣтенная Екатериною II въ 1782 г. за 20,000 р. и уже тогда состоявшая изъ многихъ тысячъ книгъ и рукописей по разнымъ отраслямъ знанія, въ числѣ которыхъ были весьма рѣдкія изданія и рукописи, относящіяся къ русской исторіи и исторіи сосѣднихъ державъ, которыя онъ собиралъ болѣе 50 лѣтъ, причемъ многія изъ нихъ снабжены были его собственноручными примѣчаніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ на пополненіе библіотеки Миллера была ассигнована особая сумма, а вскорѣ затѣмъ составлена была опись всей библіотеки архива. Коллекція автографовъ и рукописей Миллера состоитъ изъ 258 портфелей, важныхъ для изученія Россіи и въ частности Сибири въ историческомъ, этнографическомъ, статистическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Въ 1805 г. Государственный канцлеръ гр. И. А. Остерманъ принесъ въ даръ библіотекѣ рукописи и книги на шведскомъ языкѣ. Затѣмъ въ нее поступили (въ 1814 г.) портфели Н. Н. Бантышъ-Каменскаго (въ числѣ 12), содержащіе въ себѣ историческія свѣдѣнія о Россіи, библіографическія свѣдѣнія, историческое описаніе Кремля; въ 1841 г. — портфели А. Ѳ. Малиновскаго (33), обнимающіе свѣдѣнія о Россіи X—XVIII вв. (Государственный бытъ, судопроизводство, формы стариннаго дѣлопроизводства, правыя грамоты. Много драгоцѣнныхъ оригиналовъ) и матеріалы для историко-археологическаго описанія Москвы и ея окрестностей. Въ 1874 году—библіотека и собраніе рукописей кн. М. А. Оболенскаго; въ 1876 г.—портфели барона Ѳ. А. Бюлера, заключающіе въ себѣ историко-статистическое описаніе Астраханскаго края съ картами и рисунками; въ томъ же году бумаги Басниныхъ, содержащія богатый историко-статистическій матеріалъ о Сибири и кяхтинской торговлѣ; въ

1877 г.—библіотека Н. А. и В. А. Мухановыхъ; въ 1882 г.— фамильная библіотека барона Ѳ. А. Бюллера, заключающая въ себѣ сочиненія политическаго и историческаго содержанія съ начала XVIII вѣка въ количествѣ 2000 том. и др. Наконецъ, отъ времени до времени поступали въ библіотеку и другія частныя коллекціи документовъ (о Сибири 1667—1770), фамильныхъ бумагъ и т. п.

Кромѣ того, въ библіотекѣ архива числится 1650 рукописей X—XVIII вв. на разныхъ языкахъ, между которыми въ историческомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія: славяно-русскіе сборники (до 60, XV—XVIII стол.), хронографы (23, между прочимъ І. Малалы, пис. въ XVI в. съ древняго списка), Кормчая книга (4 спис. XV—XIII стол.), Уложеніе (10 спис. XVII—XIX стол., одинъ съ комент. А. Ѳ. Малиновскаго), Статутъ-литовскій (спис. XVIII стол.), Палея (спис. XVI — XVII стол.). Въ библіотекѣ есть также значительное количество автографовъ русскихъ дѣятелей.

Въ коллекціи иностранныхъ рукописей замѣчательны: Иліада, знаменитая рукопись начала XV вѣка; новеллы византійскихъ императоровъ (рук. X в.), записки, веденыя барономъ Гриммомъ о текущихъ событіяхъ и литературѣ, которыя онъ доставлялъ Екатеринѣ II, Фридриху II и ландграфинѣ Гессенской Каролинѣ (Correspond. générale, 1765—1791, рук. въ 24 томахъ), и т. п.

Вся библіотека размѣщена въ девяти отдѣленіяхъ и въ 1883 году заключала въ себѣ до 32,205 том. книгъ, рукописей, картъ, плановъ и т. п., занимая до 200 шкафовъ. Почти всѣ министерства доставляютъ въ библіотеку архива изданія, выходящія непосредственно отъ нихъ или отъ учрежденій, подвѣдомственныхъ имъ. (Иконниковъ, отд., II гл. стр. 396—398).

Древлехранилище, возникшее въ 1853 году по мысли Д. Н. Блудова, было устроено въ 1855—56 гг. директоромъ архива кн. М. А. Оболенскимъ сначала въ теремномъ отдѣленіи Большаго дворца, а затѣмъ было перенесено въ самый архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ—на Воздвиженку. Древлехранилище описано А. Е. Викторовымъ въ его: «Государственное древлехранилище въ теремахъ Московскаго Кремлевскаго дворца» (Спб. 1882 г.).

Въ названномъ древлехранилищѣ содержатся памятники какъ вещественные, такъ и письменные. Между первыми здѣсь

отмѣтимъ—государственныя и другія печати, перстни (487 тѣхъ и другихъ), медали, монеты и т. п. Изъ письменныхъ памятниковъ древлехранилища укажемъ на: 1) древнія велико-княжескія и царскія грамоты, на пергаменѣ и бумагѣ, числомъ 198,— въ числѣ ихъ договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей между собою и съ Новгородомъ, духовныя, жалованныя грамоты и т. п.; 2) грамоты изъ портфеля Малиновскаго; 3) документы, найденные въ 1841 г. въ Кремлѣ; 4) грамота объ избраніи Михаила Ѳедоровича на царство; 5) Соборная грамота греческаго духовенства 1561 года о царскомъ титулѣ, изданная кн. Оболенскимъ въ 1850 г., но, къ сожалѣнію, неудачно. Въ изданіи не было между прочимъ обозначено, что въ грамотѣ цѣлая строка была написана, по подчищенному, какъ полагаютъ, въ Россіи, въ слѣдствіе чего извѣстное мѣсто грамоты, относящееся къ шапкѣ Мономаховой, подверглось столь разнообразнымъ и противорѣчивымъ толкованіямъ (см. «Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя имп. Василіемъ и Константиномъ в. кн. Владиміру Кіевскому», А. Ѳ. Вельтмана въ Чтен. въ Моск. Общ. Ист. и Д. 1860, I, 31—44; «Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху», Д. И. Прозоровскаго, Зап. русск. и славян. археолог. Русск. Археол. Общ. т. III, 1—64; *Регеля* «Analecta»; Госуд. Древлехранил., А. Е. Викторова, Спб. 1882, с. 9. (Иконниковъ, отд. II, гл. I, стр. 392 примѣч.), 6) Клятвенныя и поручныя (числомъ 47) записи князей бояръ съ 1474—1580 г.; 7) Акты относящіеся къ обрядамъ вѣнчанія русскихъ царей на царство (1547—1684 г.) и къ царскимъ бракосочетаніямъ (1495—1684); 8) Законодательные памятники—гражданскіе и церковные. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить подлинное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича съ дополнительными статьями 1654, 1669 и 1681 гг... Тутъ же хранятся: пергаменный списокъ Русской Правды XIV в., церковные уставы Владиміра и Ярослава въ спискѣ 1622 г., Степенныя книги въ спискахъ XVI—XVIII вв., русскія лѣтописи и мн. др. 9) Подлинникъ, такъ называемой, рукописи Филарета.

Книги и акты Литовской метрики, находившіеся съ начала XVI вѣка до 1765 года въ Вильнѣ, а послѣ того до 1795 года въ Варшавѣ, перевезены были въ 1796 году въ С.-Петербургъ, откуда въ недавнее время раздѣлены были на двѣ части по московскимъ архивамъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ (древлехранилище). Въ послѣдній архивъ

попала меньшая часть метрики. Между прочимъ сюда переданы были акты ливонскіе, часть литовскихъ и польскихъ.

О литовской метрикѣ существуютъ опыты метрикантовъ Л. М. Зельверовича: «Литовская метрика при Правительствующемъ Сенатѣ», Спб. 1883 г., стр. 112, in 8⁰ и С. Л. Пташицкаго: «Описаніе книгъ и актовъ Литовской метрики», Спб. 1887, стр. XII—278, in 8⁰.

II. Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ.

Статьи, помѣщенныя въ описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.	
	Голомбіевскаго «Исторія Разряднаго Архива 1711—1812 г.» (Оп. кн. V).
	Ардашева «Исторія Вотчиннаго Архива до 1812 г.» (Оп. кн. V).
	Шереметевскаго «Исторія Московскихъ сенатскихъ архивовъ и Архива Министерства Юстиціи съ 1843 по 1888 г.» (Оп. кн. VII).
	Шимко и Голомбіевскій «Архивъ старыхъ дѣлъ до 1812 г.» (Оп. кн. V).
	Памятная книжка, изд. въ 1890 г.

Будучи образованъ въ 1852 году и получивъ названіе отъ Министерства, учрежденнаго въ 1803 году, Московскій Архивъ Министерства Юстиціи заключаетъ въ себѣ однакоже историческіе документы, восходящіе по своей древности къ XIV—XVI вв., массу дѣлъ XVII и XVIII столѣтій и сравнительно мало бумагъ XIX, давая гораздо менѣе матеріаловъ для исторіи русскаго права, судоустройства и судопроизводства, какъ можно бы заключить изъ его спеціальнаго наименованія, чѣмъ по исторіи внутренняго управленія древней и новой Россіи во всѣхъ его отрасляхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Архивъ Министерства Юстиціи принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ русскихъ архивовъ, потому-что онъ былъ образованъ изъ трехъ крупныхъ архивовъ, состоявшихъ при Московскихъ департаментахъ Сената и называвшихся Сенатскими, въ свое время также поглотившихъ нѣсколько десятковъ архивовъ второстепенныхъ размѣровъ. То были архивы: «Разрядный», «Вотчинный» и «Старыхъ Дѣлъ».

Разрядный архивъ соединилъ въ себѣ дѣлопроизводства одного изъ обширнѣйшихъ учрежденій древней Руси—Разряд

наго приказа или Разряда, которому принадлежало вѣдѣніе ратнаго дѣла во всемъ государствѣ. Разрядный архивъ, какъ архивъ въ собственномъ смыслѣ слова, началъ свое существованіе съ 1711 г., когда указомъ 22 февраля приказъ былъ упраздненъ (Памятн. кн. Моск. арх. Мин. Юст. М. 1890, стр. 1).

Что казается производившихся въ старые годы описей разряднымъ дѣламъ, то извѣстно, что еще во время существованія Разряднаго приказа документы его прежняго дѣлопроизводства приводились въ порядокъ и по временамъ описывались; изъ этихъ описей XVII в. уцѣлѣли двѣ: 1) 1626 г. составленная по случаю большого пожара, во время котораго сгорѣли и приказы, и 2) 1668 г., составленная думнымъ дьякомъ Башмаковымъ (ibid. стр. 4). Очень важная и, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ неизданная.

Государственный Вотчинный архивъ образовался изъ архива Помѣстнаго приказа; хотя возникновеніе этого архива и можно относить къ XVI ст., (даже пожалуй и еще раньше), однако прямыхъ свѣдѣній о немъ не имѣется до XVII ст., когда по случаю пожара 1626 года упоминается о гибели его дѣлъ; самое же названіе архива не встрѣчается до начала XVIII ст. Какъ самостоятельное учрежденіе Вотчинный архивъ былъ организованъ съ уничтоженіемъ Вотчинной коллегіи, подъ названіемъ «Государственный архивъ прежнихъ вотчинныхъ дѣлъ».

Государственный Московскій архивъ Старыхъ дѣлъ, образованный въ 1782 году одновременно съ учрежденіемъ губерній, составился изъ дѣлъ упраздненныхъ учрежденій: коллегій, конторъ, магистратовъ, Преображенскаго приказа, тайной экспедиціи.

Въ 1888 году въ Архивъ Министерства Юстиціи передана была значительная часть Литовской метрики. Настоящее устройство послѣдней дано было ей особой коммиссіей, учрежденной министромъ юстиціи Д. В. Дашковымъ въ 1835 г. Названная коммиссія раздѣлила всѣ книги метрики на 12 отдѣловъ (о нихъ см. въ «Памятн. кн. Архива Министерства Юстиціи» стр. 140—142).

Нужно замѣтить, что въ 1852 году, когда учрежденъ былъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, легшіе въ основу его архива — Разрядный, Вотчинный, Старыхъ дѣлъ — попали сюда далеко уже не въ томъ первоначальномъ составѣ своемъ, какой имѣли первые два въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв., и въ какомъ возникъ въ концѣ прошлаго столѣтія третій архивъ, обязанный своимъ существованіемъ административнымъ рефор-

мамъ Екатерины II. Число документовъ, имъ принадлежащихъ, значительно уменьшилось, самый внѣшній видъ ихъ не мало потерпѣлъ отъ частыхъ перевозокъ съ одного мѣста въ другое въ теченіе XVIII вѣка и отъ непріятельскаго разгрома; самая система распредѣленія документовъ и даже установившаяся исторически архивная связь между однородными бумагами была нарушена. Точно также совершенно случайными причинами было опредѣлено и расположеніе въ архивѣ М. Ю. документовъ, начавшихъ поступать въ оный еще во второй половинѣ прошлаго вѣка изъ петербургскихъ и московскихъ департаментовъ Сената, передача которыхъ закончилась уже послѣ закрытія московскихъ департаментовъ въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія. А позднѣе начался приливъ изъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ судебною реформою 1864 года по всей имперіи, присылка коихъ продолжается и до нынѣ, причемъ предѣльнымъ годомъ для нихъ указанъ 1800; дѣла же—нынѣшняго столѣтія должны частію храниться въ архивахъ новыхъ судебныхъ установленій, мало по малу открывшихся съ 1864 года, частію передаваться въ историческіе архивы, учрежденные при такъ называемыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ. Наконецъ, въ самые послѣдніе годы Московскій Архивъ Министерства Юстиціи увеличился дѣлами стараго управленія г. Москвы, передаваемыми думою изъ ея бывшаго архива.

Въ 1812 году, когда зданіе Сената занято было подъ казармы французскихъ солдатъ, многія дѣла этого архива были выброшены въ Кремлевскіе рвы, отчего одни изъ документовъ утратились, а другіе сильно пострадали. По удаленіи французовъ приступлено было къ приведенію въ порядокъ архива и составленію описей его и алфавитовъ.

Въ 1835 году бывшій министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, желая сдѣлать государственные архивы доступными для пользованія, поручилъ особому комитету составить описаніе архива и распредѣлить документы по ихъ значенію. Комитетъ существовалъ до 1842 г. и выполнилъ только незначительную часть своей задачи; продолженіе ея потомъ принялъ на себя одинъ изъ членовъ комитета, а затѣмъ директоръ архива, П. И. Ивановъ. Только 7 іюля 1852 года образовался окончательно Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.

Загоскинъ, а за нимъ Иконниковъ думали по документамъ хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и

расположеннымъ по столамъ разряднаго Приказа опредѣлить вѣдомство каждаго разряднаго стола. Однако надежды эти не оправдались. Дѣло въ томъ, что коммиссія 1835—42 гг. спутала документы разряднаго приказа, и послѣдніе въ настоящее время представляютъ собраніе дѣлъ съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Дѣла Разряднаго Архива подраздѣляются на слѣдующія болѣе или менѣе крупныя группы:

1. Боярскія книги (1627—1692 г.). Боярскія книги содержатъ въ себѣ списки бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, дворянъ городовыхъ, начальныхъ людей въ полкахъ и дьяковъ въ Приказахъ.

2. Боярскіе списки (1668—1713). Списки почти тоже что и боярскія книги,—въ нихъ перечисляются тѣже лица, что и въ книгахъ; отчичаются же отъ книгъ списки своею краткостью.

3. Жилецкіе списки (1663—1710 г.). Жилецкіе списки содержатъ имена тѣхъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, которые обязаны были находится въ Москвѣ для разныхъ порученій, чередуясь по третямъ года.

4. Десятни (1577—1682 г.). Десятнями назывались войсковые списки дрворянъ и дѣтей боярскихъ, составлявшіеся при разборѣ, верстаньѣ и раздачѣ имъ жалованья.

5. Смотрѣнные списки (1641—1708 г.). Смотрѣнные списки составлялись во время смотровъ ратныхъ людей въ Москвѣ и другихъ городахъ. Эти списки весьма близки къ «разборнымъ десятнямъ».

6) Столбцы родословныхъ. Подлинные столбцы родословныхъ росписей, въ которыхъ обыкновенно указывается происхожденіе рода, иногда сообщаются біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ членовъ его, указываются заслуги, пожалованья, при чемъ иногда прилагаются списки съ жалованныхъ грамотъ и другихъ документовъ. Всего 163 столбца (родословныя переписаны въ два тома). (См. II Памятная кн. Москов. Архива Минист. Юст., стр. 15—16).

b) Дѣла Сибирскаго приказа (см. трудъ Оглоблина), заключающія въ себѣ документы: 1) Центральнаго управленія (приказовъ Казанскаго дворца и Сибирскаго); 2) Сибирскаго воеводскаго управленія; 3) таможеннаго управленія и 4) челобитчиковы дѣла.

c) Дѣла Малоссійскаго приказа, заключающіяся въ книгахъ и столбцахъ; содержатъ въ себѣ документы, относящіеся до присоединенія Малороссіи и до управленія ею послѣ присоединенія.

d) Дѣла Герольдмейстерской конторы, хранящія всѣ свѣдѣнія о служебной дѣятельности какъ дворянства, такъ и всѣхъ вообще лицъ, занимавшихъ государственныя должности, равно какъ и данныя о дворянствѣ; степени родовъ какъ по происхожденію, такъ и по службѣ, о титулахъ родословныхъ и т. п. Рядомъ съ дѣлами герольдмейстерскими нужно упомянуть и о дѣлахъ Печатной конторы, или Печатнаго приказа (потомъ уже переименованнаго въ контору). Эти дѣла распадаются на книги безпошлинныя», относящіяся по большей части къ канцелярскому дѣлопроизводству названнаго учрежденія, и «книги пошлинныя», заключающія въ себѣ записи взысканныхъ съ явленныхъ актовъ печатныхъ пошлинъ; въ позднѣйшее время, собственно уже въ печатной конторѣ, существовали два вида этихъ книгъ (вслѣдствіе указа, 18 декабря 1728 года), а именно: 1) краткія приходныя книги пошлинъ, гдѣ записывалось количество взысканныхъ пошлинъ съ акта, записаннаго подъ такимъ-то №, при чемъ здѣсь содержаніе документа не указывалось; и 2) собственно «записныя книги», гдѣ подъ тѣмъ же № записывалось содержаніе явленнаго конторѣ акта со всѣми его отличительными признаками (откуда выданъ, за чьею подписью, помѣтой или скрѣпой, за какимъ №, точная дата и т. п.). Разнообразіе содержанія записанныхъ здѣсь актовъ можно видѣть уже изъ простого перечисленія разныхъ видовъ документовъ: «жалованныя грамоты» на помѣстья и вотчины (служилымъ людямъ и монастырямъ), «ввозныя грамоты», грамоты утверждавшія въ правахъ наслѣдства; челобитныя о поверстаніи помѣстьями, о дачѣ придачъ, «мѣновыя грамоты», «поступныя», «закладныя», «заемныя» грамоты, дававшіяся торговымъ людямъ и откупщикамъ, исковыя по кабаламъ и безъ оныхъ, грамоты при назначеніи на должности, о поверстаніи служилыхъ людей изъ одного списка въ другой, откупные договоры, приставныя и заказныя памяти, указы по частнымъ дѣламъ, «ассигнаціи» на выдачу денегъ подрядчикамъ, паспорты, указы о повышеніяхъ, отставкѣ, выписи изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ, выписи изъ ревизскихъ сказокъ, копіи съ разныхъ документовъ, и проч. и проч.

Заносились въ записныя книги акты не всегда съ одина-

ковой полнотой: такъ въ самыхъ раннихъ книгахъ (древнѣйшая 7121—1613) отпуски документовъ очень кратки, обозначается, кому дана грамота, какого рода, причемъ относительно земельныхъ владѣній указывается иногда довольно точно уѣздъ, называется населенное мѣсто, количество земли, иногда ничего этого не показано. Съ теченіемъ времени документы писались въ книги гораздо подробнѣе (обозначались имена владѣльцевъ и другихъ членовъ рода или вообще лицо, которому данъ документъ, должность, за что дано, если относительно земельныхъ владѣній, то въ какомъ уѣздѣ, при какихъ селахъ, деревняхъ и пустошахъ, сколько земли, душъ крестьянъ...), такъ что въ болѣе позднее время (уже въ конторѣ) въ книгахъ конторы оставлялись почти полныя копіи съ явленныхъ документовъ.

Книги Печатной конторы имѣютъ преимущественно практическое значеніе при выдачѣ справокъ, такъ какъ въ случаѣ утраты документовъ въ дѣлахъ того учрежденія, изъ котораго онъ выданъ, можно иногда найти изложеніе содержанія его или по крайней мѣрѣ указаніе на дачу подобнаго документа изъ такого то учрежденія и тогда то въ книгахъ Печатнаго приказа или конторы, Книгъ печатной конторы (1613 — 1763 гг.), въ Архивѣ считается: пошлинныхъ 1536, безпошлинныхъ 303; описей къ нимъ нѣтъ, а есть къ нѣкоторымъ алфавиты (Памятн. кн. М. А. М. Ю. стр. 32—33).

e) Столбцы (1668—89), принадлежавшіе П. Ѳ. Карабанову и переданные сюда гр. Блудовымъ въ 1852 году, по связи ихъ съ нѣкоторыми документами, находящимися здѣсь.

f) Дѣла Верхотурскаго уѣзднаго суда (воеводской избы и канцеляріи, преимущественно тяжебныя и исковыя 1618—1711 гг.).

g) Разрядныя вязки, переданныя въ 1870 г. изъ Московскаго Сенатскаго архива; изъ 370 этихъ вязокъ, разнообразныхъ по содержанію, 57 относятся къ Разрядному приказу.

II отдѣленіе—документы архива Старыхъ дѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ Московскаго архива Министерства Юстиціи хранятся дѣла: а) приказовъ—Каменнаго (Московскій архивъ М. Ю. имѣетъ дѣла этого приказа лишь отъ времени его возстановленія въ 1775 г. Екатериною II, имѣвшею въ виду размноженіемъ кирпичныхъ заводовъ, подъ наблюденіемъ каменнаго приказа, предохранить отъ пожаровъ лучшія части Москвы, застроенныя деревянными зданіями), Суднаго (съ именемъ дѣлъ этого приказа въ архивѣ соединены разныя производства различныхъ

учрежденій судебнаго характера, такъ что названіе дѣлъ суднаго приказа является родовымъ и обнимаетъ собою вообще судебныя дѣла XVIII в.),—Сыскнаго (въ Моск. Арх. Мин. Юст. имѣются документы этого приказа, относящіеся ко времени отъ его возстановленія подъ апелляціей Юстицъ-Коллегіи въ 1730 г. до времени его упраздненія въ 1763 г.),—Преображенскаго и тайной канцеляріи (дѣла этихъ учрежденій составляютъ секретное отдѣленіе Моск. Арх. Мин. Юст. Впрочемъ, среди документовъ Преображенскаго приказа есть часть, не относящаяся къ этому отдѣленію),—Патріаршихъ приказовъ—Дворцоваго (по свидѣтельству проф. М. И. Горчакова, подробно изслѣдовавшаго дѣла этого приказа въ полномъ ихъ составѣ, «въ числѣ книгъ, занесенныхъ въ опись и помѣщенныхъ въ архивѣ Дворцоваго приказа, есть книги, относящіеся къ XVII вѣку (въ количествѣ 104), напр. переписныя патріаршаго имущества, книги приходныя и расходныя приказа, и есть нѣсколько книгъ, принадлежащихъ не дворцовому, а Казенному Патріаршему впослѣдствіи также Синодальному приказу». Тотъ же почтенный авторъ свидѣтельствуетъ и о полнотѣ состава, въ которомъ сохранились документы приказа XVIII вѣка. «Едва-ли не всѣ книги, говоритъ онъ, веденныя въ немъ въ XVIII в., сохранились до сихъ поръ. Если же какой нибудь книги за иной годъ нельзя встрѣтить въ архивѣ самаго приказа, то ее, безъ всякаго сомнѣнія, можно отыскать между книгами Патріаршаго и Синодальнаго Казеннаго Приказа или другихъ учрежденій, которыхъ архивы помѣщаются рядомъ съ архивомъ Дворцоваго приказа. По крайней мѣрѣ намъ удавалось отыскивать всѣ книги приказа, которыя были намъ нужны, но которыя находились не въ архивѣ приказа» (Пам. книжка стр. 52 — 53)—и Казеннаго (документы этого приказа обнимаютъ время съ 1626 по 1739 годъ, то-есть всю исторію этого приказа. Между прочимъ, здѣсь интересна записная книга данныхъ приказу государевыхъ приказовъ),—дѣла Монастырскаго приказа, относящіяся къ періоду времени отъ 1667 до 1739 г.

b) Во II-же отдѣленіи Архива Мин. Юстиціи хранятся документы Правительствующаго Сената, переданныя въ архивъ изъ сенатскихъ департаментовъ—петербургскихъ и московскихъ съ 1711—1797 г., и дѣла Генералъ-прокурорскія, которыя по обширности функцій этой власти въ XVIII в. (по части судебной, административной и даже законодательной) имѣютъ важное значеніе. Что касается дѣлъ Сената, то важное значеніе этого

учрежденія, какъ первенствующаго административнаго и судебнаго, даетъ этимъ документамъ, какъ относящимся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ государственной и общественной жизни и частнаго быта, особенную цѣну; а сохранившіяся въ этихъ дѣлахъ крѣпостныя книги—представляютъ богатый матеріалъ для изученія формъ производства въ XVIII ст.—Въ томъ же отдѣлѣ находятся: а) доставленныя въ Сенатъ по его указамъ въ 1741—1748 г. изъ присутственныхъ мѣстъ и отъ разныхъ вѣдомствъ и лицъ документы и бумаги съ императорскимъ титуломъ Іоанна Антоновича, которые предполагалось уничтожить; они представляютъ единственное по своей полнотѣ собраніе матеріаловъ для изученія правительственной дѣятельности въ означенное время.

с) Дѣла коллегій: камеръ-коллегіи (завѣдывала окладными, и неокладными доходами государства и сборомъ ихъ); ревизіонъ-коллегіи, провѣрявшей государственные доходы и расходы; мануфактуръ-коллегіи, дѣла съ 1751—1761 г.; коллегіи экономіи (такъ названъ былъ одинъ изъ департаментовъ Синодальнаго правленія). Дѣла этого учрежденія имѣютъ особенное значеніе для дипломатики. При передачѣ документовъ коллегіи экономіи въ Госуд. архивъ Старыхъ дѣлъ, кромѣ пранадлежавшихъ ей, перешли дѣла тѣхъ учрежденій которыя разновременно слились съ коллегіей; таковы приказы: Монастырскій и Патріаршіе—Дворцовый и Казенный. Изъ документовъ самой Коллегіи Экономіи и временной канцелярія Синодальнаго Экономическаго правленія въ Архивѣ Мин. Юстиціи хранятся: 1) Журналы, протоколы и книги указныя съ записями указовъ Сената и Синода объ управленіи духовными имѣніями за все время существованія коллегіи и правленія; 2) записныя книги денегъ, взятыхъ съ вѣнечныхъ памятей (актовъ о бракосочетаніи) на содержаніе лазаретовъ; 3) книги съ ревизскими сказками 1-й, 2-й, 3-й ревизій о крестьянахъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи; 4) Описи Архіерейскихъ домовъ, вотчинъ монастырей, пустынь, соборовъ и бѣлаго духовенства, съ тѣмъ-же содержаніемъ, какъ переписныя книги Монастырскаго и Патріаршаго Дворцоваго приказа; эти описи составлялись офицерами, командированными Коллегіей Экономіи; 5) книги городовыхъ казначеевъ о приходѣ и расходѣ денегъ въ городовыхъ экономическихъ правленіяхъ; 6) дѣла (въ вязкахъ), которыя можно распредѣлить на три отдѣла, опредѣляющіеся назначеніемъ коллегіи Экономіи,— съ одной стороны завѣдывать сборомъ ка-

зенныхъ доходовъ съ церковныхъ земель, и надзирать за крестьянами, населявшими ихъ, а съ двугой—заботиться о призрѣніи больныхъ, бѣдныхъ и убогихъ людей (Пам. кн. Архива М. Юст. стр. 70—71). Самая же драгоцѣнная часть документовъ Колл. Экономіи это подлинныя грамоты и книги.—Судьба этой коллекціи (Бѣляевъ, Ундольскій, Мухановъ, Бѣллюстинъ, Погодинъ, Головинъ, отчасти и царскій), растащена на цѣлую четверть. Но и теперь еще имѣется на лицо болѣе 15,000 оригиналовъ.

д) Дѣла канцелярій (тайной, конфискаціи, провіантской, полицеймейстерской московской губернской и дмитровской воеводской), конторъ (штатсъ-конторы, ямской, корчемной, главной соляной, юстицъ-конторы и др.), магистратовъ и ратушъ (магистратовъ—главнаго съ 1719—1789 г., московскаго—1743—1795 г. и дмитровскаго съ 1766 г., ратушъ—московской 1729—1743. С.-Петербургской 1727—1743 г.).

Третье отдѣленіе Московскаго Архива Министерства Юстиціи—Вотчинное.

Оно заключаетъ въ себѣ документы и дѣла бывшаго Помѣстнаго приказа и учрежденій, смѣнившихъ его, — вотчинныхъ—конторъ, коллегій и департамента. Изъ документовъ этого отдѣленія архива особеннаго вниманія заслуживаютъ—книги писцовыя, дозорныя, переписныя, приправочныя, строельныя, засѣчныя, отказныя.

1. Писцовыя книги (въ составѣ «подлинной архивы») въ собственномъ смыслѣ суть подробнѣйшія описи города съ уѣздомъ. Предметомъ почти исключительнаго вниманія этихъ книгъ служитъ земля вообще, будетъ-ли она живущая или пустая, т.-е. приносящая или неприносящая доходовъ. Городъ описывается отдѣльно отъ уѣзда. Такое описаніе представляетъ полную картину состоянія города и его предмѣстій. Заключительную часть писцовой книги уѣзда иногда составляла общая валовая картина состоянія уѣзда въ цифрахъ и опредѣленіяхъ, втиснутыхъ въ сѣть довольно дробной классификаціи.

2. Дозорныя книги представляютъ поправки и добавленія къ писцовымъ книгамъ въ собственномъ смыслѣ, производившіяся приблизительно тотчасъ послѣ бывшаго составленія самыхъ писцовыхъ книгъ по извѣстному уѣзду. Эги книги «письма и дозору» суть результатъ провѣрки (дозора), про-

изведенной описи (см. Улож. X, 235. Ср. «Царскій Судебникъ» ст. 84).

3. Приправочныя книги представляютъ поправки писцовыхъ въ собственномъ смыслѣ и дозорныхъ книгъ вмѣстѣ, вызывавшіяся измѣненіями, которыя производило время въ состояніи уѣзда.

4. Засѣчныя книги представляютъ собою описаніе земель, лежащихъ на разстояніи 5—10 верстъ отъ укрѣпленной черты по плану, созданному для писцовыхъ книгъ. И тѣ и другія книги возникали вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ (городовъ) или новой укрѣпленной черты (засѣки).

5. Межевыя книги представляютъ описанія однѣхъ исключительно межей различныхъ поземельныхъ владѣній.

6. Отказныя книги—суть подробные отчеты провинціальной администраціи о порядкѣ отказа кому-либо земли въ помѣстье или вотчинное владѣніе со всѣми относящимися сюда подробностямя и за руками (т. е. за подписью) лица, производившаго отказъ, а также священниковъ и дьяконовъ округа, въ присутствіи которыхъ вмѣстѣ со старостами, цѣловальниками и крестьянами совершался отказъ. Это отчеты въ виду полученныхъ изъ Москвы отказныхъ грамотъ..

7. Записныя книги подлиннымъ крѣпостямъ на земли съ крестьянами (за 1678—1748 года) содержатъ записи предметовъ челобитій и подлинныхъ текстовъ купчихъ. Это сборники подлинныхъ текстовъ купчихъ и крѣпостей.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше книгъ относятся къ концу XV в. и началу XVI. Вообще эти матеріалы представляютъ драгоцѣннѣйшія данныя по описанію земель и межеванію въ Россіи, начиная съ XV вѣка до царствованія Петра Великаго включительно, заключая въ себѣ не только доказательства правъ поземельнаго владѣнія, но и обильный источникъ для изслѣдованій по части исторіи, географіи, статистики, финансовъ, юридическаго, общественнаго и семейнаго быта въ теченіе означенныхъ вѣковъ. Всего въ III отд. числится: книгъ 17918, столбцовъ 25019, вязокъ—779,—итого 43713 (Иконн., отд. II. гл. I, ст. 422).

Дѣла Московскаго Архива Министерства Юстиціи раздѣляются на столбцы, дѣла старыхъ лѣтъ (до 1750 г.) и дѣла молодыхъ лѣтъ (до 1800).

Что касается до описи и алфавитовъ М. Архива М. Юст., то въ настоящее время здѣсь ихъ насчитывается до 1667; но кромѣ того въ самыхъ дѣлахъ разныхъ учрежденій (XVIII в.) находятся сдаточныя описи, настольные реестры дѣламъ, протоколы и журналы, которые также могутъ служить для пополненія описей. Но описи, составленныя въ разное время и разными лицами безъ опредѣленной программы, не могутъ отличаться и не отличаются однообразіемъ. Даже въ описяхъ одного и того-же времени сильно отражается отношеніе къ дѣлу того или другого лица, въ общемъ описи дѣлъ и книгъ въ значительной степени лучше описей стобцовъ, что и вполнѣ понятно, такъ какъ заглавіе книги или отдѣльнаго дѣла всегда до извѣстной степени соотвѣтствуетъ его содержанію; для того-же, чтобы со смысломъ описать столбецъ, нужно представить нѣкоторое обобщеніе и характеристику его разнообразныхъ документовъ, что требуетъ большого труда, вниманія, времени и пр. Въ точности можно сказать, что описи бывшаго архива Старыхъ дѣлъ и Сената и бывшаго Вотчиннаго архива вообще лучше описей дѣламъ бывшаго Разряднаго архива. Что касается Старыхъ и болѣе Новыхъ (XIX в.) описей, то въ этомъ отношеніи нужно признать, что достоинство не всегда можно опредѣлять сравнительной ея новизной: во многихъ случаяхъ, напротивъ, старыя описи можно предпочесть новымъ, особенно составленнымъ въ первую половину текущаго столѣтія и въ томъ числѣ комитетскимъ (Пам. кн. М. А. Мин. Юст. стр. 175—176).

Здѣсь не лишнее замѣтить о сказкахъ Генеральнаго Двора,— въ нихъ видѣли опись Россіи, произведенную въ 1700 г. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что это сборъ разнообразныхъ дѣлъ. Названныя сказки суть столбцы съ содержаніемъ, касавшимся учрежденія, извѣстнаго подъ именемъ Генеральнаго Двора. Основной элементъ этихъ столбцовъ состоитъ изъ сказокъ, т. е. письменныхъ показаній землевладѣльцевъ, долженствовавшихъ выставлять даточныхъ людей.

Кромѣ указанныхъ выше трехъ отдѣленій Московскаго Архива Министерства Юстиціи, нужно отмѣтить о дѣлахъ, поступающихъ въ архивъ вслѣдствіе распоряженія въ концѣ 1866 г. о передачѣ сюда судебными мѣстами, управляемыми по уставу 1864 г., всѣхъ хранящихся въ нихъ документовъ до 1800 г., за исключеніемъ подлежащихъ уничтоженію. Вслѣдъ

за распоряженіемъ стали доставляться въ Архивъ не только дѣла этихъ учрежденій, но и хранившіеся въ ихъ архивахъ столбцы и др. документы. Такъ напр. въ числѣ ихъ оказывались писцовыя книги, акты и дѣла XVII в., но главнымъ образомъ дѣла разныхъ областныхъ и губернскихъ учрежденій.

Матеріалы для письма.

Въ стремленіи выразить свои идеи, увѣковѣчить подвиги, укрѣпить свои права, человѣчество пользовалось самыми разнообразными матеріалами письма, изъ коихъ далеко не всѣ могутъ служить предметомъ изученія дипломатики.

Первобытное человѣчество съ охотой пользуется листьями деревьевъ. Память объ этомъ ясно сохранялась у Римлянъ. Плиній въ Historia Naturalis упоминаетъ о древнѣйшемъ обычаѣ писать на пальмовыхъ листьяхъ — «in foliis palmarum». Св. Исидоръ въ «Origines» объясняетъ «Unde et liber dicitur, in quo scribimus, quia ante usum chartae vel membranarum de libris arborum volumina fiebant».

Эти цитаты помогаютъ намъ уяснить происхожденіе современной библіографической номенклатуры. Книгъ на листьяхъ деревьевъ мы не найдемъ среди дипломатическихъ источниковъ, но, какъ это ни странно, именно въ русской дипломатикѣ мы найдемъ весьма позднее употребленіе коры деревьевъ для письма. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ въ Древлехранилищѣ, даже въ Парижской Національной Библіотекѣ и нѣкоторыхъ другихъ собраніяхъ находятся книжки на берестѣ. Странно, что всѣ подобные документы пріурочиваются къ Петровскому времени и къ самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ Сибири.

Основными матеріалами эпиграфическими и дипломатическими являются—камень, металлы, дерево и даже слоновая кость съ одной стороны, папирусъ, пергаменъ, и наконецъ, бумага—съ другой.

Камень въ качествѣ матеріала для надписей является въ глубочайшей древности. На камняхъ сохранилось такое количество дипломатическихъ памятниковъ, что французы выработали особый терминъ—chartes lapidaires. Вырѣзываніе надписей и изображеній на камняхъ было въ особенномъ употребленіи у

Египтянъ — народа, чрезвычайно заботившагося о томъ, чтобы оставить о себѣ память въ потомствѣ. Египетскіе памятники даютъ намъ тексты поразительной древности до 3—4 тысячъ лѣтъ до Р. Х. Столь же обычными являются и chartes lapidaires Грековъ и Римлянъ. Греческія надписи составляютъ цѣлые Corpus'ы Inscriptionum, отъ Римской республики и имперіи сохранились законы, эдикты, декреты, консульскіе фасты, календари, разные муниципальные и военные документы.

Греки и вслѣдъ за ними Римляне выставляли въ храмахъ и на стѣнахъ общественныхъ зданій договоры, законы и всякіе офиціальные акты, которые подлежали опубликованію. При отсутствіи книгопечатанія такой способъ естественно является едва ли не единственнымъ, во всякомъ случаѣ наилучшимъ. Для сохранности обнародываемыхъ памятниковъ избирался прочный матеріалъ—камень или металлъ. Обычай вырѣзать надписи на камнѣ очень древенъ, онъ появился вообще вскорѣ послѣ ознакомленія съ искусствомъ знаками выражать свои мысли. Имѣются греческія надписи отъ VII вѣка до Р. Х., а новѣйшія раскопки на Римскомъ форумѣ дали отрывокъ и латинской надписи глубокой древности. Мы имѣемъ данныя, что даже дипломатическая критика эпиграфическихъ памятниковъ появилась въ весьма отдаленное время, такъ Ѳеопомпъ призналъ и доказалъ подложность одной надписи, касающейся Кимонова мира (Reinach, Traité d'épigraphie, p. 541).

Недавно изданы В. В. Латышевымъ цѣлые томы надписей, касающихся колоній на Черномъ морѣ. Кн. Абамеликомъ-Лазаревымъ найденъ и обнародованъ Пальмирскій декретъ императора Вабалата.

И въ средніе вѣка многіе памятники являются такими дипломатическими chartes lapidaires, такъ Gaetano Marini въ его «Papiri diplomatici» указалъ рядъ подобныхъ памятниковъ, особенно касающихся папства.

Даръ нѣкоей Флавіи Ксантиппы клиру церкви S. Maria Maggiore, относящійся къ VI столѣтію, въ концѣ IX ст. былъ записанъ на мраморѣ: «Temporibus domini nostri sanctissimi Gregorii quarti papae, ex rogatu Radonis notarii regionarii sanctae romanae ecclesiae, hoc ex authenticis scriptis relevatum *pro cautela* et *firmitate* temporum futurorum, his marmoribus exaratum est».

Очень интересный памятникъ издали въ 1890 году H. *Omont* M. *Prou* (въ B. de l'E. des. Ch.). На аспидномъ камнѣ довольно глубоко курсивнымъ письмомъ приблизительно XIII стол. вырѣ-

зана значительной величины надпись, въ которой нѣкій монахъ, обвиненный въ занятіяхъ некромантіей, защищая себя, разоблачаетъ преступленія и развратъ своихъ обвинителей. Въ этой надписи особенно замѣчательно скорописное письмо. Общее замѣчаніе о надписяхъ на камняхъ въ Западной Европѣ, которое дѣлаютъ западные ученые, это то, что надписи на камняхъ повторяютъ документы, сокращая ихъ и писаны почти всегда прямымъ, крупнымъ письмомъ.

Древнихъ надписей на камняхъ въ Россіи не много, но между ними есть чрезвычайно любопытныя и важныя. Стоитъ припомнить извѣстный Тьмутараканскій камень съ надписью: «въ лѣто 6576 (1068) инд. 6 глѣбъ князь мѣрилъ море по леду ѿ тъмутороканѧ до Кърчева 10000 и 4000 саженъ».

Въ Тверскомъ музеѣ находится камень съ именемъ Степана, и крайне интересный историческій документъ – такъ называемый Стерженскій крестъ, стоявшій когда-то при впаденіи Волги въ озеро Стержъ. На этомъ крестѣ красноватаго камня въ человѣческій ростъ величиною надпись: «(л) ҂ЅХМА мсцѧ іюля ДІ дня почяхъ рыти рѣк(у?) сю язъ Иванко Павловичь и крстъ сь п(о)ставих» (Иванъ Павловичь—посадникъ Новгородскій, убитый въ 1134 году на Жданѣ-горѣ). Затѣмъ упомянемъ хотя бы Двинскіе камни, изъ которыхъ, какъ гласила телеграмма въ «Новомъ Времени» за 1895 годъ, найденъ еще одинъ А. Сапуновымъ. Древнѣйшій—послѣ 1128 года—«господи помози рабу своему Борису».

Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ есть крестъ съ надписью XIV столѣтія; въ самое послѣднее время объясненъ А. В. Орѣшниковымъ, крестъ 1459 г. поставленный дьякомъ Степаномъ Бородатымъ на память объ умершемъ сынѣ (въ Арх. Изв., 1894, № 12). Этотъ памятникъ, находящійся въ Ростовскомъ музеѣ для насъ особенно интересенъ, потому что представляетъ чисто дипломатическій документъ. Онъ воспроизводитъ *вкладную* дьяка.

Къ надписямъ на камняхъ надо относить и надписи на кирпичахъ—на глинѣ. Особенное распространеніе этого способа письма показываетъ намъ древняя Ассиро-Вавилонская монархія. Культура этой колыбели человѣческой цивилизаціи дошла до образованія библіотекъ и архивовъ изъ дощечекъ обожженной глины. Найдены документы, какъ напр. векселя, найдены остатки такой библіотеки, въ которой были справочные каталоги и лексиконы для перевода съ одного языка на другой. Относительно древности этой кирпичной литературы мы совершенно теряемся.

Раскопки послѣднихъ двухъ десятилѣтій въ г. *Телло*, произведенныя г. *Сарзекомъ* дали надписи, которыя приходится относить ко времени до 4000 лѣтъ до Р. Христова! И это еще не крайній предѣлъ; постройки этихъ «патези»—царей, если можно такъ выразиться, начертавшихъ надписи, показываютъ высокую уже степень культуры.

Русская дипломатика не знаетъ надписей на глинѣ, но эпиграфика имѣетъ любопытные памятники этого рода въ видѣ древнихъ изразцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (см. Археол. Изв. 1894 г. № 12) относятся къ довольно отдаленной эпохѣ.

Дерево и вощаныя таблички.

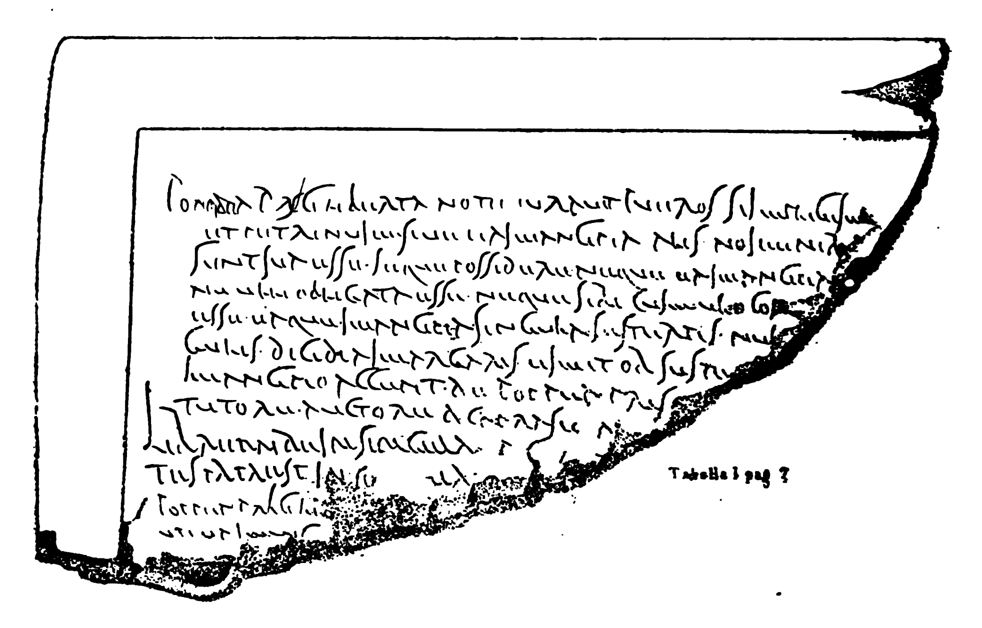
Очень любопытное извѣстіе сообщаетъ арабъ Ибнъ-Эль-Недимъ въ своемъ «спискѣ книгъ», писанномъ въ 987 году. Одинъ изъ его знакомыхъ, говоритъ онъ,—человѣкъ вполнѣ достовѣрный, разсказывалъ ему, что-де посланъ былъ онъ къ

Деревянная дощечка.

князю русскому однимъ изъ кавказскихъ владѣтелей, и что у русскихъ есть свои письмена, вырѣзываемыя на деревѣ. При этомъ онъ вынулъ и показалъ ему кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ записаны были знаки, неизвѣстно,—цѣльныя ли слова,

или отдѣльныя буквы (знаки эти срисованы Эль-Недимомъ, но весьма проблематично относительно точности).

Сохранилось указаніе, что и въ Московской Руси, за недостаткомъ другихъ матеріаловъ, писали на деревѣ (или иногда на берестѣ). Такъ, послѣ преподобнаго Сергія долго хранились исписанныя имъ собственноручно «деревца». Они упоминаются въ описяхъ XVII столѣтія и только впослѣдствіи, неизвѣстно когда, утрачены. Мы не знаемъ, что такое «деревца» преподобнаго Сергія, но во всякомъ случаѣ они ближе къ берестѣ, чемъ къ навощеннымъ «деревцамъ» древнихъ.



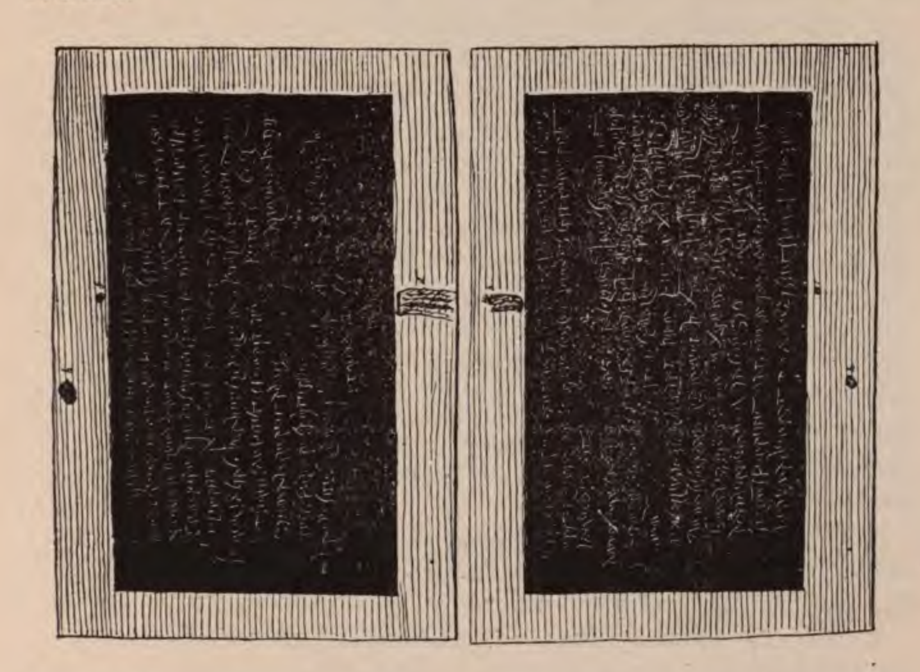
Фрагментъ вощяной таблички.

Дощечки съ узкими полями и углубленіями въ серединѣ, въ которыя наливался нетолстый слой восковаго состава,—были въ большомъ употребленіи у Грековъ и Римлянъ, перешли въ средніе вѣка и, можно сказать, даже въ новое время. Такое распространеніе этого рода матеріаловъ письменности зависѣло отъ того, что на слоѣ воска легко и быстро начертывались цѣлыя записи палочкой (stylo) изъ твердаго дерева, кости или металла, и съ такой же легкостью написанное сглаживалось, предоставляя мѣсто новымъ записямъ.

Вощаныя таблички (по нѣмецки — Wachstafeln) по терминологіи Римской эпохи — tabulae, tabellae, cerae; по термино-

логіи греческой — δελτίον, πυκτίον — дѣлались обыкновенно изъ дерева, или кости, наиболѣе слоновой, отчего иногда и назывались въ литературныхъ произведеніяхъ — libri eborei, elephantini.

Такъ какъ подобныя таблички могли представлять двѣ, три и болѣе створокъ, то и носили разныя наименованія, diptycha, triptycha, poliptycha, при чемъ эти послѣднія многостворчатыя — именовались и латинскимъ терминомъ — codices, codicilli.



Особенную извѣстность имѣютъ, напримѣръ, въ древне-христіанскомъ искусствѣ—консульскіе диптихи.

Эпиграммы Марціала даютъ драгоцѣнныя указанія, что triplices—то есть triptycha—употреблялись для корреспонденціи вообще, и любовной въ частности, а quincuplices—для документовъ магистратуры.

Что въ таблички вписывались документы, напримѣръ, завѣщанія и что они скрѣплялись разнаго рода знаками утвержденія, объ этомъ ясно и подробно говоритъ юристъ Павелъ (Paulus)—(Sententiar. 5, 25, 6. ed. Hübcke) «Amplissimus ordo decrevit eas tabulas, quae publici vel privati contractus scripturam continent, adhibitis testibus ita signari, ut in summa margi-

nis ad mediam partem perforatae triplici lino constringuntur, atque impositae supra linum cerae signa imprimantur, ut exteriori scripturae fidem interior servet. Aliter tabulae prolatae nihil momenti habent» (Paoli, p. 19).

Консульскихъ диптиховъ, роскошно украшенныхъ рѣзьбою, и до насъ дошло болѣе 60, самый новый относится къ 541 году. Стремленіе имѣть наиболѣе цѣнные и самые изящные диптихи у римскихъ чиновниковъ дошло до того, что императоръ Ѳеодосій Великій эдиктомъ 384 года долженъ былъ постановить: «exceptis consulibus ordinariis, nulli prorsus alteri auream sportulam, *diptycha ex ebore* dandi facultas sit».

Триптихи, рѣдко диптихи, служили и для вписыванія частныхъ документовъ. Всѣ такіе восковые документы относятся ко времени I и II вѣка по Р. X. и затѣмъ появляются уже въ средніе вѣка, въ XIII столѣтіи. Такое явленіе—просто случай; свидѣтельства первоисточниковъ несомнѣнно доказываютъ, что tabellae, cerae—существовали и во весь десяти вѣковой промежутокъ времени. До 1875 года документальныхъ диптиховъ и триптиховъ было извѣстно очень немного, но въ этомъ году въ Помпеѣ, въ домѣ Люція Цецилія Юкундуса въ ящикѣ было найдено заразъ болѣе 130 книжекъ, принадлежавшихъ этому богатому банкиру и откупщику податей; документы, въ нихъ записанные, охватываютъ періодъ времени съ 15 по 62 годъ по Р. X.

Этотъ интересный архивный кладъ изданъ проф. Юліемъ «de Petra»—въ «Atti dell' Accademia dei Lincei» (Serie II, vol. III, part III, и отдѣльной книгой).

Что въ средніе вѣка обычай писать на табличкахъ продолжался,—объ этомъ, напр. св. Августинъ пишетъ къ Романіану «tabellas eburneas quas... avunculo tuo cum litteris misi».

Дощечки получили въ средніе вѣка новыя, мѣстныя прозванія, напримѣръ, graphium, ceraculum.

Эгингардъ, въ «Vita Karoli» cap. 25—пишетъ о великомъ франкскомъ государѣ: «temptabat et scribere: tabulas et codicillos ad hos in lecto sub cervicalibus circumferre solebat: ut, cum vacuum tempus esset, manum litteris effigiendis adsuesceret: sed parum successit labor praeposterus ac sero inchoatus».

Въ 839 году Goibert de Saint Bertin написалъ свое завѣщаніе: «in tabulis ceratis, quae exterius celatae erant barbulis crassi piscis et subtus deauratae erant».

Въ 1148 году аббатъ Вибальдъ въ письмѣ къ папѣ Евге-

нію III говоритъ о письмѣ, полученномъ отъ аббата аббатства Фульда—«non in membrana scriptas sed in tabella».

Изъ документовъ позднѣйшаго времени, сохранившихся и до настоящаго времени, нельзя не отмѣтить восьми книгъ восковыхъ (cerati) казначейскихъ —королей французскихъ, начиная съ Людовика IX и до Филиппа Красиваго за время съ 1256 по 1308 г. (одна изъ нихъ 1301 года хранится во Флоренціи и содержитъ расходы—Diarium itineris Philippi III).

Въ XIII вѣкѣ во Франціи существовалъ особый классъ ремесленниковъ—tabletiers=«ceus qui font tables à escrire».

Такимъ образомъ, западной дипломатикѣ неоднократно приходится сталкиваться съ codicilla cerata; въ русской дипломатикѣ мы съ ними не встрѣчаемся вовсе.

Металлы.

Почти также мало приходится имѣть дѣло русскому дипломатисту и съ памятниками, вырѣзанными на металлахъ.

Употребленіе металловъ для эпиграфовъ (tituli) и записыванія документовъ (acta) развилось еще въ глубокой древности, было хорошо извѣстно Грекамъ, отъ которыхъ дошли до насъ нѣкоторыя очень древнія таблицы, содержащія договоры, и получило особенное распространеніе въ Римскую эпоху. Мы уже имѣли случай указать, что самое названіе Дипломатики произошло отъ римскихъ бронзовыхъ diplomata militaria (privillegia militum).

Этихъ дипломовъ, состоящихъ обыкновенно изъ двухъ табличекъ, связанныхъ металлическими нитями вмѣстѣ одна съ другою, сохранилось довольно много; на внутренней сторонѣ таблички помѣщалось имя получившаго дипломъ ветерана и текстъ привиллегіи, начинавшійся формулой: «Descriptum et recognitum ex tabula aenea».

Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ памятникахъ латинской эпиграфики можно найти въ трудѣ Эмилія Гюбнера (Hübner) «Exempla scripturae epigraphicae latinae».

Светоній разсказываетъ, что императоръ Веспасіанъ (Vesp., VIII), возобновивъ сгорѣвшія на Капитоліи правительственныя зданія, собралъ и положилъ въ нихъ на храненіе три тысячи бронзовыхъ таблицъ, на которыхъ были вырѣзаны государственные акты римской республики (paene ab exordio Urbis

senatus consulta, plebiscita de societate et foedere ac privilegio cuicumque concessis). Этотъ архивъ, этотъ по выраженію Светонія «instrumentum imperii pulcherrimum et vetustissimum», исчезъ всецѣло и навсегда — его сплавили варвары и употребили на монету. Можно пожалѣть только, что Титъ Ливій не воспользовался такимъ сокровищемъ и не подражалъ Геродоту, Өукидиду и Полибію, которые обращали вниманіе и на акты[1]).

Въ средніе вѣка нерѣдко привиллегіи и законы вырѣзывались на металлѣ въ цѣляхъ опубликованія и лучшаго сохраненія,—такъ, въ Шпейерскомъ Соборѣ хранилась доска съ привиллегіей императора германскаго Генриха V, выданная въ 1111 году. На этомъ памятникѣ вырѣзано и очень любопытное объясненіе:

«Hoc insigne stabili ex materia, ut maneat, compositum; litteris aureis, ut deceat, expolitum; nostrae imaginis interpositione, ut vigeat, corroboratum; in ipsius templi fronte, ut pateat, annitente nostrorum opera civium, constat expositum».

Какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка былъ еще въ большомъ употребленіи свинецъ. О немъ говоритъ Плиній, ставя его непосредственно за листьями деревьевъ. «In palmarum foliis primo scriptitatum: dein quarumdam arborum libris. Postea puplica monumenta plumbeis voluminibus, mox et privata linteis confici coepta aut ceris» (H. N. XIII, XI, 21).

До насъ дошло множество надписей на свинцѣ, но по большей части заклинанія, надгробныя надписи и т. п... Знаменитый дипломъ короля Ліутпранда церкви въ Асти, относящійся къ 743 году и начертанный на свинцѣ, былъ неоднократно цитированъ и комментированъ старыми учеными. Но увы!! Въ недавнее время Джіакомо Горрини неопровержимо доказалъ его подложность и теперь эта поддѣлка хранится въ Архивѣ Монферрата, какъ памятникъ искусства XV столѣтія.

До насъ дошло не мало русскихъ металлическихъ вещей съ надписями, но только весьма немногія изъ такихъ надписей могутъ быть разсматриваемы какъ документы (какъ кладныя).

Нельзя только не упомянуть о недавно открытой загадочной Владимірской надписи 1340 года, нацарапанной на мѣдномъ листѣ.

---

[1]) Нѣкоторыя любопытныя указанія по этому вопросу см. въ статьѣ — *E. Egger*: „Des documents qui ont servi aux anciens historiens grecs“ (Paris. 1875. 8°).

Вообще же русская дипломатика имѣетъ дѣло почти исключительно только съ двумя матеріалами для письма: пергаменомъ и бумагой.

Папирусъ.

Съ вопросомъ о папирусѣ мы входимъ въ область чистаго дипломатическаго вѣдѣнія. Важность вопроса о папирусѣ видна уже изъ того пространства времени, которое охватываютъ памятники, начертанные на этомъ хрупкомъ матеріалѣ.

Документъ на папирусѣ, написанный въ 812 году (Эль-Файюмское сокровище).

Папирусы древняго Египта, какъ наприм. знаменитый Туринскій папирусъ Присса (за 26 вѣковъ до Р. Хр.) сохранили намъ свидѣтельства о такихъ временахъ, которыя цѣлыя тысячелѣтія покрыты были завѣсой забвенія и неизвѣстности; папирусы французскихъ архивовъ даютъ документы эпохи

Меровинговъ; арабскіе акты Эль-Файюмскаго сокровища разъясняютъ мусульманскій бытъ первыхъ вѣковъ.

О производствѣ папируса и самомъ матеріалѣ его было не мало споровъ. Дѣло въ томъ, что исторію папируса въ древности изложилъ *Теофрастъ* въ «Historia Plantarum» (изд. въ XV в. на лат. яз.; liber IV, cap. VIII) довольно смутно; разсказъ Теофраста воспроизвелъ *Плиній* въ «Naturalis Historia» (XIII, 11, 22, 71) съ дополненіями и варіантами, не всегда удачными. Темныя мѣста Плинія служатъ почти единственнымъ источникомъ.

Печать, приложенная къ арабскому документу IX вѣка.

Папирусный актъ (арабскій) IX столѣтія въ неразвернутомъ видѣ.

По опредѣленію ботаниковъ папирусъ «Cyperus Papyrus» — растеніе болотное. По разсказу Теофраста и Плинія папирусъ росъ главнымъ образомъ въ тихихъ за́водяхъ Нила, въ мелкихъ мѣстахъ. Въ описаніяхъ размѣровъ растенія Теофрастъ и Плиній противорѣчатъ другъ другу, но указанія Плинія на мѣста, гдѣ родился и выдѣлывался папирусъ, сохраняютъ всю цѣнность. Плиній отмѣчаетъ три мѣста: 1) «In palustribus Aegypti aut quiescentibus Nili aquis»; 2) въ Сиріи: «nascitur et in Syria, circa quem odoratus ille calamus lacum» — дѣло идетъ объ озерѣ Тиверіадскомъ въ долинѣ Іордана; 3) въ Вавилонѣ — «in Euphrate, circa Babylonem». Кромѣ этого въ книгѣ пятой онъ упоминаетъ, что папирусъ растетъ еще на берегахъ Нигера, великой африканской рѣки. Нильскій папирусъ въ настоящее время исчезъ совершенно, но замѣчательно, что *Швейнфуртъ* дѣйствительно нашелъ его въ центральной Африкѣ.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ съ упадкомъ производства въ Египтѣ, выдѣлка папируса достигла значительныхъ размѣровъ въ Сициліи, гдѣ это растеніе находилось въ изобиліи и назы-

валось «Papero» (откуда и терминъ «papier»). «Hoc *Sari*», говоритъ *Guillandino* (XVI в.) (p. 108), «illa est planta, quam Sicilia, in qua copiose nascitur, Calabria et Apulia vulgo «Paperum» nominant». Отмѣтимъ, что Теофрастъ упоминаетъ *sari*, но отличаетъ его отъ настоящаго папируса. О Сицилійскомъ папирусѣ говоритъ арабъ X вѣка Ибн-Хаукаль, бывшій въ Палермо въ 972—973 году.

Самое производство папируса въ матеріалъ для письма было такъ сложно и затруднительно, (ибо приходилось дѣлать какъ бы ткань гладкую и жесткую изъ сѣти волоконъ), что описаніе Плинія требуетъ многихъ догадокъ и комментарій. Естественно. что при трудности выдѣлки папирусъ распадался на множество сортовъ. Хорошее качество растенія и навыкъ египетскихъ мастеровъ придавали Нильскому папирусу особую извѣстность и славу.

Высшій сортъ папируса и наибольшій по размѣру (11 сантиметровъ—обычный размѣръ), такъ какъ увеличеніе ширины представляло затрудненіе въ родѣ того, какъ въ современномъ производствѣ зеркалъ, назывался «Augustea» (26 сантиметровъ). «Hieratica appelabatur antiquitus, religionis tantum voluminibus dicata, quae adulatione Augusti nomen accepit» (Слова Плинія). Слѣдующій сортъ Liviana—«sicut secunda Liviae a conjuge ejus».

Этому объясненію противорѣчитъ св. Исидоръ, говоря про первый сортъ: «Prima et praecipua (charta) Augustea regia majoris formae, in honorem Octaviani Augusti appelata»; а про второй «Libiana, ad honorem Libiae provinciae»—объясненіе опять таки натянутое. «Третій сортъ сохранилъ древнее названіе «Ieratica», общее названіе трехъ подраздѣленій этого высшаго сорта папируса—«Charta sacra».

За подраздѣленіями высокаго сорта папируса идетъ цѣлый рядъ сортовъ для общаго употребленія—Anfitheatrica (потому что выдѣлывался на фабрикѣ около Александрійскаго амфитеатра), Fanniana, Saitica, Teneotica или Leneotica (по другимъ указаніямъ). Все это папирусъ для письма. Послѣдній сортъ= «Emporetica», по объясненію Плинія, былъ грубъ, inutilis scribendo и употреблялся для завертыванія товаровъ.

Св. Исидоръ отмѣчаетъ еще одинъ сортъ, не упомянутый Пдиніемъ—«Corneliana»—«a Cornelio Gallo praefecto Aegypti primum confecta».

О времени, когда изобрѣтено было производство папируса и онъ распространился какъ метеріалъ для письма, древніе—

*

именно Варронъ, котораго повторяетъ Плиній, — сообщаетъ слѣдующее странное извѣстіе: «Hanc (papyri chartam) Alexandri Magni victoria repertam, auctor est M. Varro, condita in Aegypto Alexandria. Ante non fuisse chartarum usus».

Это мѣсто прекрасно показываетъ, на сколько можно полагаться на древнихъ писателей въ вопросахъ, касающихся отдаленныхъ отъ ихъ времени періодовъ. По послѣднимъ розысканіямъ слѣдуетъ думать, что и въ Греческій міръ употребленіе папируса было занесено не позже VII—VI вѣка до Р. Христова. Съ того времени и въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія Египетъ снабжалъ весь цивилизованный міръ матеріаломъ для письма. Только засухи Нила, испортившія и почти уничтожившія нильскій папирусъ, въ связи въ возникновеніемъ выдѣлки тряпичной бумаги, вывели изъ употребленія древній даръ боговъ — «charta sacra».

Памятники письменности на папирусѣ, сохранившіяся до настоящаго времени, дѣлятся на три разряда—папирусы Египетскіе, Геркуланума (Ercolanesi) и Средневѣковые.

Египетскіе папирусы дѣлятся на двѣ совершенно различныхъ части — именно: 1) на памятники древняго Египта, писанныя такъ называемыми гіератическимъ (отсюда и charta sacra) и демотическимъ письмами, на египетскомъ языкѣ; и 2) литературные и дипломатическіе памятники на греческомъ и коптскомъ языкахъ.

Первый отдѣлъ — жалкіе обрывки культуры, отдѣленной отъ насъ тысячелѣтіями, — не входитъ абсолютно въ область европейской дипломатики. Отмѣтимъ только сѣдую древность египетской письменности, начало которой въ полномъ смыслѣ слова уходитъ въ глубь вѣковъ. Напримѣръ, въ «ритуалѣ погребеній» разсказывается, что посланный царемъ Менкера для осмотра храмовъ принцъ *Дудуфри*, царскій сынъ, нашелъ древній списокъ 64-й главы Похороннаго Ритуала, не извѣстной до этого, «въ Хнуму (т.-е. Гермополисѣ) у ногъ бога Тота, *написанную голубой краской на алебастровой плитѣ*. Принцъ доставилъ ее царю, какъ чудесную находку». Не забудемъ, что находка была сдѣлана ни болѣе, ни менѣе какъ за 4000 лѣтъ до Р. Хр.! Египетская литература обладала произведеніями по всѣмъ отраслямъ науки, начиная съ теологіи и кончая романами и литературой и художественной каррикатурой. Достаточно сказать, что найдено точное указаніе на существованіе при царяхъ VI династіи за 3500 лѣтъ до Р. Хр. важнаго чиновника,

носившаго между прочимъ званіе «управляющаго (царскаго) книжнаго дома».

Египетскіе памятники греческіе относятся къ несравненно позднѣйшей эпохѣ. Первая находка такихъ папирусовъ была сдѣлана въ Египтѣ въ 1778 году (см. Brunet de Presle въ Not. et Extr. t. XVIII). Какіе то арабы, копая землю, вырыли ящикъ изъ сикоморы и въ немъ около полусотни свертковъ папируса, изъ коихъ спасенъ былъ только одинъ, купленный нѣкимъ торговцемъ и попавшій въ руки кардинала Франческо. Борджіа. Папирусъ представлялъ списокъ жителей Птолемаиды съ описаніемъ ихъ работъ и отнесенъ къ III вѣку по Р. Хр., составивъ такимъ образомъ эру въ греческой палеографіи.

Вслѣдъ за этимъ съ первыхъ лѣтъ настоящаго столѣтія находки египетскихъ папирусовъ участились. Отысканъ рядъ документовъ историческихъ и юридическихъ, отрывковъ изъ памятниковъ литературныхъ и научныхъ. Къ сожалѣнію алчность находчиковъ дробила находки на мелкія части, и цѣлый архивъ, напримѣръ, нѣкоего Македононина Птоломея, относящійся къ 173—153 г. до Р. Хр., разнесенъ теперь по всѣмъ главнѣйшимъ библіотекамъ Европы.

Самая важная находка сдѣлана была въ наши дни—это открытіе архива въ Эль-Файюмѣ, большая часть котораго, благодаря просвѣщенной щедрости эрцгерцога Райнера, сосредоточена теперь въ Вѣнѣ и содержитъ десятки тысячъ листочковъ, помимо исторической цѣнности имѣющихъ несравненную цѣность для дипломатики. Датированные акты этого собранія, охватывающіе VI—X вѣка, выяснили исторію папируса и бумаги, исторію борьбы между ними и постепеннаго вытѣсненія дорогого и неудобнаго матеріала дешевой и мягкой бумагой.

Едва ли не въ связи съ Эль-Файюмскимъ архивомъ и пріобрѣтенія Британскаго музея,—одно изъ коихъ—объ Аѳинскомъ государственномъ устройствѣ сочиненіе Аристотеля—произвело столько шума. Находки и пріобрѣтенія папирусовъ Британскаго музея какъ будто бы облечены нѣкоторою таинственностью; повидимому за неназваннымъ источникомъ въ видѣ феллаховъ кладоискателей слѣдятъ и надѣются на новыя открытія.

Вторая категорія—это такъ называемые *volumi Ercolanesi* въ основаніе которыхъ вошли свитки, найденные въ Геркуланумѣ въ 1752 и 1754 годахъ. По послѣднимъ исчисленіямъ разбитые и полуистлѣвшіе свертки Геркуланума, разныхъ на-

ходокъ въ цѣломъ своемъ видѣ должны были бы составить до 800 томиковъ. Въ настоящее время изъ греческихъ и латинскихъ фрагментовъ прочитано далеко не все, но все-таки найдены, наприм., отрывки изъ Эпикура, и стихи о битвѣ при Акціумѣ.

Изъ средневѣковыхъ латинскихъ кодексовъ на папирусѣ слѣдуетъ указать, напримѣръ, въ Вѣнской библіотекѣ—«De Trinitate» твореніе св. Иларія, епископа гор. Пуатье, манускриптъ, относящійся къ VI вѣку, или напр. Древности Іудейскія Іосифа Флавія, рукопись VIII столѣтія, находящуюся въ Амвросіанской библіотекѣ въ Миланѣ.

Относительно папирусовъ дипломатическихъ Монфоконъ высказался: «Diplomata bene multa corticea vel papyrea exstant hodieque latine in Archivis publicis... At, graece, paucissima in Occidente supersunt in cortice vel papyro scripta». Это мнѣніе, если не считать текстовъ, появившихся въ коллекціи эрцгерцога Райнера, остается совершенно справедливымъ и для настоящаго времени.

Изъ греческихъ дипломатическихъ актовъ на папирусѣ указываютъ только на фрагментъ письма Греческаго императора, къ королю франковъ. Монфоконъ читалъ подпись «Constantinus» и на основаніи этого приписывалъ письмо Константину Копрониму (741—755). Чтеніе Constantinus оказалось ошибочнымъ (надо Legimus) и актъ, представляющій единственный образчикъ письма изъ канцеляріи Византійскаго императора, долженъ быть отнесенъ къ исходу VIII столѣтія.

Латинскіе акты на папирусѣ описаны Гаетаномъ *Марини* въ огромномъ трудѣ «i Papiri diplomatici» (Roma, 1805. fol.) и могутъ быть раздѣлены на три рода.

1) Документы папской куріи. Папская канцелярія очень долго сохраняла обычай писанія буллъ на папирусѣ и прекратила его не ранѣе XI столѣтія. Консерватизмъ куріи настолько пережилъ общее распространеніе папируса, что какъ говоритъ—Iaffè «ut ipse papyrus vocaretur charta romana», что въ сущности несправедливо, такъ какъ папирусъ употреблялся не римской выдѣлки. Сохранилась булла папы Іоанна VIII отъ 876 года, помѣченная арабскимъ штемпелемъ министра финансовъ одного изъ халифовъ. Этотъ любопытный штемпель указалъ и на происхожденіе и на время производства папируса. О такихъ штемпеляхъ я собралъ свѣдѣнія въ моей книгѣ о бумагѣ. Имя Said-Ibn-Abd-er-Rahmân, проставленное на буллѣ

876 года, принадлежитъ лицу, которое на основаніи Эль-Файюмскихъ документовъ было министромъ финансовъ въ 838 году. Фактъ, что между производствомъ и потребленіемъ прошло, повидимому, не менѣе 30 лѣтъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Сохранившіяся папскія буллы начинаются актомъ отъ 11 іюля 819 года папы Пасхалиса I и доходятъ до 1020—1022 года (булла Гильдесгеймскому монастырю Бенедикта VIII). Болѣе древніе фрагменты подозрительны относительно своей подлинности. Папскія буллы на папирусѣ отличаются весьма значительной величиной. При ширинѣ отъ 30 до 75 сантиметровъ онѣ достигаютъ нѣсколькихъ метровъ длины. Такъ булла Іоанна VIII отъ 876 года имѣетъ 3 м. 90 сантиметровъ, а привиллегіи Бенедикта III—6½ метровъ!

О Ватиканскихъ папирусахъ съ приложеніемъ снимка съ буллы папы Льва IV см. новѣйшее сочиненіе Hor. Marucchi и Jos. Cozza-Luzi: «Monumenta papyracea latina Bibliothecae Vaticanae» (Roma. 1895. 4⁰).

Большую извѣстность имѣютъ въ западной дипломатикѣ «Carte Ravenati», названныя такъ по своему происхожденію изъ архивовъ Равеннскаго экзархата. Это до 60 различныхъ актовъ V—X вѣковъ (древнѣйшій относится къ 444—445 году, Marini, № 73), разбросанныхъ въ настоящее время по различнымъ архивамъ и библіотекамъ Европы. Значительная часть ихъ хранится въ Ватиканѣ и только три остались въ архіепископскомъ архивѣ въ Равеннѣ.

Не менѣе важенъ и интересенъ третій разрядъ—дипломы государей изъ династіи Меровинговъ, относящіеся почти всѣ къ VII вѣку, древнѣйшій Клотаря II отъ 625 года и одинъ Дагоберта I, представляющій фальсификацію X столѣтія. Единственнымъ памятникомъ на папирусѣ, относящимся къ эпохѣ Каролинговъ, считается письмо аббата Магинарія аббатства Сенъ-Дени къ Карлу Великому отъ 787 года.

Отсутствіе актовъ на папирусѣ въ Испаніи, Англіи и Германіи приводитъ Ватенбаха къ выводу, что въ этихъ странахъ письменность началась, когда уже пергаменъ былъ въ общемъ употребленіи, но это не совсѣмъ вѣрно. Все средневѣковое употребленіе папируса было основано на традиціи. Акты верховной власти (равно и папской) по старому обыкновенію должны были быть писаны на папирусѣ не по удобству, а по старинѣ!

Въ заключеніе прибавимъ еще одно замѣчаніе, что средневѣковые и эпохи Возрожденія ученые, говорящіе о «papier d'ecorce (изъ коры, лыка, бересты) впадаютъ въ заблужденіе— ихъ papier d'ecorce—тотъ же папирусъ.

Пергаменъ.

Начало употребленія кожъ животныхъ, какъ матеріала для письма, восходитъ ко временамъ чрезвычайно отдаленнымъ. Діодоръ Сицилійскій утверждаетъ, что Персы на кожахъ записывали свои лѣтописи. Если въ этомъ и усумниться, то во всякомъ случаѣ священныя книги Персовъ были написаны на кожѣ. Употребленіе кожи у Евреевъ констатируется въ глубокой древности; священныя книги «Тора» писались на кожахъ съ незапамятныхъ временъ, и это вошло въ обрядъ; пергаменные свитки хранятся до сихъ поръ въ каждой синагогѣ [1]).

Западная дипломатика различаетъ кожу отъ пергамена въ смыслѣ выдѣлки и способа приготовленія. Кожа — это грубый сортъ пергамена, приготовленный къ письму съ одной стороны,—той, которая къ тѣлу, внутренней; причемъ другая остается не выглаженною. Пергаменъ это нѣсколько сортовъ кожъ, тщательно вымоченныхъ, растянутыхъ, вылощенныхъ и приготовленныхъ съ обѣихъ сторонъ. Такое различіе не можетъ быть проведено систематически, и мы, дѣйствительно, видимъ, что западные ученые дипломатисты колеблются въ опредѣленіи «кожъ». Такъ *Паоли*, указывая одинъ изъ типичнѣйшихъ образцовъ кожи грубой выдѣлки, — хранящійся въ Флорентійскомъ государственномъ архивѣ — актъ отъ 15 іюля 1243 г., представляющій поверхность въ 116 сант. на 95 сант. (размѣръ колоссальный), отмѣчая всю необработанность этого шершаваго съ пятнами листа, замѣчаетъ однако: «dovremo sempre classificarlo tra le pergamene e non tra i documenti in cuoio».

Въ классической латыни встрѣчаются три названія кожи для письма — «membrana», «pergamena», «carta»,—послѣднее= греч. χαρτίον, откуда русское—*хáратья*. Старѣйшее указаніе на

---

[1]) Въ Болоньѣ въ монастырѣ св. Доминика сохранился отрывокъ Библіи на еврейскомъ языкѣ, считавшійся автографомъ *Ездры*. Онъ оказался относящимся къ XII—XIII вѣку по Р. Х.—Цѣннѣйшая коллекція *Фирковича* у насъ въ Имп. Пуб. Библ. общеизвѣстна.

наименованіе «pergamena» вмѣстѣ съ точнымъ опредѣленіемъ этимологіи слова относится къ IV в.: оно находится въ письмѣ св. Іеронима къ Кромазію: «Chartam defuisse non puto, Aegypto ministrante commercia: et si alicubi Ptolemaeus maria clausisset, tamen rex Attalus membranas a Pergamo miserat, ut penuria chartae, pellibus pensaretur, unde et *pergamenarum* nomen».

Обычными названіями въ средневѣковомъ языкѣ являются, «pergamenum, pergamentum, parcamena, pargamentum». Рядомъ съ этимъ есть и указаніе на происхожденіе, такъ сказать, пергамена, на его матеріалъ: «Charta membranacea», «corcium»; «uno libro di carte membrane» (statuti di Volterra 1463 г.); статутъ 1309 г. рекомендуетъ наиболѣе нужные акты писать: «in quaderni di pecora, facti in un libro». У Фридриха герцога Урбинскаго по разсказу біографа среди книгъ не было «ignuno che non sia iscritto in cavretto» (на козлиной кожѣ).

Въ языкѣ греческомъ Византійскаго періода встрѣчается названіе пергамена еще въ VI в.—у Іоанна Лидійскаго (Iohannes Lidius, an. 527)—«τὰ μέμβρανα Περγαμηνὰ καλοῦσιν».

Очень цѣнное указаніе на употребленіе пергамена въ древности находится у Геродота въ V кн. (58), гдѣ онъ свидѣтельствуетъ, что Іонійцы съ древнѣйшаго времени пользовались кожами (διφθέραι) козьими и бычачьими для письма, когда не хватало папируса (τὰς βίβλους). Это свидѣтельство, подкрѣпляемое и нѣкоторыми мѣстами, напр. *Діонисія Галикарнасскаго*, совершенно уничтожаетъ всякую цѣнность записаннаго *Плиніемъ* извѣстія писателя *Варрона*, разъ уже, какъ мы видѣли, напутавшаго съ исторіей папируса. У Плинія читаемъ: (Plinius, Nat. Hist. XIII, XI, 21): «Mox aemulatione circa bibliothecas regum Ptolemaei et Eumenis, supprimente chartas Ptolemaeo *idem Varro membranas Pergami tradit repertas*». Такимъ образомъ по Варрону и пергаменъ изобрѣтенъ во 2-мъ столѣтіи (197—158 г.) до Р. Хр. Впрочемъ изъ этого извѣстія одно заключеніе должно быть извлечено—это то, что Греки и Латиняне получили пергаменъ и ознакомились съ его приготовленіемъ чрезъ Пергамъ.

Приготовленіе пергамена не было вездѣ одинаковымъ и допускало большое разнообразіе въ качествѣ и внѣшнемъ видѣ. Мало того, для пергамена въ разныхъ странахъ употреблялись кожи различныхъ животныхъ. На сѣверѣ Франціи, Англіи и въ Германіи пергаменъ выдѣлывался то изъ шкуръ телятъ (vitulinum, vellum, отсюда vélin = веленевый), то изъ шкуръ бара-

новъ. Бараньи кожи преобладали на югѣ Франціи и въ южной Европѣ вообще, не рѣдко замѣняясь, впрочемъ, козлиными шкурками. Въ Россіи рядомъ съ иноземной «хàратьей» упоминается родная «телятина».

На наружномъ видѣ пергамена нельзя основываться для опредѣленія времени и мѣста его выдѣлки Хорошее и дурное приготовленіе существовало одновременно; мало того, въ приготовленіи пергамена замѣчается регрессъ къ концу среднихъ вѣковъ, и листы прозрачные отъ неуничтоженнаго въ кожѣ жира почти исключительно относятся ко времени позднему. Однако цвѣтъ пергамена можетъ дать и хронологическія указанія (напримѣръ сѣроватость поздняго пергамена). Секреты приготовленія пергамена встрѣчаются въ рукописяхъ очень рано,—одинъ занесенъ даже въ рукопись VIII стол. см. Muratori, Antiquitates, II, 370: «pargamina quomodo fiere debet». При многихъ средневѣковыхъ монастыряхъ находились особые ремесленники—*пергаменаріи*, которые работали пергаменъ. Въ абатствѣ Корбэ одинъ «pargaminarius» упоминается уже въ 9 в., именно въ 822 г. (Wattenbach, p. 103). Въ XII ст. выдѣлкой пергамена особенно прославилось аббатство *Клюньи* съ его «parcheminiers». И въ германскихъ странахъ упоминанія ремесленниковъ «pergamenter, parmenter» не составляетъ рѣдкости.

Въ Россіи и славянскихъ земляхъ употреблялся исключительно бѣлый пергаменъ разной степени совершенства приготовленія, въ Западной Европѣ встрѣчаются примѣры употребленія цвѣтныхъ пергаменовъ почти исключительно для рукописей. Такой примѣръ, какъ charta dotalicia принцессы Византійской Теофано, составленная при выходѣ ея замужъ за Оттона II въ 971 г. и писанная на пурпурномъ пергаменѣ, является почти единственнымъ. Но мода на пурпурный пергаменъ имѣетъ начало еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства и самымъ поразительнымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи является Стокгольмскій Codex argenteus, содержащій библейскія книги въ переводѣ Ульфилы. Рукопись феноменальной роскоши писанная золотомъ и серебромъ на пурпурѣ. Изъ пурпурныхъ рукописей славится еще Туринская псалтирь VII вѣка. Въ Имп. Публ. Библ. въ 1896 г. поступило подобное же греческое евангеліе. Недавно найдены отрывки замѣчательнаго такъ называемаго Синопскаго Евангелія. Какъ рѣдкое исключеніе можно указать на рукописи на голубомъ пергаменѣ, напр. заглавные листы одной рукописи въ Бамбергѣ, и литургія Іоанна Златоуста въ Ватиканѣ. Также

рѣдокъ и черный пергаменъ. Молитвословъ герцога Галлеаццо Маріи Сфорца писанъ на такомъ черномъ пергаменѣ золотомъ и серебромъ.

Размѣры рукописей и актовъ на пергаменѣ чрезвычайно разнообразны,—нотныя рукописи на Западѣ встрѣчаются иногда съ квадратный аршинъ величиной, и рядомъ съ этимъ мы находимъ молитвенники, напоминающіе современный форматъ въ 32 долю листа. Точно также и акты. Мы указывали уже итальяскую хартію въ 116×95 сант. Во Франціи «La charte de coutumes de Condom» отъ 1314 г. представляетъ листъ въ 75×95 сант. выдѣланнаго пергамена. Съ другой стороны акты въ 3—4 сант. на 8—9 сант. встрѣчаются болѣе чѣмъ часто. Вообще относительно форматовъ пергамена мы должны замѣтить, что наименованія — листъ, поллистъ, четверть—являются фиктивными и дѣлаются лишь по сравненію съ бумажными форматами. Необходимо впрочемъ прибавить, что, какъ кажется, форматъ бумажнаго древнѣйшаго листа примѣненъ былъ къ наиболѣе обычному формату пергаменныхъ рукописей. Въ XIV еще ст. выработались два формата бумаги—простой листъ и двойной. Слѣдовательно, размѣръ перваго листа не зависѣлъ отъ техническихъ условій, разъ размѣръ бумажной формы могъ быть увеличенъ въ двойнѣ.

Подлинные документы на пергаменѣ значительно новѣе рукописей; древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ VII ст. Во Франціи сохраняется до 20-ти памятниковъ этого рода; старѣйшими указываютъ «данную» въ монастырь Bruyère le Chateau отъ 10 Марта 670—671 г. и дипломъ меровинга короля Тьерри III отъ 12 Сентября 677—678 г. Грамоты Англійскія, Германскія и Итальянскія, долгое время считавшіяся подлинниками VII в., въ послѣдніе годы начали вызывать сомнѣнія и опредѣляются какъ копіи послѣдующихъ двухъ трехъ вѣковъ. Что и въ Англіи и Италіи, напримѣръ, документы на пергаменѣ существовали и до VII в., въ этомъ нѣтъ сомнѣній, но они всѣ утрачены. Эдиктъ короля Ротариса самъ именуетъ себя: «hoc membranum» и въ главѣ 243 говоритъ «si quis cartolam falsam scripserit aut quodlivet membranum». Однако древнѣйшимъ изъ сохранившихся оказывается дипломъ Астульфа не ранѣе какъ отъ 755 г.; изъ частныхъ актовъ Италіи древнѣйшій относится къ 716 году.

Большой интересъ представляютъ пергаменные rotuli, родоначальники нашихъ столбцовъ. Такіе столбцы сшивались изъ

нѣсколькихъ листовъ пергамена и представляютъ широкія полосы въ нѣсколько метровъ длины. Особенной извѣстностью пользуется на Западѣ rotulus, содержащій подлинный протоколъ дѣла Тампліеровъ, отъ ноября 1307 года; онъ состоитъ изъ 45 кожъ, длиною въ 22 метра и 20 сантиметровъ,

Въ Греческой церкви были въ употребленіи пергаменные свитки литургическаго содержанія; въ Россіи долгое время синодики писались въ формѣ свитковъ, изъ которыхъ нѣкоторые сравнительно очень недавняго времени.

Весьма важнымъ отдѣломъ пергаменовъ являются т. н. палимпсесты (*παλιμψήστος* отъ *πάλιν* и *ψάω* = подскобленный). Это листы пергамена со смытымъ и счищеннымъ древнимъ текстомъ, на которомъ написанъ новый текстъ. Естественная дороговизна пергамена, рано вызвала обычай утилизаціи старинныхъ пергаменныхъ рукописей. По мѣрѣ надобности пергаменная рукопись мылась, скоблилась, очищалась и на приготовленныхъ такимъ образомъ листахъ появлялся «codex rescriptus».

Искусство людей, «qui optime sciebant *radere* chartas», цѣнилось высоко. Одинъ благочестивый аббатъ XIII в. очень заботился, чтобы мастеръ выучилъ этому дѣлу учениковъ, — «qui velint addiscere radere chartas, quia post mortem meam isti monasterio utiles esse poterunt» (Fra Salimbene, p. 235 подъ 1235 годомъ. Wattenbach, 172 стр.). Отцы Трульскаго собора запретили смывать священное писаніе съ древнихъ рукописей, но, кажется, не этого слѣдовало опасаться. Наоборотъ, громадное количество рукописей, содержащихъ произведенія классическихъ писателей, было покрыто текстомъ богословскаго и литургическаго содержанія. Только въ новое время началось чтеніе палимпсестовъ при помощи химическихъ составовъ, иногда къ сожалѣнію портящихъ самую рукопись. Кардиналъ Май отыскалъ нѣсколько книгъ Ciceronis de republica; Нибуръ такимъ же образомъ открылъ Институціи Гайя; отрывки Виргилія, Овидія, Теренція скрывались подъ священнымъ писаніемъ въ монастыряхъ.

Чтеніе палимпсестовъ всегда было сопряжено съ большими затрудненіями, есть надежда что на помощь ученымъ придетъ фотографія съ ея усовершенствованными способами воспроизведенія цвѣтовыхъ оттѣнковъ не замѣчаемыхъ глазомъ.

Значеніе пергамена въ Россіи видно изъ того, что до половины XIV ст. онъ былъ единственнымъ, а до XV ст. пре-

обладающимъ матеріаломъ какъ для рукописей, такъ и для грамотъ.

Изъ рукописей сохранилось нѣсколько относящихся къ XI ст., начиная съ Евангелія Остромира (Изборники, Минеи, Архангельское Евангеліе и т. д.).

Грамоты XI ст. не дошли до насъ ни въ одномъ образщикѣ — и вообще акты до XIV в. наперечетъ всего нѣсколько единицъ; грамоты XIV столѣтія представляютъ большую рѣдкость и должны быть изучаемы почти каждая отдѣльно, и только съ XV стол. число памятниковъ документальнаго характера растетъ съ поразительной быстротой. Въ виду рѣдкости и малаго количества пергаменныхъ подлинниковъ — актовъ до Петровской Руси необходимо тщательное изученіе ихъ не только по отдѣламъ, но и каждаго въ частности.

Отмѣтимъ нѣсколько изъ числа важнѣйшихъ изъ такихъ актовъ Старѣйшая грамота — это *Грамота в. к. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г.*: подлинникъ хранится въ Юрьевскомъ монастырѣ. Списокъ съ подлинника съ объясненіями изданъ въ Трудахъ общ. ист. и древностей, III, стр. 3—64, въ Извѣстіяхъ VIII, стр. 339, и въ Древн. памятн. Рус. письма и языка съ тщательнымъ снимкомъ.

Эта грамота написана не ранѣе 1128 г., потому что только съ этого года игуменомъ въ Юрьевомъ монастырѣ сдѣлался Исаія, упоминаемый въ грамотѣ, и не позже 1132 г., когда князь Мстиславъ скончался. Изъ того же, что грамота дана отъ имени двухъ князей,—отца Мстислава и сына—Всеволода, можно заключить, что дана она тогда, когда оба князя были вмѣстѣ: это было въ 1130 г., когда Всеволодъ былъ у отца своего въ Кіевѣ. Грамотою утверждены за монастыремъ имѣнія и доходы и пожаловано серебряное трапезное блюдо.

Вкладная грамота преп. Варлаама Хутынскому монастырю, послѣ 1192 г.

Подлинникъ хранится въ Хутынскомъ монастырѣ (издана въ Дополн. къ актамъ ист., т. I, № 5; но не вполнѣ точно. По подлиннику съ приложеніемъ снимка издана въ Древн. пам. Рус. письма и языка). Время написанія этой грамоты опредѣляется сказаніемъ Новгородской лѣтописи (I-й) подъ 6700 годомъ:

«Въ то же лѣто постави цьрковь въ низꙋ на Хꙋтинѣ Варлаамъ цьрнець. а мирьскымъ именьмь Алекса Михалевиць

во имя св. Спаса преображенья. и святи ю архепископъ Гаврила на праздьникъ и нарече манастырь».

Договорная Смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ (*послѣ 1230 г.*): подлинникъ хранится въ Рижскомъ архивѣ. Эта договорная служитъ возобновленіемъ договора 1229 г., опредѣляетъ условія взаимныхъ правъ и обязанностей Русскихъ и Нѣмцевъ и очень важна, какъ памятникъ древняго русскаго права. Имя князя въ грамотѣ не обозначено; о лицѣ его и времени написанія можно догадываться только по нѣкоторымъ мѣстамъ текста.

Неизвѣстный князь, возобновившій договоръ 1229 года, какъ видно изъ грамоты, называетъ себя братомъ Мстислава Давидовича, будучи таковымъ или по родству, или, во всякомъ случаѣ, по правамъ,—это заявленіе можетъ быть и необходимо было при статьѣ, измѣненной противъ договора 1229 года. Вся грамота издана въ Древн. пам. Рус. письма и языка (стр. 223—225) и А. А. Куникомъ въ Русско-Ливонск. акт., (стр. 448—453).

Договорная грамота отъ лица князя Александра Ярославича и сына его Димитрія (*1262—1263*), заключающая въ себѣ условія возстановленія мира Новгорода съ Нѣмцами: хранится въ Рижскомъ архивѣ. Издана академикомъ А. А. Куникомъ въ Грамотахъ, касающихся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейск. гор. (1857), № 1; въ Извѣстіяхъ, VI, стр. 166—171, и въ Русско-Ливонскихъ актахъ стр. 8—9.

Миръ заключенъ и грамота написана вслѣдствіе войны и битвы подъ Юрьевомъ около 1262 года. Грамота могла быть написана и въ 1262 г. и въ 1263 г., не позже 1263 г., потому что въ 1264 г. Новгородцы изгнали Дмитрія Александровича. Самъ Александръ лично могъ и не принимать участія при написаніи грамоты, а потому-то рядомъ съ его именемъ и поставлено имя его сына Димитрія, подъ главнымъ предводительствомъ котораго былъ совершенъ самый походъ на Юрьевъ.

Духовное завѣщаніе: «*рукописанье*» *Новгородца Климента* (*1270 г.*) о вкладахъ въ Юрьевъ монастырь и о надѣлѣ жены: сохранилось въ подлинникѣ, съ котораго литографическимъ снимкомъ издано И. П. Сахаровымъ. О времени написанія грамоты этой есть указаніе въ ней самой:

> Се азъ рабъ бж҃ии Климѧтъ даю стмоу Гергью и игоумену Варламу и всеи братьѣ... а свою женоу приказываю игоуменоу Варламо... а ты Варламе исправи.

Юрьевскій игуменъ Варлаамъ, архимандритъ Новгородскій, скончался въ 6778 (1270) году.

Грамота Смоленскаго князя Θедора Ростиславича къ Рижанамъ (1248 г.): хранится въ Рижскомъ архивѣ (издана въ Собр. Госуд. Грам., II, стр. 6, и въ Liv. Utkundenbuch д-ра Бунге, I, стр 605).

О времени написанія ея сказано въ ней такъ: Си же грамота псана бысть. ищьло было ѿ ржтва Гн҃я до сего лѣта. ҂а҃ лѣтъ и двѣстѣ лѣтъ. и ѡсмьдесятъ летъ. и три лета. въ четвертое лѣто. на възнесенье Гдне... А Федорко. писець княжь Федоровъ псалъ.

Она слѣдовательно написана 18 Мая 1284 г. Все ея содержаніе выражено въ слѣдующихъ словахъ: «Што боудетъ намъ речь съ пискоупомь или съ мастеромь то вѣдаемь ся мы сами. а вашомоу гостеви сѣмо боуди поуть чистъ. а нашому гостеви боуди къ вамъ поутъ чистъ. а роубѣжа не дѣıати» Эта грамота издана въ Др пам. Рус. письма и языка.

Грамота Рижанъ къ Витебскому кн. Михаилу Константиновичу объ обидахъ (1300 г.). Издана въ Древн. пам. Рус. письма и языка.

Изъ духовныхъ и договорныхъ грамотъ Московскихъ князей укажемъ на слѣдующія:

Душевная грамота (духовное завѣщаніе) Московскаго князя Ивана Даниловича (1327-28 г.): подлинникъ сохраняется въ Госуд. архивѣ (изд. въ Собр. Госуд. грам., I, № 21). Въ ней распредѣлено недвижимое имѣнье и доходы сыновьямъ—Семену, Ивану, Андрею и княгинѣ (Еленѣ), а движимое сыновьямъ и дочерямъ, и старшій сынъ Семенъ назначенъ начальникомъ молодшей братьи и княгини. Время ея написанія опредѣляется слѣдующими обстоятельствами: князь Иванъ писалъ ее «идя въ Орду», на случай «аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ»; — сыновей означено три: младшій изъ нихъ Андрей родился въ іюлѣ 1327; о княгинѣ Еленѣ говорится какъ о живой, а она скончалась въ мартѣ 1332 г. Съ 1327 по 1332 г. князь Иванъ ходилъ въ Орду три раза: разъ въ 1327 г. осенью, другой разъ въ 1328 г., третій разъ въ 1331 г. Такъ какъ есть и еще одна грамота (душевная) кн. Ивана Даниловича, повторяющая тоже, только съ нѣкоторыми прибавленіями, и такъ какъ ее можно отнести, по всей вѣроятности, къ 1331 г., то эта первая писана въ 1327 или 1328 году.

Душевная грамота в. к. Ивана Ивановича (1359 г.): сохра-

няется въ подлинникѣ въ двухъ экземплярахъ въ Госуд. архивѣ (изд. въ Собр. Госуд. грам., I, №№ 25, 26). Она писана не ранѣе 1356 г., когда поставленъ епископомъ Ростовскимъ Игнатій, записанный послухомъ. Въ 1357 г. в. к. Иванъ Ивановичъ долженъ былъ итти въ Орду къ новому царю Бердибеку, и это, вѣроятно, было поводомъ написанія грамоты. Другой противень могъ быть изготовленъ предъ кончиною в. кн Ивана Ивановича, до 13 ноября 1359 года.

Душевная грамота в. к Дмитрія Ивановича (1378): хранится въ Госуд архивѣ (издана въ Собр. Госуд грам., I, № 30) Въ грамотѣ упомянутъ сынъ Дмитрія Василій и «дѣти», —и вмѣстѣ Алексѣй митроп. († 1378 г)

Душевная грамота в. к. Дмитрія Ивановича (1389 г) съ назначеніемъ частей движимаго и недвижимаго имѣнія сыновьямъ Василію, Юрію, Андрею, Петру и Ивану и княгинѣ своей Евдокіи: хранится въ Госуд. архивѣ (изд. въ Собр. Госуд. грам., I, № 34 со снимкомъ, Истор Госуд Рос V, пр. 116). Она писана (на длинномъ свиткѣ) до 16 мая 1389 г., потому что о родившемся въ этотъ день сынѣ Константинѣ еще нѣтъ помина, сказано только: «а дастъ ми Богъ сына и княгини моя подѣлитъ его. возмя по части у болшиѣ его братьи». Припоминанія о раздѣлѣ волостей в. к. Дмитрія Ивановича находятся въ Сказаніи о житіи и преставленіи его.

Договорная грамота в. к. Дмитрія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ (1362 г.) о дружбѣ и союзѣ: хранится въ Госуд. Архивѣ (изд въ Собр. Госуд. грам., I, № 27) Все содержаніе грамоты показываетъ, что она составлена непосредственно послѣ того, какъ Дмитрій Ивановичъ утвержденъ великимъ княземъ въ 1362 г. Ему былъ тогда 12-й годъ, а брату его Владиміру Андреевичу только 9 лѣтъ.

Договорная грамота о перемиріи между в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ вмѣстѣ съ кн. Володимеромъ Андреевичемъ и Литовскими князьями Ольгердомъ и Кестутіемъ вмѣстѣ съ Смоленскимъ кн. Святославомъ (1372 г): хранится въ Госуд. архивѣ (изд. въ Собр. Госуд грам, I, № 31). Она писана вслѣдствіе нашествія Ольгерда въ 1372 году.

Единственнымъ въ своемъ родѣ образцомъ является *Жалованная грамота Рязанскаго кн. Олега Ивановича Рязанскому Ольгову Богородицкому монастырю* (послѣ 1356 г.): хранится въ Моск. Госуд. архивѣ, издана: въ Истор. актахъ, I, № 2, въ

Сборникѣ Муханова, № 116; въ Древн. пам. Рус. письма и языка и отдѣльно въ полномъ снимкѣ П. И. Ивановымъ.

Въ верху грамоты написаны лики Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Крестителя, архангеловъ Гавріила и Михаила, апостола Іакова и изображеніе игумена Арсенія съ надписью: а се грѣшнъій чернецъ Арьсении. Упоминаемый въ документѣ епископъ Василій сдѣланъ епископомъ Рязанскимъ въ 1356 году.

Двинскія грамоты заключаютъ въ себѣ частные акты и представляютъ большой интересъ для изученія жизни сѣверной Руси. Между прочимъ изъ этихъ грамотъ изданы въ актахъ Юридическихъ—Духовныя Новгородцевъ и Двинянъ № 409 (стр. 143). Нѣсколько двинскихъ грамотъ находится въ Академіи Наукъ, а также въ Румянцевскомъ музеѣ,—послѣдній хранитъ двинскія грамоты, принадлежавшія Муханову (исхищено изъ Архива Мин. Юстиціи).

Въ Московскомъ Кремлѣ, противъ Константино-Еленинской церкви подъ горою, при рытіи ледниковъ въ 1841 г. найденъ въ землѣ мѣдный, наполненный водою сосудъ съ пергаменными и бумажными свертками, и двумя кусками желѣзной руды, и глиняная фляга, въ которой оказалось небольшое количество ртути. Свертки, находясь подъ землею въ наполненномъ водою сосудѣ, болѣе или менѣе повредились, такъ что на нѣкоторыхъ письменъ вовсе не примѣтно. Частные акты, находящіеся среди найденныхъ документовъ, представляютъ большой интересъ (особыя формы грамотъ, нѣкоторыя—уники). Изъ пергаменныхъ актовъ особаго вниманія заслуживаетъ пергаменный свертокъ длины $6^1/_2$, ширины 5 дюймовъ,

писанный крупнымъ полууставомъ, — это жалованная грамота данная одному изъ новгородцевъ: се азъ князь великій Дмитрій Ивановичъ по дѣда своего князя великаго грамотѣ по Ивановѣ пожаловалъ есмь»... и пергаменный свертокъ длиною $5^3/_4$, шириною $^1/_2$ дюйма, писанный полууставомъ,—это описаніе примѣтъ портного, можетъ быть укрывавшагося отъ суда, бѣглаго или продавшаго себя въ кабалу:

«Никита. плѣшивъ. бородатъ. швецъ. портной, бородавица на правомъ лици. пятно у него вкосици» (см. клише на стр. 144).

Въ XV и XVI столѣтіяхъ, нѣкоторыя грамоты писались на пергаменѣ ради увѣковѣченія въ видѣ исключенія и по особенному желанію получавшихъ актъ. Такого рода мы имѣемъ нѣсколько грамотъ жалованныхъ и двѣ-три вкладныхъ.

Въ Московскомъ Арх. Мин. Юстиціи хранится грамота данная монастырю патріархомъ Адріаномъ—напечатанная на пергаменѣ. Фактъ не только исключительный, но можно сказать единственный.

Бумага.

Время изобрѣтенія бумаги, какъ и большей части подобныхъ изобрѣтеній, точно неизвѣстно. Въ Китаѣ еще вѣка за два до Р. Хр. производили бумагу изъ шелка и бамбуковыхъ волоконъ, но эта бумага по составу и способу выдѣлки рѣзко отличается отъ той изъ пеньки и льна, которая стала общеевропейской и о которой намъ приходится говорить. Настоящей родиной тряпичной бумаги является Туркестанъ, откуда она распространилась по Сиріи, Египту, Персіи и перешла въ Европу.

Русскій языкъ не обладаетъ спеціальнымъ терминомъ для обозначенія знака, видимаго въ бумагѣ, обращенной на свѣтъ. Поэтому мнѣ кажется, что за неимѣніемъ соотвѣтствующаго слова рядомъ съ выраженіемъ: «бумажный водяной знакъ» слѣдуетъ пользоваться и техническимъ терминомъ французской и италіанской литературы—*филиграпь*. Самое слово *бумага* несомнѣнно заимствованное, но откуда—вопросъ далеко еще не рѣшенный. Это слово извѣстно не только въ старомъ русскомъ яз., но встрѣчается, напр., и въ южно-слав. переводѣ хроники Георгія Амартола, въ рукописи XIV в. Извѣстный оріенталистъ О. И. Сенковскій создалъ теорію о происхожденіи слово «бумага»

изъ восточныхъ нарѣчій отъ названія хлопчатника—*пумбугъ* или *бумугъ*. Однако подъ словами памук, памбук (вышеуказанныя же формы остаются на отвѣтственности О. И. Сенковскаго) у восточныхъ народовъ извѣстенъ только *хлопокъ*, а отнюдь не писчая бумага, которая по арабски *кыртасъ* (очевидное заимствованіе отъ грековъ ὁ χάρτης), по персидски и по турецки *кигязъ* и *кягизь*: по сартски *кагазъ* [1]). Какимъ же образомъ Востокъ могъ передать Руси терминъ, котораго самъ не употреблялъ!

Гораздо вѣроятнѣе западное вліяніе. На западѣ подъ названіемъ charta bombycina разумѣли именно бумагу. При существованіи такихъ параллельныхъ формъ этого термина, какъ латинское—bambacco весьма соблазнительно выводить нашу *бумагу* изъ Италіи, тѣмъ болѣе когда мы знаемъ, что именно Италія въ XIV стол. была поставщицей бумаги для всей Европы и даже въ Египтѣ восточный писатель *Сахави* (Sakhavi) написалъ на французской бумагѣ сочиненіе свое «Histoire des Kadis d'Egypte». До послѣдняго времени извѣстныя выраженія—ὁ χάρτης βομβάκινος, charta bombycina, carta di bombace—сближались и производились отъ названія хлопчатника—ὁ βόμβυξ. Такое мнѣніе носило характеръ несомнѣнности, пока хлопокъ считался первоначальнымъ матеріаломъ бумажнаго производства. Если же мы согласно съ новыми изслѣдованіями отвергнемъ самое существованіе писчей бумаги изъ хлопка, естественно зарождается сомнѣніе въ подобномъ сближеніи, естественно является мысль—не простое ли это созвучіе. Такъ именно и смотритъ на дѣло новѣйшій изслѣдователь *Карабачекъ*, который думаетъ, что терминъ *charta bombycina* образовался совершенно такъ же, какъ терминъ *charta damascena*—изъ названія города въ сѣверной Сиріи *Bambyce*, Βαμβύκη по арабски *Mambidsch*. Принять эту ученую гипотезу намъ мѣшаетъ только то обстоятельство, что въ извѣстіяхъ восточныхъ писателей городъ *Mambidsch* отнюдь не является ни очагомъ бумажнаго производства, ни центромъ торговли бумагою.

Какъ бы то ни было, откуда бы бумага не явилась, но появленіе ея произвело цѣлый переворотъ въ исторіи письменности.

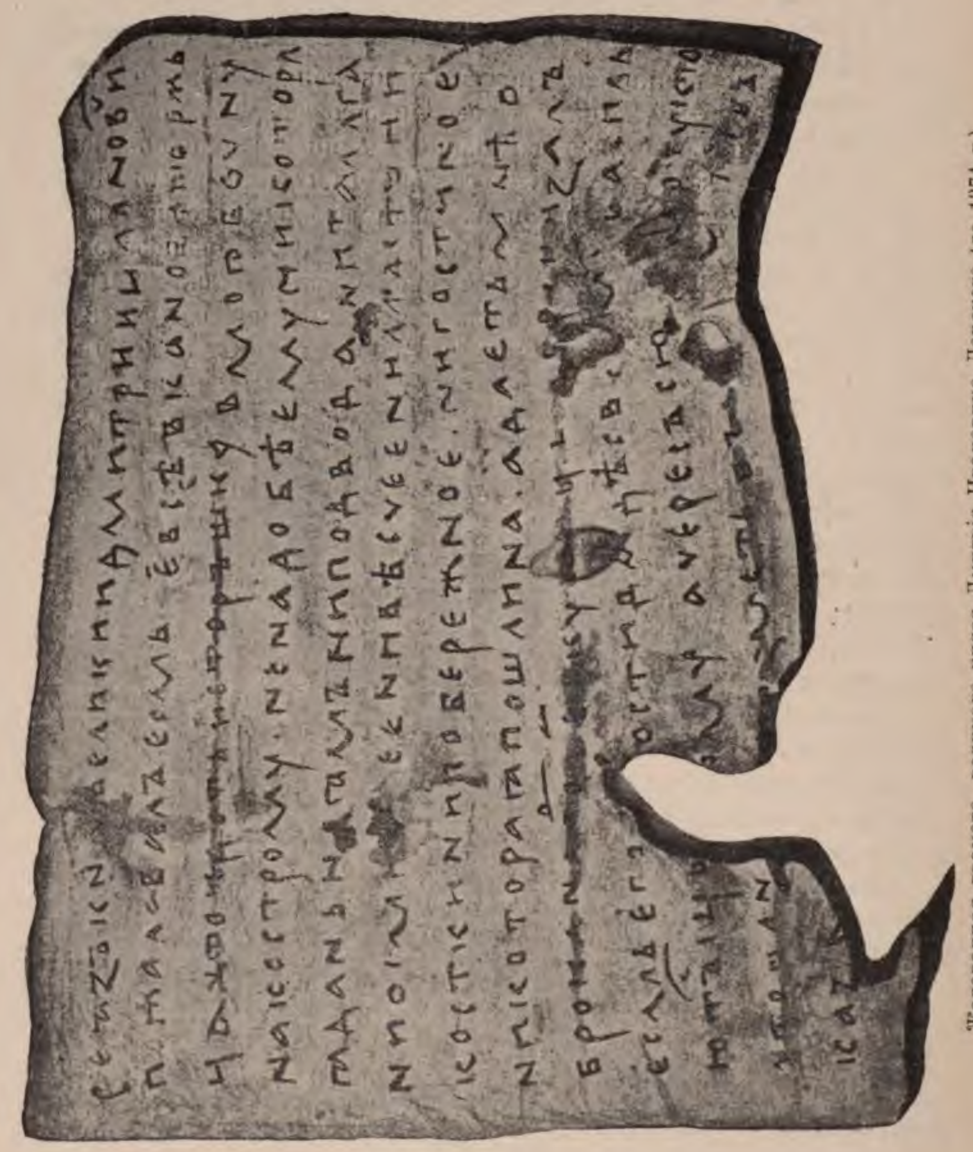
Необыкновенно важное значеніе бумаги сознавалъ Парижскій Университетъ, когда подалъ протестъ [2]) по поводу lettres

---

[1]) См. словарь Наливкина.

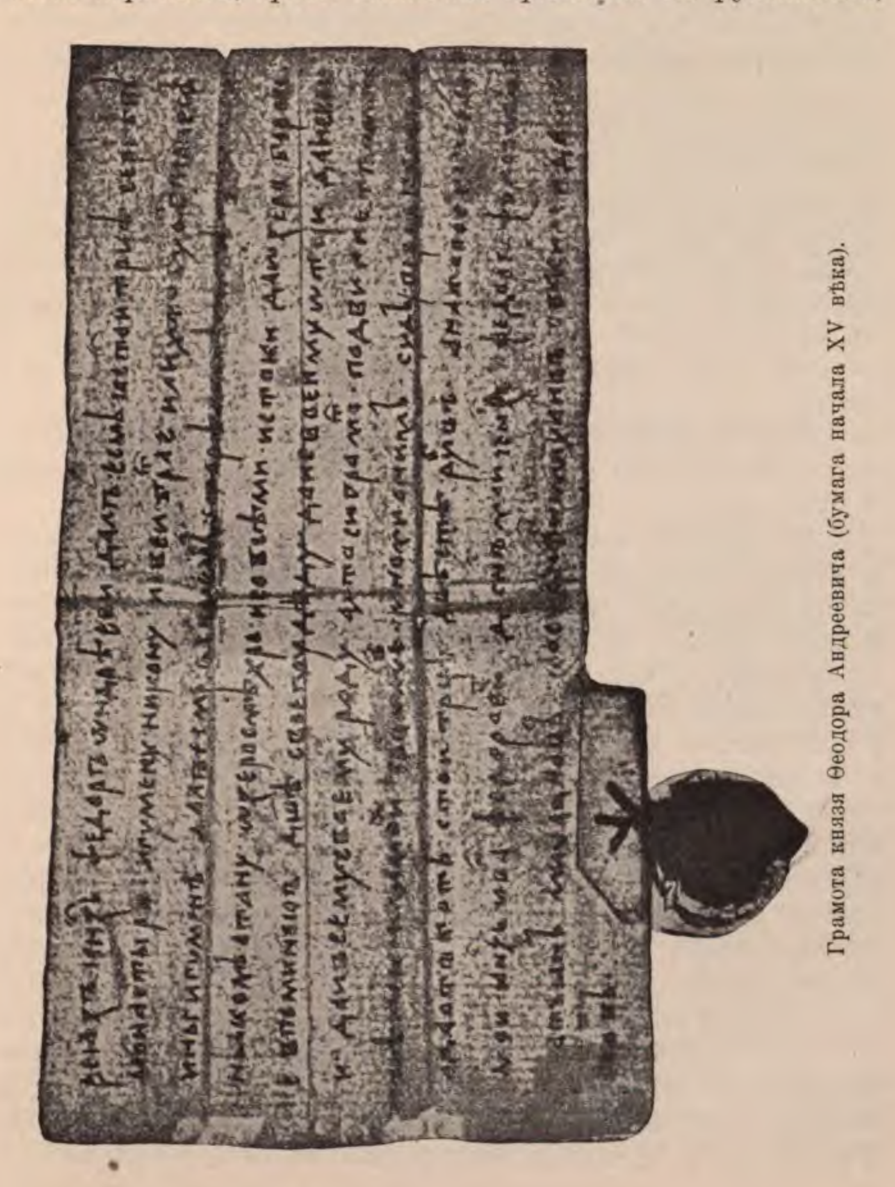
[2]) A. Lacroix: „Historique de la Papeterie d'Angoulême" (Paris. 1863 г. 8°) стр. 3—4.

patentes, выданныхъ королемъ Карломъ IX въ 1564 г. и облагающихъ налогомъ писче-бумажное производство. Сорбонна доказывала, что поддерживать подобный налогъ значитъ ставить препятствія развитію народнаго образованія, и выиграла дѣло. Королевскимъ повелѣніемъ отъ 14 августа 1565 г. бумажнымъ фабрикантамъ были возвращены старинныя права безпошлиннаго производства.



Жалованная грамота великаго князя Дмитрія Ивановича Донского (до 1374 г.)

Дешевая, быстро приготовляемая бумага должна была вытѣснить и дѣйствительно вытѣснила прочіе писчіе матеріалы. Ни папирусъ съ его кропотливымъ приготовленіемъ, ни пергаменъ съ его дороговизной, когда для одной и не очень большаго размѣра рукописи требовалось цѣлое стадо, не могли выдержать конкурренціи съ нею. Какъ цѣнился у насъ въ Россіи пергаменъ, кромѣ немногихъ приписокъ къ рукописямъ,



Грамота князя Θеодора Андреевича (бумага начала XV вѣка).

видно, напримѣръ, по тѣмъ лоскуткамъ и полоскамъ его, которые найдены были въ 1841 году въ Кремлѣ и описаны Бередниковымъ. Эти обрѣзки составляютъ, между тѣмъ, юридическіе акты эпохи великаго князя Дмитрія Донского, а нѣкоторые, по всей вѣроятности, относятся и еще къ болѣе раннему времени. При недостаткѣ бумаги прибѣгали къ такимъ ломкимъ и неудобнымъ матеріаламъ, какъ береста «...Толику же нищету и нестяжаніе имѣяху», говоритъ преп. Іосифъ Волоколамскій въ сказаніи своемъ о святыхъ отцахъ, «яко во обители блаженнаго Сергія и самыя книги *не на хартіяхъ писаху*, но на берестѣхъ...» И въ старинной описи Сергіева монастыря, составленной въ 1642-хъ г., дѣйствительно означены: «.. свертки на деревцѣ, чюдотворца Сергія...» По окраинамъ Россіи, напримѣръ, въ Камчаткѣ, бересту употребляли еще иногда въ XVIII ст., и подобные документы можно видѣть въ Москвѣ въ Древлехранилищѣ и въ Петербургѣ въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Въ Кіевскомъ музеѣ хранится берестяная книжка XIX столѣтія, но едва ли не изготовленная спеціально для любителей рѣдкостей.

Приготовленіе бумаги пережило нѣсколько періодовъ, изъ коихъ важнѣйшими являются два—такъ сказать—бомбицинный и бумажный.

Сначала бумага выходила изъ рукъ мастера толстымъ, рыхлымъ слоемъ съ мохнатой волокнистой поверхностью, слѣды чего сохранялись на каждомъ листѣ, не смотря на проклейку и сатинированіе. Эта то бумага и получила названіе бомбицины въ убѣжденіи, что она въ противоположность другой бумагѣ выдѣлывалась изъ хлопка, а не изъ тряпокъ. Въ XVII стол. въ Италіи мало-по-малу рядомъ съ указанной бумагой возникаютъ усовершенствованные сорта ея. Измельченная и хорошо промытая масса ровно растекается по продольнымъ и поперечнымъ нитямъ формы, такъ называемымъ vergeures и pontuseaux, и обращенная въ листъ бумаги, даетъ на свѣтъ изображеніе прозрачной сѣти перекрещивающихся линій. Такая бумага въ отличіе отъ первой получила названіе тряпичной и въ *палеографіи просто—бумаги*.

Дѣленіе на бомбицину и бумагу прочно установилось еще со временъ Мабильона и Монфокона и до послѣдняго времени признавалось безусловно всѣми. Только въ 1884—89 гг. труды Briquet, Karabacek'a и Wiesner'a въ достаточной мѣрѣ опровергли его и заставили большинство ученыхъ отказаться отъ

бомбицины, какъ отъ бумаги, отличной не только по виду, но и по составу.

Мы не найдемъ среди русскихъ документовъ, писанныхъ на той бумагѣ, которую можно продолжать именовать бомбициной, но древнѣйшіе сорта бумаги представлены и у насъ въ актахъ XIV столѣтія. Какъ извѣстно древнѣйшимъ актомъ на бумагѣ считается договорная грамота великаго князя Семена Ивановича съ братьями Иваномъ и Андреемъ (хранится въ подлинникѣ въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ), относящаяся къ 1340 году.

На древнѣйшей бумагѣ писана и жалованная грамота великаго князя Дмитрія Донского, снимокъ съ которой прилагаемъ:

Въ грамотахъ начала XV столѣтія даже въ фотографическихъ снимкахъ обыкновенно замѣтны vergeures древней бумаги. (См. напримѣръ прилагаемый снимокъ стр. 181).

Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ.

Обиліе недатированныхъ памятниковъ письменности выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о возможно точномъ хронологическомъ ихъ опредѣленіи. Только этимъ путемъ выясняется, напримѣръ, правильное дѣленіе на редакціи. Путемъ сравненія разновременныхъ рукописей отмѣчаются вставки, приписки, передѣлки основного текста и даже простыя искаженія переписчиковъ. Крайне важно опредѣленіе времени, когда записаны тѣ или другія идеи, воззрѣнія, юридическія формы, часто даже отдѣльныя слова. Критика текста есть основа той части науки, которая называется источниковѣдѣніемъ и постепенно завоевываетъ все болѣе и болѣе почетное положеніе. Блестящіе общіе выводы, основанные на цѣпи плохо провѣренныхъ фактовъ, иногда разлетаются въ прахъ, какъ только критическое детальное изслѣдованіе выбиваетъ хотя бы одно звено изъ этой цѣпи. Создаются теоріи о времени возникновенія государственныхъ учрежденій, юридическихъ институтовъ или, напримѣръ, разнообразныхъ легендъ, сочиненныхъ въ объясненіе существующихъ фактовъ или воззрѣній, и нерѣдко опровергаются нѣсколькими строками, найденными въ памятникѣ болѣе древняго времени.

Хронологическими опредѣленіями письменныхъ памятниковъ давно уже занимается палеографія, основывающая свои выводы, главнымъ образомъ, на характерѣ почерка. Внимательное разсмотрѣніе этихъ выводовъ порождаетъ, однако, нѣкоторое сомнѣніе въ ихъ точности. Индивидуальныя особенности почерковъ одновременныхъ писцовъ настолько замѣтны, настолько разнообразны, что не позволяютъ установить какой-либо точный критерій тамъ, гдѣ не было традицій однообразія, традицій, такъ сказать, моды. Это послѣднее явленіе замѣтно въ Московской оффиціальной каллиграфіи, гдѣ можно подмѣтить постепенныя измѣненія по періодамъ въ 20—30 лѣтъ Но не говоря уже о томъ, что и въ Московскомъ подъяческомъ письмѣ встрѣчаются поразительныя отступленія, рядомъ съ этими подъячими—писцами по спеціальности,—множество свѣтскихъ и духовныхъ лицъ писало, какъ всегда, какъ и насколько кто умѣлъ, при чемъ лица духовнаго званія подъ вліяніемъ постояннаго соприкосновенія съ древними рукописями писали консервативнѣе, чѣмъ свѣтскіе ихъ современники. Это разнообразіе скорописи отмѣчено и признано спеціалистами палеографами. Есть люди, которые свободно и почти безошибочно отличаютъ почерки по полу—и даже четвертямъ столѣтія, но указать, какъ и на основаніи чего они составляютъ свое опредѣленіе, они не смогутъ. Въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ общее впечатлѣніе, глазъ палеографа, опытности котораго другіе могутъ вѣрить или не вѣрить. Для провѣрки палеографическаго произвола тутъ должны быть изысканы иные способы хронологическихъ опредѣленій.

Если скоропись поражаетъ насъ одновременнымъ разнообразіемъ, то полууставъ, напротивъ, можетъ отличаться консерватизмомъ и подражательностью. При списываніи съ древнихъ рукописей старались подражать ихъ письму, копировали древнія начертанія, употребляя рядомъ по привычкѣ формы, усвоенныя изъ позднѣйшаго письма. Но и изъ этой подражательности къ извѣстному возрасту писца вырабатывался индивидуальный характеръ почерка, съ которымъ постоянно приходится считаться. Между двумя рукописями, писанными одновременно старцемъ и юношей, всегда будетъ замѣтна ощутительная разница [1]). А въ древней Руси карьера писца начиналась

[1]) О почеркахъ писцовъ въ молодости и старости, ср. замѣчаніе *A. Giry* въ „Manuel de diplomatique", стр. 517 и 518.

рано и продолжалась всю жизнь. На хранящемся въ Московской Синодальной Библіотекѣ Псалтирѣ, написанномъ въ 1296 году для княгини Марины, писецъ Захарія въ лѣтописи свидѣтельствуетъ, что онъ «...имѣя издѣтьска обычая много написавъ богословія святыхъ книгъ» и «оуже при старости» написалъ этотъ Псалтирь [1])

Иногда рукопись, писанная нѣсколькими писцами, получаетъ видъ сборника и вызываетъ сомнѣніе въ одновременности написанія. Рукописи же, случалось, писались въ цѣлыхъ школахъ и, конечно, для скорости, могли быть писаны не однимъ писцомъ. И. И Срезневскій въ своихъ — «Свѣдѣніяхъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ» описываетъ рукопись, изъ приписи къ которой видно, что написаніе ея поручено было каллиграфу, автору приписки, но писана-то она была не имъ, а какимъ-то «паробкомъ», его ученикомъ.

Вотъ почему наши лучшіе палеографы нерѣдко противорѣчатъ другъ другу, и опредѣленія ихъ страдаютъ неточностью. Такъ грамату дѣльную на сельцо Колесниково двухъ братьевъ князей Андрея и Юрья Өеодоровичей, хранящуюся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи [2]), И. И. Срезневскій относилъ ко времени около 1380 года, а Д. И. Мейчикъ опредѣлилъ, что она не древнѣе послѣдней четверти XV вѣка. Ровно цѣлое столѣтіе разницы! и, надо замѣтить, что мнѣніе малоизвѣстнаго автора юриста гораздо ближе къ истинѣ.

Въ книгѣ моей «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы» (стр. 67) я отмѣтилъ уже подлинную разъѣзжую якобы писанную въ 6903—1395 году—съ этимъ годомъ изданную Н. В. Калачевымъ и описанную И. И. Срезневскимъ въ его «Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка». Палеографическія особенности не подсказали ни тому, ни другому ученому, что писецъ грамоты, дьякъ Рудель, лицо жившее во второй половинѣ XV вѣка, просто описался и пропустилъ при обозначеніи года число десятковъ.

Насколько трудны доселѣ палеографическія опредѣленія, видно, напримѣръ, изъ Отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1883 годъ, въ которомъ описано собраніе рукописей покойнаго преосв. Порфирія *Успенскаго*. Неоднократно найдемъ мы

---

[1]) *И. И. Срезневскій*: „Древніе памятники русскаго языка и письма“ изд. 2, ст. 154—155.

[2]) Грамоты Коллегіи Экономіи, Бѣжецкій уѣздъ, № 1119.

тамъ указанія, что рукопись писана «уставомъ XII—XIII вѣка», или «полууставомъ XIV—XV», «полууставомъ XV—XVI вѣка».

Г. А. Воскресенскій, описывая славянскія рукописи заграничныхъ библіотекъ, отмѣчаетъ, напримѣръ: «Прологъ на толстомъ пергаменѣ въ листъ, 193 лл., полууставомъ XIV—XV в. (Берл. Кор. библ., № 38)» (см. стр. 10), или: «Апостолъ Македонскій или Струмицкій на перг., въ 4-ку, въ одинъ столбецъ, уст. XII—XIII в., 88 лл.» [1]) (стр. 16); «*Часословъ* (отрывокъ), 82 лл., на бумагѣ, въ 4-ку, XV—XVI в.» (стр. 18); «*Апостолъ* (Apostolus Jrigensis), на бумагѣ. въ листъ, 250 лл., XV—XVI в.» (стр. 20); «*Постная тріодь*, на пергаментѣ, въ малый листъ, 72 лл... По языку и почерку рукопись эту можно отнести къ XIII или XIV вѣку» (стр. 44).

Не точнѣе и новѣйшіе палеографы нашихъ Духовныхъ Академій. Такъ проф. *Красносельцевъ*, говоря о славянскихъ рукописяхъ въ патріаршей библіотекѣ въ Іерусалимѣ [2]), описываетъ, напримѣръ: «№ 4. *Минея служебная* за мѣсяцы Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, въ листъ, на пергаментѣ, въ два столбца. Писана уставнымъ письмомъ на 331 л. На об. послѣдняго листа приписка архимандрита Порфирія *Успенскаго* «1860 года Марта 29 дня читалъ эту славяно-сербскую рукопись XIII вѣка архимандритъ Порфирій». Основаній для даты не указано. Кажется, что книга писана позднѣе XIII вѣка— въ концѣ XIV или началѣ XV» (стр. 9) [3]).

Тринадцатый вѣкъ и начало пятнадцатаго — разница во времени очень уже значительная, указывающая на неточность и шаткость палеографическаго опредѣленія.

Этого мало. Греческая палеографія разработана гораздо лучше славянской, насчитываетъ много лѣтъ съ появленія первыхъ трудовъ, ея касающихся, и немало дѣятелей, потрудившихся въ этой отрасли знанія. Однако, въ томъ же Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1883 годъ мы нахо-

---

[1]) Изъ собранія *П. І. Шафарика*, находится въ Пражскомъ Музеѣ.

[2]) *Красносельцевъ* Н. Θ.: „Славянскія рукописи патріаршей библіотеки въ Іерусалимѣ" (Казань, 1888), отд. отт. изъ книжки № 12—журнала „Православный Собесѣдникъ" за 1888 годъ (32 стр.).

[3]) *С. Строевъ* въ „Описаніи памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи" (М. 1841. 8°), на стр. 71 отмѣчаетъ, подъ № 31—„*Житіе* св. Григорія Омиритскаго въ Королев. Берлинской Библіотекѣ, подъ № 2" и указываетъ, что „*Добровскій*, слѣдуя Лакрозу относилъ эту рукопись къ XIV столѣтію, но *по всѣмъ признакамъ* она не древнѣе XVI". Тутъ уже два столѣтія разницы.

димъ указанія на «строчное письмо XI — XII вв.», а Порфиріевскій сборникъ византійскихъ документовъ (И. П. Б., Греч., № CCL) описанъ *В. Г. Васильевскимъ* какъ «рукопись на бомбицинѣ, 150 листовъ въ большую 4-ку, писана довольно мелкимъ строчнымъ (минускульнымъ) письмомъ въ XIII—XIV вв.»

Въ 1886 году знаменитый лейпцигскій профессоръ Викторъ *Гардтхаузенъ*, авторъ пользующагося высокой репутаціей труда «Griechische Palaeographie» (Leipzig, 1879, 8°), издалъ: «Catalogus codicum graecorum Sinaiticorum», въ которомъ между прочимъ, не замѣтивъ, что *Постная тріодь*—рукопись № 741, in 4°, есть только, какъ доказалъ это кіевскій профессоръ *А. Дмитріевскій* [1]) половина рукописи № 742—датированной (эту дату признаетъ и авторъ каталога—1099 годомъ, отнесъ время написанія № 741—къ XIII вѣку! Рукопись № 1040—*Гардтхаузенъ* относитъ къ XIV вѣку, а *Дмитріевскій* путемъ тщательнаго изслѣдованія по внутреннему содержанію пришелъ къ выводу, что она написана въ началѣ второй половины XII столѣтія. *Типиконъ*, рукопись № 1096—*Градтхаузенъ* обозначилъ XIV вѣкомъ, а о. архимандритъ *Антонинъ* отнесъ ее къ XII—XIII вѣку. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ соглашается и *Дмитріевскій*, находя, что «почеркъ рукописи ближе всего напоминаетъ намъ рукописи этого времени—мелкій и нѣсколько косой». Такимъ образомъ, соображая мнѣнія трехъ палеографовъ, мы можемъ въ данномъ случаѣ выбирать любое изъ трехъ столѣтій [2]).

Случались разногласія и еще рѣзче. Такъ преосв. *Савва* знаменитую греческую рукопись, содержащую *Акаѳистъ* Божіей Матерь, съ нѣкоторыми другими въ честь Ея пѣснопѣніями, и украшенную миніатюрами, отнесъ къ X столѣтію [3]), а о. архимандритъ *Владиміръ* въ новомъ описаніи рукописей Синодальной библіотеки опредѣляетъ ее [4]) XIV вѣкомъ!

---

[1]) „Путешествіе по востоку и его научные результаты" (отчетъ о заграничной командировкѣ доцента Кіевской Духовной Академіи Алексѣя *Дмитріевскаго*), стр. 127—129 (Кіевъ, 1890, 8°).

[2]) Ошибки и не малыя, прибавимъ, палеографа *Сакеліона* тотъ же *А. Дмитріевскій* указалъ въ статьѣ въ журналѣ „Библіографическія Записки" за 1892 годъ, № 4—см. стр. 256—257 и прим. къ стр. 258.

[3]) „Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Сvнодальной) Ризницы и Библіотеки" (изд. 3. Москва, 1858. 8°), стр. 41.

[4]) „Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной Библіотеки: часть I—рукописи греческія" (Москва, 1894, 8°), стр. 416, см. № 303. Опредѣленіе о. *Владиміра* надо признать болѣе правильнымъ.

Все это показываетъ, что самое тщательное изученіе почерковъ далеко не всегда даетъ точный критеріумъ, и палеографія нуждается въ вспомогательныхъ средствахъ для хронологическихъ опредѣленій.

Для періода времени, начиная съ XII столѣтія (а можетъ быть и ранѣе), такимъ средствомъ является изученіе матеріала памятниковъ письменности—бумаги и ея водяныхъ знаковъ.

Признавая бомбицину такой же бумагой изъ тряпокъ, пеньки и льна, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить, что образцы этой древней бумаги довольно легко узнаются по внѣшнему виду, безъ особеннаго труда могутъ быть отличаемы отъ дурныхъ сортовъ бумаги позднѣйшаго времени и благодаря этому способны дать намъ цѣнныя хронологическія указанія.

Бумага—бомбицина, распространившаяся сначала въ странахъ Арабскаго владычества, къ началу XII столѣтія появилась и стала входить въ употребленіе въ Византійской имперіи и Италіи.

Сначала бумагѣ пришлось выдержать борьбу съ рутиною въ употребленіи пергамена, который и самъ когда то исключительно по привычкѣ не былъ допускаемъ, напримѣръ, въ папскую канцелярію. Если позволительнымъ казалось вести на бумагѣ черновыя и записныя книги, то для оффиціальныхъ актовъ она признавалась мало приличной, хрупкой, недолговѣчной.

Изданъ былъ даже рядъ запрещеній употреблять бумагу для написанія документовъ. Отъ этого для довольно продолжительнаго времени мы имѣемъ много документальныхъ книгъ на бумагѣ и почти полное отсутствіе отдѣльныхъ подлинныхъ документовъ Въ коллекціи автора находится копія съ грамоты Роберта Анжуйскаго, короля Неаполя, датированной 22 января 1312 года. Списокъ сдѣланъ на четверти листа и носитъ всѣ признаки современности, какъ по почерку, такъ и по бумагѣ, относящейся по строенію къ типу бумаги исхода XIII столѣтія. Если бы не ясное указаніе въ текстѣ на привѣшенную королевскую печать, такую копію возможно было бы считать подлиннымъ королевскимъ распоряженіемъ [1]).

---

[1]) Такъ и думало, кажется, лицо, отъ котораго я получилъ документъ („j'ai l'honneur de Vous adresser une pièce que je crois assez rare. C'est une charte sur papier du commencement du XIV-e siècle, j'en ai vu que de trés rares exemplaires“).

По дипломатическимъ документамъ можно прослѣдить постепенное распространеніе бумаги съ юга на сѣверъ. Въ Италіи для XIII столѣтія документальныя книги на бумагѣ не рѣдкость, для Франціи, Германіи, Англіи—подобныя книги являются исключеніемъ. Письмо отъ конца Сентября мѣсяца 1253 года, написанное Arrigo Accattapane, на небольшомъ кускѣ «carta bambagina» (21×11 сантим.), и изъ Сполето отправленное въ Сіену [1]), и для Италіи исключеніе, которое должно быть отмѣчено. Въ Испаніи въ это время подлинные документы на бумагѣ также не составляютъ еще обычнаго явленія. Грамота болгарская Іоанна II Асѣня (1217—1241), изданная И. И. Срезневскимъ по бумажному оригиналу, представляетъ по рѣдкости своей почти что уникъ. Если на границѣ Франціи съ Испаніей встрѣчаются документы на бумагѣ отъ первыхъ лѣтъ XIV вѣка, то для Франціи вообще—акты и письма на бумагѣ даже для XIV столѣтія рѣдки и исключительны. Таковы, напримѣръ, процессъ тампліеровъ 1309 года и письмо знаменитаго Іоанна де Жуанвиля отъ 1315 года, выставленные въ витринахъ Парижской Національной Библіотеки. Мало того, въ то время, какъ италіанскіе архивы изобилуютъ письмами на бумагѣ, написанными въ разныхъ мѣстахъ Италіи во второй половинѣ XIV вѣка, такой актъ, какъ драгоцѣнное автографическое письмо короля французскаго Карла V отъ 7 Декабря 1367 года, написанное на бумагѣ (съ очень широкими vergeures) и выставленное въ музеѣ Французскихъ Національныхъ Архивовъ (подъ № 386)—представляетъ рѣдкое исключеніе какъ среди «lettres closes» этого короля, такъ и писемъ эпохи вообще.

Какъ я уже сказалъ, древнѣйшая бомбицина характеризуется толщиной, волокнистостью и неравномѣрными слоями; на свѣтъ почти незамѣтно ни продольныхъ, ни вертикальныхъ нитей; плохо измельченная масса пеститъ темными и болѣе свѣтлыми пятнами (которыя иногда имѣютъ видъ хлопьевъ, смотря по толщинѣ слоя). Поверхность такой бумаги то очень шероховатая и грубая, то, напротивъ, лоснящаяся отъ сильной

---

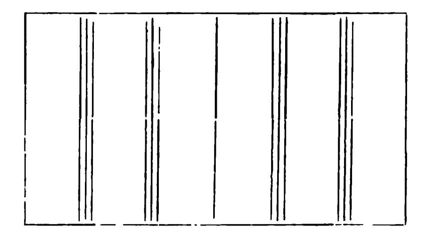
[1]) Издано вмѣстѣ съ нѣсколькими другими въ небольшой книжкѣ «Lettere volgari del secolo XIII scritte da Senesi, pubblicate e illustrate con documenti e annotazioni da Cesare Paoli e da Enea Piccolomini" (Bologna, 1871. Малое 8°). Книжка эта составляетъ CXVI выпускъ довольно рѣдкаго изданія Gaetano Romagnoli: „Scelta di curiosità litterarie inedite o rare", см. еще выпускъ XC (Bologna, 1868).

проклейки и тщательнаго сатинированія зубомъ, оставляющимъ нерѣдко на бомбицинѣ очевидныя ласы.

Эта древнѣйшая бумага постепенно дѣлается тоньше, яснѣе на свѣтъ, ровнѣе по своему составу и мало-по-малу переходитъ въ обыкновенную бумагу. Основной особенностью бомбицины является отсутствіе въ ней спеціальныхъ водяныхъ знаковъ и иногда особенное расположеніе вертикальныхъ линій=pontuseaux. На этотъ послѣдній признакъ мы должны обратить вниманіе.

Изъ греческихъ рукописей, находящихся въ Россіи, мы можемъ указать древнюю бомбицину, напримѣръ, хотя бы въ Имп. Публ. Библ., среди «отрывковъ» собранія преосвящ. Порфирія, № CCCXCVI—листъ 1250 года (толстая бумага, какъ бы хлопьями) или рук. Москов. Синод. Библіотеки, Греч. № 55LVII, творенія Григорія Богослова, въ десть (бумага очень толстая, pontuseaux необыкновенно толсты и рѣдки. Очень типичны также «отрывокъ» въ Имп. Публ. Библ., № CCCCXXXIX, датированный 6744 (1236) годомъ, на толстыхъ волокнистыхъ листахъ, съ кривыми, частыми vergeures, съ незамѣтными pontuseaux, и рукопись № CCXL—1249 года—на грубой бумагѣ, съ волокнистыми хлопьями и съ pontuseaux по два на полулистѣ.

Мнѣ не приходилось встрѣчать славянскихъ рукописей, за исключеніемъ одной рукописи Имп. Публ. Библ. (Никодимово Евангеліе), написанной на восточной бумагѣ, писанныхъ на древней бомбицинѣ. Немногія южно-славянскія рукописи, которыя мнѣ удалось изслѣдовать, писаны на особой бомбицинѣ, представляющей переходъ къ обыкновенной бумагѣ, и замѣчательной по особенностямъ расположенія pontuseaux по три въ рядъ, приблизительно такимъ образомъ:



На такой бумагѣ писаны, напримѣръ рукописи:

1) Собранія *А. И. Хлудова* № 151—«*Минея служебная*, мѣсяцъ Январь, въ листъ, полууставомъ южно-славянскаго письма XIV вѣка, на бомбицинѣ, на 316 лл.».

Бумага бомбицина съ мелкими vergeures, тонкая, pontuseaux по три только два раза—по срединѣ полулистовъ.

2) Собранія гр. *А. С. Уварова* (изъ рукописей *Норова*), №973/70: «*Прологъ краткій*», древнѣйшая славянская переводная редакція (сербская) *Пролога*, составленнаго грекомъ Иліею и Константиномъ, митрополитомъ Мокосійскимъ; на бомбицинѣ въ малый листъ, XIII вѣка, мелкаго уставного письма, 352 лл.».

Превосходная бомбицина небольшого формата, лощеная, плотная, просвѣчиваютъ частыя vergeures pontuseaux по три согласно съ приложеннымъ выше клише. Рукопись въ десть (сильно обрѣзана при переплетѣ.

Такого расположенія pontuseaux не встрѣчалъ *C. M. Briquet*, который пересмотрѣлъ рукописи и документы едва ли не во всѣхъ значительныхъ архивахъ и библіотекахъ Юго-Западной Европы, но этотъ сортъ бомбицины не представляетъ рѣдкости въ греческихъ рукописяхъ. Фактъ первостепенной важности, ибо онъ говоритъ за византійское происхожденіе этого сорта бумаги. На то же указываетъ и фактъ поздняго существованія бомбицины этого вида. Въ греческихъ датированныхъ отрывкахъ собранія преосв. Порфирія Успенскаго въ Импер. Публ. Библ. мы находимъ листки такой бумаги въ 1332 году (№ 407), 1333 (№ 441), 1390 (№ 429), 1392 (№ 430), 1396 (№ 431), 1401 (№ 432), и даже 1413 (№ 437), и 1416 (№ 434)!

Въ Италіи же бумага-бомбицина прекратила свое существованіе еще въ самомъ началѣ XIV столѣтія и смѣнилась бумагой со знаками.

Въ Западной Европѣ и именно въ Италіи очень быстро привилось употребленіе бумаги—«ex rasuris veterum pannorum» и скоро вызвало обширное мѣстное производство. Въ первой четверти XIII столѣтія уже явилась потребность въ регламентаціи того, что писать и чего не писать на новомъ матеріалѣ для письма, вызывавшемъ опасеніе въ скоромъ тлѣніи. Съ начала XIII вѣка многія документальныя записныя книги уже пишутся на бумагѣ. Александръ Лизини въ расходной книгѣ Сіенскаго архива, относящейся къ 1226 и 1227 г., нашелъ любопытную запись: «Item VIII den. Bonfilio notario pro costo unius libri parvi de bombice pro Comuni» [1]).

Спросъ вызвалъ коммерческую дѣятельность, одна за дру-

---

[1]) См. Cesare Paoli: „Storia della carta", p. 311.

гой возникали на почвѣ Италіи бумажныя мельницы; благопріятныя мѣстныя условія и соревнованіе позволили италіанскимъ мастерамъ сдѣлать рядъ улучшеній въ выработкѣ бумажной массы, и вотъ къ началу XIV столѣтія продукты мѣстнаго производства начинаютъ превосходить по качеству бумагу Востока и мало-по-малу распространяются по рынкамъ всего міра.

Какъ разъ съ того времени, какъ въ италіанской бумагѣ появились знаки мастеровъ и фабрикантовъ, она перестала быть бомбициной и, совершенствуясь въ теченіе двухъ столѣтій, достигла такой превосходной выдѣлки, которая изумляетъ и въ настоящее время.

Если въ бомбицинѣ мы отмѣтили, какъ имѣющія палеографическую цѣнность, нѣкоторыя особенности въ расположеніи pontuseaux, то, переходя къ бумагѣ со знаками, мы прежде всего должны сказать нѣсколько словъ о хронологическихъ данныхъ, которыя даетъ намъ изученіе расположенія vergeures.

Расположеніе металлическихъ нитей, перекрещивающихся въ рамкѣ, представляющей форму, въ которой выливается листъ бумаги, неоднократно измѣнялось. Такой внимательный изслѣдователь, какъ *Briquet*, не могъ не обратить вниманія на эти измѣненія. Онъ указываетъ, напримѣръ на то, что италіанская бумага періода 1340—1390 годовъ (и особенно съ 1345 по 1380) отличается присутствіемъ особой толстой нити, проходящей черезъ центръ и поддерживающей филигрань; у *Briquet* мы находимъ указаніе на бумагу XIV столѣтія съ перемѣнными толстыми и тонкими vergeures (см. въ его альбомѣ при знакахъ № 537—1333 года, № 543—1340 года). Онъ же высказалъ свои наблюденія относительно частыхъ и широкихъ vergeures (то-есть собственно пространствъ между vergeures) Данныя этихъ наблюденій мы можемъ только незначительно измѣнить, сообразно съ результатами изслѣдованія греческихъ и славянскихъ рукописей, находящихся въ Россіи.

Древнѣйшая бумага характеризуется vergeures средней ширины, иногда даже vergeures скорѣе часты, чѣмъ широки. Въ тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія появляется бумага съ необыкновенно широкимъ пространствомъ между vergeures (=«vergeures очень широкія») и въ нѣсколько лѣтъ вытѣсняетъ прежнюю бумагу съ средними vergeures. У *Briquet* мы найдемъ указаніе на документъ, писанный въ Сициліи на такой бумагѣ еще въ

1329 году (дата весьма ранняя). [1]) Нами очень широкія vergeures встрѣчены въ книгѣ Сіенскаго архива «Misture di Biccherna», № CCCLXXII, за 1335 и 1336 годы и среди греческихъ рукописей преосв. *Порфирія Успенскаго*, № CCCCXIII=полулистъ, написанный въ 1335 году и № CCXXXV—*Евангеліе*, съ толкованіями *Θеофилакта*, архіепископа Болгарскаго, написанное въ 1337 году. *Briquet* говоритъ [2]), что послѣ 1380 года—«les papiers à grosse vergeure disparaissent graduellement et ce n'est que rarement et à titre exceptionnel qu'on en trouve encore dens les premières années du XV siècle». Бумага съ очень широкими vergeures въ XV столѣтіи—весьма значительная рѣдкость. Можно утверждать, что выдѣлка бумаги съ очень широкими vergeures прекратилась еще въ XIV столѣтіи; мнѣ не удалось видѣть ни славянской, ни греческой рукописи на такой бумагѣ, датированной хотя бы 1400 годомъ.

Для русскихъ палеографовъ очень широкія vergeures есть драгоцѣннѣйшій признакъ—рукопись на такой бумагѣ опредѣляется второй половиной XIV столѣтія по первому же взгляду. Только въ видѣ рѣдкаго исключенія по тщательномъ изслѣдованіи и сопоставленіи всѣхъ палеографическихъ данныхъ такая рукопись могла бы оказаться написанной между 1335—1350 годами.

Бумага съ vergeures средней ширины, совсѣмъ было исчезнувшая въ сороковыхъ годахъ XIV вѣка, скоро появляется вновь и соперничаетъ съ бумагой съ широкими vergeures. Въ архивѣ города Сіены въ «Lettere del Governo dodici», t. II—отъ 1364 года нѣкоторые документы уже писаны на бумагѣ съ средними vergeures, каковая продолжаетъ процвѣтать почти до половины XV столѣтія, когда окончательно смѣняется бумагой съ *частыми* vergeures, современнаго намъ типа.

Бумага съ частыми vergeures появляется въ видѣ рѣдкихъ исключеній еще въ XIV вѣкѣ, на такой бумагѣ, напримѣръ, въ Сіенскомъ архивѣ среди Lettere dei defensori написаны документы отъ 20 Января 1373 года и отъ 20 Іюля 1380 года.

Vergeures средней ширины и частыя сами по себѣ не даютъ важныхъ въ палеографическомъ отношеніи признаковъ, но зато въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одной рукописи мы встрѣчаемъ

---

[1]) *Briquet*: „Le papier et ses filigranes“ (Paris. 1894), см. стр. 15.

[2]) На бумагѣ съ широкими vergeures написана и извѣстная жалованная грамота великаго князя Дмитрія Ивановича *Донского*, новоторжцу *Евсевку*, данная въ 1362—1374 годахъ (напечатана въ Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 8).

бумагу двухъ сортовъ, хронологическія показанія vergeures достигаютъ замѣчательной точности.

Латинская рукопись Имп. Публ. Библ. F. II, № 117, содержащая декреталіи папы *Иннокентія IV*, писана на бумагѣ съ очень широкими vergeures (лл. 17—46, 226—253) и рядомъ съ этимъ въ перемежку на бумагѣ съ vergeures средней ширины (лл. 1—16; 47—225). Когда можетъ быть написана эта рукопись, если мы знаемъ, что широкія vergeures употреблялись приблизительно въ 1335—1390 годахъ, а бумага съ средними vergeures появилась вновь около 1364 года. Очевидно, съ наибольшей вѣроятностью мы должны указать на небольшой періодъ 1365—1390 годовъ, опредѣленіе, которое можетъ быть еще провѣрено и съужено путемъ сличенія знаковъ.

Совершенно также рукопись Троице-Сергіевой Лавры № 129 (1563) — св. *Василія Великаго о постничествѣ* написана на двухъ бумагахъ—съ широкими vergeures—лл. 1—17, 20—40, 67—120, 125, 128, 130, 155—162, и 2) съ vergeures средней ширины лл. 19, 41—66, 121—124, 126, 127, 129, 131, 154, 153—200. На вышеприведенныхъ основаніяхъ мы должны указать, какъ на время написанія рукописи, на годы между 1365—1390, или, если мы приложимъ нѣсколько лѣтъ на время между производствомъ и потребленіемъ въ славянскихъ странахъ (что, какъ увидимъ, потомъ почти всегда излишне и скорѣе увеличиваетъ неточность, чѣмъ уменьшаетъ ее) — на годы 1370—1395. Но этого мало. Чередованіе листовъ въ рукописи № 129 (1563) таково, что, устраняя мысль о прикупкахъ, указываетъ на одновременное равноправное производство двухъ бумагъ на одной мельницѣ, при чемъ листы сортировались такъ небрежно, что оба сорта попадали въ одну десть. Такое явленіе указываетъ не на 1360-е годы—моментъ появленія бумаги съ vergeures средней ширины, а на время нѣсколько болѣе позднее, когда оба типа бумаги получили полное право, такъ сказать, гражданства и употреблялись равномѣрно. Такое соображеніе позволяетъ указать съ достаточной вѣроятностью прямо на десятилѣтіе 1380—1390 гг.

Мы имѣемъ датированныя рукописи, которыя помогаютъ провѣрить сдѣланныя выводы.

Въ Арх. Мин Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ въ «Литовской метрикѣ» изъ ливонскихъ документовъ — № 31, протоколъ 1387 года писанъ на бумагѣ частью съ широкими, частью со средними vergeures.

Рукопись Троице-Сергіевой Лавры № 172 (1862), содержащая поученія *Исаака Сирина,* на такихъ же двухъ бумагахъ писана въ 6889 (1381).

Появленіе въ рукописи бумаги двухъ сортовъ — съ средними и частыми vergeures также указываетъ на время перехода отъ одной техники формы къ другой.

Смѣшеніе бумаги съ средними и частыми vergeures мы можемъ указать въ двухъ датированныхъ рукописяхъ:

1) Собраніе гр. *Уварова* № 337/63 (изъ Сахаровскихъ),— *Сборникъ*, написанный въ 1438 году.

2) Собранія гр. *Уварова* № 736/87 (Царскаго, № 277) — *Октоихъ*, писанъ дьякомъ *Мамыревымъ* въ 1455 году (смот. рукопись замѣчательна по особенностямъ палеографическимъ).

Отмѣтимъ, что въ бумагѣ съ разными *vergeures* встрѣчаются иногда совершенно одинаковые знаки, но надо принять за правило обращать вниманіе на расположеніе vergeures и осторожно сопоставлять полученныя хронологическія данныя. Показанія vergeures нерѣдко могутъ измѣнять опредѣленіе, полученное изъ подобія знаковъ.

Только въ видѣ исключенія можно указать случаи, когда совершенно одинаковые знаки встрѣчаются въ двухъ разныхъ бумагахъ, но въ одномъ и томъ же году (см. такой примѣръ на таблицахъ знаки №№ 232 и 233).

Начиная съ XIII столѣтія, въ западно-европейской бумагѣ установились два основные формата[1]) бумага ординарная (мало отличавшаяся по размѣру отъ современной писчей) и бумага *двойная*, по формату какъ бы два листа обыкновенной бумаги, сложенные вмѣстѣ. Книгопечатаніе не ранѣе XVI столѣтія измѣнило этотъ порядокъ и ввело въ употребленіе множество другихъ сортовъ и форматовъ. Старая Русь, получивъ бумагу, быстро выработала и усвоила разные термины для новаго удобно перегибаемаго и свертываемаго матеріала. Пергаменъ въ сущности не имѣлъ и не могъ имѣть формата (хотя и опредѣ-

---

[1]) На Востокѣ у арабовъ господствовало разнообразіе форматовъ. Для насъ особенно любопытно замѣчаніе *Briquet* относительно греческихъ рукописей, что въ нихъ встрѣчаются листы необыкновенно большихъ размѣровъ: „On possédait donc en Orient, au XII siècle ou au XIII un papier mesurant, non rogné, au moins 52 centimètres sur 70; ce sont des dimensions aux quelles en Occident, on n'est pas parvenu avant le XVI siècle...“ (*Briquet* „Papiers et filigranes des archives de Gênes“, стр. 31).

*

лилъ форматъ бумаги, каждый листъ его представлялъ особую единицу, обрѣзывавшуюся возможно менѣе только при составленіи рукописей, отдѣльные же листы документовъ представляютъ безконечное разнообразіе «Харатья» «το μέμβρανον» есть листокъ неопредѣленной величины. Монастырская лѣтопись Серпуховскаго владычняго монастыря, описывая день кончины преподобнаго *Варлаама* 5 мая 1377 года, разсказываетъ процессъ писанія: «...и повелѣ Алексѣй (*митрополитъ*) принести діакону *трость и чернило и хартію*; і обще вси молитву сотворише і абіе прозрѣ *Варлаамъ* и пріимъ *трость* и нача писати сице...» и далѣе—«...и оставя *писало*, глагола имъ...» [1]).

Преподобный Епифаній ученикъ Сергія Радонежскаго, излагая, какимъ образомъ приступилъ онъ къ составленію житія своего учителя, разсказываетъ уже о свиткахъ и тетрадяхъ («ова оубо въ свитцѣхъ, ова же въ тетратѣхъ») [2]). И терминъ «стлъпець» мы находимъ въ рукописи исхода XIV столѣтія [3]). Бумагу двойного формата называли «большою» [4]) и «Александрійскою» (терминъ до сихъ поръ необъясненный).

Въ предисловіи къ *Кругу міротворному* сказано: «въ лѣто 7048 (1540) начася бысть сей кругъ великій миротворный и приведенъ толкованіемъ св. Пасхи Христовы на 532 лѣта на девятинадесяти страницахъ, на десныхъ странахъ, въ *десть Александрійскія большія бумаги* въ 532 строкахъ 532 лѣта под-

---

[1]) „Историческое описаніе Серпуховскаго владычняго монастыря“ (М. 1866) см. стр. 117.

[2]) См. житіе св. *Сергія*, литографированное въ 1853 году, л. 2: „...Дивлюже ся о сем, како толико лѣтъ минуло, а житіе ег(о) не писано. О семъ съжалихся зѣло, како оубо таковый старецъ пречюдный и предобрый отнелѣже представися 26 лѣтъ прейде, никто же не дрързняше писати о немъ, ни дальній, ни ближній, ни большій, ни меньшій, большіе оубо яко не изволяху, а меншія яко не смѣяху. По лѣте оубо единемъ или по двою по преставленіи старцеве азъ окаянный вседрързый дрързнухъ на сіе, воздохнувъ к Богу и старца призвахъ на молитву, начахъ подробну мало нѣчто писати от житія старцева, и к себѣ в тайнѣ глаголя, азъ не хватаю ни пред ким же, но себѣ пишу. А запаса ради и памяти ради, и пользы ради, имѣях же оу себе за 20 лѣтъ приготованы таковаго списанія *свитъки* в них же бѣаху написаны нѣкія главизны еж о житии старцевѣ памяти ради *ова оубо въ свитцѣхъ, ова же въ тетратѣхъ*, аще и не по ряду, но предняа назади, а задняа напреди...“

[3]) См. описаніе рукописей Троице-Сергіевой Лавры, ч. I, стр. 115.

[4]) Терминъ большой бумаги существовалъ и во Франціи. Такъ, ратуша города *Лаона* (Midoux, стр. 9) еще въ XIV вѣкѣ, для нѣкоторыхъ своихъ документовъ закупала особую бумагу „de grant volume“.

линно рядомъ» [1]). «Десть какъ форматъ упоминается уже въ описи Слуцкаго Троицкаго монастыря 1494 года [2]) и напоминаетъ о восточномъ вліяніи или восточныхъ купцахъ, привозившихъ бумагу, такъ какъ терминъ десть происходитъ отъ персидскаго слова. Десть «большой» бумаги, которая вообще сравнительно съ другими сортами была «добра» и «толста» [3]), конечно отличалась отъ обыкновенной дести. Московская Русь знала поэтому «среднюю десть» и «малую десть».

На переплетѣ рукописи Москов. Синод. Библ., № 645 (лѣтописецъ по 1537 годъ), сдѣлана совершенно такая же надпись, только съ отмѣтой въ опредѣленіи формата: «сія книга Лѣтописецъ—в *малую десть...*»

Но Московская Русь знала еще одинъ форматъ, который мы находимъ упомянутымъ на первомъ листѣ Миней митрополита Макарія за Сентябрь мѣсяцъ — это *«дестный листъ»*, то есть настоящее in folio—въ развернутый листъ бумаги, не согнутой пополамъ—въ десть.

Нашимъ палеографамъ вообще остался неизвѣстенъ этотъ форматъ, да и относительно другихъ нерѣдки ошибки отъ невнимательнаго отношенія къ тому, какъ свернутъ листъ бумаги.

Горскій и Невоструевъ, описывая извѣстную Сѵнодальную Библію 1558 года (№ 2/21), выразились такъ: «тщательно писана полууставомъ, въ *большой Александрійскій листъ*, 1041 листъ». На самомъ дѣлѣ бумага тутъ самая обыкновенная и по формату, и по добротности, но листъ оставленъ развернутымъ, а не сложенъ пополамъ, какъ это бываетъ въ «листовыхъ» (по нашей терминологіи) рукописяхъ.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ № F. I, № 147—изъ собранія графа *Толстого* (Отд. I, №№ 134 и 135) хранится «Великаа книга келейнаго правила и путного». Писана въ Новгородѣ въ 1527 году и принадлежала архіепископу

---

[1]) Арх. *Леонидъ:* „Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ Троице-Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи" вып. II (М. 1887), рук 4/103, стр. 344. Ср. Міротворный кругъ въ Имп. Публ. Библ., F. I, № 471.

[2]) Акты Западной Россіи, т. I, № 115.

[3]) Въ грамотѣ къ Новгородскимъ дьякамъ отъ 27 Ноября 1555 года сказано: „...да пушкаремъ же бы есте дали десять холстовъ, да триста листовъ *бумаги добрые большіе*, которая *толста*" (Доп. къ Акт. Ист., т. I, №№ 72 и 73, стр. 131, 132). О „толстой" бумагѣ, но китайской, см. еще въ „Изборникѣ" *А. Попова*, въ путешествіи Ивана Петрова.

Макарію, который вообще, какъ кажется, любилъ и вводилъ въ употребленіе форматъ въ «дестный листъ». Эта рукопись тоже въ полный листъ, довольно сильно обрѣзанный при вторичномъ переплетѣ. Какъ на образецъ укажемъ еще на рукопись библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря (нынѣ въ библ. Московской Дух. Академіи), № 132 (487), «Тождественникъ», писанную въ 1567 году. Вообще же «дестный листъ» встрѣчается не часто (и особенно рѣдко за предѣлами XVI столѣтія), но зато представителями его являются нѣкоторыя изъ знаменитѣйшихъ рукописей XVI вѣка — Макаріевскихъ Миней, Лицевыхъ лѣтописцевъ и Годуновскихъ псалтирей

Не обращая вниманія на бумагу, наши палеографы иногда прямо ошибаются въ опредѣленіи форматовъ.

Въ объясненіе палеографическихъ неточностей мы должны еще указать, что изрѣдка попадаются рукописи, въ которыхъ два формата — часть рукописи, напримѣръ, въ десть, часть въ полдесть. Таковы въ Императорской Публичной Библіотекѣ — «Decretalia Innocentii IV», латинская рукопись (F. II, № 117— знаки ея на таблицахъ подъ №№ 711—726), несомнѣнно XIV столѣтія, и собранія *М. П. Погодина* № 133—Тетроевангеліе съ предисловіемъ Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго, написанное въ Москвѣ въ 1508 году. Большая часть этой послѣдней рукописи обыкновенная десть, но лл. 343—347— толстая «Александрійская» бумага безъ знаковъ, сложенная in 4° [1]).

Смѣшанный форматъ изъ полнаго листа обыкновенной и рядомъ изъ дести «большой» бумаги находимъ въ нѣкоторыхъ мѣсяцахъ Софійскаго списка Миней Четьихъ митрополита *Макарія*. Лицевыя псалтири боярина Дмитрія Ивановича *Годунова* представляютъ форматъ въ развернутый листъ обыкновенной бумаги, только экземпляръ библіотеки Московской Духовной Академіи (рукопись № 70, см. на таблицахъ знаки №№ 1960 и 1961) смѣшаннаго формата въ листъ обыкновенной и десть «Александрійской» бумаги.

Бумага двойного формата также стара какъ и обыкновеннаго. Въ Сіенскомъ архивѣ на такой бумагѣ написанъ изъ книгъ *Memoriale di Biccherna* томъ первый, за годы 1313 и

---

[1]) Филиграни этой рукописи зарисованы на прилаг. таблицахъ моего труда „Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ“, подъ №№ 1355—1363.

1314; въ Московской Синодальной Библіотекѣ на «большой бумагѣ» написана греческая рукопись № CXXXVI—1345 года, а въ Импер. Публичной Библіотекѣ латинскія—F. I, № 8—1348 года и F. II, № 117 (ок. 1375?).

Листы «большой» бумаги находимъ и среди русскихъ документовъ, начиная съ XV столѣтія. Такъ, напримѣръ, договоры великаго князя *Ивана III* съ великимъ княземъ Тверскимъ, заключенные около 1484 года (С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 119 и 120) писаны на листѣ бо̀льшаго противъ обыкновеннаго формата (12, 25×8,75 вершка) [1]).

II.

То обстоятельство, что сѣть металлическихъ нитей бумажной формы отражается на выливаемомъ листѣ бумаги, благодаря тому, что на нее тряпичная масса ложится слоемъ болѣе тонкимъ, чѣмъ въ промежутки между нитями—дало поводъ фабрикантамъ бумаги мѣтить продукты своего производства знакомъ, выгнутымъ изъ проволоки среди pontuseaux и vergeures.

Бумажные знаки, иначе *филиграни*, появляются лишь въ концѣ XIII столѣтія и представляютъ, какъ кажется, изобрѣтеніе всецѣло европейское, не употреблявшееся на Востокѣ. Каноникъ (потомъ епископъ) *A Zonghi* [2]) указалъ въ 1881 году

---

[1]) Книгопечатаніе внесло чрезвычайное разнобразіе форматовъ бумаги, которое въ концѣ концовъ спутало понятіе о форматѣ in folio, in 4° и in 8°. Въ настоящее время не рѣдкость, что in 4° иногда больше in folio, или что къ обычному формату in 8°, по величинѣ распадающемуся теперь на неопредѣленное число разновидностей, приходится относить книги, изъ которыхъ одна вдвое больше другой. Неудобства такого положенія дѣлъ вызвали коренную реформу въ библіографіи. Въ Западной Европѣ во многихъ библіотекахъ форматъ опредѣляется въ настоящее время не тѣмъ, какъ сложенъ листъ бумаги, а просто по величинѣ книги. Въ французской „L'Instruction générale“ отъ 4 Мая 1878 года указано: l'ensemble des livres de la bibliothéque est divisé en trois formats bien distincts; les in folio, comprenant tous les ouvrages au dessus de 35 centimetres; les in quarto, embrassant ceux qui vont de 25 centimètres à 35 centimètres et enfin les in octavo ou tous les ouvrages inférieurs à 25 centimètres“ (см. Albert *Maire*: „Manuel pratique du bibliothécaire“, p. 111). Въ Національной библіотекѣ во Флоренціи признается всего шесть форматовъ. Подробности о форматѣ книгъ см. *Mortet*: „Le format des livres; notions historiques et pratiques“ (Paris, 1894. 8°).

[1]) Въ книжкѣ „Le marche principali delle carte Fabrianesi“ (Fabriano, Tipografia Gentile, 1881). Въ 1884 году вышло другое сочиненіе этого автора—„Le autiche carte Fabrianesi alla Esposizione generale Italiana di Torino“ (me-

два бумажныхъ знака 1293 года и одинъ 1294, неутомимый проповѣдникъ научнаго значенія филиграней *C. M. Briquet* въ 1892 году [1]) объявилъ о существованіи актовъ 1285 года, писанныхъ на бумагѣ съ знаками.

При ручномъ способѣ выливанія листовъ бумаги ловкость мастера и его умѣніе приготовить наилучшую массу имѣли преобладающее значеніе въ бумажномъ производствѣ. Не только продукты разныхъ фабрикъ, но даже листы бумаги двухъ мастеровъ, неодинаково искусныхъ, могли отличаться по качеству. Бумажный знакъ являлся такимъ клеймомъ, которое отличало бы лучшій товаръ и защищало бы его отъ контрафакціи. Филигрань представляла изъ себя превосходный этикетъ, охранявшій интересы фирмы.

При общей распространенности бумаги, весьма рано ставшей предметомъ первой необходимости, контрафакція должна была имѣть немалое значеніе. Любопытное свидѣтельство оставилъ намъ генералъ *Serviez*, представившій въ десятомъ году первой французской республики, статистическое описаніе департамента Нижнихъ - Пиринеевъ. Между прочимъ относительно Беарна *Serviez* замѣчаетъ: «Les Génois se sont emparés de ce commerce et les fabricants ne le ressaisirent qu'en imitant l'espèce de papier à l'aide du quel ils avaient obtenu ce succès. Ce papier est nommé *fleuret aux trois* O, et c'est celui dont on fait le plus grand débit» [2]). Генуэзская бумага съ знакомъ въ видѣ трехъ кружковъ, увѣнчанныхъ крестомъ, хорошо извѣстна всѣмъ, кому случалось перелистывать сборники съ филигранями. Она встрѣчается даже и въ Россіи, и знакъ ея былъ зарисованъ *Тромонинымъ* [3]).

Съ самаго появленія филиграней бумажные фабриканты старались охранить свои марки, и правительство въ этомъ имъ

---

moria del can. Aurelio *Zonghi*. Fano, 1884. Gr. in 8⁰), въ которомъ авторъ описываетъ древнѣйшіе знаки: 1293—a) „Linee in croce terminate da circoli", b) „Figura della forma del n. ∞", c) „Iniziali O." 1297 года.—„Circoli contentrici". Очень жаль, что систематическое собраніе знаковъ, зарисованное *A. Zonghi*, не было отлитографировано.

[1]) De la valeur des filigranes du papier" Genève, 1892. 8⁰, см. стр. 6.

[2]) Louis *Lacaze*: „Les imprimeurs et les libraires en Béarn (1552—1883)" [Pua. 1884. 8⁰], см. стр. 20.

[3]) Въ прилагаемомъ къ сочиненію „Палеогр. значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ" (Спб. 1899) сборникѣ снимковъ подобные знаки можно видѣть подъ №№ 3054, 3373—3376, 3958 и 3693.

содѣйствовало. Отъ первой половины XIV столѣтія мы имѣемъ важное свидѣтельство италіанскаго юриста Bartolo da Sassoferrato (род. въ 1313, ум. въ 1355 году), который въ трактатѣ «De insignis ef armis» такъ разсказываетъ о Фабріано: «Nobile castrum, cujus nomen Fabrianum, ubi artificium faciendi chartas de papiro principaliter viget; ibique sunt aedificia multa ad hoc, et ex quibusdam artificiis meliores chartae veniunt, licet etiam in aliis faciat multum bonitas operantis, et ut videmus hic quodlibet folium chartae habet suum signum, per quod significatur cujus artificii est carta». При этомъ *Бартоло* точно указываетъ на воспрещеніе контрафакцій—«fabricator chartarum potest prohiberi uti signo alterius fabricatoris».

Съ первыхъ лѣтъ XIV вѣка филиграни украшаютъ бумагу почти постоянно; бумага безъ знака является сравнительно рѣдкимъ исключеніемъ, которое однако встрѣчается во всѣ послѣдующія столѣтія.

Desbarreaux-Bernard въ своихъ каталогахъ описалъ нѣсколько инкунабулъ, напечатанныхъ въ Парижѣ на бумагѣ безъ знака.

Среди драгоцѣнныхъ автографовъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, многія изъ писемъ *Антуана* короля Наварры (отца *Генриха IV*) [1]), писаны н тонкой бумагѣ превосходной выдѣлки и безъ знака. Мнѣ удалось прослѣдить по связкамъ Патріаршаго Дворцоваго Приказа [2]), что устроенная въ 1704 году подъ Москвою мельница фабриковала по крайней мѣрѣ хоть одинъ сортъ бумаги—безъ знака.

Во всякомъ случаѣ, однако, бумага безъ филиграни есть только исключеніе, и при томъ нечастое. Обыкновенно же каждый листъ старинной бумаги помѣченъ въ томъ или другомъ мѣстѣ филигранью.

Бумажный водяной знакъ помѣщался обыкновенно по серединѣ лѣваго полулиста, очень рѣдко въ краю листа и довольно часто по серединѣ его.

Уже среди древнѣйшихъ филиграней мы находимъ помѣщенныя по серединѣ листа. Въ центрѣ листа расположены филиграни извѣстнаго болгарскаго Сvнодальнаго сборника, № 38 (якобы 1345 года), содержащаго между прочимъ лѣтопись Кон-

---

[1]) См. Автографы, портф. № 52.

[2]) Въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ Москвѣ.

стантина Манассіи. То же положеніе знака (гроздь винограда необыкновенно большой величины) видимъ въ бумагѣ Маргарита Іоанна Златоустаго, рукописи Имп. Публ. Библ. Библ., F. I, № 196 (на 314 лл.), написанный въ 1494 году, и въ экземплярѣ Постническихъ словъ Исаака Сирина, написанномъ въ 1525 году (см. Моск. Синод. Библ., № 109, въ десть на 324 лл.). То же самое замѣчаемъ и въ болѣе поздней рукописи, дописанной въ январѣ 1551 года, *Октоихъ* изъ коллекціи *И. П. Сахарова* (Им. Публ. Библ., F. I, № 372—на 249 лл.).

Изъ числа древнѣйшихъ знаковъ нѣкоторые уже были такого размѣра, что проходили черезъ весь листъ,—таковы знаки, содержащіе полную фамилію фабриканта. Такъ же старъ и обычай сопровождать филигрань, расположенную въ одной половинѣ листа контромаркой въ другой. Хотя подобные двойные знаки распространены наиболѣе въ концѣ XV-го и въ теченіе всего послѣдующаго столѣтія.

Мы выяснили происхожденіе знаковъ бумаги, какъ удобной мѣтки товара. Что филигрань по происхожденію своему есть знакъ мастера—это можно доказать тѣмъ, что не рѣдки случаи, когда въ бумагѣ одной рукописи двѣ—три филиграни чередуются одна съ другой. Отмѣтимъ, напримѣръ, рукопись Моск. Синод. Библ., № 202, содержащую *Олимпіодора,* діакона Александрійскаго, толкованія на книгу *Іова*, и написанную на Аѳонѣ въ 1412 году. Въ тетрадяхъ бумаги этой рукописи знаки «ножницы» и «башня» чередуются листъ за листомъ.

Понятнымъ становится поразительное обиліе и разнообразіе филиграней.

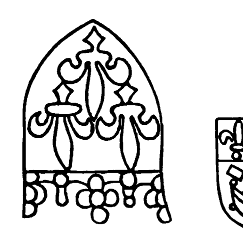
Животныя, птицы, пресмыкающіяся, насѣкомыя, цвѣты и растенія, разнообразные бытовые предметы и т. д., и т. д., длинной вереницей проходятъ передъ нами. Но былъ ли выборъ филиграней произвольнымъ — вопросъ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія. Еще въ началѣ XIV столѣтія мы находимъ знаки, содержащіе фамиліи фабрикантовъ, филиграни позднѣйшей эпохи даютъ рядъ изображеній гербовъ страны, въ которой находилась бумажная мельница, или владѣльца той земли, на которой помѣщалась фабрика. Очень важно прослѣдить связь древнѣйшихъ филиграней съ геральдическими изображеніями, что, конечно, могло бы дать цѣнныя топографическія и хронологическія указанія.

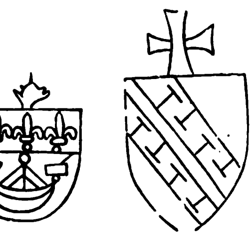
Въ этомъ отношеніи мы уже имѣемъ много драгоцѣннѣйшихъ свидѣтельствъ. Въ 1893 году *L. Winer*, а за нимъ въ

болѣе точномъ снимкѣ *C. M. Briquet* въ 1898 году опубликовали изъ документовъ 1348 года, бумажный знакъ, изображающій гербъ герцогства Барскаго въ Лотарингіи. Эпоха, къ которой относится знакъ, для не-италіанской бумаги является начальной и древнѣйшей. Подобные факты отнюдь нельзя считать исключительными.

Отмѣтимъ хотя бы гербы *Флоренціи* (см. среди геральдическихъ *лилій*), рода *Висконти*—съ изображеніемъ змѣи, рода *Пикколомини* въ прилагаемомъ точномъ рисункѣ изъ писемъ 1570 и 1590 годовъ.

Изъ французскихъ гербовъ мы имѣемъ, напримѣръ, гербъ Франціи, изъ документовъ, начиная со времени около 1400 года, гербъ города *Парижа* [1]), начиная съ 1480 годовъ, гербъ города *Труа* въ Шампани — изъ документовъ съ 1448 по 1480-ые годы и т. д.



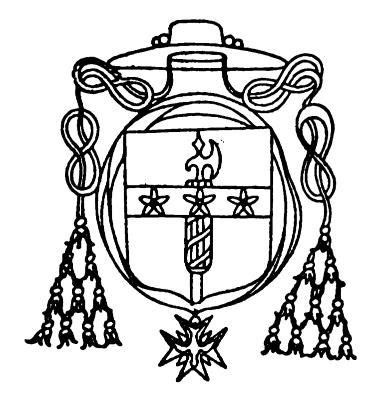


Изъ нѣмецкихъ гербовъ воспроизводится въ филиграняхъ съ большой точностью, напримѣръ, гербъ Саксоніи; изъ польскихъ знаковъ, кромѣ изображеній гербовъ—*Абданкъ*, *Глаубичъ*, *Гоздава*, *Елита*, *Лабендзь*, *Лисъ*, *Любичъ*, *Наленчъ*, *Новина*, *Одровонжъ*, *Остоя*, *Пруссъ*, *Равичъ*, *Свенчицъ*, *Слѣповронъ*, *Топоръ*, *Тэнпаподкова*, *Ястржембецъ*, имѣются, напримѣръ, гербовые знаки Краковскаго Капитула — въ видѣ трехъ коронъ въ щитѣ.

Вообще, начиная съ исхода XV столѣтія филиграни изобилуютъ всевозможными гербами. Наиболѣе старыя несложныя изображенія постепенно переходятъ въ многосоставные гербы, окруженные орденскими цѣпями и занимающіе почти весь полулистъ. Но, если съ одной стороны рядъ такихъ бумажныхъ знаковъ XVI—XVII столѣтій при точной передачѣ геральдическихъ рисунковъ даетъ и точныя показанія для исторіи бумаги, съ другой стороны многія обстоятельства способны уменьшить такую цѣнность знаковъ этого поздняго

---

[1]) Въ русскомъ сборникѣ *Лаптева* нарисованъ въ такомъ искаженіи:



времени (XVII вѣка). Намъ достовѣрно извѣстно, что среди позднихъ гербовыхъ бумажныхъ знаковъ начинаются встрѣчаться гербы заказчиковъ, гербы покровителей индустріи, меценатовъ, издателей книгъ и т. д. Такъ, существуетъ бумага съ филигранированными гербами кардиналовъ *Ришелье* и *Мазарини*. Гербъ Мазарини изображенъ, напримѣръ, такимъ образомъ (см. клише).

Совсѣмъ другое дѣло древнѣйшія гербовыя филиграни XIV и XV вв. Ихъ научный интересъ настолько высокъ, что рѣдкіе знаки, напримѣръ, съ изображеніемъ герба извѣстнаго Жака *Кёра*, чиновника, финансиста и въ то же время негоціанта при королѣ *Карлѣ VII* вызвали появленіе цѣлой литературы.

Самыя несложныя древнѣйшія изображенія отдѣльныхъ предметовъ своею типичностью нерѣдко способны навести на слѣдъ ихъ происхожденія. Замѣтимъ, напримѣръ, типичнаго бычка въ гербѣ *Пармы*, ключъ какъ гербъ городка *Chiavasso*, раковину въ гербѣ *Пистойи*, розу (цвѣтокъ) въ гербѣ *Форли*.

Обращаясь къ гербамъ италіанскихъ дворянскихъ фамилій, мы найдемъ цѣнныя, иногда поразительныя аналогіи.

Точное изображеніе филиграни (XIV столѣтія) сложнаго рисунка въ видѣ двухъ *конскихъ головъ*, соединенныхъ въ шеяхъ, но обращенныхъ въ разныя стороны и съ поводами, привязанными къ кольцу въ серединѣ между головами, мы находимъ въ гербѣ фамиліи Trinci di Foligno, угасшей въ 1452 году.

Очень типична филигрань въ видѣ головы *мавра* въ повязкѣ, концы которой на затылкѣ расходятся въ разныя стороны. Въ нашемъ альбомѣ этотъ знакъ зарисованъ изъ ряда памятниковъ, относящихся къ послѣдней четверти XIV столѣтія. Вполнѣ схожая по рисунку голова мавра составляетъ гербъ фамиліи Pucci di Firenze.

Колонна, изображеніе которой нерѣдко въ древнѣшихъ филиграняхъ соотвѣтствуетъ гербу знаменитаго римскаго рода Colonna.

Цвѣтокъ о пяти лепесткахъ, весьма своеобразнаго рисунка, зарисованный нами подъ № 875—изъ *Евангелія* Тверскаго Со-

бора, рукописи 1417 года и подъ № 4022—изъ бумаги голландскаго документа 1413 года, подъ названіемъ «Rosa» имѣется въ гербѣ Венеціанскаго рода Mocenigo.

Во всѣхъ указанныхъ примѣрахъ фигуры сходнаго рисунка настолько характерны, что можно сомнѣваться въ случайности ихъ совпаденія.

Точно также очень сходная съ типомъ одной изъ филиграней XIV вѣка—*башня* находится въ гербѣ Torriani di Valsassina.

Быкъ съ длиннымъ хвостомъ представляетъ гербъ маркизовъ Bossi di Milano.

«*Три горы*» (правильнѣе — фигура того рисунка, который условились такъ называть) — встрѣчаются въ гербѣ Concini di Arezzo.

Грифонъ на заднихъ лапахъ во весь ростъ, входитъ въ гербъ фамиліи Villani di Firenze, угасшей въ 1617 году.

Груша съ двумя листьями рисунка прилагаемаго клише находится въ гербѣ фамиліи Perillo di Napoli.

Драконъ типа очень схожаго съ филигранью—см. въ гербѣ Волатерры (civitas Volaterrae).

Конь бѣгущій—въ гербѣ города Ареццо (civitas Aretii).

Козелъ на заднихъ ногахъ — гербъ фамиліи Altemps di Roma.

Два меча крестъ на крестъ—гербъ фамиліи Zampeschi di Forli signori di Forlimpopoli (угасли въ 1578 году). Ту же эмблему находимъ и въ гербѣ папы Григорія VIII.

Олень бѣгущій—въ гербѣ города Meli di Cremona.

Лѣстница — представляетъ гербъ рода Smeducci di Sanseverino, а также имѣется и въ гербѣ Вероны.

Цвѣтокъ (розетка) безъ стебля и листьевъ—см. гербъ *Орсини.*

Цвѣтокъ или звѣзду (?) типа прилагаемаго клише—см. гербъ фамиліи *Rosso.*

Филигрань въ видѣ сирены, очень страннаго, слѣдуетъ замѣтить, рисунка, повидимому, также заимствована изъ гербовъ. Прилагаемое клише есть оттискъ печати-матрицы, находящейся въ собраніи автора.

Фляга пилигрима, въ очень типичномъ рисункѣ встрѣчаемая среди филиграней, можетъ быть найдена въ томъ же видѣ въ гербѣ маркизовъ *Фіаски*

Очень осторожно надо относиться къ этому знаку, какъ изображеніе льва. Льва мы находимъ и среди Филиграней, и въ сходныхъ въ большей или меньшей степени рисункахъ въ гербахъ фамилій Barbo di Venezia, Ferrero di Biella, Acquaviva di Napoli, Ghilini d'Allessandria, Pagani di Susinana, Gambacorta di Pisa, Rossi di Parma и т. д. Но необходимо принять во вниманіе, что левъ есть такая распространенная геральдическая эмблема, что сопоставленіе ея можетъ иногда только навести на ложный слѣдъ.

Вообще слѣдуетъ прежде всего установить за правило, что для древнѣйшихъ филиграней сравненія съ геральдическими эмблемами можно производить только опредѣливъ предварительно страну производства.

Такъ какъ подавляющее большинство старѣйшихъ филиграней италіанскаго происхожденія, то ихъ и можно почти исключительно сравнивать только съ италіанскими гербами. Съ другой стороны, зная, что сфера—общераспространенный знакъ половины XVI столѣтія — встрѣчается въ бумагѣ не италіанскаго происхожденія, мы и не можемъ сопоставлять ее съ сферой, находящейся въ гербѣ городовъ Mirandola, Padua, Urbino [1]).

Зная же, напримѣръ, что знакъ въ видѣ вотивной руки съ пальцами, сложенными по римско-католическому обряду, встрѣчается въ французскихъ документахъ и автографахъ, мы можемъ обратить вниманіе на фактъ, что такая рука находится въ гербѣ города Безансона. Изъ числа старѣйшихъ французскихъ филиграней мы можемъ замѣтить очень типичное изображеніе собаки съ весьма длиннымъ туловищемъ, напоминающимъ таксу. Подобную таксу мы находимъ на государственной печати Бретани [2]). Въ данномъ случаѣ сближеніе вполнѣ возможно.

Точно также изображеніе *дельфина*, и при несомнѣнномъ существованіи подобной филиграни въ италіанской бумагѣ второй половины XIV столѣтія, въ большинствѣ случаевъ и почти во всѣхъ разновидностяхъ знака, должно имѣть связь съ *Dauphiné*. Отъ второй половины XV столѣтія имѣются уже знаки, которые не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія.

То общее явленіе, что каждый предметъ отражаетъ на

---

[1]) См. *Rentzmann*: „Numismatisches Wappen-Lexicon", T. XXI.

[2]) *Lecoy de la Marche*: „Les sceaux" (Paris. 1889), стр. 72.

себѣ такъ или иначе мѣсто и время своего производства, ясно замѣтно и въ бумажныхъ водяныхъ знакахъ. Для большинства вещественныхъ предметовъ совокупность характерныхъ признаковъ называется стилемъ, для бумажныхъ водяныхъ знаковъ, представляющихъ графическіе рисунки изъ проволоки—это можетъ быть названо палеографіей филиграней. Какъ палеографъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, въ какомъ мѣстѣ и какъ расположена поперечная черточка, напримѣръ, у буквы Ѳ, такъ и изслѣдователь бумажныхъ знаковъ въ измѣненіи самыхъ внѣшнихъ ихъ очертаній можетъ уловить хронологическую филіацію формъ. Но видоизмѣненія внѣшнихъ очертаній знаковъ есть лишь небольшая часть ихъ показательности, которая обусловлена—1) легкостью воспроизведенія филиграней, что позволяло усложнять ихъ безъ особенныхъ затратъ, 2) разнообразіемъ филиграней, благодаря свободѣ ихъ выбора и 3) тѣмъ, что этотъ свободный съ внѣшней стороны выборъ стѣсненъ на самомъ дѣлѣ вліяніемъ мѣста и времени.

Цѣнныя наблюденія можетъ дать и общее не для однихъ бумажныхъ знаковъ правило—о постепенномъ усложненіи примитивныхъ типовъ, которые съ теченіемъ времени постепенно усложняются въ общемъ рисункѣ и снабжаются новыми подробностями или украшеніями.

Высказанныя теоретическія соображенія наглядно подтверждаются знаками поздней эпохи—XVII—XVIII вѣковъ, когда одинъ знакъ нерѣдко способенъ дать сразу пять указаній: 1) на форматъ, 2) сортъ бумаги, 3) имя фабриканта, 4) мѣсто и 5) годъ производства.

На такой способности водяныхъ знаковъ и зиждется ихъ важное палеографическое значеніе.

Поразительное разнообразіе бумажныхъ знаковъ, удерживавшее, надо замѣтить, ученыхъ отъ внимательнаго ихъ изученія, зависитъ отъ того, что по происхожденію своему филигрань есть марка мастера. Сколько мастеровъ—столько знаковъ. Мало того, филигрань есть знакъ каждой отдѣльной бумажной формы—сколько формъ, столько и филиграней. А формы, представлявшія четырехугольную сѣть тончайшихъ металлическихъ нитей, страдали непрочностью. Нити сбивались, промежутки между ними становились неравномѣрными, бумажное тѣсто ложилось неровно — и форма дѣлалась неровной. При лучшихъ условіяхъ форма не выдерживала болѣе нѣсколькихъ лѣтъ, а обыкновенно мѣнялась черезъ годъ—два.

Въ этой кратковременности существованія формы причина постояннаго видоизмѣненія знаковъ. Въ безостановочной варіаціи филиграней залогъ точности даваемыхъ ими указаній.

До сихъ поръ большинство, можно сказать, палеографовъ относилось довольно презрительно къ значенію филиграней. Выставлялись разныя причины, которыя оправдывали такое отрицательное отношеніе. Наиболѣе распространено указаніе на возможность написанія памятника на залежавшейся старой бумагѣ. На это указалъ и профессоръ Salvioni въ рецензіи на цитированную выше книгу A. Zonghi; по его мнѣнію всегда возможно невѣрное опредѣленіе—«nulla impedendo che un documento recente si scriva sopra carta di data più antica». Это примитивное возраженіе не слѣдовало бы дѣлать западному дипломатисту. Именно въ западно-европейской дипломатикѣ обиліе опаснѣйшихъ copies figurées и actes récrits указываетъ намъ исходъ. Возможность употребленія залежалой бумаги, какъ и возможность встрѣтиться въ области древнихъ актовъ съ точными имитаціями (изъ коихъ нѣкоторыя опредѣлены лишь въ послѣднее время), представляетъ затрудненія для палеографической критики, но не уничтожаетъ ее. Если бы при опредѣленіи значенія филиграней не было вопросовъ о странахъ производства и потребленія, о контрафакціяхъ знаковъ и случаяхъ употребленія старой бумаги, надо думать, не о чемъ было бы и разговаривать, — ни одинъ палеографъ не обошелъ бы тогда бумажныхъ знаковъ при каждомъ случаѣ опредѣленія недатированнаго памятника.

Маленькая брошюра C. M. Briquet «De la valeur des filigranes de papier» (1892) вызвала между прочимъ критику со стороны двухъ извѣстныхъ французскихъ ученыхъ; обѣ рецензіи были одинаково неблагопріятны для автора.

Въ «Bibliothèque de l'école des chartes» за 1893 годъ [1]) рецензію (на одной страничкѣ) помѣстилъ Jules Gauthier. Въ видѣ окончательнаго вывода заключительная фраза гласитъ, что филиграни «restent un moyen de critique bien inférieur aux autres ressources que la paléographie fournit pour dater les manuscrits et documents à date incertaine, et ce n'est qu'a titre exceptionnel, j'allais dire accidentel, qu'ils peuvent aider à en fixer la provenance». Вотъ строгій, но несправедливый приговоръ, весь основанный на фактѣ, что ни профессоръ его произнесшій, ни его

[1]) Томъ LIV, стр. 371.

учителя не обращали вниманія на бумагу. Хотя бы относительно «provenance» документовъ—какъ можно быть столь рѣшительнымъ! Самое поверхностное разсмотрѣніе бумаги способно установить цѣлый рядъ общихъ и далеко не мелочныхъ положеній. Возьмемъ, напримѣръ, случай—французское письмо XVI столѣтія написано на италіанской бумагѣ—давяносто шансовъ изъ ста, что оно написано въ Италіи, такъ какъ въ это время Франція пользовалась собственной превосходной бумагой, и заносъ бумаги изъ Италіи только случай. Еще болѣе шансовъ сдѣлать опредѣленіе въ обратномъ случаѣ, то есть если письмо на италіанскомъ языкѣ написано на французской бумагѣ. Для XVI вѣка написаніе такого письма не въ Италіи несомнѣнно, за исключеніемъ единичныхъ случайностей. Если требуется, напримѣръ, опредѣлить происхожденіе какой-нибудь тетрадки, исписанной греческимъ текстомъ и относящейся къ XVI—XVII столѣтію, достаточно отмѣтить знаки бумаги. Видите, напримѣръ, знакъ *головка шута* (la folie)—будьте увѣрены, что это XVII вѣка и писано не на югѣ Европы, а или на сѣверо-западѣ, или въ Москвѣ. Если замѣчается—знакъ, напримѣръ, якорь въ кругу, смѣло можно говорить наоборотъ—эта греческая рукопись *южнаго* происхожденія. Для извѣстнаго періода времени румынское или южно-славянское происхожденіе славянскихъ рукописей, можетъ быть опредѣляемо съ перваго взгляда на бумагу.

Въ той же рецензіи мы встрѣчаемъ слѣдующее умозаключеніе: «tant que le répertoire géographique des moulins à papier n'aura pas été dressé région par région, tant que les dates extrêmes du fonctionnement de chacun d'eux et l'identification chronologique de leurs filigranes ne seront pas établies, il est imprudent *de généraliser* en pareille matière». Фраза эта замѣчательна по своимъ требованіямъ, по смыслу она соотвѣтствуетъ, напримѣръ, слѣдующей—«пока не описаны и не обнародованы документы всѣхъ архивовъ, во всѣхъ странахъ, имѣвшихъ архивы, пока историческій составъ каждаго изъ архивовъ не выясненъ детально съ момента поступленія первыхъ бумагъ и до послѣдняго времени, до тѣхъ поръ неблагоразумно дѣлать историческіе выводы на основаніи архивныхъ документовъ».

А вотъ двѣсти лѣтъ тому назадъ Даніель *ванъ-Папеброкъ* и *Мабильонъ* попробовали «généraliser» среди необъятнаго, неисчислимаго, разбросаннаго палеографическаго матеріала. Не говоря уже о томъ, какъ напуталъ *Папеброкъ*, и у *Мабильона* найдутся

и ошибки, и невѣрныя хронологическія опредѣленія, случалось даже, что онъ и поддѣлки считалъ за подлинники. *Мабильонъ* не сталъ дожидаться, когда для него опишутъ всѣ архивы и составятъ сводную исторію всѣхъ когда либо существовавшихъ канцелярій avec «les dates extrêmes du fonctionnement de chacune d'elles»—и все таки проложилъ дорогу, которую до сихъ поръ мудрые и осторожные его преемники только улучшаютъ, подсыпая то камешковъ, то песочку.

Другой критикъ Briquet извѣстный Maurice Prou въ «Revue critique» [1]) основываетъ свои сомнѣнія главнымъ образомъ на продолжительности существованія нѣкоторыхъ типовъ филиграней. Возраженіе наиболѣе распространенное, наичаще выставляемое всѣми сомнѣвающимися въ пользѣ филигранографіи. Какое, повидимому, возможно хронологическое опредѣленіе, когда такіе знаки, какъ *колоколъ*, *якорь*, *звѣзда*, *рожокъ*, *корона*, *орелъ*, *гроздь винограда* и др. съ XIV столѣтія употребляются вплоть до настоящаго времени, ставъ иногда даже обозначеніемъ формата.

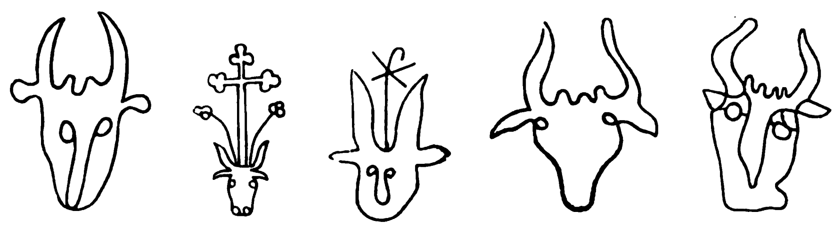
Странно только слышать такія возраженія отъ палеографовъ, всѣ наблюденія которыхъ основаны на постепенныхъ измѣненіяхъ въ очертаніяхъ буквъ алфавита, существующаго не сотни лѣтъ, а уже тысячелѣтія!

И видоизмѣненіе бумажныхъ знаковъ, какъ и буквъ алфавита, шло безпрерывно; хронологическія границы разновидностей не только возможны къ опредѣленію, но и удобно заключаются въ рамки небольшихъ періодовъ времени. Все дѣло лишь въ систематическомъ собираніи всякихъ (хотя бы и незначительныхъ) варіантовъ разновидности съ тщательной отмѣтой всѣхъ датированныхъ снимковъ.

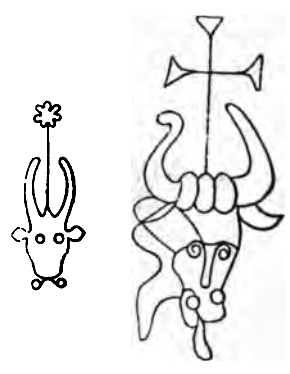
Возьмемъ хотя бы знакъ, изображающій *бычачью голову*. Появился онъ въ числѣ первыхъ филиграней въ началѣ XIV столѣтія и первоначально состоялъ изъ грубо очерченной головы съ рогами и изогнутой чертой въ серединѣ,. изображавшей носъ и глаза. Вскорѣ изображеніе носа пропадаетъ, глаза отдѣляются, иногда загнутыя линіи обозначаютъ ноздри. Вслѣдъ затѣмъ между рогами появляется черточка съ поперечной перекладиной въ видѣ креста, потомъ въ формѣ звѣздочки, потомъ между рогами помѣщается правильно зарисованная звѣзда. Линіи очертанія дѣлаются сложнѣе, то волнистая линія обозначитъ челку

[1]) „Revue critique" за 1893 годъ, № 1—отъ 2 Января, см. стр. 8.

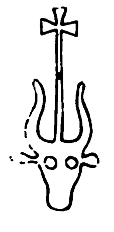
на лбу быка, то эта челка явится въ видѣ цѣлаго ряда неправильныхъ оваловъ между рогами.

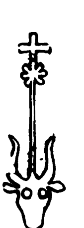


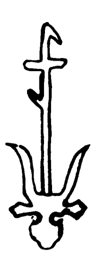
Таковъ одинъ отдѣлъ этой филиграни. Въ началѣ XV столѣтія появляется бычачья голова, украшенная уже не черточкой между рогами, а двумя, идущими параллельно въ видѣ палки, заканчивающейся розеткой или цвѣткомъ.



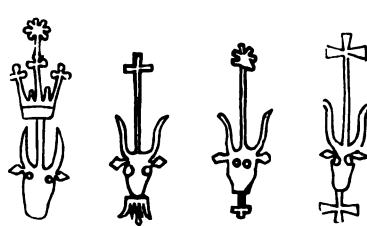
Этотъ типъ господствуетъ во второй половинѣ XV столѣтія въ цѣломъ рядѣ разновидностей. Стволъ между рогами заканчивается то крестомъ, сверху котораго еще звѣздочка изъ черточекъ, то крестомъ, сверху котораго розетка, то крестомъ, сверху котораго загнутый конецъ ствола.







Иногда на стволѣ, кромѣ креста или розетки, еще корона; иногда эта корона снизу подъ бычачьей головой; иногда на мѣсто короны подъ головою крестъ; иногда украшенія въ видѣ розетки, напримѣръ, находятся внутри головы.

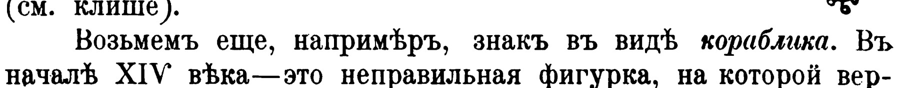


И такихъ видоизмѣненій можно бы указать и еще нѣсколько.

Въ началѣ второй половины XV вѣка появляется новый и очень интересный типъ: стволъ между рогами обвиваетъ змѣя. Сначала змѣя изображается просто изогнутой черточкой (см.

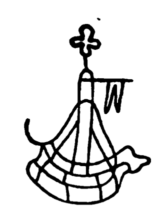
клише), въ семидесятыхъ же годахъ устанавливается знаменитый общеизвѣстный знакъ рисунка прилагаемаго клише.

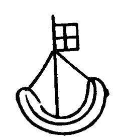
Различныя разновидности филиграни *бычачьей головы* съ крестомъ, обвитымъ *змѣею*, уходятъ далеко въ XVI столѣтіе, въ искаженіяхъ и контрафакціяхъ встрѣчаясь даже въ половинѣ его. Повидимому одинъ и тотъ же типъ употребляется очень долго, чуть не столѣтіе, но и его мы можемъ легко разбить на рядъ разновидностей въ хронологической послѣдовательности. И превосходно вычерченную фигуру этого знака въ рисункѣ приложеннаго выше клише никакъ нельзя смѣшать съ подражаніями, встрѣчающимися въ тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія (см. клише).



Возьмемъ еще, напримѣръ, знакъ въ видѣ *кораблика*. Въ началѣ XIV вѣка—это неправильная фигурка, на которой вертикальная черта съ поперечиной въ видѣ крестика изображаетъ мачту, въ знакѣ семидесятыхъ годовъ того же столѣтія на мачтѣ уже нарисованы два, одинъ надъ другимъ, паруса.

Филигрань въ видѣ *кораблика*, встрѣчающаяся въ инкунабулахъ, то есть знакъ второй половины XV столѣтія, представляетъ сложный рисунокъ съ черточками, изображающими снасти, и съ флагомъ.





Но и съ этимъ послѣднимъ типомъ, конечно, нельзя смѣшать ни тотъ маленькій *корабликъ*, варіантъ котораго находится среди филиграней первопечатнаго Московскаго Апостола 1564 года и попадается въ актахъ и рукописяхъ тысяча пятьсотъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, ни тотъ огромный корабль, который фигурируетъ нерѣдко въ русской бумагѣ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія.

Употребленіе одного и того же знака въ разныхъ странахъ еще не служитъ серьезнымъ препятствіемъ къ разграниченію разновидностей. При внимательномъ отношеніи къ датированнымъ варіантамъ почти всегда можно установить и время, и происхожденіе бумаги.

Одно изъ наиболѣе неблагопріятныхъ обстоятельствъ при

опредѣленіи филиграней—это возможность повторенія примитивныхъ типовъ на извѣстномъ пространствѣ времени, но и въ этомъ случаѣ всегда найдется средство такъ или иначе различить эти два наслоенія. Такъ укажемъ два примѣра:

1) Примитивная филигрань въ видѣ двухъ круговъ съ крестомъ находится въ числѣ документовъ 1319 года (архива города Сіены). Знакъ очень малой величины, довольно неправильной формы=древнѣйшій типъ филиграни. Того же рисунка и той же величины (что особенно важно) знакъ повторяется въ документахъ 1390 года (того же архива). Тщательное сравненіе указываетъ, что знакъ 1319 года, *какъ и всѣ наидревнѣйшія филиграни*, отличается толщиной очертаній. При сходствѣ знака рѣзкое различіе въ бумагѣ: бумага 1390 года тоньше, лучше выдѣлана, vergeures отличаются шириною.

2) Знакъ въ видѣ *боченка* или *фляги* съ ручкой зарисованъ на таблицѣ XXII подъ № 104 изъ документовъ 1324 года (Сіенскаго архива). Совершенно схожаго рисунка знакъ повторяется въ италіанской же бумагѣ конца XIV вѣка. И въ этомъ случаѣ при сходствѣ очертаній нужные отличительные признаки намъ дадутъ побочныя наблюденія: a) бумага 1324 года очень толстая, vergeures средней ширины, рисунокъ знака весьма толстыхъ очертаній, b) бумага съ тѣмъ же знакомъ, но конца столѣтія—лучшей выдѣлки, отличается необыкновенно широкими vergeures, очертанія знака гораздо тоньше.

Указавъ основанія, на которыхъ зиждется хронологическая показательность бумажныхъ водяныхъ знаковъ, прежде чѣмъ приступить къ опредѣленію того, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться этой показательностью, мы должны припомнить и изложить вкратцѣ нѣкоторыя основныя положенія, вытекающія изъ исторіи бумажнаго производства [1]).

Въ тотъ маментъ, когда установился обычай мѣтить бумагу *филигранью*, то есть въ исходѣ XIII столѣтія, изъ всѣхъ государствъ Европы Италія занимала исключительное положеніе. Если не считать Испаніи, бумага которой никогда не распространялась за предѣлы полуострова, во всей Европѣ дѣло про-

[1]) Вопросамъ о происхожденіи бумаги посвящена книга „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ“ (Спб. 1891. 8°).

изводства бумаги находилось въ самомъ зачаточномъ состояніи. Одна Италія соперничала съ Востокомъ и быстро вытѣсняла бумагу его съ европейскихъ рынковъ. Мало того, благодаря венеціанцамъ, италіанская бумага проникала и на Востокъ. *Сахави* часть своей исторіи Египта написалъ на «франской» бумагѣ [1]).

Несомнѣннымъ является очень важный для насъ фактъ, что Италія—очагъ бумажнаго производства и оригинальныхъ бумажныхъ знаковъ—въ теченіе всего XIV столѣтія и первыхъ дѣсятилѣтій XV-го поставляла бумагу для всей Европы, съ одинаковой быстротой доставляя свои продукты на сѣверъ во Фландрію и на востокъ въ черноморскія колоніи. Франція первая стала освобождаться отъ господства италіанской бумаги. Выдѣлка бумаги началась во Франціи, повидимому, очень рано, но долго дѣло ограничивалось мѣстнымъ потребленіемъ. Только въ первой половинѣ XV столѣтія мельницы Шампани и Лотарингіи [2]) настолько процвѣли, что начали распространять свои продукты по Европѣ. Черезъ Фландрію и ганзейскіе города французская бумага проникла и на Русь. Къ началу XVI столѣтія весь сѣверъ Европы былъ утраченъ для италіанскихъ фабрикантовъ, и XVI вѣкъ является временемъ господства французской бумаги. Въ это время Европа какъ бы разграничена, по отношенію къ иностранной бумагѣ, на двѣ половины—сѣверную, пишущую на французской бумагѣ, и южную, употребляющую почти исключительно италіанскую. Но этотъ же вѣкъ является и временемъ развитія бумажнаго производства въ другихъ государствахъ, Со второй половины XV столѣтія появляется внѣ мѣстныхъ рынковъ германская бумага, съ конца того же вѣка возникаютъ польскія мельницы, постепенно вытѣсняющія иностранную бумагу въ мѣстномъ потребленіи и въ первой уже половинѣ XVI столѣтія выбрасывающія часть своихъ продуктовъ за рубежъ въ сосѣднюю Московію. На югѣ Европы—на Балканскомъ полуостровѣ—появляется примѣсь бумаги нѣмецкой и даже (въ очень рѣдкихъ случаяхъ) венгерской въ видѣ исключенія. Къ концу XVI столѣтія Германія у себя дома почти вытѣснила мѣстной бумагой бумагу привозную, которая

---

[1]) Среди восточныхъ рукописей, начиная съ XVI столѣтія, европейская бумага уже не составляетъ рѣдкости.

[2]) Лотарингской бумагѣ принадлежатъ знаки въ видѣ ЭС и la folie, происхожденіе которыхъ въ книгѣ „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы“ я ошибочно отнесъ Голландіи.

стала употребляться лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ роскошь, такъ какъ въ бѣлизнѣ и прозрачности нѣмецкая бумага все еще уступала иностранной. Голландія, столь знаменитая своей бумагой въ XVIII столѣтіи, все время, вплоть до второй половины XVII вѣка, служила какъ бы складомъ для французской бумаги. «Nos papiers», говоритъ Lacroix [1]), «étaient expédiés à Saint-Malo, au Havre, à Nantes, à la Rochelle, à Bordeaux. De ces ports on les embarquait pour la Grande Bretagne et notamment pour la Hollande, qui n'était, pour ainsi dire, qu'un entrepôt où nos marchandises arrivaient pour être exportées dans tous les pays du monde». Война съ Голландіей и уничтоженіе Нантскаго эдикта вызвали цѣлое переселеніе бумажныхъ фабрикантовъ гугенотовъ. Французское правительство само подарило родное производство бумаги Голландіи и отчасти Англіи, которая только въ еще болѣе позднее время выступаетъ на поприще международнаго торга бумагой.

Такимъ образомъ, при изслѣдованіи бумажныхъ водяныхъ знаковъ мы должны считаться съ слѣдующими основными фактами. Италія, родина филиграней, въ теченіе всего XIV столѣтія и значительной части XV-го распространяла свою бумагу по всей Европѣ, а сама ни въ это время, ни въ послѣдующія два столѣтія чужой бумаги не употребляла. Франція пользовалась изъ иностранныхъ только италіанской бумагой и съ первой четверти XV вѣка сама стала такимъ же центромъ производства и распространенія бумаги. Всѣ прочія страны долгое время употребляли сначала одну италіанскую, потомъ и италіанскую и французскую бумаги, при чемъ даже съ возникновеніемъ собственнаго производства не переставали потреблять иностранную бумагу, достигшую высокой степени совершенства, недоступной для мѣстныхъ фабрикантовъ.

На основаніи этихъ фактовъ мы можемъ сдѣлать важный для филиграфіи выводъ, что рукописи и документы италіанскіе, французскіе, латинскіе, голландскіе, нѣмецкіе, польскіе— всѣ одинаковый источникъ для соображеній, всѣ могутъ представить цѣнныя хронологическія указанія. Особенно это рельефно для XIV-го столѣтія. Знаки какой нибудь болгарской рукописи этого времени могутъ служить базой хронологическаго опредѣленія русской недатированной рукописи, и нао-

---

[1]) A. Lacroix „Historique de la papeterie d'Angoulême" (Paris, 1863. 8°), стр. 8.

боротъ. Мало того—знаки еврейской рукописи, написанной въ Крыму на бумагѣ, привезенной генуезцами, свободно сопоставляются съ филигранями манускриптовъ, написанныхъ въ Голландіи, италіанскихъ документовъ Флоренціи, русскихъ грамотъ Московіи—потому что все это памятники, для написанія которыхъ употребленъ одинъ и тотъ же матеріалъ. Слѣдуетъ лишь принимать въ соображеніе, что между потребленіемъ одной и той же бумаги, напримѣръ, въ Голландіи, на Аѳонѣ, въ Болгаріи и Московской Руси долженъ былъ протекать неодинаковый промежутокъ времени, разность котораго пропорціональна съ одной стороны разстоянію мѣстъ потребленія отъ страны производства, а съ другой—степени развитія торговыхъ сношеній. Понятно, что разность эта не могла быть большей, чѣмъ нѣсколько лѣтъ, каковой промежутокъ времени теоретически сводится на нѣтъ вслѣдствіе того факта, что и въ странѣ производства бумага конечно потребляется не всегда въ тотъ же годъ, какъ выдѣлана.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ хранятся [1]) подлинное письмо короля Генриха Наваррскаго отъ 25 Сентября 1569 года. Листокъ бумаги имѣетъ филигрань, состоящую изъ двухъ буквъ—«F.P» и года «1568», украшенныхъ короною. Такой промежутокъ времени является наиболѣе нормальнымъ. Значительная часть русской бумаги XVIII столѣтія помѣчена знаками, въ которые, какъ составная часть, входятъ цифры года. Просматривая листы манифестовъ и указовъ въ оригинальныхъ изданіяхъ, мы можемъ убѣдиться, что въ большинствѣ случаевъ между производствомъ бумаги и напечатаніемъ листа проходило отъ одного до трехъ лѣтъ [2]). Очень цѣнно замѣчаніе C. M. Briquet [3]) по поводу работы N. Barone, зарисовавшаго филиграни бумагъ неаполитанскаго архива,—«les plus anciennes marques recueillies par lui (то-есть Barone), (et nous pourrions en ajouter plusieurs autres relevés

---

[1]) Автографы, портф. LVI, № 21

[2]) Впрочемъ, я спѣшу оговориться, что начиная съ XVII столѣтія на западѣ и съ XVIII въ Россіи становятся возможными рѣзкія исключенія. Бумага подешевѣла, а правительственныя учрежденія становились все сложнѣе и сложнѣе. Отсюда большіе запасы бумаги и меньшій ихъ учетъ, въ результатѣ чего возможность накопленія, писанія и печатанія на остаткахъ залежалой бумаги.

[3]) *Ch. M. Briquet:* „Sur les papiers usités en Sicile à l'occasion de deux manuscrits en papier dit de coton“ (Palermo, 1892, 8°), стр. 11.

lors de notre visite aux Grandes Archives) existent à Fabriano ou à Bologne quelques années avant leur apparition à Naples». Значитъ, въ предѣлахъ самой страны производства распространеніе бумаги можетъ растянуться до тѣхъ нѣсколькихъ лѣтъ, которыя предполагаются между производствомъ и использованіемъ бумаги въ странѣ потребленія.

Если мы возьмемъ нѣсколько сборниковъ филиграней, зарисованныхъ въ разныхъ странахъ, то сопоставленіе *тожественныхъ* филиграней укажетъ намъ, насколько высказанное положеніе справедливо.

Возьмемъ, напримѣръ, италіанскій сборникъ—*Briquet* [1]), составленный во Франціи—*Midoux et Matton* [2]), въ Голландіи—*Stoppelaar*'а [3]), въ Германіи—*Kirchner*'а [4]) и *Keinz*'а [5]), Польшѣ—*Piekosinskiego* [6]). Сравнивая ихъ, мы встрѣтимъ рядъ знаковъ настолько сложныхъ и типичныхъ, что тожество ихъ не можетъ быть случайнымъ.

Таковы, напримѣръ:

a) Корабликъ (см. рисунокъ клише) = на нашихъ таблицахъ зарисованъ подъ №№ 207—209—изъ италіанскихъ документовъ 1374 и 1379 гг.; подъ №№ 3759—3761—изъ греческой рукописи, написанной въ 1368 г. Въ сборникѣ Briquet—№ 480—изъ документовъ 1371 г. у *Stoppelaar*'а pl II, № 1,—изъ памятниковъ 1372 г., у *Keinz*'а № 137—изъ рукописи 1366 года.

b) Очертанія головы какого то животнаго. См. *F. Piekosinski*, № 474 — изъ рукописи 1390 года; *E. Kirchner*, № 90 — изъ рукописи 1389 года, *F. Keinz*, № 237—изъ памятника 1390 года.

c) *Конь* взнузданный, съ поводомъ, привязаннымъ къ кольцу, см. *Briquet*, № 75—изъ документа 1367 года, *F. Keinz*, № 229 — изъ документовъ того же 1367 года, на нашихъ таблицахъ №№ 173 и 174—изъ ита-

---

1) *C. M. Briquet:* „Papiers et filigranes des archives de Gênes“ (Genève, 1888).

2) *E. Midoux* et *A. Matton*: „Étude sur les filigranes des papiers, employés en France aux XIV et XV siècles“ (Paris, 1868).

3) *Stoppelaar*: „Het Papier in de Nederlanden gedurende de Mlddeleeuwen“ (Middelburg, 1868).

4) *E. Kirchner*: „Die Papiere des XIV Jahrhunderts im Stadtarchive zu Frankfurt a. M.“ (Frankfurt, 1893).

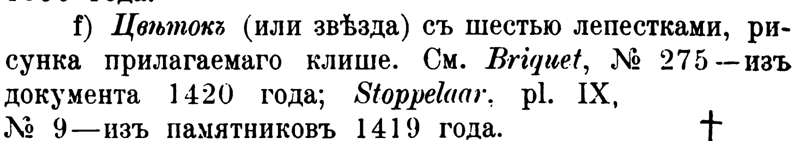
5) *F. Keinz*: „Die Wasserzeichen des XIV Jahrhunderts“ (München, 1896).

6) *F. Piekosincki*: „Sredniowieczne znaki wodne“ (W Krakowie, 1893, 4⁰).

ліанскихъ документовъ отъ Января 1373 года. *C. M. Brique* зарисовалъ *восемь* варіантовъ этого знака съ 1366 по 1378 годъ всего лишь на протяженіи 13 лѣтъ (и только!), просмотрѣвъ архивы городовъ *Генуи*, *Пизы*, *Пистойи*, *Венеціи*, *Магелоны*, *Ліона*, *Невшателя* [1]).

d) Геральдическая *лилія* (рисунка прилагаемаго клише). См. *Briquet*, № 295—изъ документовъ 1364 и 1373 годовъ: *Midoux*, № XXII — 1364 года; *Sotheby* («Principia typographica»), изъ документовъ въ Гаагѣ — 1366 — 1367 годовъ. На нашихъ таблицахъ №№ 215—218— изъ италіанскихъ документовъ 1360— 1381 годовъ.

e) *Колесо*, украшенное крестомъ (см. рисунокъ прилагаемаго клише). См. *Midoux*, № 47 — изъ актовъ 1400 года; *Stoppelaar*, pl. I, № 5— 1399 года.



f) *Цвѣтокъ* (или звѣзда) съ шестью лепестками, рисунка прилагаемаго клише. См. *Briquet*, № 275—изъ документа 1420 года; *Stoppelaar*, pl. IX, № 9—изъ памятниковъ 1419 года.

g) *Крестъ* прилагаемаго рисунка. См. *Midoux*, № 224—изъ актовъ 1432—1434 гг.; *Stoppelaar*, pl. III, № 7— 1434 года.

h) *Держава*. См. *Midoux*, № 227— изъ документовъ 1494 года, *Stoppelaar*, pl. I, № 13—того же 1494 года.

i) *Сирена* рисунка клише. См. *Midoux*, № 7 — изъ документовъ 1425 — 1428 годовъ; *Stoppelaar*, pl. II, № 12—1425 года

j) *Сирена* малой величины (клише). См. *Midoux*, № 8—изъ документовъ 1470— 1481 годовъ; *Stoppelaar*, pl II, № 13—1472 г.

k) *Башня*. См. *Midoux*, № 131 —изъ документовъ 1470 — 1474 годовъ; *Stoppelaar*, pl. V, № 3— изъ памятника, написаннаго въ 1470 году.

---

[1]) „De la valeur des filigranes du papier“ (Genève, 1892), стр. 10.

l) *Раковина* (типа клише). См. *Midoux*, № 207—изъ документовъ 1475—1480 годовъ; *Stoppelaar*, pl. IV, 6—1481 года; *Desbarreaux-Bernard* («Catalogue des incunables de la Bibliothéque de Toulouse»), № 84—изъ книги, напечатанной въ Парижѣ въ 1476 году.

m) *Розетка* или *четырехлистникъ* (рисунка клише). См. *Midoux*, № 305—изъ документовъ 1487—1489 годовъ; *Stoppelaar*, pl. IV, № 11—изъ документа 1491 года.

n) *Ключи*. См. *Midoux*, № 231—изъ документовъ 1467—1468 годовъ, *Stoppelaar*, pl. III, № 14—изъ документа 1469 года.

Мы привели цѣлый рядъ италіанскихъ и французскихъ филиграней и сопоставили даты, подъ которыми они занесены въ отечественныхъ и чужеземныхъ сборникахъ. Получается впечатлѣніе одновременнаго потребленія. Знакъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ употреблявшійся въ странѣ производства, подъ однимъ изъ этихъ годовъ встрѣчается и въ Голландіи. Только изрѣдка дата голландскаго сборника на нѣсколько лѣтъ переходитъ за границу періода употребленія знака, отмѣченнаго, напримѣръ, во французскомъ сборникѣ.

Нетрудно объяснить причины такихъ важныхъ и любопытныхъ хронологическихъ совпаденій. Еще въ XIV столѣтіи, какъ сохранились документальныя свидѣтельства, италіанскіе корабли ежегодно привозили во Фландрію въ числѣ прочихъ товаровъ и бумагу, а сношенія Франціи съ Голландіей были безпрерывны.

Чтобы опредѣлить значеніе полученнаго нами вывода по отношенію къ бумагѣ русскихъ рукописей и документовъ, необходимо предварительно выяснить—какая иностранная бумага употреблялась на Руси и въ какое время.

Болѣе чѣмъ двухсотлѣтнее пребываніе Руси подъ игомъ монголовъ, тѣсная связь Золотой Орды съ Средней Азіей невольно выставляютъ впередъ вопросъ о восточной бумагѣ. Конечно, прежде всего желательно было бы узнать, какую бумагу употребляли въ самой Золотой Ордѣ. И тутъ то мы встрѣчаемся съ многознаменательнымъ фактомъ. До насъ дошло два ярлыка *Тохтамыша*—одинъ отъ 1382 года писанъ по объясненію *В. В. Григорьева* [1]) на лощеной и желтоватой бумагѣ, происхожденіе

[1]) „Ярлыки Тохтамыша и Сеадетъ-Герая въ литографированныхъ снимкахъ работы *К. Я. Тромонина*, съ транскрипціею и переводомъ *Я. О. Ярцова*, съ введеніемъ и примѣчаніями *В. В. Григорьева*“ (Одесса, 1844. 4°), стр. 2.

которой остается, такимъ образомъ, неизвѣстнымъ, другой же, относящійся къ 1392—1393 году, писанъ по указанію князя *М. А. Оболенскаго* [1]) «на двухъ листкахъ лощеной бумаги... въ обоихъ находится *знакъ бычачьей головы*». Несомнѣнно, слѣдовательно, европейское и именно италіанское происхожденіе бумаги.

Значеніе этого факта первостепенной для насъ важности могло бы быть выяснено и подкрѣплено или, наоборотъ, низведено на степень исключительнаго случая, если бы можно было воспользоваться раскопками Сарая, произведенными чиновникомъ *Терещенко*. Въ «Запискахъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества» [2]) помѣщена статья этого археолога—«Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая», въ которой находится рядъ драгоцѣнныхъ указаній. Таковы напримѣръ:

a) стр. 386—«въ одномъ мѣстѣ были отрыты листы бумаги на которыхъ находились кусочки восковыхъ печатей и синіе шнурки, плетены серебряно-золотою нитью».

b) стр. 388—«...двѣ послѣднія вещи отрыты на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найдены были чернильницы и кусочки писаной бумаги, украшенной золотомъ и незабудками».

c) стр. 378—указаніе, что найдены—«...песочницы, чернильницы, монеты, пережженная бумага и *листки цѣлой* съ выписанными на ней золотыми незабудками и золотыми по краямъ ободками; вверху одного листа замѣтны писанныя золотомъ буквы»...

d) на стр. 382—упоминается «перетлѣвшая бумага, свинцовая печать съ изображеніемъ на ней тигра».

e) стр. 398—«кипы бумаги исписанной по татарски» и, наконецъ, на стр. 401—описывается находка просто цѣлаго архива.

Гдѣ находятся теперь всѣ эти остатки, драгоцѣнные для дипломатики и сфрагистики, я не могъ узнать, да и сомнѣваюсь, сохранились ли они!

Въ XV столѣтіи, какъ московскіе купцы, такъ и крымскіе ордобазарцы вели дѣятельную торговлю съ Турціей и проникали во многіе порта Средиземнаго моря.

---

[1]) „Ярлыкъ хана Золотой Орды Тохтамыша къ польскому королю *Ягайлу*" изданъ княземъ *М. А. Оболенскимъ* (Казань, 1850. 8°), см. стр. 12 и 18.

[2]) См. томъ II. Извлеченіе изъ оффиціальныхъ донесеній г. *Терещенко* было напечатано подъ заглавіемъ. „Четырехлѣтніе археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая" въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" за 1847 годъ, въ кн. 9. Отд. отт. на 27 стр. По содержанію обѣ статьи схожи.

Въ наказѣ, который былъ написанъ 23 марта 1486 года, что говорить посланнику, ѣдущему въ Крымъ, читаемъ—[1]) «...князь велики велѣлъ тебѣ говорити; нашъ торговецъ Ивашко *Жегловъ былъ за моремъ*, да пришелъ изъ заморья въ твою Орду да тутъ его въ животѣ не стало въ твоей Ордѣ... [2]) Въ 1508 году крымскій ханъ Менгли-Гирей писалъ къ Василію III [3]): «Отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ и отъ твоего отца и дѣда *наши ордобазарцы* на Москву и въ иные ваши городы хаживали и нигдѣ съ нихъ тамги не имывали... и въ Азямы, и въ Мисюрь, и въ Шамъ, и въ Римъ ходятъ, а нигдѣ съ нихъ тамги не емлютъ; вось такъ и въ Литовскую землю ходятъ и къ Ляхомъ и къ Волохомъ, а нигдѣ съ нихъ тамги не емлютъ»...

Въ древнѣйшихъ памятникахъ дипломатическихъ сношеній съ Востокомъ неоднократно упоминается бумага, но это вѣсовой товаръ—*вата*. Такъ, къ 1488 году относится извѣстіе о привозѣ «да дватцать нюгъ *бумаги клупчятой...*» [4]), въ Августѣ 1498 года Менгли-Гирей указываетъ въ числѣ товаровъ своего гостя Гортемира—«3 кантари бумаги» [5]).

Однако употребленіе и писчей бумаги было настолько обычно, что можно указать случай, когда слово «бумага» равнозначуще слову *грамота*. Такъ подъ Ноябремъ 1504 года записано [6]): «Менгли-Гиреево слово... что еси къ намъ прислалъ съ своимъ казакомъ съ Тевекелемъ *бумагу*, и въ ней писано»... Но нѣтъ ни одного извѣстія о привозѣ восточной писчей бумаги. Наобо-

---

[1]) Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ., т. XLI, стр. 47.

[2]) Немного позднѣе—23 Февраля 1515 года, турецкій посолъ *Камалъ* говорилъ—„которые *гости придутъ русскіе* и изъ иныхъ государствъ во *государя* нашего землю, да котораго гостя не станетъ, и того живота на государя нашего не емлютъ“ (Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ., т. XCV, стр. 99).

[3]) Ibidem, т. XCV, стр. 28.

[4]) Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общества, т. XXXV, стр. 30 (упомянуто въ Мартѣ 1489 года).

[5]) Ibidem, т. XLI, стр. 268, Въ „Трудахъ Восточнаго Отдѣленія“, томъ XX, стр. 305—найдемъ указаніе на русскій вѣсъ—„7 пудъ бумаги хлопчатые“ (Сентябрь 1595 года)

[6]) Ibidem, т. XLI, стр. 539. Любопытно упоминаніе бумаги, употребляемой какъ конвертъ въ самомъ началѣ XVI столѣтія. Въ грамотѣ къ Александру Яковлевичу *Голохвостову* отъ 15 Іюля 1502 года говорится: „...а что послана грамота съ Кадышомъ къ салтану да соболь поминка, и та *грамота зашита въ бумагу*, да запечатана, а у соболя печать Дмитрея Володимерова, да и подписанъ тотъ соболь дати салтану. И какъ пріѣдетъ къ тебѣ Кадышъ, и ты бы у него ту грамоту взявъ, да распечаталъ, да *изъ бумаги выняль*, да ему же далъ“... (Ibidem, стр. 428—429).

ротъ, какъ бы въ дополненіе къ свидѣтельству бумаги ярлыка *Тохтамыша* мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій объ отправкѣ бумаги изъ Москвы къ восточникамъ. Въ Сентябрѣ 1537 года князь Ногайскій *Шийдякъ* проситъ прислать ему, между прочимъ, 1000 листовъ бумаги [1]). Въ октябрѣ 1549 года Юсуфъ князь проситъ прислать 500 листовъ бумаги [2]). Въ Маѣ 1551 года между прочими припасами князю Юсуфу послана была изъ Москвы и *писчая бумага* [3]). Въ Іюлѣ 1577 года присланы въ Москву грамоты изъ Ногай отъ сына Урусъ мирзы—«а се переводъ Урус мирзина сына Сханъ мирзины грамоты»—«билъ есми челомъ, а прошалъ.., чтоб еси пожяловал прислалъ бумаги пищие... [4])». 25 Сентября 1595 года съ персидскимъ посломъ *Андибекомъ* повезли и писчую бумагу [5]). Послѣ всего сказаннаго не будетъ неожиданностью, если я скажу, что несмотря на поиски и просмотръ весьма значительнаго числа рукописей и актовъ, мнѣ неизвѣстно ни одной старой русской рукописи, ни одного документа, написаннаго на восточной бумагѣ.

Вопросъ объ италіанской бумагѣ въ Московскомъ государствѣ и на Руси вообще разрѣшается очень просто. На такой бумагѣ написаны всѣ древнѣйшіе памятники. Къ концу первой половины XV вѣка начинается постепенное вытѣсненіе италіанской бумаги другими и къ половинѣ XVI вѣка она совершенно исчезаетъ, появляясь только въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ (напримѣръ, нѣкоторые документы смутнаго времени).

Время появленія французской бумаги на Руси можетъ быть опредѣлено путемъ филиграней. Двѣ договорныя грамоты 1428 года писаны, напримѣръ, на бумагѣ съ знакомъ, изображающимъ дельфина [6]). Немного позднѣе появляются знаки, которые уже не оставляютъ никакихъ сомнѣній Въ Московской Синодальной библіотекѣ хранится подъ № 419 житіе св. Григорія Омиритскаго, рукопись 1452 года. Среди знаковъ бумаги, на которой написано это житіе, мы найдемъ филигрань рисунка

---

[1]) Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики, ч. VIII, стр. 26.

[2]) Ibidem, ч. VIII, стр. 176 (Ногайскихъ статейныхъ списковъ, кн. 3).

[3]) Ibidem, ч. VIII, стр. 239.

[4]) Ногайскіе статейные списки, кн. № 8, л. 74.

[5]) „Труды Восточнаго Отдѣленія", ч. XX, стр. 311.

[6]) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, ч. I, №№ 43 и 44. Припомнимъ, что и Ипатскую лѣтопись надо считать написанной на французской бумагѣ (около 1425 года).

приложеннаго клише и другую, подобную ей, только съ буквою S подъ щитомъ и линіей, пересѣкающей щитъ, то есть = «écu aux armes du bâtard de Bourbon» (?). Буква «t» въ первомъ знакѣ несомнѣнное указаніе на фабрики города Труа въ Шампани.

Въ то же самое время французская бумага констатируется и на югѣ Россіи. Въ собраніи князя М. А. Оболенскаго [1]) подъ № $^{83}/_{69}$ хранится Патерикъ Печерскій (in 4°, на 354 л.), рукопись, написанная въ самой Кіево - Печерской Лаврѣ и оконченная писаніемъ при архимандритѣ Николаѣ 10 апрѣля 1462 г. Писана она на бумагѣ съ знаками: 1) въ видѣ маленькаго совершенно гладкаго кувшинчика и 2) въ видѣ гербоваго щита съ тремя геральдическими лиліями и буквою «t», то есть того знака, рисунокъ котораго мы только что привели.

Хотя бумажныя мельницы существовали въ Польшѣ несомнѣнно и въ XV столѣтіи, но чисто польскіе знаки появляются нѣсколько позднѣе. Мы можемъ указать изображеніе герба Гоздава въ книгахъ, напечатанныхъ въ Краковѣ въ 1504 году [2]). Тотъ же гербъ мы найдемъ въ бумагѣ Евангелія, написаннаго въ Толгскомъ Ярославскомъ монастырѣ съ 8 сентября 1507 по 26 іюня 1508 года [3]). Начиная съ тридцатыхъ годовъ XVI-го вѣка, польская бумага въ русскихъ рукописяхъ и актахъ не составляетъ уже рѣдкости.

Опредѣленіе старѣйшей нѣмецкой бумаги представляетъ значительныя затрудненія вслѣдствіе довольно поздняго появленія гербовыхъ знаковъ, которые дѣлали бы рѣшеніе вопроса о происхожденіи бумаги несомнѣннымъ.

Рукопись Импер. Публ. Библ., F. I, № 506—Келейное тетроевангеліе митрополита *Макарія*—написано въ Новгородѣ въ 1527 году на бумагѣ съ знакомъ въ видѣ одноглаваго геральдическаго орла. Эту бумагу можно считать нѣмецкой.

Что касается до привоза бумаги Ганзейскими купцами, а

---

[1]) Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

[2]) См. на таблицахъ прилагаемаго альбома подъ №№ 3492 и 3495.

[3]) Рукопись Имп. Публ. Библ. Древлехр. М. П. Погодина, № 186. Какъ въ нѣмецкой, такъ и въ польской бумагѣ встрѣчаются контрафакціи (правильнѣе просто имитаціи италіанскихъ знаковъ) Между прочимъ укажемъ, напримѣръ, на рукопись 1552 года Древлехр. М. П. Погодина, № 894 (Апокалипсисъ), въ бумагѣ которой изображеніе герба Одровонжъ чередуется съ знакомъ малой тіары.

потомъ черезъ Архангельскъ англичанами, то и тѣ, и другіе возили чужую бумагу; такъ, англичанинъ *Рельфъ* въ 1585 году писалъ въ Москву, что среди товаровъ, привезенныхъ на десяти корабляхъ въ Архангельскъ, между прочимъ, находится *четыреста стопъ бумаги* [1]), но эта бумага, какъ показываютъ памятники эпохи, была чисто-французская, или лотарингская.

Появленіе голландской бумаги въ Москвѣ довольно позднѣе (вторая половина XVII вѣка), но она замѣчательно быстро вытѣснила всякую другую бумагу и къ первой четверти XVIII столѣтія изъ рукописей, написанныхъ на *хорошей* бумагѣ, можно сказать, девять изъ десяти окажутся на бумагѣ съ знакомъ, изображающимъ гербъ города Амстердама.

Голландская бумага получила распространеніе уже въ то время, когда въ Москвѣ завелись и собственныя мельницы. Въ Приходо-расходной книгѣ Печатнаго приказа, № LXI, подъ 29 апрѣля 1662 года находимъ драгоцѣнное извѣстіе, что было продано—«*бумаги московскаго дѣла* осмь стопъ по три рубли стопа, итого двадцать четыре рубли» (л. 169).

Исторія бумажныхъ мельницъ въ Московскомъ государствѣ была уже изложена нами [2]), цѣнныя дополненія находятся въ извѣстныхъ работахъ проф. *Цвѣтаева* по исторіи протестантизма въ Россіи, о мельницѣ *Сведена* издано цѣлое дѣло 1684 года [3]),—свѣдѣній много, но указанія на бумагу *московской выдѣлки* болѣе чѣмъ рѣдки. Филиграни такой мѣстной бумаги мы должны опредѣлять путемъ косвенныхъ наведеній и признаковъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, старѣйшія русскія филиграни представляютъ имитаціи иностранныхъ. Послѣдовательно имитировались знаки la folie, гербъ Амстердама и впослѣдствіи «Pro patria». Филигрань la folie = голова шута встрѣчается въ приказныхъ дѣлахъ въ грубой сѣроватой бумагѣ даже тогда, когда уже знакъ этотъ пересталъ употребляться въ оригинальной, имъ мѣченой бумагѣ. Въ связкахъ Патріаршаго Дворцоваго Приказа употреблявшаго, какъ сохранилось документальное указаніе, между прочимъ, бумагу съ под московной мельницы, заведенной въ 1704 году, мнѣ удалось найти такія искаженія

---

[1]) Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ., т. XXXVIII, стр. 238.

[2]) Въ книгѣ „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ“ (Спб. 1891).

[3]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. XI, № 31.

Амстердамскаго герба, которыя не оставляютъ сомнѣній въ ихъ русскомъ происхожденіи. Конечно, никакой голландецъ не изобразилъ бы на гербовомъ щитѣ вмѣсто трехъ соприкасающихся концами крестовъ, двѣ идущія зигзагами линіи, изъ которыхъ можно выкроить не менѣе пяти крестовъ. Впрочемъ, надо оговориться, что нѣкоторыя изданія Тессинга въ Амстердамѣ напечатаны на бумагѣ съ искаженнымъ гербомъ гор. Амстердама. Значитъ, и въ Голландіи существовала бумага съ филигранями, вольно передававшими изображенія мѣстныхъ гербовъ. Въ тѣхъ же связкахъ Патріаршаго Приказа, о которыхъ мы только что говорили, находимъ мы и древнѣйшій русскій гербовый знакъ— въ видѣ россійскаго *двуглаваго орла*. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось зарисовать этой филиграни — рисунокъ орла очень тщательно выгнутъ, весьма сложенъ, такъ что очертанія его сливались до полной неясности

Значительно позднѣе явились гербовые знаки частныхъ лицъ, едва ли не первый примѣръ подалъ баронъ *Сиверсъ*. Подражая западнымъ, русскіе фабриканты на обложкахъ стопъ печатали свои знаки. Прилагаемое при семъ клише изображаетъ русское подражаніе знаку «Pro Patria», фотографированное съ обложки бумаги фабрики Саввы Яковлева, находившейся въ Ярославской губерніи.

Выяснивъ вопросъ о томъ, какую и въ какое время иностранную бумагу мы можемъ расчитывать встрѣтить въ рус-

скихъ рукописяхъ, мы должны теперь вернуться къ вопросу о томъ, какой промежутокъ времени протекалъ въ среднемъ между производствомъ бумаги и ея потребленіемъ. Раньше мы говорили о потребленіи италіанской бумаги въ Западной Европѣ, теперь попробуемъ сгруппировать данныя о томъ, на какомъ разстояніи времени *совершенно одинаковыя* филиграни встрѣчаются въ Италіи и Франціи—странахъ производства—и Московіи—отдаленной странѣ потребленія.

Возьмемъ нѣсколько знаковъ по типамъ:

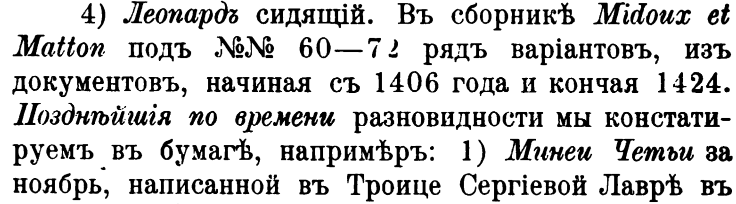
1) *Бубенчикъ* — (см. клише), шарообразный съ кольцомъ на верху.

Въ сборникѣ *Midoux et Matton*, подъ №№ 208 и 209—указанъ въ документахъ, начиная съ 1410 по 1418 годъ. Два совершенно схожихъ варіанта находимъ въ рукописи Троице-Сергіевой Лавры. № 156 (1681), написанной въ 1411 году.

2) Быкъ, бѣгущій съ поднятымъ вверхъ хвостомъ Знакъ небольшой величины. Въ сборникѣ *Midoux*—№ II—изъ документовъ 1453 года. Совершенно подобные знаки находимъ— 1) въ рукописи Имп. Публ. Библ., F. I, № 695—*Октоихъ*, написанномъ въ 1457 году, и 2) въ рукописи Импер. Акад. Наукъ, № 31. 6. 8—*Уставъ церковномъ*, написанномъ въ 1456 году.

3) Корабликъ маленькій съ двумя флагами, на мачтѣ и на кормѣ

Такой знакъ мы находимъ во французскомъ письмѣ отъ 8 іюля 1559 года и въ первопечатномъ Московскомъ Апостолѣ 1564 года, въ бумагѣ *Псалтири* Румянцевскаго Музеума (№ CCCXXXI), дописанной 17 ноября 1563 года, въ сборникѣ житій святыхъ, написанномъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ въ 1565 году, въ *Маргаритѣ* Импер Публ. Библ., F. I, № 213, написанномъ въ 1567 году и т. д.



4) *Леопардъ* сидящій. Въ сборникѣ *Midoux et Matton* подъ №№ 60—72 рядъ варіантовъ, изъ документовъ, начиная съ 1406 года и кончая 1424. *Позднѣйшія по времени* разновидности мы констатируемъ въ бумагѣ, напримѣръ: 1) *Минеи Четьи* за ноябрь, написанной въ Троице Сергіевой Лаврѣ въ 1420 году (см № 669/1616); 2) *Въ Прологѣ,* написанномъ въ 1429 году, см. рукопись Троице-Сергіевой Лавры № 715/1736; 3) *Алфавитѣ духовномъ*, рукописи 1433 года, находящейся въ

Московскомъ Истор. Музеѣ, № I 4/1; 4) актахъ Литовской Метрики 1423 и 1424 года, см. «акты Ливонскіе»—№№ 36 и 38.

5) Раковина. Подобный знакъ нами зарисованъ изъ италіанскаго документа отъ 7 Ноября 1375 года (Сіенскій архивъ—Lettere dei defensori, кн. XI) и изъ славянской рукописи 1387 года (*Лѣствица*, рукопись Москов. Духов. Академіи, отд. III, № 29/152). Одиннадцать лѣтъ разницы, которыя скрадываются другими показаніями. Такіе знаки находимъ въ латинской рукописи 1386 года (Импер. Публ. Библ, Лат. F. I, № 30), въ сборникѣ Piekosińskiego, № 371—изъ рукописи 1387 года и въ сборникѣ F. Keinz'a, № 366—изъ памятника 1395 года.

6) Веревочный узелъ съ кистью, знакъ рисунка прилагаемаго клише. Этотъ знакъ зарисованъ *Stoppelaar'*омъ (pl. II, № 10)—изъ документовъ 1475 г. и встрѣченъ *E Keinz'*омъ въ бумагѣ книги, напечатанной въ 1476 г. въ Кельнѣ. Совершенно подобный знакъ находится въ бумагѣ *Маргарита* Іоанна Златоуста, рукописи, написанной въ самой Москвѣ въ 1477 году (Импер. Публ Библ., F. I, № 193).

Мы можемъ подмѣтить во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ одно общее явленіе: совершенно одинаковые знаки констатируются въ русскихъ рукописяхъ на нѣсколько лѣтъ позднѣе сравнительно съ рукописями Западной Европы, то есть съ рукописями странъ производства Такой промежутокъ времени, можно сказать, почти никогда не заходитъ за предѣлы одного десятилѣтія. Сдѣланное наблюденіе мы имѣемъ возможность провѣрить по рѣдкимъ филиграням, содержащимъ точное хронологическое указаніе—цифры года.

Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ въ «Польскихъ» столбцахъ Посольскаго Приказа за 7088 годъ мы найдемъ документы отъ Декабря 1579 года на бумагѣ со знакомъ «1568». При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что эти документы представляютъ черняки и копіи Посольскаго приказа, написанные на остаткахъ, можетъ быть, старой бумаги Совершенно подобный же знакъ находимъ въ бумагѣ одной жалованной грамоты отъ 3 Марта 1580 года [1]). Фрагментъ *кувшинчика* съ цифрами года «1580» констатируемъ въ

[1]) Грамоты Коллегіи Экономіи, № 5114/147.

бумагѣ челобитной *З. П. Люткина*, написанной между 1587—1593 годами и такой же *кувшинчикъ* въ бумагѣ жалованной грамоты Покровскому Рязанскому монастырю, выданной до 5 Іюля 1585 года. Филигрань, изображающую *кувшинчикъ* съ годомъ «1596», можемъ указать въ документахъ: 1) въ бумагѣ кабалы [1]), написанной въ Вологодскомъ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ въ Апрѣлѣ 1600 года (фактъ интересный и цѣнный, между производствомъ и потребленіемъ прошло менѣе четырехъ лѣтъ!); 2) въ дѣлѣ объ отправленіи дворянина Ивана *Ржевскаго* и дьяка Посника Дмитріева въ Данію; столбецъ написанъ въ Маѣ 1601 года [2]); 3) среди грамотъ Коллегіи Экономіи въ документѣ отъ 25 Февраля 1602 года [3]).

Кувшинчикъ съ двумя ручками и съ годомъ «1601» отмѣчаемъ въ бумагѣ приходо-расходной книги, начатой писаніемъ въ городѣ Тотьмѣ 1-го Сентября 1610 года.

Въ собраніи автора имѣется рукопись, большая часть бумаги которой филигранирована такимъ же кувчинчикомъ съ «1601»; по нижнему краю первыхъ листовъ этой рукописи идетъ слѣдующая вкладная: «Лѣта 7116-го году Марта въ 13 день | продал сию книгу Треѳолой Сентябрь мѣсяцъ | Пятой Семенов сынъ | старостѣ церковну Полоуборскому | Петру Лукьянову сыну и всѣм хрестьяном По | луборскія волости | а взял на ней цены полтора рубли. | А подписал сам своею рукою Пятко Семенов» Дата вклада—Мартъ 1608 года—опять даетъ намъ очень узкій промежутокъ времени.

Но этого мало; можно указать и на такіе случаи, которые совсѣмъ уничтожаютъ подобный промежутокъ. Напримѣръ, варіанты знака, изображающаго *башню* или вѣрнѣе—*крѣпостныя ворота*, извлечены изъ бумаги рукописи библіотеки Московскаго Никольскаго Единовѣрческаго монастыря, № 80—*Евангелія*—дописаннаго 6 Декабря 1577 года, а *L. Wiener* извлекъ его изъ документовъ 1589 года. Такимъ образомъ, въ Россіи потребленіе схожей бумаги упредило въ данномъ случаѣ Лотарингію на 12 лѣтъ. Фактъ, который объясняется тѣмъ, что при существованіи одной и той же филиграни въ теченіе десяти—пятнад-

[1]) Акты Императорской Публичной Библіотеки. Знакъ см. въ альбомѣ подъ № 3005.

[2]) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ, Датскія дѣла, II, 25. 1601 года № 2.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи въ Москвѣ, Грам. Колл. Эконом., по Владимірскому уѣзду, № 1884/107.

цати лѣтъ, бумага, помѣченная этимъ знакомъ, могла быть использована въ странѣ производства въ крайній (средній) срокъ сохраненія бумаги или, напримѣръ, въ послѣдній годъ существованія знака, — въ Московіи же рукопись, наоборотъ, могла быть написана на только что привезенной бумагѣ и съ новымъ, лишь входящимъ въ употребленіе, этикетомъ.

Приведенный нами исключительный и рѣдкій на практикѣ случай въ теоріи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Мы имѣли цѣлый рядъ примѣровъ, что знаки западно-европейскихъ рукописей повторяются въ русскихъ черезъ нѣсколько лѣтъ позже. Казалось бы правильнымъ и необходимымъ при опредѣленіи недатированной русской рукописи по даннымъ рукописей западно-европейскихъ къ полученному выводу прибавлять эти нѣсколько лѣтъ. При существованіи же указанныхъ исключеченій мы должны отвергнуть подобную непосредственную прибавку. Существованіе филиграни плюсъ время для потребленія бумаги и въ странѣ производства даютъ какъ minimum десятилѣтіе. Этотъ minimum непремѣнно отраженъ въ показаніяхъ памятниковъ страны производства, и мы, не зная, въ началѣ или концѣ такого десятилѣтія привезена и записана опредѣляемая бумага русской рукописи, всякой прибавкой рискуемъ лишь увеличить вѣроятную хронологическую ошибку.

Благопріятныя данныя въ этомъ направленіи даютъ намъ и извѣстія о потребленіи бумаги въ Московской Руси. Бумага и рукописи были въ большой цѣнѣ. На кормчей Михаила Ивановича Алексѣева, находившейся въ библіотекѣ патріарха Филарета Никитича была надпись: «Лѣта 7047 мѣсяца Іюня куплела книга сія, а дано на ней сто двадцать сребрениць Московскихъ» [1]). Для такого времени, какъ 1539 годъ, это цѣнность огромная [2]). Благодаря дороговизнѣ бумага покупалась по мѣрѣ надобности въ обрѣзъ. Рѣдкая очень большая рукопись обходилась поэтому безъ прикупокъ, которыя и доказываютъ намъ постоянную смѣну и разнообразіе бумаги. Если бы бумага бралась на запасъ, то, конечно, рукопись заканчивалась бы на одинаковой бумагѣ.

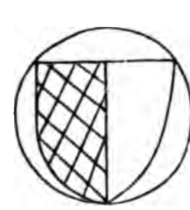
---

[1]) Временникъ Москов. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. XII, роспись книгъ 1631 года, стр. 3.

[2]) См. *В. О. Ключевскій*: „Русскій рубль XVI—XVIII вв." (Москва 1884) Въ приведенной выше вкладной 1608 года крестьяне заплатили за Трефолой простого письма полтора рубля.

Въ Древлехранилищѣ *М. П. Погодина* подъ № 217 находится *Апостолъ* по недѣлямъ, написанный въ 1468 году (in folio, на 355 лл.); въ которомъ лл. 1—278 написаны на одной бумагѣ, а на лл. 280—355 на другой. Двѣ бумаги видимъ и въ рукописи Имп. Публ. Библ., F. I № 207 (гр. *Толстого*, Отд. I, № 81), содержащей *Тактиконъ Никона Черногорца* и написанной въ 6969 (1461) году; лл. 1—151—одна бумага, лл. 152—355 другая. Прикупку бумаги мы замѣчаемъ и въ рукописи Троице-Сергіевской Лавры № 133/1560, написанной въ 1556 году. Относительно Погодинской рукописи № 271—*Уставъ церковный*—1558 года (in folio, 405 лл.) можно думать, что она писана даже на нѣсколькихъ бумагахъ. Рельефный примѣръ прикупки бумаги для окончанія рукописи представляетъ знаменитая, такъ называемая *Геннадіевская*, Синодальная Библія 1499 года (Моск. Син Библ., № 1/915). Въ этой рукописи сначала идетъ бумага съ филигранью въ видѣ гладкаго кувшинчика безъ украшеній, потомъ прикуплена была бумага (едва ли не италіанскаго происхожденія) съ знаками тіары большихъ размѣровъ и бычачьей головы съ крестомъ между рогами, обвитымъ вокругъ змѣею. Предисловіе писалось послѣ текста и потому хотя помѣщено передъ текстомъ, но написано на бумагѣ съ бычачьей головою.

Иногда въ одной рукописи мы встрѣчаемъ даже бумаги разныхъ странъ производства Таковы были условія прикупокъ, таково разнообразіе бумаги ручной выдѣлки. Въ Импер. Публ. Библ. находится, между прочимъ, *Минея служебная* за мѣсяцъ іюнь, написанная полууставомъ въ 1454 году, на 240 лл. (Q. I, № 1029). На лл. 238 об. — 239 въ послѣсловіи сказано, что книга сія писана въ Москвѣ (закончена 3 Іюня 6962/1454 года) нѣкіимъ Михаиломъ Юнымъ, по повелѣнію священо-инока Іоанна [1]). Листы 1—103 этой очень небольшой рукописи писаны на толстой грубоватой бумагѣ съ гербовымъ знакомъ, рисунка прилагаемаго клише. Бумага можетъ быть французскаго производства, но несомнѣнно не италіанская. Листы же 104—240 писаны на прекрасной, тонкой бумагѣ съ частыми vergeures. Знакъ *ножницы* правильнаго рисунка указываетъ на италіанское происхожденіе бумаги.



Такого же характера данныя относительно потребленія бу-

---

[1]) Ср. Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1890 годъ, стр. 119.

маги даетъ и сравненіе рукописей, написанныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, среди рукописей Москов. Духов. Акад., въ Отд. II, подъ № 1 (23) мы находимъ двѣ рукописи, обѣ написанныя въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, одна въ 1456, другая въ 1459 году. Бумаги въ нихъ уже разныя, изъ старой бумаги въ рукопись 1459 года попалъ только одинъ листъ. Въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ писали въ началѣ XVI столѣтія одну за другой рукописи *Твореній св. Исаака Сирина*. Въ Московской Епархіальной Библіотекѣ подъ №№ 444 и 445 находятся двѣ такихъ рукописи—одна 7016 (1508), другая 7021 (1513). Остатка бумаги 1508 года не хватило, и почти половина рукописи 1513 года написана уже на прикупленной бумагѣ. До насъ сохранился рядъ старинныхъ монастырскихъ описей, изъ которыхъ мы узнаемъ количество бумаги, имѣвшейся на лицо. Такъ, въ Никольскомъ Корѣльскомъ монастырѣ по описи 1551 года было «въ казнѣ полчетверты дести бумаги»... [1]). Въ Краснохолмскомъ монастырѣ въ 1575 году было 2 стопы, покупали бумагу по одной стопѣ («книжную» и «скорописную» [2]). Въ 1581 году въ Каргопольской Строкиной Васьяновой пустыни всего монастырскаго запаса и на книги, и на документы было лишь «34 дести бумаги писчей» [3]). А книги писали усердно, добывая деньги даже продажей старыхъ книгъ [4]).

Да и для XVII столѣтія можно найти указанія на малое количество бумаги, которая пріобрѣталась въ приказныя избы [5]).

---

[1]) Акты Историческіе, т. I, ст. 285 (№ 158).

[2]) *А. К. Жизневскій:* „Древній архивъ Краснохолмскаго монастыря", стр. 42 и 52, см. „Древности", т. VIII.

[3]) См. въ Импер. Публ. Библ., Q. IV, № 337.—Вкладная книга Каргопольской Строкиной Васьяновой пустыни. Съ л. 34 идетъ опись: „Лѣта семь тысящь восмъдесятъ девятого Мая въ 25 день Преображенья Господа и Бога и Спаса нашего Исуса Христа и Рожества Пречистые Богородицы Строкинскіе пустыни игуменъ *Дионисей* велел переписати, что при моемъ игуменствѣ послѣ бывшаго прежняго игумена *Иова* осталось в церкви... и денежную казну монастырскую и хлѣбной деревеньской доходъ и лошади, и коровы, что ни есть въ монастырѣ и въ деревняхъ..."

[4]) При описаніи книгъ, нѣкоторыя зачеркнуты и взяты въ кружки, а затѣмъ приписано—„И в сехъ книгахъ что хирены, которые книги въ строкахъ писаны были и тѣ книги хирены—все проданы из монастыря, а продавали тѣ книги с собора з братцкого совѣта. *И на тѣ денги писали новые книги*, которые надобны".

[5]) Напримѣръ, см. Акты Юрид. Быта, т. II, ст. 107 и 108.

Естественно, что опредѣляя показанія бумаги того или другого памятника, необходимо принимать при этомъ во вниманіе всѣ данныя относительно его происхожденія, мѣста и времени написанія.

Мы привели рядъ извѣстій, характеризующихъ условія потребленія бумаги въ рукописныхъ книгахъ Московскаго періода. Какъ эти условія, такъ и данныя, изъ нихъ вытекающія, измѣняются, если мы коснемся вопроса объ отдѣльныхъ документахъ и частныхъ письмахъ. Въ такихъ памятникахъ мы можемъ встрѣтить maximum храненія бумаги безъ употребленія. Частныя лица, которымъ приходится мало писать, и доселѣ иногда пользуются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разъ сдѣланнымъ запасомъ почтовой бумаги. Тѣ 34 дести бумаги, которыя составляли запасъ Каргопольской Васьяновой пустыни въ 1581 году и были бы истрачены сразу при единовременномъ написаніи двухъ—трехъ рукописей, употребленныя для текущей переписки и написанія вкладныхъ, кабалъ, поручныхъ и другихъ монастырскихъ документовъ, въ небольшой пустыни могли бы расходоваться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ коллекціи грамотъ, хранящихся въ Археографической Комиссіи, находятся три маленькихъ документа,—одна явка и двѣ поручныхъ, писанные на бумагѣ съ кувшинчикомъ, помѣченнымъ 1598 годомъ. Документы принадлежатъ къ числу актовъ Ипатьевскаго монастыря и писаны: 1) 15 Апрѣля 1604, 2) въ 1605 и 3) въ 1613 году. Изъ разницы въ годахъ написанія мы видимъ, какъ долго хранилась въ бережливомъ монастырскомъ хозяйствѣ бумага одного привоза. Девять лѣтъ разницы не Богъ знаетъ какой періодъ времени въ палеографическомъ отношеніи [1]), но и то подобный фактъ едва ли возможно найти въ документахъ Московскихъ Приказовъ, куда бумага пріобрѣталась ежегодно и сообразно съ текущими потребностями. Покупки бумаги на «государево дѣло» у иностранныхъ купцовъ были неравномѣрны; въ годы, когда оказывался остатокъ отъ прошлогодней покупки, пріобрѣталось меньшее количество, чѣмъ когда бумага расходовалась безъ остатка. Такимъ образомъ, въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ Московской Руси нельзя предполагать залеживанія бумаги, и на этотъ выводъ необходимо

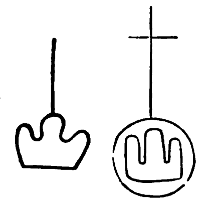
---

[1]) Къ тому же всѣ *три кувшинчика* отличаются другъ отъ друга и представляютъ варіанты съ разными буквами.

обращать вниманіе въ каждомъ случаѣ хронологическихъ опредѣленій при помощи филиграней.

Всѣ собранныя нами свѣдѣнія объ употребленіи бумаги на Руси указываютъ, что мы не въ правѣ были бы отдѣлить славянскія и русскія рукописи отъ западно-европейскихъ, какъ нѣчто особенное. Написанныя на европейской бумагѣ онѣ и входятъ въ циклъ европейскихъ рукописей. Тѣ пріемы, которые мы употребили бы для опредѣленія по бумагѣ какой-нибудь латинской рукописи, примѣнимы и къ рукописямъ славянскимъ и русскимъ.

Чрезвычайное разнообразіе филиграней обусловливаетъ конечно неодинаковую степень ихъ хронологической показательности. Есть такіе знаки, которые при первомъ взглядѣ на нихъ даютъ почти совершенно точное опредѣленіе; найдутся и такіе, которые, будучи несложныхъ очертаній и плохо дѣлясь на разновидности, по отношенію къ себѣ вызываютъ крайнюю осторожность. Такія филиграни способны отвлечь неопытнаго изслѣдователя на нѣсколько десятилѣтій отъ истинной даты. Къ первой категоріи знаковъ принадлежатъ филиграни съ годовыми цифрами, ко второй, напримѣръ, «три горы» (= trois monts»). Въ собраніи *В. М. Ундольскаго* находится рукопись «житіе Варлаама Пѣнежскаго» (39 лл., 4°), помѣченная владѣльцемъ «полууст. XVI вѣка». Писана же она на бумагѣ съ кувшинчикомъ, на которомъ годъ «1598» Конечно опредѣленіе «писана полууставомъ въ первые годы XVII столѣтія» будетъ въ этомъ случаѣ гораздо точнѣе и правильнѣе. Среди греческихъ рукописей Импер. Публ. Библ. изъ собранія преосв. *Порфирія* подъ № 476 находится «отрывокъ сочиненія о хронологіи» (см. «Отчетъ» за 1883 годъ), о которомъ въ описаніи сказано — «скоропись XVIII столѣтія». Въ филиграни бумаги выставленъ годъ «1742», очевидно, что опредѣленіе времени написанія, напримѣръ, хотя бы «около 1750 года» будетъ точнѣе.



Въ особую группу должны быть выдѣлены также знаки съ именами фабрикантовъ; такія филиграни даютъ рѣшающее указаніе на происхожденіе бумаги и опредѣляютъ время съ достаточной точностью помимо вопроса о разновидностяхъ. Въ началѣ XIV столѣтія бумажные фабриканты г. Фабріано въ Италіи стали мѣтить продукты своего производства полной своей

фамиліей. Къ крайнему сожалѣнію этотъ обычай держался весьма не долго. До сихъ поръ найдено около 20 такихъ знаковъ (напримѣръ, Andruzo, Bene Cicco, Crissci, Filipuzo, Maso, Mattolo, Petri, Pintavo, Puzoli, Tinto, Zuzo и т. д.)—всѣ они констатированы въ датированныхъ документахъ за маленькій періодъ времени съ 1305 по 1336 годъ, причемъ большая часть ихъ относится ко времени до 1315 года. Понятно, что мы, напримѣръ, найдя въ бомбицинномъ греческомъ сборникѣ Московской Синодальной Библіотеки, № 363—CCCL, подобную филигрань съ именемъ фабриканта (см. л. 439) имѣемъ право относить рукопись къ началу XIV столѣтія, а не къ XIII, какъ это сдѣлалъ преосвященный Савва, и конечно уже не къ XV, какъ значится въ описаніи о. арх. *Владиміра.*

Значительное количество русскихъ рукописей XVI столѣтія писано на бумагѣ съ знаками, въ составъ которыхъ входятъ разныя имена фабрикантовъ изъ фамилій «Denise», «Lebe», «Nyvelle» и многихъ другихъ.

Едва ли не всѣ эти филиграни связаны съ производствомъ бумажныхъ фабрикъ, расположенныхъ около города Труа въ Шампани.

Филигрань, находящаяся въ бумагѣ лицевыхъ Псалтырей *Д. И. Годунова* и состоящая изъ соединенныхъ гербовъ Франціи и Наварры, буквы «H» и имени фабриканта «Guilliaume Tourne» (см. №№ 1959 и 1960), также весьма точно указываетъ на время выдѣлки и происхожденіе мѣченнаго ею продукта. Какъ показываетъ соединеніе гербовъ и вензелевая буква Гильомъ *Турнъ* былъ королевскимъ поставщикомъ бумаги при *Генрихѣ IV.* Весьма схожую марку мы найдемъ на оффиціальныхъ брошюрахъ, которыя печатали «imprimeurs et libraires ordinaires du Roy». Прилагаемая марка (см. прилагаемое клише) взята съ заглавнаго листа одного «Arrest», напечатаннаго въ Парижѣ у «Jamet Mettayer» въ 1598 году (ср. *Renouard,* p. 268) [1]).

---

[1]) „Arrest de la cour de Parlement, sur les adiudications par Decret à la conservations des droits, tant proprietaires que creanciers, et autres" (отъ 23

Точно также и знаки русскихъ фабрикантовъ, даже не снабженные датами выдѣлки, способны дать очень точныя указанія. Въ 1858 году, напримѣръ, *В. В. Стасовъ* въ разборѣ сочиненія *Д. А. Ровинскаго*: «Обозрѣніе русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ до 1725 года» [1]), черезъ сопоставленіе бумажныхъ знаковъ опредѣлялъ время, къ которому относятся сохранившіеся оттиски лубочныхъ картинокъ «Баба-Яга» и «Мыши кота погребаютъ». Оттискъ, находящійся въ Императорской Публичной библіотекѣ, *В. В. Стасовъ* отнесъ къ половинѣ XVIII столѣтія, обративъ, между прочимъ, вниманіе на филигрань, состоящую изъ монограммы изъ буквъ «Я» и «Е», и найдя подобный знакъ въ сборникѣ *К. Тромонина*.

Конечно, мы окажемся въ состояніи сдѣлать гораздо болѣе точное и несомнѣнное опредѣленіе, если будемъ знать, что монограмма изъ буквъ «Я» и «Е» представляетъ одинъ изъ знаковъ, какимъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣтили бумагу на бумажной фабрикѣ Якова Матвѣевича *Евреинова*, указомъ отъ 29 Марта 1753 года назначеннаго президентомъ Коммерцъ—Коллегіи и скончавшагося 24 Октября 1772 года [2]). *Я. М. Евреиновъ* имѣлъ бумажный заводъ съ 1743 года въ мѣстности около села Пушкина Московской губерніи, при рѣкѣ Учѣ, на землѣ Синодальной Конторы.

Опредѣляя значеніе филиграней бумаги для пріуроченія недатированныхъ рукописей къ извѣстному времени (а отчасти и мѣсту), прежде всего надо установить значеніе типа, разновидности и варіанта. Если мы условно назовемъ *типомъ* совокупность филиграней одного наименованія, изображающихъ какой-либо предметъ, напримѣръ, хотя бы колоколъ, ключи, корона и т. д., то каждый типъ раздѣлится на рядъ *разновидностей*, большею частью указывающихъ на разные періоды времени, иногда со существующихъ. Такъ какъ филигрань есть знакъ формы, а формъ у одного мастера можетъ быть нѣсколько,

---

ноября 1598 года). „A Paris, chez Jamet Mettayer et P. L'huillier, Imprimeurs et Libraires ordinaires du Roy M. D. XCVIII.“ (14 стр.). Экземпляръ, находящійся въ библіотекѣ автора, напечатанъ на плохой бумагѣ, филигрань которой почти уничтожена обрѣзомъ (при переплетѣ), но, повидимому, состоитъ изъ буквы „B“ довольно большой величины. Думаю, что это „B“—филигрань дурныхъ сортовъ бумаги производства фабрикантовъ—„LeBe“.

[1]) „Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова“ (Спб. 1858. 8°).

[2]) *Д. Бантышъ-Каменскій*: „Списки кавалерокъ россійскихъ четырехъ орденовъ“ (Москва. 1814. 8°).

и смѣнять ихъ онъ былъ долженъ, по хрупкости этого прибора, не разъ втеченіе одного даже десятилѣтія, то совершенно понятно, почему почти невозможно встрѣтить въ двухъ рукописяхъ знаки, которые точь въ точь совпадали бы другъ съ другомъ, и почему съ другой стороны въ одной и той же рукописи можно констатировать два-три варіанта одного и того же знака. Эти варіанты суть продукты одной мельницы, но разныхъ формъ. Каждая разновидность въ теченіе своего очень недолгаго иногда существованія констатируется въ большомъ количествѣ варіантовъ, зарисовываемыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ разныхъ странъ, куда только торговля забрасывала бумагу этой выдѣлки. И вотъ, при опредѣленіи времени написанія недатированныхъ рукописей, основнымъ правиломъ должно быть сравненіе показаній варіантовъ. Сосѣднія разновидности только принимаются во вниманіе для указанія хронологическихъ предѣловъ. Если мы соберемъ по возможно большему числу датированныхъ памятниковъ возможно большее число снимковъ съ варіантовъ, то простой сводъ датъ отмѣтитъ намъ время варіанта, извлеченнаго изъ памятника недатированнаго, и отмѣтитъ съ тѣмъ бо́льшею точностью, чѣмъ бо́льшее количество датъ намъ удалось собрать.

Чѣмъ короче было существованіе разновидности, тѣмъ точнѣе, конечно, опредѣленіе, и, въ этомъ отношеніи, нельзя не отмѣтить, что, вопреки распространенному мнѣнію, предѣлы большинства не только разновидностей, но даже и типовъ довольно незначительны.

C. M. Briquet въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упорной и кропотливой работы, сдѣлалъ 8407 снимковъ, которые подраздѣлилъ на 7420 варіантовъ, составляющихъ, по его подсчету «1226 groupes ou types bien caractérisés». Подъ типомъ почтенный ученый разумѣетъ здѣсь несомнѣнно то, что я называю разновидностью, но, къ сожалѣнію, въ своей статистикѣ ставитъ въ рядъ и то, и другое, то есть и разновидности, и типы. Благодаря этому, онъ отмѣтилъ 18 знаковъ, употреблявшихся «plus de 150 ans». Такъ широки могутъ быть только показанія типовъ.

И, всетаки, несмотря на указанное смѣшеніе, статистика *C. M. Briquet* въ высокой степени поучительна. Онъ сосчиталъ всего на все не болѣе 131-го знака изъ такихъ, время употребленія которыхъ превышало бы періодъ въ 60 лѣтъ, и, рядомъ съ этимъ, семьсотъ слишкомъ знаковъ имъ встрѣчены или

одинъ разъ только, или въ теченіе времени *менѣе 10 лѣтъ*. Съ полнымъ основаніемъ авторъ дѣлаетъ выводъ—«le changement et même le changement rapide des marques est la règle générale» [1]).

Эта быстрая смѣна и чрезвычайное обиліе филиграней даютъ намъ прочныя точки опоры для хронологическихъ опредѣленій и подсказываютъ, какой способъ является въ этомъ случаѣ наилучшимъ.

Перелистывая русскія и славянскія рукописи, нельзя не поразиться тѣмъ обстоятельствомъ, что только меньшая часть изъ нихъ писана на бумагѣ съ однимъ знакомъ. Многія рукописи содержатъ двѣ, три и болѣе филиграней. Въ Церковномъ Уставѣ, рукописи Румянцевскаго Музея № CCCCXLVI, написанномъ въ 1522 году, находимъ *пять*—не варіантовъ, а совершенно разныхъ знаковъ, въ извѣстномъ *Хронографѣ* 1485 года, изъ собранія *Д. В. Пискарева* (рук. № 597)—*восемь* разнообразныхъ филиграней. Такое обиліе знаковъ въ одной рукописи далеко не всегда служитъ доказательствомъ разныхъ бумагъ. Иногда въ одной дести, даже въ одной тетради, мы замѣтимъ два-три знака,—это указываетъ только на то, что на бумажной фабрикѣ одновременно употреблялось *нѣсколько филиграней*. Этотъ несомнѣнный фактъ для насъ очень важенъ. Хронологическіе предѣлы употребленія знаковъ—неодинаковы: новые знаки вводились въ то время, когда еще употреблялись и старые. Ветшала форма, въ новой выгибался иной рисунокъ, иногда онъ представлялъ лишь варіантъ стараго, иногда совсѣмъ новое изображеніе. Умиралъ мастеръ, поступалъ новый и, весьма естественно, заводилъ собственную марку для мѣтки продуктовъ своего производства. Вотъ почему въ рукописяхъ мы встрѣчаемъ большею частью нѣсколько знаковъ, изслѣдованіе которыхъ и позволяетъ высказать общее положеніе для работъ надъ недатированными бумажными памятниками.

Если мы по датированнымъ рукописямъ и документамъ систематически запишемъ годы, въ которые встрѣченъ каждый знакъ, то при опредѣленіи времени написанія недатированной рукописи, простое сопоставленіе числовыхъ границъ знаковъ, составляющихъ комплексъ филиграней этой рукописи, дастъ намъ весьма небольшой промежутокъ времени.

---

[1]) *C. M. Briquet*: „De la valeur des filigranes du papier" (Génève. 1892), стр. 6.

Въ связи съ двумя ранѣе высказанными основными положеніями—а) что бумажные памятники странъ производства и странъ потребленія даютъ одинаково цѣнный хронологическій матеріалъ, и b) что къ предѣльному году употребленія знака въ странѣ производства мы не имѣемъ права, опредѣляя недатированный варіантъ той же филиграни, прибавлять непосредственно какое-либо количество лѣтъ, такъ какъ ничто не заставляетъ насъ предполагать вывозъ опредѣляемой бумаги именно въ теченіе послѣдняго года существованія знака, коимъ она помѣчена,—это третье положеніе о значеніи комплекса знаковъ заканчиваетъ изысканія о способѣ опредѣленія недатированныхъ рукописей.

Бумажные датированные памятники и сборники бумажныхъ знаковъ всей Европы, всѣ совокупно,—матеріалъ; сопоставленіе путемъ ариѳметическаго исключенія хронологическихъ предѣловъ употребленія каждаго изъ знаковъ опредѣляемаго комплекса филиграней—способъ.

Такова теоретическая основа; на практикѣ она должна быть сильно ограничена и измѣнена. Простыя ариѳметическія дѣйствія были бы цѣлесообразны и непогрѣшимы, если бы мы знали *истинные предѣлы употребленія* знаковъ. Въ настоящее же время количество зарисованныхъ филиграней настолько невелико, что онѣ по большей части представляютъ лишь отдѣльные факты, намекающіе на настоящія границы.

Кромѣ того, всѣ наши дѣйствія должны быть осложнены принятіемъ во вниманіе всѣхъ историческихъ и палеографическихъ данныхъ.

III.

Особенно ярко выказывается палеографическое значеніе филиграней, когда дѣло идетъ о спискахъ, повторившихъ лѣтопись оригинала. Такіе случаи равно извѣстны какъ среди западно-европейскихъ, такъ и среди греческихъ и русскихъ рукописей. *Дмитріевскій*, въ не разъ цитированномъ уже нами разборѣ труда *Гардтхаузена* «Catalogus codicum graecorum Sinaiticorum», отмѣчаетъ рукопись подъ № 1101, писецъ которой въ 1311 году скопировалъ рукопись 1214 года (№ 1097) и при этомъ списалъ и старую лѣтопись, хотя въ началѣ своего списка упомянулъ и о времени, когда онъ самъ окончилъ свой трудъ. *Гардтхаузенъ* не замѣтилъ приписки писца 1311

года и пришелъ въ недоумѣніе отъ несоотвѣтствія приписки 1214 года съ палеографическимъ характеромъ почерка рукописи.

Благодаря такой перепискѣ до насъ дошла и знаменитая лѣтописная запись о древнѣйшемъ писцѣ—попѣ Упирѣ *Лихомъ*, который въ лѣто 6555 (1047) написалъ толкованія на пророки.

Такъ называемое *Евангеліе учительное*—«поученія различна, избрана отъ святаго Евангелія», было переведено на славянскій языкъ дважды—въ 1343 и во второй разъ въ 1407 году [1]). Существуетъ немало списковъ, въ которыхъ вмѣсто даты списанія, рукопись оканчивается извѣстіемъ о времени перевода. Въ описаніи рукописей *гр Толстого,* въ Отд. I, № 30, находится такой списокъ съ указаніемъ — «... преложена же съ греческаго языка на русьскыя книгы въ лѣто 6915 (1407) индикта 15». Молодой полууставъ не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что это списокъ, и *Строевъ* записалъ: «полууставная рукопись XVI вѣка». Не то было съ подобнымъ же Евангеліемъ *Погодинскаго* собранія, которое теперь подъ № 183 (десть, 362 лл.) находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ и правильно обозначено какъ рукопись XV вѣка *В. М. Ундольскій* въ своемъ изслѣдованіи объ этихъ поученіяхъ (хранится въ Румянцевскомъ Музеѣ) признаетъ Погодинскую рукопись за оригиналъ 1407 года. Того же мнѣнія былъ, вѣроятно, сначала и самъ *Погодинъ*, потому что *Тромонинъ* въ своемъ сборникѣ знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ, помѣстилъ филиграни Евангелія № 183—съ 1407 годомъ. Сопоставленіе знаковъ Погодинской рукописи позволяетъ опредѣлить время ея написанія 1460-ми годами [2]).

Большое распространеніе получили на Руси списки съ одного экземпляра *Лѣствицы*, творенія св. Іоанна Лѣствичника. Оригиналъ былъ написанъ въ Константинополѣ въ 6929 (1421 году, послѣсловіе оканчивалось указаніемъ писца: «...ѡ оубогый Еусевіе в лѣто 6929 Мартіа 18, непотребный *Ефремъ*». *П. И. Савваитовъ* въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» [3]) описалъ

---

[1]) См., напримѣръ, *Н. И. Петровъ*—a) съ указаніемъ на переводъ 1407 г.—въ „Описаніи Кіевскихъ рукописныхъ собраній". Вып. I (Москва, 1891—1892), стр. 187, № 113 (списокъ сдѣланъ при князѣ Юрьѣ Семеновичѣ *Слуцкомъ*), b) съ указаніемъ на переводъ 1343 года—въ „Описаніи рукописей Церковно-Археологическаго Музея въ Кіевѣ", стр. 550, № 570.

[2]) См. на таблицахъ №№ 2597—2603.

[3]) Томъ VI, вып. I, № 95.

Лѣствицу находящуюся въ библіотекѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря и когда-то принадлежавшую извѣстному іерею Благовѣщенскаго собора *Сильвестру* № 35—160, въ десть, на 193 лл.), какъ оригиналъ 1421 года, довѣрившись указанному послѣсловію. На самомъ дѣлѣ эта рукопись есть списокъ начала XVI столѣтія. Въ совершенно такую же ошибку впалъ преосв. *Амфилохій*, описывая рукописи Воскресенскаго монастыря, гдѣ находится списокъ *Лѣствицы* XVII вѣка. Ошибку эту отмѣтилъ и исправилъ арх. *Леонидъ*, при описаніи другого списка *Лѣствицы*, находящагося въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, № 30—38 (нач XVII в., на 304 лл.). О. іеромонахъ *Іосифъ*, въ описаніи рукописей Іосифова Волоколамскаго монастыря, находящіяся въ этомъ собраніи подъ № 122 – 452, творенія Іоанна Лѣствичника обозначилъ также 1421 годомъ: «полууст. 1421 года, 4°, листовъ 342», но съ гораздо большимъ основаніемъ. Мы не рѣшимся сказать, подлинникъ это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ знаки бумаги—небольшой *единорогъ*, стоящій на заднихъ ногахъ, и малой величины *лукъ* со стрѣлою—сближаютъ эту рукопись именно съ третьимъ десятилѣтіемъ XV вѣка. Списковъ *Лѣствицы* съ обозначеніемъ 1421 года найдемъ и еще нѣсколько, напримѣръ, подобный имѣется въ библіотекѣ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, см. рук. № 749 (4°).

Широкую извѣстность получила подробно описанная г. *Крыжановскимъ* рукопись Кіевскаго Церковно-Археологическаго Музея—*Евангеліе*, якобы 1411 года, носящее въ литературѣ наименованіе Каменецъ-Стромиловскаго. Внѣ всякаго сомнѣнія, что это простая копія половины XVI вѣка.

Мы видимъ, что палеографовъ могутъ вводить въ заблужденіе и очень поздніе списки. Гораздо опаснѣе копіи, повторяющія лѣтопись оригиналовъ черезъ сравнительно малый промежутокъ времени въ нѣсколько десятилѣтій.

Среди рукописей Румянцевскаго собранія *Востоковъ* описалъ № CCCCLI «Хожденіе св. Іоанна Богослова, описанное якобы св. Прохоромъ діакономъ. Въ малую 4-ку, 108 лл., мелкимъ полууставомъ двухъ почерковъ XV вѣка, изъ коихъ послѣдній относится къ 1419 году»... «Въ концѣ слова (Іоанна Златоуста о пользѣ душевнѣй)», говоритъ *Востоковъ*, «тѣмъ же почеркомъ подписано киноварью—конецъ ≠з҃цкѕ августа иі, однакожъ рукопись продолжается и далѣе, тѣмъ же полускорописнымъ почеркомъ... Рукопись сія замѣчательна тѣмъ, что

есть древнѣйшая въ библіотекѣ Румянцевскаго Музеума, писанная на тряпичной бумагѣ». Изслѣдованіе филиграней указываетъ, что мы имѣемъ дѣло со спискомъ, снятымъ съ оригинала 6926—1418 года лѣтъ черезъ 40—50.

VI.

Лицевые лѣтописцы и „Царственная книга“.

Въ 1769 году въ Петербургѣ былъ изданъ княземъ М. М. *Щербатовымъ* небольшой томъ in 4°, озаглавленный: «*Царственная книга*», то есть *Лѣтописецъ* царствованія царя Іоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061». Прошло болѣе столѣтія, но вопросъ о происхожденіи и составѣ изданной княземъ *Щербатовымъ* лѣтописи до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Подлинная рукопись, по которой было сдѣлано изданіе, была найдена издателемъ въ Москвѣ въ Патріаршей Библіотекѣ и до сихъ поръ хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ подъ № 149. Наименованіе «Царственной книги» не было придумано княземъ *Щербатовымъ*—онъ его взялъ изъ помѣтъ по листамъ, начиная съ 278-го: «царственнаѧ ӑ-ѧ—ч҃а». Можно было бы думать, что это названіе той части лѣтописи, которая обнимаетъ событія царствованія Ивана *Грознаго* (помѣта и начинается какъ разъ съ вѣнчанія великаго князя Ивана Васильевича на *царство*), но надо сказать, что въ Московской Руси «царственными книгами» назывались и временники, хронографы, книги степенныя. Такъ въ Чудовомъ монастырѣ по описнымъ книгамъ 7145 года значились—«Книга Царственная Временникъ Руской, писменой въ десть, оболочена кожею» и «Книга Степенная Царственная писменая въ десть, оболочена кожею, застежки мѣдные» [1]). Въ этомъ смыслѣ о «Царственной книгѣ» говоритъ въ своемъ письмѣ (до 3 Февр. 1592 г.) къ патріарху *Іову* и митрополитъ *Гермогенъ*: «да мнѣ же, государь, богомольцу твоему, въ Чудовѣ монастырѣ случилося повѣсть видѣть въ книгѣ Степенной и въ Царственной Кіевскихъ, Владимірскихъ и Московскихъ царей и государей»...

---

[1]) *В. М. Ундольскій*: „Опись книгамъ (7161 года) въ степенныхъ монастыряхъ находившимся“ (Москва 1848), стр. 14 (430) и 16 (594). См. другія свидѣтельства къ брошюрѣ *А. Е. Прѣснякова*, о которой рѣчь впереди.

Князь *Щербатовъ* нашелъ изданную имъ рукопись въ жалкомъ видѣ. Несмотря на то, что она была занесена въ опись (подъ № 70), она представляла громадную связку перепутанныхъ отдѣльныхъ листовъ и не была переплетена. Князь *Щербатовъ* самъ перебралъ всѣ листы положилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, насколько съумѣлъ, но къ крайнему сожалѣнію выдѣлилъ и не переплелъ тѣ листы, которые не пришлись къ составленному имъ цѣлому и между которыми обрѣталось описаніе вѣнчанія на царство царя Θеодора Ивановича. Всѣ эти листы въ настоящее время утрачены, повидимому, безвозвратно, а между тѣмъ именно по нимъ князь *Щербатовъ* сдѣлалъ свое первое предположеніе о времени написанія *Царственной книги* въ началѣ царствованія царя Θеодора Ивановича, прибавивъ, что этотъ лѣтописецъ «былъ часть какого великаго труда, которой хотѣли сочинить».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда князь *Щербатовъ* издалъ, найдя въ библіотекѣ князя Алексѣя Дмитріевича *Голицына*, другую лѣтопись, содержащую съ перерывами событія съ 1114 по 1472 годъ и украшенную такими же миніатюрами, какъ и *Царственная книга*, онъ въ предисловіи къ этому «*Царственному лѣтописцу*» перемѣнилъ свое мнѣніе и высказалъ догадку, что лѣтописный иллюстрированный сводъ былъ сдѣланъ по заказу *Зотова* для обученія царевича Петра Алексѣевича. Мысль о цѣломъ лѣтописномъ сводѣ укрѣпилась, когда въ 1774 и 1775 гг. *Глѣбовскій* и *Козицкій* издали по повелѣнію Екатерины II два тома «Древняго Лѣтописца», заполнявшаго пробѣлы «Царственнаго Лѣтописца». Въ рецензіи на это изданіе *Н. И. Новиковъ* о рукописи «Древняго Лѣтописца» выразился такимъ образомъ: «она, кажется намъ, равно какъ и изданныя. Его Сіятельствомъ княземъ Михаиломъ Михаиловичемъ *Щербатовымъ* двѣ лѣтописи... суть отрывки одного полнаго труда».

Мнѣніе *Щербатова* и *Новикова* приняли *Шлецеръ* («Несторъ», ч. I ҁза) и митрополитъ *Евгеній* («Словарь свѣтскихъ писателей» подъ «Матвѣевъ»). Вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпилось и убѣжденіе въ принадлежности лѣтописнаго свода къ XVII столѣтію, на что особенно повліяло одно мѣсто изъ челобитной *А. С. Матвѣева* царю Θеодору Алексѣевичу, указанное *Н. И. Новиковымъ*, гдѣ говорится о совершенной при *Матвѣевѣ*, въ Посольскомъ Приказѣ книгѣ «всѣхъ предковъ твоихъ благочестивыхъ великихъ Государей Царей и Самодержцевъ, славныхъ въ ратныхъ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями...»

19 Августа 1843 года письмомъ къ Предсѣдателю Археографической Комиссіи *П. М. Строевъ* предлагалъ переиздать «Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина *А. С. Матвѣева* и указывалъ—«Гг. издатели Полнаго Собранія Лѣтописей должны также замѣтить страницу 39-ю (во второмъ изданіи): всѣ Лѣтописцы съ большими картинами составляли одинъ сборникъ и составлены въ Посольскомъ Приказѣ при бояринѣ *Матвѣевѣ*; князь *Щербатовъ*, въ предисловіи къ Лѣтописцу царственному, догадывался ошибочно» [1]).

Весьма цѣнныя свѣдѣнія сообщилъ *И. Е. Забѣлинъ* въ статьѣ, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1854 г., въ Декабрьской книжкѣ подъ заглавіемъ «Домашній бытъ русскихъ царей» (глава VII) [2]): «Царственныя книги упоминаются еще въ 1639 году во время ученія царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ году, Мая 7-го, изъ Казеннаго Приказа отдано было въ Оружейный «пять книгъ царственныхъ *знаменные въ лицахъ*», и въ томъ числѣ первая часть, вторая, четвертая, шестая, седьмая. Можетъ быть, книги эти отданы были для возобновленія иконописцамъ, которые находились въ вѣдомствѣ Оружейнаго Приказа. Такимъ же образомъ, въ 1677 году, Марта 24, «Приказу серебряныхъ дѣлъ дьякъ Андрей *Юдинъ* принесъ въ Оружейную Палату *книгу царственную* въ лицахъ писана на Александрѣйской бумагѣ въ десть, была переплетена и изъ переплету вывалилась и многіе листы ознаменены, а не выцвѣчены, шестьсотъ тринадцать листовъ, а на тѣхъ листахъ тысяча семдесятъ два мѣста; а приказалъ тое книгу росцвѣтить жалованнымъ московскимъ и кормовымъ иконописцамъ; а которые дранные листы въ той книгѣ и тѣ листы переписать вновь; а сказалъ тое книгу выдалъ ему отъ великаго государя изъ хоромъ бояринъ и дворецкой и оружничей Богданъ Матвѣевичъ *Хитрово*» (см. стр. 108 и 109). При наличности такихъ данныхъ *И. Е. Забѣлинъ* не задумался отожествить *Царственную книгу*, изданную *Щербатовымъ*, съ книгой, которую чинили и дополняли въ 1677 году. При этомъ *И. Е. Забѣлинъ*, также какъ и *П. М. Строевъ*, соединялъ лѣтописный

[1]) „Протоколы засѣданій Археографической Комиссіи“. Выпускъ второй (Спб. 1886. 8⁰), стр. 180.

[2]) Эта любопытная глава въ отдѣльномъ изданіи „Домашняго быта русскихъ царей“, котораго вышла въ свѣтъ лишь 1-я часть, не помѣщена, такъ что мнѣніе *И. Е. Забѣлина* о принадлежности Царственной книги къ XVII столѣтію относится къ 1854 году.

*

сводъ въ одно цѣлое и не сомнѣвался въ его оффиціозномъ происхожденіи. Того же общаго мнѣнія былъ и *Д. П. Голохвастовъ* «что такой огромный и многоцѣнный трудъ не могъ быть дѣломъ одного или даже нѣсколькихъ частныхъ лицъ» [1]).

Когда въ 1861 году Археографическая Комиссія издала первый выпускъ «Сказаній о князьяхъ и царяхъ земли Русской» въ докладной запискѣ Государю Императору, представленной Министромъ Народнаго Просвѣщенія, было, между прочимъ, сказано: «...нынѣ изданъ первый выпускъ «Сказаній», заключающій въ себѣ княженіе Владиміра Мономаха. Княженіе это можетъ особенно заинтересовать простолюдиновъ; съ него же начинается и повѣствованіе въ дошедшихъ до насъ *лѣтописяхъ XVII вѣка съ картинами*» [2]).

Когда начато было Археографической Комиссіей изданіе Никоновской Лѣтописи, то въ предисловіи къ первому ея тому = IX тому Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, редакторъ *А. Ѳ. Бычковъ* лицевые лѣтописцы отнесъ опредѣленно къ XVII столѣтію, точно также и новый редакторъ Никоновской лѣтописи С. *Ѳ. Платоновъ* опредѣлилъ рукопись «Древняго лѣтописца» XVII вѣкомъ [3]).

Почти одиноко стоитъ мнѣніе *Я. И. Бередникова* [4]), который по поводу вышеуказаннаго письма *П. М. Строева* въ засѣданіи Археографической Комиссіи 21 Сентября 1843 года «словесно объяснилъ, что въ Комиссіи находятся сходные съ упомянутыми *г. Строевымъ* Лицевыми лѣтописцами, будто бы составленными въ Посольскомъ Приказѣ при бояринѣ *Матвѣевѣ*, списки Патріаршій, Царственный, Никоновскій и проч., заключающіе въ себѣ одну и ту же Лѣтопись, которой редакція несомнѣнно относится къ половинѣ XVI вѣка; при томъ же и самые фоліанты съ картинами, находящіеся нынѣ въ Комиссіи, *по всѣмъ палеографическимъ признакамъ, принадлежатъ тому же столѣтію*.

Ѳ. И. Буслаевъ въ статьѣ «Для исторіи русской живописи XVI вѣка» выразился такъ: «Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ русской исторической живописи *въ миніатюрахъ XVI вѣка* предлагаетъ намъ *Царственная Книга*, подписанная, вѣ-

---

1) „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія“ (М. 1874), стр. 8.
2 „Протоколы Археографической Комиссіи“, вып. III, стр. 317.
3) Предисловіе къ VI тому Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей.
4) См. ниже о мнѣніи А. Викторова.

роятно, Новгородскими мастерами, и содержащая въ себѣ повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ царствованія Іоанна Грознаго, т.-е. отъ 1533 до 1553 гг., по рукописи Синод. Библ. № 149, въ листъ большого формата" (стр. 308—309). Но нѣсколькими страницами раньше авторъ предлагаетъ обратить вниманіе на приложенные имъ «рисунки съ миніатюръ изъ *Хронографа*, по рукописи XVII вѣка, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Отд. IV, № 151» (стр. 301)—этотъ же *Хронографъ*, въ дѣйствительности, надо считать третьей (вторая часть въ Академіи Наукъ) частью всего лѣтописнаго свода.

Въ 1893 году вышла въ свѣтъ весьма талантливая работа *А. Е. Прѣснякова*: «Царственная книга, ея составъ и происхожденіе». Молодой авторъ, выясняя составъ этой драгоцѣнной рукописи, не разъ дѣлалъ извинительные промахи, упустилъ изъ вниманія сравненіе съ Воскресенскимъ сводомъ (стр. 24), въ невѣрномъ чтеніи приписокъ о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго смѣшалъ обвиняемыхъ съ судной комиссіей (стр. 18—19), но положеніе *Царственной книги* въ ряду другихъ лѣтописцевъ выяснилъ мастерски, хотя и въ видѣ предположенія: «Можно предположить, что «Царственная книга» явилась результатомъ передѣлки одной части (четвертой и первой «царственной», по какому то счету) лицевого списка Никоновской лѣтописи, передѣлки, которая однако могла и не распространяться на другія части, или, во всякомъ случаѣ, не создавала изъ новаго, передѣланнаго списка—самостоятельнаго цѣлаго. Переписанные на-ново листы предназначались для того, чтобы занимать мѣста старыхъ истрепавшихся или по какой-нибудь другой причинѣ требовавшихъ замѣны листовъ. Что работа надъ сводомъ производилась именно такъ, на это есть прямыя указанія, которыя и будутъ приведены. Мы можемъ смотрѣть на «Царственную книгу», какъ на передѣлку одной лишь части большого иллюстрированнаго свода. Будь она закончена, ея картинки получили бы раскраску, листы съ поправками были бы переписаны на чисто и въ такомъ отдѣланномъ видѣ она заняла бы свое мѣсто въ ряду лицевыхъ лѣтописей, замѣнивъ соотвѣтствующую часть «Никоновской съ рисунками»... (стр. 27). Описавъ рукопись Московской Синодальной Библіотеки, № 962—извѣстную подъ названіемъ «Никоновской лѣтописи съ рисунками», *А. Е. Прѣсняковъ* указываетъ на ея отношеніе къ Царственной книгѣ: «На нѣкоторыхъ листахъ (ея) есть поправки и приписки, сдѣланныя почеркомъ, *не отличающимся отъ скорописи*

«Царственной книги». Эти поправки и приписки на соотвѣтствующихъ листахъ «Царственной книги» переписаны на чисто полууставомъ и иллюстрированы» (стр. 10).

Сдѣланныя выписки выясняютъ положеніе «Царственной книги», съ одной стороны соединяя ее съ остальнымъ сводомъ, и выдѣляя съ другой въ отдѣльное цѣлое, лишь долженствовавшее замѣнить одну изъ частей свода.

Относительно же самого происхожденія *Царственной книги* *А. Е. Прѣсняковъ* пришелъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ: «Палеографическія данныя позволяютъ относить «Царственную книгу» къ концу XVII вѣка и связать ее съ извѣстіемъ 1677 года. Но это мало разъясняетъ вопросъ, наиболѣе для насъ важный, объ авторѣ и источникахъ тѣхъ сдѣланныхъ скорописью добавленій, въ которыхъ все значеніе «Царственной книги», какъ историческаго источника. Если основной полууставный текстъ ея и ея рисунки сдѣланы около 1677 года, то къ тому же времени, быть можетъ, къ слѣдующимъ годамъ, относятся и приписки. Все это гадательно, темно и неопредѣленно. Приходится положить перо, не получивъ отвѣта на самый важный и интересный изъ вопросовъ, касающихся Царственной книги» (стр. 36).

Молодой авторъ пришелъ къ такому безотрадному выводу главнымъ образомъ потому, что его личныя наблюденія никакъ не согласовались съ мнѣніями авторитетовъ, которымъ онъ подчинился. Ко всѣмъ вышеприведеннымъ указаніямъ относительно принадлежности лѣтописнаго свода XVII столѣтію *А. Е. Прѣсняковъ* цитируетъ еще вѣское мнѣніе *А. И. Соболевскаго*: «Палеографическія данныя, по любезно сообщенному мнѣ мнѣнію проф. *А. И. Соболевскаго,* не оставляютъ сомнѣній, что эта рукопись относится ко второй половинѣ и даже къ концу XVII вѣка. Стиль рисунковъ можетъ вызвать нѣкоторыя сомнѣнія; по мнѣнію *А. И. Соболевскаго*, въ нихъ можно видѣть копіи съ болѣе древнихъ оригиналовъ—XVI вѣка» (стр. 6). Черезъ нѣсколько страницъ *А. Е. Прѣсняковъ* довольно «недоумѣнно» разсуждаетъ по поводу рисунковъ «Царственной книги»: «Интересно, что такой знатокъ древнерусскаго искусства и художественной археологіи, какъ *Ѳ. И. Буслаевъ*, пользуется рисунками «Царственной книги» для изученія «русской живописи XVI вѣка». Если предположить, что типичность и характерность отдѣльныхъ фигуръ позволяетъ, по любезно сообщенному мнѣ мнѣнію проф. *А. И. Соболевскаго*, видѣть въ нихъ портреты,

и если это заставляетъ *Ѳ. И. Буслаева* видѣть въ рисункахъ «Царственной книги»—*рукописи второй половины XVII вѣка*—копіи съ болѣе древнихъ оригиналовъ, то такое мнѣніе невольно вызываетъ возраженія»... (стр. 32—33).

Эти возраженіи подсказываютъ автору чутье и тщательное изученіе рукописи, но вмѣсто того, чтобы сказать—«не копіи, это сами оригиналы на лицо», онъ дѣлаетъ слѣдующій уклончивый и свидѣтельствующій о нѣкоторой авторской растерянности выводъ: «но, конечно, нѣкоторая самостоятельность художниковъ XVII вѣка не исключаетъ ихъ зависимости въ типахъ и пріемахъ рисованія отъ подлинниковъ XVI вѣка, *если бы* существованіе таковыхъ было доказано». Какъ мнѣ кажется, на *Ѳ. И. Буслаева* взведена напраснина, онъ не сопоставилъ съ «Царственной книгой» хронографа Императорской Публичной Библіотеки, F. IV, № 151, расдѣлилъ ихъ на цѣлое столѣтіе, но самую «Царственную книгу» всетаки признавалъ памятникомъ XVI вѣка.

А. Е. Прѣсняковъ неоднократно подмѣчаетъ [1]) усердную мозаичную работу надъ лѣтописнымъ текстомъ, образцы которой даетъ «Царственная книга»: «Отдѣльныя мѣста, даже выраженія передѣлывались не разъ и, повидимому, не безъ задней мысли, хотя тенденція передѣлокъ *не совсѣмъ понятна въ половинѣ XVII вѣка*». Говоря о скорописныхъ припискахъ на поляхъ «*Царственной книги*», *А. Е. Прѣсняковъ* отмѣчаетъ: «Эти послѣднія, какъ единственный источникъ для цѣлаго ряда живыхъ и любопытныхъ извѣстій о времени Ивана Грознаго, и придаютъ «Царственной книгѣ» столь высокую цѣнность. Возстановить литературную ихъ исторію было бы весьма важно: нельзя не предполагать, что онѣ заимствованы изъ какого-нибудь болѣе ранняго письменнаго источника. Не можетъ быть, чтобы такія точныя, подробныя и выдѣляющіяся своею жизненностью извѣстія, какъ разсказъ о дѣлѣ Новгородскихъ пищальниковъ или о смутѣ 1553 года, были впервые записаны въ концѣ XVII вѣка или даже въ серединѣ его—по памяти и преданію. Къ сожалѣнію, источникъ ихъ намъ неизвѣстенъ» (стр. 17).

Если бы авторъ хоть на минуту допустилъ возможность написанія Царственной книги въ XVI столѣтіи, ему непре-

---

[1]) Эти наблюденія самостоятельны, новы и составляютъ сильнѣйшую часть брошюры *А. Е. Прѣснякова*.

мѣнно мелькнула бы мысль—да не очевидецъ ли сдѣлалъ обѣ записи? И это предположеніе заслуживаетъ полнаго вниманія и разработки.

Говоря о вставкахъ и отличіяхъ «Царственной книги», *А. Е. Прѣсняковъ* говоритъ—«а остальныя мелкія отличія—въ родѣ болѣе частаго упоминанія Мисаила [1]) *Сукина* на 7 и 12 стр. и т. п. могутъ быть отнесены на счетъ редакціонной работы составителя «Царственной книги», если только это не простыя отличія списковъ» (стр. 16).

И такія мелкія отличія могутъ быть многозначительны, если мы припомнимъ въ какую пору *Сукины* выдвинулись до боярства и породнились съ *Романовыми*. Этотъ дядя Мисаилъ *Сукинъ* своимъ вліятельнымъ положеніемъ и способствовалъ тому, что два племянника вышли въ люди.

Далѣе *А. Е. Прѣсняковъ* говоритъ о тѣхъ мѣстахъ: «гдѣ отступленія «Царственной книги» отъ Никоновскаго свода отмѣчены особою тенденціей. Уже было упомянуто, что нѣкоторыя отличія первой ея части отъ Софійскаго Временника отзываются преднамѣренностью. Такое замѣчаніе можно сдѣлать и относительно нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ «Царственной книги». Отмѣчу, напримѣръ, что «Царственная книга» съ *замѣчательною послѣдовательностью* избѣгаетъ называть князя Владиміра Андреевича—государевымъ братомъ, какъ дѣлаетъ это сводъ Никоновскій. Называя Владиміра Андреевича вмѣстѣ съ великимъ княземъ, «Царственная книга» всегда замѣняетъ выраженіе Никоновской лѣтописи: «и братъ его князь Владиміръ Андреевичъ» или: «братья его князь Юрій и князь Владиміръ Андреевичъ»—словами: «и князь Владиміръ Андреевичъ», или «братъ его князь Юрій и князь Владиміръ Андреевичъ». Въ оригиналѣ, съ котораго писалъ писецъ «Царственной книги», имя Владиміра Андреевича всегда сопровождалось словомъ «братъ», если онъ назывался рядомъ съ государемъ; и писецъ этотъ иногда, по ошибкѣ, такъ и переписывалъ, но тотчасъ поправлялъ: такъ на л. 643 (стр. 323) послѣ словъ—«пошли есьмя вооружася»—подъ словами: «со княземъ Владиміромъ Андреевичемъ» явственно видны затертыя слова;—«со братомъ нашимъ», а на л. 644 слова «и со княземъ» (стр. 329) написаны по замазанному чѣмъ-то бѣлымъ—«и з братомъ». *Такая*

[1]) Въ подлинникѣ опечатка „Михаила“.

щепетильность редакцій XVII вѣка особенно любопытна въ виду того, что даже Шигъ-Алей тутъ же рядомъ титулуется государевымъ братомъ (стр. 311).

Мы можемъ прибавить отъ себя, что такая щепетильность для редакціи XVII столѣтія просто безсмысленна и необъяснима, но мы ее поймемъ, если выскажемъ убѣжденіе, что оригиналъ Никоновскаго свода составленъ въ то время, когда князь Владиміръ Андреевичъ былъ живъ и не находился еще въ опалѣ, а поправки «Царственной книги» писались во время очень близкое къ несчастной кончинѣ этого князя.

Я не знаю, можно ли привести такія особенности полуустава конца XVI столѣтія, которыя могли бы *безошибочно* отличать его отъ полуустава второй половины XVII вѣка, но исторія русской миніатюры не смѣшаетъ памятники этихъ двухъ эпохъ.

Отнюдь нельзя сказать, чтобы наши музеи, библіотеки и частныя собранія были бѣдны лицевыми рукописями, время написанія которыхъ было бы извѣстно. Просматривая даже немногія изъ нихъ, легко замѣтить, что между рукописями, совершенными при *Матвѣевѣ* («какихъ не бывало»), и вообще въ концѣ XVII столѣтія, и лицевыми лѣтописцами лежитъ цѣлая пропасть, не только въ рисункѣ, мастерствѣ, способахъ изображенія, но даже по внѣшности миніатюръ. Эта разница настолько велика, что между той или другой школой миніатюристовъ мы должны искать промежуточныя соединительныя звенья. Такое звено мы видимъ въ рукописяхъ, исполненныхъ при патріархѣ *Филаретѣ*. Обозначаю хронологически эпоху именемъ патріарха, потому что дѣло украшенія рукописей тѣсно связывалось съ иконописаніемъ, и высшія духовныя власти всегда имѣли возможность вліять на него. Въ началѣ XVI столѣтія былъ составленъ краткій подлинникъ по работамъ митрополичьихъ писцовъ. Въ половинѣ того же столѣтія митрополитъ *Макарій и іерей Сильвестръ* образовали цѣлую школу иконописцевъ и каллиграфовъ, отъ которыхъ намъ осталось много наилучшихъ по мастерству иконъ и серія рукописей, чрезвычайно цѣнныхъ по изображеніямъ, которыми онѣ украшены. Примѣромъ можетъ служить житіе Нифонта, находящееся въ Императорскомъ Музеѣ въ Москвѣ, Петра и Павла въ библіотекѣ Академіи Наукъ (тамъ же Ѳеодора Едесскаго).

Образцомъ работы, исполненной при патріархѣ *Филаретѣ*, является находящаяся нынѣ въ библіотекѣ Казанской Духов-

ной Академіи, рукопись Соловецкаго монастыря, содержащая житіе чудотворцевъ Соловецкихъ *Зосимы и Савватія*. Это «знаменное» лицевое житіе сооружено было въ 1623 году келаремъ Троице-Сергіева монастыря Александромъ *Булатниковымъ* и представляетъ рукопись въ десть, на 276 лл. Самъ *Булатниковъ* разсказываетъ про свое предпріятіе (см. л. 273): «яхся дѣлу и книгописателя и живописцы призвах и понудих на дѣло. Тако же и великій государь святѣйшій *Филаретъ* патріархъ Московскій и всеа Руси по оумоленію моему (перевод) изъ своея стльскія казны книгу знаменную Соловецкихъ чюдотворцовъ и знаменьщика ѿт царьских иконописцевъ пожаловалъ, в помощь нам прислал, яко же лѣпо есть святителем о божественных прилѣжне пецись..».

Миніатюры этой рукописи очень тонкой, превосходной работы и по манерѣ исполненія рѣзко отличаются какъ отъ царскихъ книгъ 1670-хъ годовъ, такъ и отъ лицевыхъ лѣтописцевъ, къ которымъ онѣ всетаки ближе.

Весьма замѣчательная рукопись того же *житія* находится въ Ярославлѣ въ собраніи *И. А. Вахрамѣева*. Она представляетъ по работѣ и содержанію точный снимокъ съ Соловецкой рукописи, только безъ ея записи; писана полууставомъ XVII вѣка, въ десть, на 234 лл. Въ печатномъ описаніи приложены снимки съ лл. 2 и 217 — онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ лл. 18 и 252 Соловецкой рукописи, въ которой полууставъ покрупнѣе.

Въ собраніи *К. Т. Солдатенкова* въ Москвѣ находится превосходной работы лицевое житіе Царевича *Дмитрія*, убіеннаго въ Угличѣ. Роскошная рукопись въ серебряномъ, современномъ окладѣ, каллиграфически написана въ половинѣ XVII столѣтія (на бумагѣ съ знакомъ la folie), миніатюры ея отходятъ и отъ житія Зосимы и Савватія, но всетаки далеки еще отъ работъ конца XVII столѣтія. Художникъ, вѣрный съ одной стороны иконописному преданію (напримѣръ, какъ ангелъ принимаетъ душу царевича въ видѣ выскакивающаго изъ тѣла нагого младенца) во многомь отдаетъ дань своему времени. Особенно любопытны костюмы, латы, шлемы, роброны полекъ и т. д.

Между житіемъ Зосимы и Савватія и лицевыми лѣтописцами можно указать соединительное звено въ работѣ двухъ знаменитыхъ рукописей. Первая — это лицевое житіе преподобнаго Сергія, хранящееся въ Троице-Сергіевой Лаврѣ и испол-

ненное въ послѣдней четверти XVI вѣка [1]). Вторая рукопись—это, находящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, житіе митрополита Алексѣя Чудотворца [2]). Житіе митрополита Алексѣя представляетъ для насъ чрезвычайную важность. По нашему мнѣнію это оригиналъ, изготовлявшійся въ государевой мастерской палатѣ, можетъ быть по порученію *Д. И. Годунова*, и оставшійся не законченнымъ вслѣдствіе катастрофы 1605 года. Миніатюры всей рукописи остались нераскрашенными и только впослѣдствіи чья-то грубая и неискусная рука испортила превосходный трудъ первоклассныхъ знаменщиковъ [3]).

Мнѣ извѣстно одно только лицевое житіе, исполненіе котораго вполнѣ соотвѣтствуетъ—до мельчайшихъ подробностей—работѣ лицевыхъ лѣтописцевъ. Это рукопись Румянцевскаго Музея въ Москвѣ.—«Житіе Николая Чудотворца» (издана литографически Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности).

Въ 1881 году эту рукопись изслѣдовалъ со стороны заключающихся въ ней изображеній древне-русскаго зодчества *Н. В. Султановъ* и пришелъ къ весьма важнымъ для насъ заключеніямъ [4]).

Изслѣдованіе свое *Н. В. Султановъ* начинаетъ (съ ссылкою на отчетъ Румянцевскаго Музея за 1863 годъ) словами: «Рукопись Житіе Николая Чудотворца» принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ въ художественномъ отношеніи. Она писана въ большой листъ, хорошимъ полууставомъ XVI вѣка, на четырехстахъ листахъ; каждый листъ украшенъ изображеніемъ событія, которое описывается въ текстѣ... По почерку и

[1]) См. литографированное изданіе „Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца“, изданное въ 1853 году. Знаки бумаги очень типичны—съ именами фабрикантовъ *Нивеллей* и *Лебе*. Вся вторая половина рукописи написана со знакомъ рисунка прилагаемаго клише.

NICOLAS LEBE

[2]) Издано факсимиле Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности (изданіе № IV). Оригинальная рукопись раздѣлена на двѣ части, форматъ десть, бумага двухъ сортовъ—погрубѣе съ знакомъ въ видѣ большого одноглаваго геральдическаго *орла* и потоньше съ знакомъ въ видѣ крѣпостныхъ *воротъ*. На полѣ подъ воротами монограмма изъ буквъ N и P.

[3]) Къ сожалѣнію закраска отразилась и въ литографированномъ изданіи.

[4]) См. „Памятники Древней Письменности“, VIII: „Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ“ Спб. 1881. 8⁰).

техническому исполненію рисунковъ рукопись «Житія Николая Чудотворца» весьма близко подходитъ къ извѣстному синодальному списку «Царственной книги». Весьма возможная вещь, что обѣ рукописи—произведеніе однихъ и тѣхъ же мастеровъ или, по крайней мѣрѣ, одной и той же школы. Судя по почерку и рисункамъ нельзя сомнѣваться, что она принадлежитъ къ концу XVI вѣка».

Приведенныя слова представляютъ отголосокъ мнѣнія *А. Е. Викторова*, котораго нельзя не признать за одного изъ наиболѣе выдающихся нашихъ палеографовъ. Въ томъ же отчетѣ, который послужилъ точкою опоры для *Н. В. Султанова*, *А. Е. Викторовъ* писалъ [1]): «Судя по почерку и рисункамъ. нельзя сомнѣваться, что происхожденіе рукописи относится къ эпохѣ царя *Іоанна IV*, а роскошная отдѣлка экземпляра заставляетъ думать, что онъ приготовленъ по заказу какого-либо важнаго лица, можетъ быть, по приказу царскому, придворными мастерами».

Опредѣляя время исполненія миніатюръ житія и защищая ихъ подлинность, *Н. В. Султановъ* приходитъ къ выводу: «..миніатюрныя изображенія архитектурныхъ формъ вполнѣ вѣрны эпохѣ появленія рукописи, т.-е. самому концу XVI вѣка: въ нихъ нѣтъ ни одного типа эпохи царей Михаила Ѳеодоровича или Алексѣя Михайловича, такъ напримѣръ, нѣтъ ни одной каменной шатровой колокольни со слухами и луковичной главкой, нѣтъ ни одной пятиглавой церкви съ тонкими шеями (барабанами), вычурными главками, неизбѣжнымъ подклѣтомъ и ходовою папертью вокругъ, въ родѣ церкви «Николы на Столпахъ» въ Москвѣ; нѣтъ наконецъ, ни одного зданія въ стилѣ «русскаго Барокко», составляющемъ исключительную принадлежность конца XVII вѣка, образцами котораго могутъ служить церкви въ сс. Сафаринѣ. Покровскомъ на Филяхъ, Петровскомъ-Разумовскомъ и многія другія. Спрашивается, кто же могъ бы поддѣлать миніатюры, отличающіяся не только замѣчательною археологическою вѣрностью, но даже не представляющія ни одного анахронизма, если тридцать лѣтъ тому назадъ во всей Россіи не было ни единаго человѣка, познанія котораго по археологіи русскаго зодчества были для этого достаточно глубоки, и если все, что было написано по этому вопросу до того времени, отличается такою наивностью и столькими невѣрностями, что, конечно, не можетъ имѣть никакого

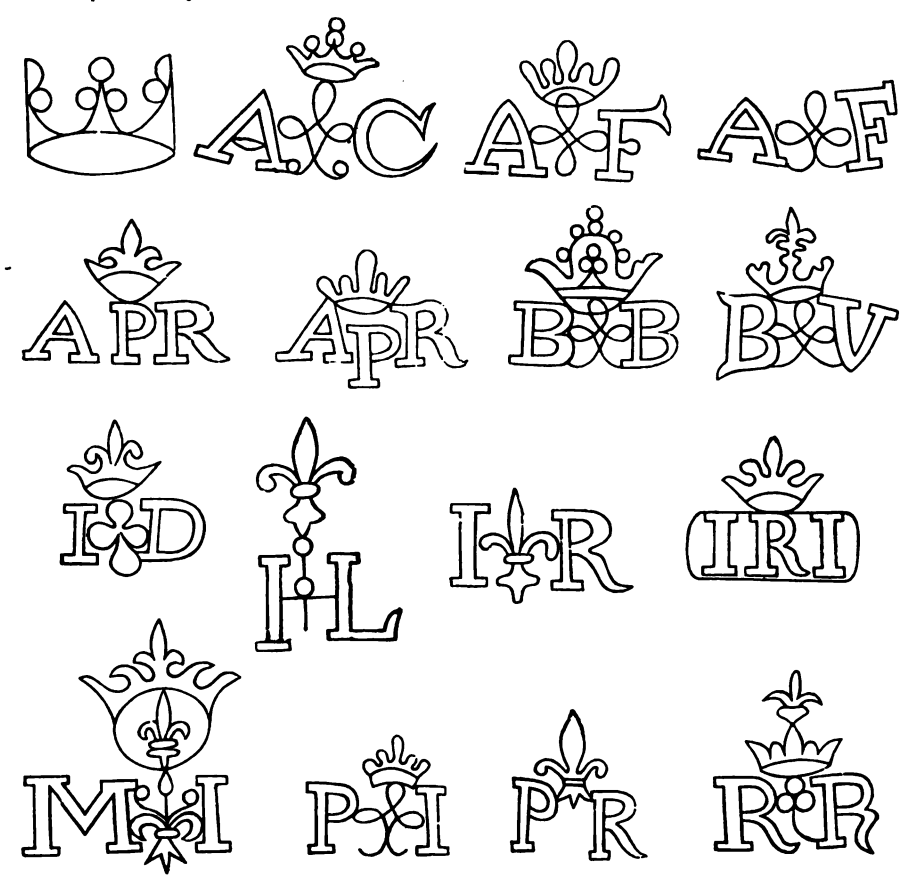
[1]) „Отчетъ по 1 Января 1864 года“ (Спб. 1864. 8°), стр. 45.

научнаго значенія? Слѣдовательно, нечего и говорить, что миніатюры одновременны съ изготовленіемъ рукописи» (стр. 36—37).

Такимъ образомъ, и историческіе намеки, и художественный стиль миніатюръ, и изображенныя въ нихъ памятники зодчества—все говоритъ за то, что лицевые лѣтописцы и «Царственная книга» принадлежатъ къ числу памятниковъ XVI вѣка.

Обратимся теперь къ изслѣдованію бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Мы тщательно анализировали бумаги всѣхъ частей лѣтописнаго свода, «Царственной книги», житія Николая Чудотворца и нѣкоторыхъ другихъ рукописей той же эпохи. Показанія бумаги приводятъ къ разительнымъ выводамъ—мы указываемъ на семидесятые годы XVI столѣтія, какъ на время написанія для большей чести лицевого лѣтописнаго свода. Для *Царственной книги* время опредѣляется нѣсколькими годами позднѣе.

Бумага лицевого свода тонкая, превосходной выдѣлки, съ типичными знаками въ видѣ *короны* и сочетаній изъ двухъ и изъ трехъ буквъ:



На бумагѣ съ такими знаками, какъ мы подобрали рядъ примѣровъ, почти въ одно и то же время писали—королевская семья и вельможи во Франціи, иностранные государи (напримѣръ, въ Португаліи и даже въ Италіи), въ Посольскомъ и другихъ Приказахъ царя Ивана Грознаго, запоздалый листокъ ея попалъ въ *Псалтирь* Дмитрія Ивановича *Годунова*.

Неужели же можетъ итти рѣчь о залежалой бумагѣ, неужели только для лицевыхъ лѣтописцевъ запасъ бумаги стопъ въ двадцать былъ кѣмъ-то ранѣе Смутнаго времени скрытъ, чтобы быть употребленнымъ черезъ цѣлое столѣтіе!

Результаты, добытые нами путемъ изученія лицевыхъ лѣтописцевъ и соприкасающихся съ ними памятниковъ мы позволимъ себѣ изложить схематически въ слѣдующихъ 9 §§, предоставляя критикѣ внести поправки и измѣненія, такъ какъ намъ приходилось затрагивать многіе нерѣшенные вопросы, ждущіе спеціалиста изслѣдователя Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

1) Бумага, на которой написаны всѣ томы лицевого лѣтописнаго свода (извѣстные подъ названіями—Хронографа, Лаптевскаго Лѣтописца, Древняго, Голицинскаго, Шумиловскаго, Никоновской лѣтописи съ рисунками), а равно отчасти написана и сама Царственная книга—вся эта бумага одного запаса и одного качества, лучшая, какую можно было имѣть. Знаки ея, состоящіе изъ сочетанія двухъ и трехъ буквъ, какъ-то AC, AF, BB, BF, BV, ID, IR, MI, PI, PR, RR, APR и IRI, повторяются въ разныхъ томахъ и устанавливаютъ тожество матеріала.

2) Знаки въ видѣ сочетанія двухъ и трехъ буквъ, обычно соединенныхъ трилистникомъ, розеткой или просто чертой, и увѣнчанныхъ, большею частью, короною, принадлежатъ къ числу филиграней бумаги французскаго производства. Такія филиграни представляютъ марки лучшихъ сортовъ ея за время второй половины XVI вѣка.

3) Тѣ 12—15 сочетаній изъ буквъ, которыя мы находимъ въ бумагѣ лицевого свода, составляютъ лишь небольшую часть совершенно подобныхъ знаковъ изъ разныхъ другихъ буквъ, которые мы констатируемъ въ современной французской бумагѣ. Сравнительно небольшой, далеко не систематически сдѣланный нами сводъ такихъ филиграней даетъ намъ не менѣе 45 знаковъ, не считая варіантовъ. Очевидно эти знаки не случайное явленіе—это типъ бумаги своего времени.

4) Главнымъ источникомъ, откуда извлекаются подобныя филиграни, являются подлинныя распоряженія и письма членовъ французскаго королевскаго дома съ одной стороны и донесенія и письма пословъ и высшихъ администраторовъ къ королямъ Генриху II, Карлу IX, Генриху III и королевѣ Екатеринѣ Медичи. Это обстоятельство подчеркиваетъ высокое качество бумаги и даетъ драгоцѣнное свидѣтельство о времени употребленія ея.

5) Картоны и томы французскихъ автографовъ, хранящіеся въ Парижской Національной и Петербургской Императорской Публичной Библіотекахъ даютъ возможность прослѣдить, что знаки бумаги Лицевыхъ Лѣтописцевъ въ *нѣкоторыхъ* раннихъ разновидностяхъ появляются въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка, наичаще встрѣчаются приблизительно въ періодъ между 1566 и 1585 годами, и исчезаютъ около 1600 года.

6) Изслѣдованія бумаги посольскихъ книгъ сношеній съ Польшей, что хранятся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ подъ №№ 9 и 10 и охватываютъ — первая годы 1570 и 1571, а вторая годы 1575—1579, въ связи съ данными бумаги русскихъ грамотъ 1575—1577 годовъ (см. №№ 3334—3336)—приводитъ насъ къ выводу, что закупка бумаги для написанія свода лицевыхъ лѣтописцевъ была сдѣлана около 1575 года [1]). Этому выводу отнюдь не противорѣчатъ данныя изъ иностранныхъ актовъ.

7) Тотъ фактъ, что бумага лицевыхъ лѣтописцевъ и бумага посольской книги № 10 оказываются тожественными, напоминаетъ о тѣсной связи, которая, по свидѣтельству источниковъ, была при царѣ Іоаннѣ Грозномъ между Посольскимъ приказомъ и составленіемъ лѣтописца «лѣтъ новыхъ». Значеніе одинаковости бумаги усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что подобной бумаги мы почти совершенно не находимъ въ обыкновенныхъ монастырскихъ и частныхъ рукописяхъ.

8) Въ текстѣ «Описанія знаковъ» (см. ниже стр. 319—333) мы тщательно проанализировали бумагу Никоновской Лѣтописи въ спискахъ князя *М. А. Оболенскаго и Патріаршемъ*. Данныя этого изслѣдованія позволяютъ связать исторію Никоновскаго свода съ Лицевымъ. Выскажемъ эту исторію въ рядѣ гипотезъ, которыя, можетъ быть, когда нибудь будутъ доказаны болѣе точно, чѣмъ мы можемъ сдѣлать это въ настоящее время.

---

[1]) Подробности см. ниже въ „Описаніи знаковъ" стр. 316—317.

Въ малолѣтство *Грознаго*, можетъ быть, въ дни его юности — была задумана переработка русской лѣтописи и начатъ былъ сводъ — это первая часть Никоновской лѣтописи въ спискѣ князя *М. А. Оболенскаго*, но работа шла медленно и скоро пріостановилась. Упоеніе побѣдою надъ Казанью (а потомъ и надъ Астраханью), вызвало въ царѣ и въ окружающемъ его обществѣ бояръ и высшихъ духовныхъ лицъ потребность въ памятникахъ, которые свидѣтельствовали бы о величіи Московскаго государства.

Въ это время былъ составленъ Государевъ родословецъ (текстъ котораго почти цѣликомъ вошелъ въ Бархатную книгу), въ которомъ показано было сколь многіе потомки царей, владѣтельныхъ князей и знатнѣйшихъ иностранныхъ родовъ служатъ великому государю. Въ это время составлена была и сводная разрядная книга, въ которую долженствовали вноситься службы высокопороднихъ холопей государскихъ. Къ этимъ годамъ относится и книга кормленщиковъ, и можно думать, проектъ книги Большого Чертежа. Лѣтописи — это вѣковѣчное свидѣтельство того, какъ десница Всевышняго, то испытующая, то милующая, вела Русь къ величію и могуществу, къ полной побѣдѣ надъ Агаряны — конечно не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Вновь закипѣла работа, и быстро былъ законченъ тотъ сложный лѣтописный конгломератъ, который мы называемъ Никоновскимъ сводомъ.

На подготовленной этимъ путемъ почвѣ въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ возникла мысль объ иллюстрированномъ лѣтописномъ сводѣ. Предполагаемый историческій памятникъ долженствовалъ соотвѣтствовать величію молодого царя. Лѣтописи человѣчества отъ сотворенія міра, черезъ книгу Бытія и хронографы, черезъ возможно полный сводъ старыхъ русскихъ лѣтописей, должны были быть закончены подробнымъ изложеніемъ событій счастливаго царствованія великаго государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича. И при этомъ рисунковъ безъ счета, безъ конца, — сколько понадобится для лицевого изображенія всякаго, обратившаго на себя вниманіе, факта!

Мастера были подъ рукою. Послѣ великаго пожара Москвы иконописцы московскіе, Новгорода, Пскова и другихъ городовъ собраны были въ Москву; лучшіе изъ нихъ образовали царскую мастерскую палату. Подъ покровительствомъ царя и такого любителя иконописи какъ митрополитъ *Макарій* иконописное

художество получило высокое развитіе. Мы замѣчаемъ большой подъемъ духа: возрастаетъ интересъ къ иконописи среди общества, возникаетъ соревнованіе и взаимное вліяніе художниковъ разныхъ мѣстностей. Къ этому времени относится, сохранившееся до настоящаго времени, множество иконъ сложныхъ композицій, «мелочного» (тонкаго) письма. Отличительный характеръ ихъ—это привнесеніе къ новгородской основѣ техническихъ подробностей и мелочей, изъ которыхъ потомъ выработались особенности «Московскихъ писемъ».

Сначала была сдѣлана попытка иллюстрировать книги Моисѣевы и черезъ древнюю Троянскую исторію и Александрію подойти къ хронографу и русской лѣтописи. Для этой части предпріятія имѣлся готовый текстъ, а весьма вѣроятно и лицевыя рукописи (а можетъ быть даже и книги) для руководства. Надо было создать только въ духѣ православнаго иконописанія безъ отмѣнъ отъ обычнаго иконнаго письма нѣчто грандіозное, чего еще не бывало. Самый форматъ картинъ былъ избранъ большій обыкновеннаго, самый форматъ рукописи — двойной, т.-е. излюбленный митрополитомъ *Макаріемъ* полный, развернутый листъ.

Можно думать, что до насъ дошелъ именно оригиналъ труда, о которомъ мы говоримъ. Это великолѣпный лицевой сборникъ, который пріобрѣтенъ былъ въ началѣ 1897 года Московскимъ Историческимъ Музеемъ и описанъ *В. Н. Щепкинымъ*[1]). Техника картинъ, ихъ величина, самое количество (1677), можно сказать небывалое, все сближаетъ этотъ громадный фоліантъ съ лицевыми лѣтописцами. Основная бумага рукописи въ знакахъ ея—*медвѣдь*, *кабанъ*, высокая узкая *тіара*, *кувшинчикъ* съ буквами, между прочимъ. «Н. В.», ведетъ насъ къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ XVI вѣка, но указываетъ на разновременныя покупки бумаги и неодинаковаго при томъ происхожденія. Въ концѣ же рукописи въ нѣсколькихъ листахъ встрѣчаются и типичные для бумаги лицевыхъ лѣтописцевъ знаки изъ двухъ буквъ. Фактъ многозначательный, но еще важнѣе слѣдующее обстоятельство. *В. Н. Щепкинъ* говоритъ: «Нельзя не пожалѣть объ утратѣ миніатюръ, изображавшихъ потопъ и столпотвореніе». Этихъ листовъ не достаетъ въ рукописи Историческаго Музея, но они сохранились при

[1]) „Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея“ (Москва, 1897. 8⁰)— Оттискъ изъ „Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ“.

житіи Николая Чудотворца (Больш., № 15), хранящемся въ Румянцевскомъ Музеѣ, рукописи, уже въ XVII столѣтіи ходившей изъ рукъ въ руки. Тѣсная связь житія св. Николая Чудотворца съ лицевыми лѣтописцами внѣ сомнѣнія—это одна и таже работа, одна и таже бумага. Какъ во свидѣтельство общности источника листокъ изъ Хронографа Импер. Публ. Библ., F. IV, № 151 попалъ въ Московскую рукопись Никоновской лѣтописи съ рисунками, такъ и теперь эти разрозненные листы говорятъ о томъ, что когда то *ранѣе половины XVII вѣка* и сборникъ Историческаго Музея и житіе св. Николая, и лицевыя лѣтописи хранились въ одномъ мѣстѣ, откуда ихъ исхитилъ, сбилъ, разрознилъ и перемѣшалъ какой-то страшный погромъ.

Много времени потребовалось на выполненіе тома, содержащаго Библейскія книги и Троянскую исторію, еще болѣе ушло на подготовительныя черновыя работы по иллюстраціи лѣтописей. Только въ началѣ семидесятыхъ годовъ опредѣленъ былъ размѣръ колоссальнаго историческаго сборника, который дѣйствительно превосходилъ всякое ожиданіе—сводъ долженъ былъ состоять приблизительно изъ *девяти* тысячъ листовъ и украшать его долженствовали ни болѣе, ни менѣе какъ шестнадцать тысячъ большихъ раскрашенныхъ рисунковъ! По этому расчету, на весь сборникъ заразъ была запасена одинаковая бумага.

Можно предполагать, что выполненіе всего свода отъ котораго до насъ не дошелъ только первый томъ Древняго Лѣтописца, заняло нѣсколько лѣтъ. Когда же около 1580 года весь сводъ былъ представленъ Государю, онъ не одобрилъ послѣдней части, излагавшей событія его княженія, начиная съ описанія кончины великаго князя Василія III. Рѣшено было эту часть вновь передѣлать согласно съ царскими замѣчаніями. Передѣлка иногда состояла въ самыхъ на нашъ взглядъ неважныхъ измѣненіяхъ. Но то, что не понятно для насъ, становится яснымъ, если мы допустимъ, что исправленія производились по указаніямъ царя Ивана Грознаго и касались лицъ и событій бурной эпохи первыхъ лѣтъ его княженія.

Должно думать, что печальныя происшествія послѣднихъ лѣтъ царствованія Ивана Грознаго отвлекли его вниманіе отъ передѣлываемой лѣтописи, а кончина и совсѣмъ прекратила передѣлку, остатки которой дошли до насъ въ видѣ «Царственной книги». Что это такъ, видно еще изъ одного обстоя-

тельства—въ прошломъ столѣтіи при *царственной книгѣ* находилось на нѣсколькихъ перепутанныхъ листахъ иллюстрированное изложеніе вѣнчанія царя Ѳеодора Ивановича на царство. Этотъ отрывокъ, который въ настоящее время утраченъ, свидѣтельствовалъ о попыткѣ угодить новому царю. Когда же молодой царь и этимъ не заинтересовался, все предпріятіе было брошено и навсегда.

Весьма вѣроятно, что тѣ листы особой «александрійской» бумаги, которые изрѣдка встрѣчаются въ Царственной книгѣ, именно и относятся къ царствованію Ѳеодора Іоанновича, рѣзко отличаясь по матеріалу отъ прочихъ.

9) Намекъ на связь лицевыхъ лѣтописцевъ съ государевой мастерской палатой можно видѣть еще въ одномъ обстоятельствѣ. Въ нѣкоторыхъ Годуновскихъ псалтиряхъ есть немногіе, случайно въ нихъ попавшіе, листы той рѣдкой бумаги, на которой писанъ лицевой сводъ. Эти листы попали изъ остатковъ старой бумаги. Самыя же *псалтири Д. И. Годунова* есть произведенія государевыхъ иконописцевъ, явное свидѣтельство на это то, что неоконченный и послѣдній по времени написанія экземпляръ Годуновской *Псалтири* до послѣдняго времени и сохранялся въ Оружейной Палатѣ, откуда былъ переданъ въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Когда иллюстрированіе лѣтописнаго свода было прекращено, въ Мастерской палатѣ оказалось не мало свободныхъ рукъ. Бояринъ *Д. И. Годуновъ* и поручилъ имъ изготовленіе цѣлаго ряда великолѣпныхъ *Псалтирей*, что и продолжалось до самаго 1605 года [1]), когда смутное время смело Годуновыхъ.

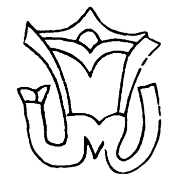
Могутъ указать, что какъ техника, такъ и композиція рисунковъ въ Годуновскихъ Псалтиряхъ рѣзко отличаются отъ работы мастеровъ, трудившихся надъ лѣтописнымъ сводомъ. Это правда, но и тутъ мы можемъ подмѣтить весьма важный для насъ фактъ. *Псалтири* 1594—1602 годовъ по рисункамъ своимъ представляютъ лишь нѣсколько переработанныя копіи съ болѣе старыхъ лицевыхъ *Псалтирей*, вотъ почему онѣ и отличаются отъ иллюстрацій лицевого свода, но старѣйшая Го-

[1]) Лѣтопись на Калязинской Псалтири—отъ 29 Августа 7110 (1602 года, см. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1853 годъ, Іюнь, Отд. II, стр. 96), а этотъ экземпляръ нельзя еще считать самымъ послѣднимъ. Одинъ изъ экземпляровъ „Годуновской“ Псалтири находится въ частныхъ рукахъ и нынѣ продается за 4000 рублей. Изъ-за величины этой суммы Московскій Историческій Музей отказался отъ покупки.

дуновская Псалтирь, исполненная въ 1591 году, имѣетъ другой характеръ. Ея рисунки нерѣдко представляютъ попытки къ самостоятельной переработкѣ сюжета и какъ по техникѣ, такъ и по величинѣ стоятъ гораздо ближе къ миніатюрамъ лѣтописнаго свода. Надо строго различать тѣ случаи, когда государевы мастера перерабатывали старые иконописные оригиналы и тѣ случаи, когда имъ приходилось знаменить изъ головы.

Вопросы нашей славянской библіографіи, къ которой изученіе филиграней почти еще не прилагалось, представляютъ большой интересъ. Прежде всего надо указать на неблагопріятныя, затрудняющія явленія: сравнительно съ изслѣдованіемъ бумаги рукописей дѣло усложняется. Рядомъ съ мѣстами книгопечатанія возникаютъ бумажныя мельницы, поставляющія свой товаръ именно въ эти типографіи. Бумага уже не развозится изъ нѣсколькихъ центровъ по всему свѣту, и знаки сличать становится все труднѣе и труднѣе. Рядомъ съ этимъ книги, какъ и теперь, печатаются на нѣсколькихъ бумагахъ, одного и того же изданія попадаются экземпляры на мѣстной неважной бумагѣ и другіе, по современной намъ терминологіи, веленевые, на бумагѣ иностранной. Примѣромъ можетъ служить, изданный въ 1562 году, Несвижскій Катихизисъ, котораго существуютъ экземпляры на французской и на польской бумагахъ.

Изданія Швайпольта *Феоля*— эти первенцы славянской библіографіи—по знакамъ бумаги дѣлятся на два разряда. Одни напечатаны на италіанской (по видимому) бумагѣ съ бычачьей головой, Agnus Dei встрѣчаемымъ въ инкунабулахъ и тѣмъ, неизвѣстнаго значенія знакомъ (прилагаемое клише), который *Bodemann* извлекъ изъ книги «Aesopi fabulae», печатанной въ Неаполѣ въ 1485 году [1]). Нами эта филигрань найдена въ недатированной Кормчей Новгородскаго Софійскаго собора. Другіе экземпляры встрѣчаются на бумагѣ съ типичными филигранями, изъ которыхъ самой рельефной является изображеніе солнца съ человѣческимъ лицомъ. Эти послѣднія филиграни находятся въ *Часословѣ* съ выходомъ (*Ундольскій*, № 2) и въ *Тріодяхъ Постной* и *Цвѣтной безъ выхода* (*Ундольскій*, №№ 4 и 5), чѣмъ точно и указываютъ, что всѣ эти изданія одного времени и мѣста.



Въ теченіе долгаго времени библіографы наши относили

---

[1]) См. также у *Jansen'a* „Essai sur l'origine de la gravure", pl. XIV, № 135.

извѣстное *Брашовское Евангеліе* къ началу XVI вѣка и даже къ концу XV-го. Между тѣмъ знакъ бумаги, на которой оно напечатано, изображаетъ гербъ. г. Кронштадта [1]). Этотъ знакъ зарисованъ графомъ *Кемени* въ его статьяхъ о бумагѣ съ годомъ 1569. Достовѣрно извѣстно, что начало производства бумаги въ Кронштадтѣ относится къ половинѣ XVI вѣка. По филиграни напечатаніе въ Брашовѣ Евангелія должно опредѣляться временемъ около 1569 года, и это соображеніе въ настоящее время уже подтвердилось. Въ Іюльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1891 годъ г. *Петровъ* помѣстилъ подробное описаніе полнаго экземпляра Евангелія Гануша *Бегнера* съ выходомъ, изъ котораго и видно, что книга напечатана въ 1561 году. Даже случайное сопоставленіе двухъ только рисунковъ филиграней сократило библіографическую неточность въ 7 разъ и указало настоящее *десятилѣтіе*.

Съ большимъ успѣхомъ покойный архимандритъ Леонидъ *Кавелинъ* доказывалъ въ 1883 году существованіе Московскаго Евангелія 1564—1568 годовъ. Трудъ этотъ напечатанъ въ изданіяхъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности и основанъ между прочимъ на сравненіи бумаги и филиграней. Разительное совпаденіе бумаги надо считать наиболѣе доказательнымъ.

Въ настоящее время я уже рѣшусь опредѣленно высказаться относительно того, на какой бумагѣ напечатанъ Московскій первопечатный Апостолъ. Бумага эта французская. Типичный корабликъ мы найдемъ среди автографовъ Императорской Публичной Библіотеки въ письмѣ Антуана короля Наварры къ королю французскому отъ Іюля 1559 года (Авт., портф. LII, № 18). Маленькая сфера, филигрань, много разъ встрѣчающаяся въ Апостолѣ есть въ письмахъ того же короля Антуана отъ 1558 и 1560 гг. (ibidem, №№ 3 и 25) и въ письмѣ короля Карла IX отъ 1565 года.

Мы не можемъ не обратить вниманія не знаменательный фактъ, что знакъ малой сферы (сходной разновидности) и въ русскихъ рукописяхъ нами встрѣченъ исключительно въ 1555—1567 годахъ.

Общее изученіе филиграней бумаги, не связанное съ инкунабулами, долгое время и въ Западной Европѣ оставалось

[1]) См. на таблицахъ при „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ Государствѣ“ №№ 744 и 745.

на почвѣ двухъ-трехъ мѣстныхъ попытокъ, въ видѣ сборниковъ снимковъ. Толчекъ къ оживленію дѣятельности въ этой области дали статьи *C. M. Briquet*, появившіяся въ 1884—1885 гг. и послѣдовавшая въ то же время находка древняго архива въ Египтѣ. До 1884 года на разныхъ выставкахъ проницательные любители пропагандировали значеніе знаковъ бумаги. Въ то время, напримѣръ, какъ въ Италіи каноникъ (теперь епископъ) A. Zonghi выставлялъ (1881) свои въ высшей степени цѣнныя таблицы (и не нашелъ издателя), въ то же время на Парижской «Exposition rétrospective de 1882» одинъ любитель выставлялъ «Quatre vingt une feuilles de papiers filigranés» [1]). Этотъ любитель былъ—M r Félix Faure! Не то видимъ мы въ послѣднее время—въ Германіи, Италіи, Польшѣ, Румыніи—архивисты и ученые принялись за копированіе филиграней. Труды ихъ издаются Академіями и печатаются въ ученыхъ журналахъ. Литература по исторіи бумаги растетъ, и можно смѣло разсчитывать на появленіе все новыхъ и новыхъ трудовъ.

Россія можетъ не безъ гордости указать на двухъ диллетантовъ, которые въ очень раннее время думали сдѣлать то, чего не было сдѣлано и въ Западной Европѣ.

Въ 1824 году вологодскій купецъ Иванъ *Лаптевъ* издалъ свой небольшой «Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ», а въ 1844 году московскій литографъ Корнилій *Тромонинъ* выпустилъ въ свѣтъ собственноручное изданіе «Изъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ», въ которомъ онъ перерисовалъ всѣ знаки, находящіеся при книгѣ Jansen'а и прибавилъ своихъ 113 таблицъ.

Нельзя не отмѣтить, что ничего подобнаго сборнику *Тромонина* не имѣлось въ то время и въ западной литературѣ, а по количеству снимковъ этотъ трудъ оставался самымъ большимъ и по настоящее время. Бѣдный труженникъ вѣровалъ въ значеніе своего труда, но не надѣялся на покупателей и цѣнителей. На плохой бумагѣ рисовалъ онъ возможно большее число знаковъ и дѣлалъ небольшое количество оттисковъ. Все показываетъ, что не о выгодѣ и рекламѣ думалъ скромный работникъ, а о томъ, чтобы его жертва въ пользу науки возможно болѣе согласовалась съ его скудными средствами. Кра-

---

[1]) См. въ третьемъ выпускѣ каталога выставки (Paris, 1882. 8°), стр. 110.

ткій печатный текстъ съ объясненіемъ таблицъ такъ и остался недопечатаннымъ.

Въ предисловіи *Тромонинъ* откровенно изложилъ свои грустныя мысли:

«...при томъ всѣ знаки, при снятіи ихъ съ подлинныхъ бумагъ, прямо литографированы; этого требовала строгая расчетливость не только въ иждивеніи, но и во времени и облегченіи труда, предпринятаго съ пожертвованіемъ и любовію къ наукѣ при мысли, что онъ никогда не можетъ быть вознагражденъ, потому что печатаніе, по малому требованію въ публикѣ такого рода книгъ, ограничилось только числомъ 150 экземпляровъ, изъ коихъ, вѣроятно, большая часть останется для потомства» (стр. 6).

Въ наше время рѣдки люди, готовые работать «съ пожертвованіемъ» для науки и съ мыслью, что ихъ трудъ не будетъ вознагражденъ. Идейный труженикъ заслуживаетъ благодарной

памяти! Приведемъ здѣсь снимокъ съ заглавнаго листа рѣдкой книги *Тромонина*; гравюра на камнѣ исполнена конечно самимъ *Тромонинымъ*.

Сборникъ *Тромонина* имѣетъ большое историческое значеніе, но, прилагая къ нему современныя научныя требованія, мы должны въ значительной мѣрѣ уменьшить его полезность въ настоящее время и предостеречь отъ неосторожнаго имъ пользованія. Дѣло въ томъ, что у *Тромонина* были невольные органическіе недостатки, обусловленные степенью его научной подготовки. Онъ далеко не всегда былъ въ состояніи отличить копію отъ оригинала, сборникъ отъ единовременно написанной рукописи. Изъ рукописи 1370 года *Тромонинъ* привелъ знаки съ указаніемъ на 1292 годъ, копіи XV столѣтія, гдѣ былъ указанъ *переводъ* книгъ, совершенный въ 1407 году, онъ принималъ за оригиналы. Въ недостаточной мѣрѣ сознавалась и необходимость ссылокъ на источникъ, не менѣе 130 знаковъ зарисованы совсѣмъ безъ всякаго указанія. При неточности снимковъ, краткости ссылокъ (большинство просто «рук.», напримѣръ), опискахъ и опечаткахъ въ цифрахъ возможны разнаго рода недоразумѣнія.

Для знаковъ поздняго времени *Тромонинъ* часто, даже большею частью, пользовался только полулистами, не соображая, что его снимокъ обнимаетъ лишь половину филиграни, расположенной въ разныхъ частяхъ цѣлаго листа. Многіе знаки зарисованы ошибочно и искаженно иногда вслѣдствіе неясныхъ очертаній оригинала, иногда же и вслѣдствіе пользованія оригиналомъ въ фрагментарномъ состояніи, когда часть принята была за цѣлое.

Появленіе книги *Тромонина* не побудило русскихъ ученыхъ сдѣлать что-либо болѣе систематическое и научное въ этомъ направленіи, но отнюдь нельзя сказать, чтобы русскіе палеографы пренебрегали бумажными знаками. Въ 1819 еще году *Калайдовичъ* и *Строевъ* къ изданному ими Судебнику 1497 года приложили снимокъ съ филиграни издаваемой рукописи и указали, что она «судя по полууставному почерку, плотной лощеной бумагѣ и находящемуся въ ней знаку *державы*, принадлежитъ къ началу XVI вѣка». Тотъ же *Калайдовичъ* отмѣчалъ знаки бумаги въ своемъ описаніи рукописей Московской Синодальной Библіотеки. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ такихъ палеографовъ, какъ *Востоковъ* и *Викторовъ* были

найдены работы, свидѣтельствовавшія объ ихъ занятіяхъ надъ филигранями. Проф. Тихонравовъ въ лекціяхъ упоминалъ о значеніи бумажныхъ водяныхъ знаковъ и пользовался ими для опредѣленія своихъ рукописей. О. арх. Леонидъ *Кавелинъ* неоднократно пользовался знаками бумаги въ его многочисленныхъ трудахъ. Пользовались знаками и о. арх. *Амфилохій*, *А. И. Артемьевъ*, *А. В. Горскій*, *А. К. Жизневскій* и многіе другіе. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе входитъ въ обычай въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, разъ дѣло коснется недатированной рукописи, отмѣчать и ея знаки.

Можно объяснить себѣ, почему всѣ названные ученые уклонились отъ изданія какого-либо труда въ области изученія филиграней. Ихъ удерживало сознаніе, что для всякой сколько-нибудь систематической работы въ этомъ направленіи требуется предварительная неимовѣрная затрата труда и труда томительнаго и скучнаго. Перелистываніе рукописи листъ за листомъ для извлеченія одного-двухъ знаковъ, медлительное калькированіе на свѣтъ, съ долгимъ иногда разглядываніемъ всѣхъ деталей знака, все это утомляетъ и надоѣдаетъ, а въ то же время растетъ сознаніе, что много и очень много надо пересмотрѣть такихъ рукописей, прежде чѣмъ станетъ возможнымъ обоснованный выводъ.

Конечно особенно интересны тѣ случаи, когда бумажный знакъ игралъ роль въ историческихъ событіяхъ или въ ихъ освѣщеніи. Припомнимъ случившееся въ недавнее время весьма громкое дѣло зятя президента французской республики, извѣстнаго *Вильсона*, обвинявшагося въ торговлѣ орденами. Этотъ процессъ «des décorations», иначе дѣло «Caffarel-Limousin», былъ возбужденъ осенью 1887 года и долженъ былъ кончиться 9 Ноября полнымъ оправданіемъ *Вильсона*, представившаго цѣлый рядъ собственноручныхъ писемъ, вполнѣ выгораживавшихъ его отъ участія въ темномъ дѣлѣ. Только въ послѣднюю минуту адвокатъ обвиненныхъ догадался потребовать экспертизы бумаги писемъ. Призванный по этому дѣлу фабрикантъ M-r *Blanchet*, который поставлялъ бумагу въ палату депутатовъ, немедленно заявилъ, что бумага Вильсоновскихъ писемъ дѣлана на его фабрикѣ; она оказалась съ знакомъ, введеннымъ въ употребленіе въ 1885 году, документы же *Вильсона*, на ней писанные, были помѣчены 1884 годомъ. Стало очевиднымъ, что оправдательныя письма вложены были когда уже возникло

обвиненіе. Заявленіе M-r *Blanchet* имѣло совершенно неожиданные результаты. 11 Ноября *Вильсонъ* уже выѣхалъ изъ Елисейскаго Дворца, а 2 Декабря самъ *Греви* подъ давленіемъ общественнаго негодованія слагаетъ съ себя званіе президента, безсильный составить новый кабинетъ министровъ, взамѣнъ подавшаго въ отставку стараго.

Н. П. Лихачевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ДИПЛОМАТИКИ

(XIX в.).

(Перепечатано съ литографированныхъ записокъ съ разрѣшенія автора, но безъ исправленія).

Завѣдующій Изданіемъ Слушатель 2 курса Ученый Лѣсоводъ
Митр. Ив. БѢЛАВЕНЕЦЪ.

Изданіе Слушателей Института.
С.-Петербургъ. 1905—1906 учебн. г.

Издано на правахъ рукописи.

Печатано съ разрѣшенія Императорскаго Археологическаго Института.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Н. П. Лихачевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ДИПЛОМАТИКИ (XIX в.).

Отдѣльныя лица основываютъ учрежденія, пишутъ уставы, опредѣляютъ цѣли и границы созданнаго, а жизнь перерабатываетъ и исправляетъ дѣла человѣческія, сообразно съ требованіями даннаго времени. Археологическій Институтъ по мысли основателя и по самой сущности своей, какъ копія съ Ecole des Chartes, имѣлъ задачей приготовленіе ученыхъ архивистовъ и ученыхъ хранителей музеевъ; сама жизнь видоизмѣнила характеръ учрежденія, придавъ ему широкія просвѣтительныя задачи. Въ Институтѣ неожиданно стеклось множество лицъ, желающихъ познакомиться съ различными научными знаніями, касающимися археологіи и архивнаго дѣла, не ради пріобрѣтенія положенія и должностей (чего впрочемъ русскій институтъ и не могъ давать), а изъ любви къ дѣлу, изъ жажды къ изученію прошлаго, изъ интереса къ знаніямъ отвлеченнымъ, явленіе отрадное тѣмъ болѣе, что именно въ наше время цѣнность этихъ отвлеченныхъ знаній доведена до minimum'а.

Не бѣда, если не всѣ слушатели института станутъ учеными специалистами, простое ознакомленіе съ курсами, читаемыми въ Институтѣ, дастъ возможность каждому изъ нихъ оказать при случаѣ большія услуги родинѣ. Куда бы не закинула судьба бывшаго слушателя Института, онъ вездѣ окажется на стражѣ науки. Не забудетъ отмѣтить мѣстонахожденіе первобытныхъ древностей, разберется въ разныхъ культурахъ, укажетъ на все значеніе совмѣстнаго нахожденія монетъ съ вещами. Непонятная надпись, трудно читаемая монета—не остановитъ его, потому что онъ знаетъ, куда надо обратиться въ такомъ случаѣ. При перестройкахъ, реставраціяхъ и уничтоженіи памятниковъ церковныхъ, яко бы для вящшаго благолѣпія, всякій слушатель Института попытается остановить

несвѣдующихъ, укажетъ съ кѣмъ надо посовѣтоваться. Встрѣтятся рукописи—славянскія и русскія, ознакомленный съ палеографіей слушатель разберется въ ихъ сравнительной древности и важности; встрѣтится архивъ—и тутъ, не будучи спеціалистомъ по архивному дѣлу или коллекціонеромъ, всякій бывшій въ Институтѣ, припомнитъ какъ надо обращаться съ документами, описывать ихъ и располагать по извѣстной системѣ.

Обширна Русь и много еще таитъ она архивныхъ, а особенно археологическихъ сокровищъ. Всѣмъ будетъ дѣло. Всѣмъ хватитъ работы! Не даромъ, въ сознаніи этого, Институтъ такъ широко открылъ свои двери, не обращая вниманія на свою скудность, на крайнюю тѣсноту помѣщенія.

Задача дипломатики въ данномъ случаѣ заключается въ ознакомленіи съ разными видами документовъ, ихъ мѣстонахожденіемъ, способами критики и научнаго изученія. Конечно во главу угла, должно лечь изученіе актовъ русскихъ, но внимательное изслѣдованіе формъ, терминовъ, знаковъ укрѣпленія, самой внѣшности и матеріала указываетъ на сложную амальгаму вліяній. Жаркій климатъ напримѣръ, вызвалъ появленіе свинцовыхъ печатей; въ Византіи этотъ типъ сталъ общераспространеннымъ; начиная отъ Императора, кончая простымъ монахомъ (въ сущности отрѣшившимся отъ міра)—всѣ печатали свинцовыми пломбами. Русскія печати Двинскихъ грамотъ, имѣютъ источникомъ византійскій обычай совершенно одинаково съ папскими буллами, употреблявшимися еще при настоящемъ папѣ Львѣ XIII.

Одной изъ существенныхъ задачъ курса дипломатики является указаніе на мѣстонахожденіе актовъ и степень ихъ научной разработки и опубликованія.

Переходя къ археографической дѣятельности XIX столѣтія, мы предварительно прослѣдимъ судьбу одного очень важнаго основного археографическаго источника. Я подразумѣваю монастырскіе и церковные архивы XVII вѣкъ обильно позаимствовалъ изъ большихъ правительственныхъ архивовъ; XIX обратилъ вниманіе на акты, происходившіе изъ монастырей, много путался съ ними, выбиралъ кусочками, но задачу систематическаго ихъ использованія передалъ текущему XX столѣтію. Будемъ надѣяться, что новый вѣкъ справиться съ задачей тѣмъ болѣе, что матеріалъ сокращается путемъ уничтоженія, хотя не очень быстро, но съ «довольной» энергіей.

Старые русскіе монастыри являются огромной исторической

силой; они были центрами просвѣщенія и равно наиболѣе безопасными мѣстами отъ всякаго рода насилія. Подвижниковъ окружали, а потомъ смѣняли люди дѣятельные, умные и ловкіе практики. Довольно рано произошла борьба между идеалистами—нестяжателями, и матеріалистами—старавшимися всѣми мѣрами округлять монастырское имущество. Побѣдили матеріалисты. Русскіе люди всегда пребывали въ увѣренности, что отъ грѣховъ можно и слѣдуетъ откупаться. Теперь господствуетъ теорія спасительности посмертной постройки богадѣленъ и больницъ, въ виду того, что молитвы призрѣваемыхъ старичковъ и болящихъ особенно доходны до Бога, денегъ же всё равно съ собой не унесешь; въ старой Руси особыя надежды возлагались на молитвы земныхъ ангеловъ, какими являются монахи. Состоятельные люди Московской Руси настолько сознавали свою грѣховность, съ такою тароватостью готовы были лишить всего себя и своихъ близкихъ, что уже въ XVI столѣтіи правители, сами неустанно замаливавшіе грѣхи всякаго рода даяніями и вкладами, принялись за ограниченіе монастырей, ставшихъ богатыми и льготными вотчинниками.

Новѣйшія изслѣдованія обнаружили и изнанку монастырской дѣятельности. Всѣ округа постепенно подпадали подъ экономическій гнетъ монастыря. Вкладныя и купчія нерѣдко оказываются скрытыми кабалами, по отношенію къ мелкимъ землевладѣльцамъ и крестьянамъ, монастырь являлся прямо ростовщикомъ.

Такая хозяйственная дѣятельность требовала бухгалтеріи и архивовъ; обиліе средствъ позволило обзаводиться каменными постройками, раньше городскихъ приказныхъ избъ (что естественно уменьшало вредъ отъ пожаровъ); значительная часть монастырей, даже въ смутное время не подверглась разгрому.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ предварительное понятіе о томъ изобиліи документовъ, которые находились въ «казнахъ» монастырей вотчинниковъ.

Перечислимъ нѣсколько видовъ монастырскихъ актовъ:

На наличное монастырское имущество имѣлись драгоцѣнныя описи, подробныя и точныя, возобновлявшіяся время отъ времени при вступленіи въ должность новыхъ архимандритовъ или игуменовъ.

Постоянно велись, иногда въ нѣсколькихъ спискахъ, вкладныя и кормовыя книги.

Все земельное имущество описывалось государевыми писцами

(вмѣстѣ съ описаніемъ земель прочихъ владѣльцевъ); цѣлыя писцовыя и переписныя книги, или обширныя сотныя выписи поступали въ казну и присоединялись къ болѣе раннимъ; при владѣніи въ разныхъ уѣздахъ—дѣлались сводныя книги, въ оффиціальныхъ приказныхъ копіяхъ; въ большихъ монастыряхъ имѣлись копіи сотныхъ и по уѣздамъ.

Драгоцѣнной особенностью монастырскихъ архивовъ было то, что рядомъ съ книгами, въ которыхъ владѣнія были утверждены за монастыремъ, хранились и всѣ акты, по которымъ земля поступала въ монастырь, мало того всѣ документы по которымъ владѣли землею и прежніе ея обладатели въ теченіе возможно долгаго времени. Родовой выкупъ и отсутствіе настоящихъ точныхъ плановъ неоднократно вызывало тяжбы и необходимость выхлопатывать правыя грамоты. Благодаря этому порядку монастыри въ XVIII столѣтій хранили грамоты XIV—XV вѣковъ, неоднократно списанныя, подтверждаемыя и въ коихъ юридической надобности собственно уже не настояло.

Судя по сохранившимся образцамъ приходо-расходныя книги велись образцово и систематично. Кромѣ главной казначейской книги, велось множество частныхъ, въ которыхъ вѣдался напримѣръ, хлѣбъ, скотъ, монашеская одежда и т. д. Всякій монахъ, ѣздившій по какому нибудь порученію, получалъ наказъ и представлялъ подробный отчетъ. Съ подворьями въ Москвѣ, гдѣ находились такъ сказать монастырскіе юристъ-консульты и присяжные повѣренные, велась дѣятельная переписка.

Въ большомъ обиліи хранились и всевозможныя подрядныя и кабалы.

Головной частью архива писавшейся въ началѣ всѣхъ описей считался его, такъ сказать, историческій отдѣлъ, тѣсно связанный впрочемъ съ имущественнымъ. Жалованныя и льготныя грамоты, грамоты указныя; грамоты митрополичьи и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что монастыри вели обширную частную переписку; весьма характеристично, что частныя письма однако являются чрезвычайною рѣдкостью и сохраненіе ихъ всегда дѣло случая. И увы! что для монаховъ XVI столѣтія теряло цѣнность по прочтеніи, для современнаго историка было-бы драгоцѣнно!

Съ Петра Великаго началось утѣсненіе монастырей: правительство добиралось до монастырскихъ имѣній въ нѣсколько пріемовъ. Наконецъ въ 1762 году императрица Екатерина II образовала коммиссію для отчужденія въ казну недвижимыхъ

церковныхъ имуществъ и установленія монастырскихъ штатовъ. Вмѣстѣ съ землями отъ монастырей отобрали и всѣ документы, имѣвшіе отношеніе къ землямъ. Громадная масса древнихъ актовъ свезена была во вновь возобновленную въ 1763 году Коллегію Экономіи и тамъ была регистрирована, можетъ быть вслѣдствіе того, что коллегіи пришлось въ теченіи 23 лѣтъ завѣдывать монастырскими землями, а вѣроятнѣе просто при сдачѣ документовъ въ Архивъ Старыхъ Дѣлъ. Въ 1786 году. завѣдываніе бывшими церковными имуществами перешло въ Казенныя Палаты, а документы нѣсколько лѣтъ подготовлявшіеся къ сдачѣ, были переданы въ Государственный Архивъ Старыхъ дѣлъ.

Открытіе Архива Старыхъ дѣлъ послѣдовало 13 марта 1783 года [1]), но сдача документовъ изъ Коллегіи Экономіи производилась въ 1787 году (именно велѣно было окончить сдачу къ 1-му января 1788 года). Сданы были «жалованныя грамоты, выписи, «разнаго званія» крѣпостные акты въ столбцахъ (13.252) и книгахъ (2764)» [2]). Сверхъ всего поступили еще 17 коробовъ съ истлѣвшими дѣлами, «за казенною печатью».

Нельзя при этомъ не упомянуть проницательности знаменитаго Герарда Фридриха Миллера. П. Н. Милюковъ въ его портфеляхъ нашелъ документы, что «незадолго до смерти (3-го декабря 1782 года), по поводу учрежденія при Сенатѣ новаго архива Старыхъ дѣлъ—онъ хлопоталъ о передачѣ изъ него въ Архивъ Иностранной Коллегіи—грамотъ упраздненной Коллегіи Экономіи «по елику оныя для исторіи Россійской Имперіи необходимо нужны». «А, между тѣмъ» замѣчаетъ Милюковъ [3]), «историческое значеніе этихъ грамотъ, составляющихъ единственное въ своемъ родѣ собраніе монастырскихъ актовъ XIV и XV в.в. (не говоря о послѣдующемъ времени) и въ наше время сознается слишкомъ немногими».

Монастырскіе архивы отобраны были въ Коллегію Экономіи далеко не полностью; систематически оставлено было все, что не касалось поземельныхъ владѣній, но и изъ актовъ, относящихся до землевладѣнія монастырями было утаено довольно много. Мы увидимъ еще, какое отношеніе эти остатки имѣли

---

[1]) Описаніе Докум. и бумагъ Арх. Юстціи, кн. V. (1888) стр. 404.

[2]) Ibidem стр. 414.

[3]) П. Н. Милюковъ: „Главныя теченія русской исторической мысли“ т. I, (изд. 2 М. 1898), стр. 121.

къ дѣятельности Археографической Коммиссіи; отмѣтимъ лишь, что знаменитая Мстиславова грамота древнѣйшій нашъ дипломатическій подлинникъ и по сіе время находится въ монастырѣ.

Часть важныхъ и древнихъ документовъ была удержана въ качествѣ мѣстной святыни, какъ память объ основателяхъ обителей (наприм. вкладная Варлаама, духовная Алексѣя митрополита и т. д.) большая же часть просто смѣшалась съ архивомъ хозяйственныхъ бумагъ, на которыя не обратила вниманія не только Коллегія Экономіи, но объ использованіи коихъ пошла рѣчь лишь въ самое послѣднее время. Въ монастыряхъ остались описныя книги (несмотря на замѣну ихъ новыми), книги вкладныя и кормовыя, потерявшія собственно значеніе, за нарушеніемъ обязательства съ одной стороны. Монахи за вклады должны были вѣчно молить Бога и поминать вкладчиковъ, а эти то вклады неожиданно и были отняты.

Кипы приходо-расходныхъ книгъ, только дразнили монаховъ напоминая имъ о прежнемъ благополучіи.

Мало по мало въ отношеніи къ рукописнымъ собраніямъ и архивнымъ дѣламъ въ монашествѣ совершилась коренная перемѣна.

Въ старой Руси монахи хозяева заботливо вели свое хозяйство, знали ему очетъ и ревностно приумножали; систематическій подборъ документовъ охранялъ имущество на случай споровъ и тяжбъ. Въ новой Руси чиновники въ рясахъ переходятъ изъ монастыря въ монастырь на кормленіе съ обязанностію стеречь казенное добро. Храненіе разницъ еще было понятно богомольцы любятъ благоговѣйный осмотръ святынь, умиляются даже передъ топоромъ каменнаго періода, якобы принадлежавшимъ Петру Великому (Троице-Сергіева Лавра) и французскимъ ядромъ изъ Севастополя; добровольная мзда поддерживаетъ монастырскую братію. Но что дѣлать съ нечитаемыми рукописями и старыми бумагами. Мѣсто они занимаютъ, а кромѣ непріятностей монастырю ничего не приносятъ. По немногу выработалось даже какое то озлобленіе противъ архивнаго хлама, совершенно напрасно вызывавшее и вызывающее недоумѣніе археографовъ. Дѣло житейское. Живутъ монахи спокойно, вдругъ появляется любопытный архіерей вродѣ Евгенія Болховитинова, желаетъ осмотрѣть, а въ результатѣ того гляди выговоръ за неисправное храненіе и предписаніе описать. А кому описывать? Нивремени, ни охоты, а главное знаній ни у кого нѣтъ. Посѣтятъ ученые монастырь, недосмотритъ монахъ,

увидятъ что лишнее, а въ результатѣ кляуза, бумага отъ начальства, что до свѣдѣнія дошло какъ смѣютъ держать вещи безъ описи.

Надо сказать, что въ смыслѣ ученыхъ интересовъ и высшее духовенство XVIII, а отчасти и XIX столѣтія стояло весьма не высоко. На одного «просвѣщеннаго» іерарха приходились десятки лицъ съ полнымъ правомъ на названіе непросвѣщенныхъ. Дѣйствовали больше предписаніями объ описяхъ, угрозами и отобраніями.

Существуютъ двѣ записки, обѣ, если не ошибаюсь, на правахъ рукописи—одна Н. К. Никольскаго, другая покойнаго сочлена нашего Львова,—обѣ онѣ касаются вопроса объ охранѣ древностей, и обѣ полны безотрадныхъ фактовъ. Монашескій взглядъ на документы, къ сожалѣнію болѣе чѣмъ распространенный, прекрасно выраженъ въ статьѣ», Историко—Статистическое описаніе Николаевскаго Корельскаго монастыря» (Въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 годъ), авторъ которой, отмѣчая существованіе неразобраннаго монастырскаго архива, прибавляетъ, что въ немъ находятся многія дѣла— «кои, за отобраніемъ всѣхъ тѣхъ вотчинъ, угодьевъ и крестьянъ отъ монастырей, при изданіи штатовъ, нынѣ дѣлаются совершенно неинтересными»... (см. № 11 отъ 15-го Марта).

Было время, когда отъ такихъ неинтересныхъ архивовъ монахи старались отдѣлаться, какъ попало, топили въ прорубяхъ (какъ случилось при Евгеніи), жгли, прятали въ такія мѣста, гдѣ они гнили и уничтожались. Археографическія экспедиціи и синодальные ревизоры, отбиравшіе документы и дѣла цѣлыми ворохами, указали, что и этотъ мнимый хламъ долженъ имѣть свою цѣнность. Монастырскіе акты стали встрѣчаться на книжныхъ рынкахъ, то по мелочамъ, то цѣлыми собраніями. Важнѣйшій случай—покупка уже изъ третьихъ рукъ старикомъ старообрядческимъ антикваромъ П. В. Шибановымъ части архива Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, перепроданнаго потомъ отчасти графу С. Д. Шереметьеву и по мелочамъ, но въ главной массѣ пріобрѣтеннаго Н. К. Никольскимъ. Надо замѣтить, что документы этого архива попали въ библіотеку С.-Петербургской Духовной Академіи вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей, а частью въ Императорскую Публичную библіотеку. Архивные документы Спасо-Прилуцкаго монастыря мало по малу въ теченіе пятнадцати—двадцати лѣтъ разошлися по всевозможнымъ правительственнымъ и частнымъ собраніямъ.

Много архивнаго матеріала уничтожено, разбито и перепорчено, но и до сихъ поръ много еще сохранилось. Затаиваютъ свои архивы самые главные монастыри, никогда не терпѣвшіе отъ погромовъ и пощаженные даже смутнымъ временемъ. Въ монастыряхъ не большихъ обнаружаваются цѣнныя собранія. Не могу не обратить Вашего вниманія на работу покойнаго А. К. Жизневскаго по документамъ Антоніева Краснохолмскаго монастыря; она служитъ прекраснымъ доказательствомъ, какъ цѣнны и интересны древнѣйшія хозяйственныя книги монастырей. Можно было-бы привѣтствовать появленіе нѣсколькихъ томовъ такого экономическаго и бытового матеріала. Конечно, ядро документальныхъ коллекцій, находящееся теперь въ Архивѣ Министерства Юстиціи, есть основа и нѣчто самостоятельное но неполноту его ярко выказываетъ хотя-бы примѣръ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Документы этой знаменитой обители, находящіеся въ громадныхъ сборникахъ библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи; описи и списки отпечатанные въ Вѣстникѣ Археологическаго Института, все вмѣстѣ взятое представляетъ такую массу, передъ которой блѣднѣютъ многочисленные подлинники бѣлозерскаго уѣзда Грамотъ Коллегіи Экономіи. Давно, давно пора еще разъ обревизовать наши монастыри въ отношеніи бумагъ, оставшихся «неинтересными» для стараго поколѣнія археографовъ.

Если ученый нѣмецъ, знаменитый Ѳ. И. Миллеръ, первый замѣтилъ значеніе актовъ изъ монастырскихъ архивовъ, то русскому всётаки суждено было первому воспользоваться хотя бы частью громаднаго матеріала, лежавшаго въ безвѣстности. 18 Декабря 1767 года въ Воронежѣ у приходскаго священика Алексѣя Болховитинова родился сынъ Евфимій, котораго впослѣдствіи М. П. Погодинъ наименовалъ «неутомимымъ бенедиктинцемъ.» П. Н. Милюковъ вообще строгій при опредѣленіи значенія этого бенедиктинца въ русской исторіографіи, прекрасно очертилъ дѣятельность его, сказавъ, что вся жизнь Евгенія Болховитинова была одною сплошною археографическою экспедиціей.

Дѣтство будущаго ученаго было непривѣтливо, отецъ былъ бѣденъ и къ тому же умеръ, оставивъ мальчика въ очень тяжеломъ положеніи. Къ счастью онъ попалъ за голосъ въ архіерейскій хоръ, научился тамъ читать и писать, и вскорѣ поступилъ въ семинарію, гдѣ трудолюбіемъ и необыкновенными способностями обратилъ на себя вниманіе тогдашняго Воронежскаго

архіерея Тихона. По окончаніи курса въ семинаріи Евѳимій Болховитиновъ былъ отправленъ въ Москву въ Славяно-Греко-Латинскую академію. Наконецъ то жажда знанія удовлетворена; съ удивительной энергіей молодой студентъ принимается за занятія; не довольствуясь Академіей, онъ стремится слушать профессоровъ Московскаго Университета, выискиваетъ немногіе часы свободнаго времени, чтобы погрузиться въ изученіе иностранныхъ языковъ.

Передъ нами воскресаетъ типъ настоящаго бенедиктинца, чувствуется, что этому страстному юношѣ суждено быть монахомъ.

Въ нѣсколько лѣтъ была пріобрѣтена солидная эрудиція, которая рѣзко отличала Евфимія отъ большинства тогдашнихъ ученыхъ.

Болховитиновъ хорошо изучилъ нѣсколько языковъ и щегольски писалъ по латыни не только сочиненія (оставшіяся въ рукописи), но и письма. Печататься Болховитиновъ сталъ очень рано, нѣсколько его переводовъ издано въ Москвѣ, начиная съ 1788 года; на надѣятельность по разработкѣ руской исторіи онъ выступилъ значительно позднѣе. Труды его, какъ это обыкновенно и бываетъ, находились въ тѣсной связи съ мѣстомъ его служенія.

Изъ Академіи молодому ученому пришлось возвратиться на родину въ Воронежъ и приняться за преподавательную дѣятельность — въ семинаріи онъ преподавалъ риторику, французскій языкъ и курсъ римскихъ и греческихъ древностей. Это не помѣшало ему написать «Обозрѣніе Воронежской губерніи» (1800) и принявъ рукоположеніе въ священники (онъ женился при томъ на купеческой дочери) взявъ обузу занятій въ консисторіи. Смерть жены и дѣтей потрясла Болховитинова такъ, что онъ сталъ думать о монашествѣ и переѣздѣ въ столицу. Покровительство Н. Н. Бонтыша — Каменскаго, извѣстнаго архивиста, съ которымъ Болховитиновъ познакомился еще въ Москвѣ, устроило ему назначеніе префектомъ Александро-Невской Академіи, съ порученіемъ преподавать философію и высшее краснорѣчіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ чрезвычайной быстротою былъ постриженъ съ именемъ Евгенія, посвященъ въ архимандриты и сталъ членомъ С.-Петербургской Консисторіи. Всё это случилось въ 1800 году, а въ началѣ (17 Января) 1804 года Евгеній Болховитиновъ хиротонисанъ епископомъ Старорусскимъ; въ Январѣ 1808 года, — переведенъ въ Вологду;

ство очень удобное для печатанія исторіи Россійской Іерархіи, а затѣмъ хиротонисанъ въ епископы (1816) и назначенъ архіереемъ въ Пензу въ 1819 году, въ 1822 году уволенъ на покой въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и скончался 26 Декабря 1827 года. Книгъ вообще не писалъ и не печаталъ.—Уже это одно обстоятельство указываетъ, что у Амвросія и въ Исторіи Іерархіи былъ сотрудникъ и вдохновитель. Хотя на заглавномъ листкѣ и было поставлено только имя Амвросія, ни для кого не было тайной, что душей предпріятія былъ Евгеній Болховитиновъ. Можно спорить о количествѣ труда, потраченнаго Амвросіемъ, о самостоятельности нѣкоторой части занятій и выписокъ, но всётаки всё важнѣйшее въ видѣ разсужденій и выводовъ, обозрѣній и экстрактовъ изъ архивныхъ дѣлъ принадлежитъ Евгенію. Совершенно правильно историкъ Евгенія Н. Полетаевъ помѣстилъ Исторію Россійской Іерархіи особой главой среди трудовъ митрополита Евгенія [1]) Грандіозная мысль о трудѣ, не выполненномъ и по сейчасъ, конечно, принадлежитъ Евгенію и зародилась въ самомъ началѣ пребыванія въ Петербургѣ. Есть прямыя указанія, что Евгеній извлекалъ, напримѣръ въ Петербургскомъ Синодальномъ архивѣ, оффиціальныя описи монастырей, составленныя въ силу указа отъ 24 Марта 1781 года. Самъ Евгеній въ письмѣ къ Анастасевичу говоритъ прямо, что онъ нашелъ дѣло и собиралъ матеріалы, а изданіе поручилъ Амвросію. Евгеній сошелся съ Амвросіемъ въ Новгородѣ, но зналъ и раньше (въ Петербургѣ убѣдилъ его взяться за трудную работу и совмѣстно даже рылись въ архивахъ.

Превосходны строки одного письма Евгенія, гдѣ онъ вспоминаетъ о древнихъ дѣлахъ, находившихся въ Софійскомъ Соборѣ (въ письмѣ къ П. И. Кеппену отъ 1821 года). «Въ Новгородѣ подъ кровлею Софійскаго собора вы найдете необозримую кучу гніющихъ бумагъ, но я опытомъ дозналъ, что ихъ отъ гнилой вони и пыли нельзя разворачивать ни на два часа» (Полетаевъ, е. с., стр. 78). Всё время пребыванія въ Вологдѣ Евгеній посвятилъ архивнымъ работамъ по описанію 78 Вологодскихъ монастырей, книги и документы по воспоминаніямъ старожиловъ къ владыкѣ возили возами и можно только надѣяться, что всѣ они были возвращены въ монастыри ранѣе зна-

---

[1]) Труды митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова по исторіи русск. церкви“ (Казань 1889. 8°) см. глава I.

менитаго аутодафѣ, при которомъ присутствовалъ Савваитовъ. Описаніе Вологодскихъ монастырей составляетъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ частей «исторіи іерархіи». Шесть томовъ (послѣдній въ 2-хъ частяхъ) обширнаго труда двухъ тружениковъ монаховъ были напечатаны въ 1807—1815 годахъ, можно сказать, быстро, если принять во вниманіе условіе печатанія съ посылкой листовъ разнымъ лицамъ, при нахожденіи одного автора въ Новгородѣ, а другого въ Вологдѣ. Евгеній торопилъ съ печатаніемъ, зная, что всё равно первое изданіе будетъ очень эффектно и составитъ остовъ для дополненій. Онъ не имѣлъ возможности медлить, какъ Карамзинъ, державшій рядъ томовъ въ рукописи и постоянно ихъ исправлявшій (объ этомъ говоритъ самъ Евгеній) [1]), потому что зналъ, насколько важно расположеніе Синода и насколько вѣроятны всякія помѣхи [2]).

«Исторія Россійской Іерархіи» при всѣхъ своихъ несовершенствахъ для насъ драгоцѣнна по тѣмъ актамъ, которые въ ней напечатаны, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ никогда не были и переизданы. Пользованіе архивомъ монастыря часто указано при самомъ приведеніи текста грамоты (напримѣръ, см. Глушицкій монастырь) иногда отмѣчена, что грамота «прислана» но какъ, не показано. Такъ при описаніи Троице-Сергіевой Лавры среди грамотъ есть примѣчанія (ч. II стр. 151)— «позднее полученіе сея и слѣдующія по ней грамоты причиною, что оныя не на своемъ по лѣтоисчисленію помѣщены мѣстѣ».

Отмѣтимъ нѣсколько грамотъ, изданныхъ по спискамъ или по подлинникамъ:

I) При описаніи Антоніева монастыря—по спискамъ—двѣ грамоты Антонія Римлянина (ч. III, стр. 123, 124) объ нихъ Срезневскій, Древн. памятн., годъ «до 1147 года».

Вспомнимъ по поводу этихъ древнихъ грамотъ упоминаніе Шлецера (I, стр. ҏі): «Миллеръ, прежде опредѣленія своего къ Московскомъ Архивѣ, одинъ разъ увѣрялъ меня изустно, что древнѣйшая грамота, до тѣхъ поръ отысканная есть в. к. Андрея Боголюбскаго».

Можетъ быть именно объ этой то грамотѣ говоритъ митрополитъ Евгеній при описаніи Кіевопечерской Лавры: «Великій

---

[1]) Для насъ малопонятно указаніе самого Евгенія въ письмѣ къ Анастасевичу отъ 24 Ноября 1814 г., что Исторія Россійской Іерархіи стала казнѣ до 40,000 руб. („Полежаевъ стр. 54). Что то очень большая сумма.

[2]) Полетаевъ l. c., стр. 50.

князь Кіевскій Андрей Георгіевичъ Боголюбскій чрезвычайное имѣлъ усердіе къ сему монастырю. Онъ переселяясь изъ Суздальскаго на великое княжество Кіевское, подтвердилъ данною 1159 года грамотою Ставропигію Кіевопечерской лавры, повелѣлъ подчинить оной монастыри Кіевскій Пустынно-Николаевскій Брянскій, Свѣнскій, Нодгородосѣверскій, Спасскій и Черниговскій Спасскій и Черниговскій Елецкій; и даже пожаловалъ Лаврѣ городъ Васильковъ, на рѣкѣ Стугнѣ со всѣми вокругъ лежащими землями» (ч. II стр. 34). Но увы! грамота эта подложная и пользованіе ею преосвященнымъ Евгеніемъ только способна подкрѣпить приговоръ, произнесенный надъ нею критическимъ чутьемъ митрополита въ книгѣ П. Н. Милюкова.

При описаніи Антоніева монастыря въ «Іерархіи» приведены еще грамоты:

) жалованная несудимая и льготная, отъ 25 марта 7032 года (1524).

ъ) жалованная (но по содержанію правая) – отъ 15 августа 1573 года.

с) жалованная отъ 28 февраля 1580 года.

а) правая (очень интересная) отъ декабря 1591 года.

Итакъ далѣе всего 14 грамотъ.

II) При описаніи Арсеніева Комельскаго монастыря Вологодской епархіи приведенъ рядъ грамотъ, выданныхъ основателю монастыря Арсенію Сахарусову и его преемникамъ (ч. III, стр. 230 и слѣд.).

Интересны подтвержденія на одной грамотѣ: «А кому будетъ чего искати на самомъ строителѣ на Герасимѣ, или на его прикащикѣ, что ихъ сужу азъ царь и Великій князь, или мой дворецкій, которого будетъ дворецкаго Резанскаго. Дворецъ въ приказѣ. Лѣта 7058 (1550) іюня въ 23. А подписалъ царя и великаго князя дьякъ Романъ Колзаковъ».

Грамоты списаны вообще очень неправильно.

III) При описаніи Архангельскаго монастыря въ самомъ г. Архангельскѣ—приведена грамота Архіепископа Новгородскаго Іоанна (1387—1414)—«изъ сихъ (архіепископовъ) одинъ Архіепископъ Іоаннъ благословилъ въ Новгородской своей области на Двинѣ, въ обители св. Архистратига Михаила вседневную службу и игумена, давъ на то свою благословенную харатейную; за своею святительскою вислою печатью, но безъ году, слѣдующую граммату...» (стр. 300). Очень было бы интересно узнать, не хранится ли она и понынѣ въ монастырѣ.

IV) При описаніи Боровскаго монастыря (ч. III, стр. 434). приведена весьма цѣнная и интересная грамота указная отъ 16-го февраля 1592 г. какъ принимать митрополита Тырновскаго Діонисія, и что ему дать.

V) При описаніи Саввино-Вишерскаго монастыря (ч. III, стр. 559) прибавлено: «Въ заключеніе описанія монастыря сего присовокупляются двѣ древнія граммата, данныя отъ Новгородцевъ на землю сего Саввино-Вишерскаго монастыря.

Обѣ грамматы отличаются сравнительной древностью и интересны по содержанію.

VI) Грамоты жалованныя Глушицкому монастырю (ч. III, стр. 704 и слѣд.). Весьма интересны документы, касающіеся мелкихъ удѣльныхъ князей заозерскихъ и Бахтюжскихъ.

VII) При описаніи Пантелеймонова Новгородскаго монастыря (ч. V, стр. 454 и слѣд.) грамота великаго князя Изъяслава Мстиславича на земли, которыя онъ пожаловалъ «испросивъ у Новгорода». Одинъ изъ древнѣйшихъ дипломатическихъ текстовъ. См. подъ 1148 годомъ у Срезневскаго, которымъ была переиздана въ «Извѣстіяхъ» Академіи Наукъ.

VIII) При описаніи Спасскаго Ярославскаго монастыря (ч. VI стр. 229 и слѣд.) напечатана и съ краткимъ дипломатическимъ описаніемъ подлинника грамота докончальная князя Василія Давидовича Ярославскаго (см. Срезневскаго подъ 1345 годомъ) и Прот. Арх. Ком., выпускъ III, стр. 482.

XI) При описаніи Успенскаго Волотова монастыря въ Новгородѣ (ч. VI, стр. 474 и сл.) помѣщена несудимая грамота, данная 1 сент. 7009 (1500) года велик. кн. Иваномъ III.

X) При описаніи Успенскаго Зилантова монастыря въ Казани помѣщено между прочимъ знаменитое письмо царя Ивана Грознаго къ Архіепископу Гурію Казанскому. Этотъ памятникъ требуетъ еще строгаго дипломатическаго разслѣдованія.

Показанныхъ избранныхъ примѣровъ достаточно, чтобы выступила наглядно археографическая цѣнность исторіи Іерархіи особенно для того времени, когда ничего кромѣ Вивліофики не было и лишь къ концу изданія появился первый томъ Соб. Госуд. Грам. и Догов. Конечно, «Исторія» была набрана спѣшно, крайне неполна по содержанію и наоборотъ исполнена ошибокъ. Евгеній видѣлъ это лучше всѣхъ и мечталъ о переизданіи во время самаго печатанія. Онъ и самъ отовсюду собиралъ поправки и Амвросія побуждалъ къ тому же. Составился матеріалъ для второго изданія, долженствовавшаго удвоить цѣнную

и нужную книгу. Въ 1822 году первая часть была перепечатана въ Москвѣ, но безъ всякихъ добавленій, въ 1827 году послѣ долгихъ мытарствъ Евгеній переиздалъ I часть, «вторымъ изданіемъ» что въ сущности было справедливо въ Кіевѣ. На первой части дѣло встало. Въ Синодѣ и у власти появились новыя лица. Полежаевъ историкъ вполнѣ правовѣрный, самъ изъ Духовной Академіи, даетъ богатый матеріалъ къ выясненію того, какъ собирались переиздавать исторію Іерархіи. Когда исправленный и дополненный экземпляръ исторіи Іерархіи былъ представленъ въ Синодъ, куда отправлены были и всѣ документы, присылавшіяся для дополненія и исправленія труда Евгенія и Амвросія. Евгеній, застигаемый старостью, не взялся провѣрить еще разъ всѣ томы, и бралъ на себя только первыя двѣ части. Тогда митрополитъ Московскій Филаретъ вошелъ съ особой рѣзкой запиской (стр. 61) въ которой рекомендовалъ и не отдавая еще въ цензуру Исторіи Россійской Іерархіи, обратить ее для исправленія и сокращенія». Дѣло тянулось послѣ этого съ декабря 1834 по 5 апрѣля 1835, когда такая резолюція отправлена была къ старику Евгенію. Полежаевъ не нашелъ отвѣта Евгенія, можетъ быть престарѣлый труженикъ не отвѣчалъ до своей смерти. И ему было не до того, да и видѣлъ онъ, что никакія исправленія не преодолѣютъ Синодальной канители. Въ бытность Н. Н. Мурзакевича въ Кіевѣ въ 1835 году Евгеній разсказывалъ ему «о помѣхахъ бывшихъ при 2 изд. первой части».

Между тѣмъ при жизни еще Евгенія былъ образованъ какой то «центральный комитетъ» по исправленію Исторіи Россійской Іерархіи (Полежаевъ не нашелъ ни начала ни конца этого «центральнаго комитета»). Предсѣдателями называютъ нѣсколькихъ лицъ, которыя впрочемъ все равно ничего не сдѣлали. Нашелся доброволецъ о. Діевъ, священникъ съ чрезвычайной неутомимостью принявшійся за архивныя работы по Костромскимъ монастырямъ. Сначала онъ сообщалъ свои работы Евгенію, но когда объ этомъ узналъ Филаретъ Московскій, то ему благоугодно было приказать, чтобы эти изысканія присылались «первѣе» къ нему. Скоро о. Діевъ былъ награжденъ саномъ протоіерея и еще ревностнѣе началъ работать по своей епархіи.

Однако изъ всѣхъ его работъ ничего не вышло. Исторія Іерархіи не подвинулась, а бумаги по смерти попали на рынокъ и находятся у А. А. Титова, точно также какъ экземпляръ

исторіи Іерархіи съ замѣтками Евгенія находится въ Москвѣ у Е. В. Барсова.

Все дѣло въ томъ, что митрополиту Филарету, въ то время первенствовавшему въ Синодѣ, нисколько не желательно было хлопотать и покровительствовать трудамъ, связаннымъ съ чужими именами. Филаретъ Дроздовъ и при жизни, и теперь поднятъ на недосягаемую высоту. Его считаютъ съ одной стороны святымъ и готовы ждать открытія его мощей, съ другой онъ является величайшимъ умомъ, затмѣвающимъ всѣхъ іерарховъ XIX столѣтія. Что это былъ колоссальный аналитическій умъ—это вѣрно, и силу свою онъ не только зналъ, но кажется даже преувеличивалъ. Но вотъ до святости то ему и было далеко. Филаретъ былъ именно тотъ іерархъ, который по отзывамъ недоброжелателей былъ святъ—по единой просвиркѣ въ день кушалъ и попомъ закусывалъ. Къ человѣчеству онъ былъ строгъ и безжалостенъ; черное и бѣлое, особенно бѣлое духовенство, его трепетали. Любилъ онъ въ дѣйствительности только свою власть и себя самого. Отношенія его къ Петербургу составляли сущность его дѣятельности. Въ Петербургѣ его почтительно отстраняли и побаивались не безъ основанія, потому что Московскій владыко зорко слѣдилъ за всѣмъ и при каждомъ случаѣ выяснялъ, что онъ одинъ умнѣе всѣхъ Петербургскихъ вмѣстѣ взятыхъ.

Къ наукѣ, къ древностямъ Филаретъ былъ расположенъ только, настолько, насколько это требовалось для его цѣлей. Сильныхъ талантовъ даже не любилъ, чтобы не застилали его сіяніе.

Изданіе систематической исторіи Россійской Іерархіи ничего не прибавило бы къ его славѣ и онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ «работали» цѣлыя десятилѣтія какія то мифическія коммиссіи.

Исторія Россійской Іерархіи—не издана до сихъ поръ, да и нѣтъ намековъ на то, чтобы это предпріятіе возродилось.

Только въ новѣйшее время, опять таки отдѣльный человѣкъ, совершилъ трудъ, смѣло скажу превосходный—это покойный В. В. Звѣринскій свои «матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи (3 тома).

Митрополиту Евгенію Болховитинову русская наука обязана также и дипломатическою статьею, которую если и нельзя назвать безусловно первою, то во всякомъ случаѣ надо отмѣтить,

*

что она стоитъ во главѣ начинающейся литературы русской дипломатики. Въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1818 годъ (часть С, СІ №№ 15—16, 20 стр. 200—255) *) появились «Примѣчанія на грамоту великаго князя Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новгородскаго пожалованную Новгородскому монастырю». Обширная статья эта по поводу разбираемой грамоты даетъ абрисъ дипломатики по всѣмъ правиламъ изложеннымъ въ элементахъ дипломатики Гаттерера каковую Евгеній имѣлъ въ рукахъ: описывается матеріалъ (пергаменъ и бумага) древнихъ рукописей и грамотъ, разбирается вопросъ, о внѣшней формѣ русскихъ грамотъ; говорится о правописаніи, почеркахъ и надстрочныхъ знакахъ. Особенное вниманіе обращено на признаки, удостовѣряющія документъ, подробно разобраны рукоприкладства и вопросъ о печатяхъ, при чемъ Евгеній описалъ всѣ великокняжескія, царскія и архіерейскія печати, какія только ему были извѣстны.

«Вѣстникъ Европы» подъ редакціей проф. Каченовскаго является замѣчательнымъ историческимъ органомъ, на страницахъ котораго получила начало русская дипломатика.

Въ 1811 году въ №№ 23 и 24 (стр. 188—214, 275—299) была напечатана очень интересная статья Х. А. Шлецера (сына) «Изъясненіе двухъ совсѣмъ еще неизвѣстныхъ и весьма достопамятныхъ подлинниковъ на славянскомъ языкѣ, писанныхъ и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою». Дѣло идетъ о двухъ Новгородскихъ грамотахъ роигиналахъ, принадлежавшихъ Шлецеру: «Покойному отцу моему достались онѣ посредствомъ разныхъ знакомствъ и связей которыя имѣлъ онъ со знатнѣйшими жителями города Любека, а особливо съ тамошними учеными мужами. Почти за шестнадцать лѣтъ передъ симъ, когда я слушалъ лекціи о дипломатикѣ у знаменитаго Гаттерера, отецъ мой отдалъ мнѣ Новгородскія грамоты вмѣстѣ съ множествомъ другихъ дипломатическихъ рѣдкостей, и въ то же время изустно сообщилъ мнѣ касающіяся до нихъ вышеприведенныя мною замѣчанія. Послѣ того, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Геттингена въ Москву, отецъ мой взялъ къ себѣ обратно дипломатическія рѣдкости, въ числѣ которыхъ были и обѣ грамоты. Долго потомъ я объ нихъ совсѣмъ не думалъ. Превосходное собраніе Славянскихъ древностей, принадлежащее г-ну професору Баузе въ первой разъ подало мнѣ случай вспомнить о грамотахъ; но какъ былъ я изумленъ,

когда за нѣсколько недѣль до отъѣзда моего въ Германію 1805 года, А. Ѳ. Малиновскій показалъ мнѣ въ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Новгородскія грамоты тринадцатаго столѣтія достопамятнѣйшіе подлинники изъ всего собранія! Почеркъ, внѣшняя форма, свинцовыя печати, все напоминало мнѣ объ Геттингенскихъ моихъ знакомцахъ, и я не могъ понять себѣ, какимъ образомъ отецъ мой, обладая такимъ сокровищемъ, повидимому, ничего не вѣдалъ объ его достоинствѣ». (стр. 193).

При статьѣ Шлецера приложенъ хорошій снимокъ гравированный въ Геттингенѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1812 году появляется маленькое изслѣдованіе К. Ѳ. Калайдовича: «замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ» (ч. 61) Въ 1813 году митрополитъ Евгеній среди нѣсколькихъ другихъ статеекъ помѣщаетъ замѣтку «Замѣчанія объ уставныхъ губныхъ грамотахъ» (ч. 72, стр. 44—51).

Въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» наконецъ, въ 1819 году помѣщенъ и интересный опытъ С. Г. Саларева, преждевременно скончавшагося молодого ученаго (1792—1820)—«Описаніе разнаго рода россійскихъ грамотъ (ч. CIII и CIV №№ 4 и 5). То научное движеніе, которое мы замѣчаемъ въ журналѣ проф. Каченовскаго не зависѣло всецѣло отъ него. Это былъ отзвукъ дѣятельности, едва ли не безпримѣрный, одного богатаго и знатнаго человѣка, показавшаго, что можно сдѣлать человѣку со средствами и образованіемъ при наличности истинной любви къ дѣлу.

Я говорю о графѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ. Много денегъ и труда положилъ онъ на русскую науку, но конечно и сумма тратъ его, и самое состояніе не могутъ и быть сравнены съ нѣкоторыми современными «посмертными» «благотворителями» вродѣ г.г. Солодовниковыхъ и комп., воспѣтыми въ газетахъ и судебныхъ преміяхъ. Но это сравненіе только внѣшнее механическое.

Графъ Румянцевъ выдѣляется своей добротою, сердечностью и такъ сказать чистотою намѣреній во время своей дѣятельности. И судьба благословила его труды. «Румянцевская эпоха» навѣки занесена въ скрижали русской исторіографіи. Огромный трудъ Иконникова систематически освѣтилъ дѣятельность румянцевскаго кружка и документы Румянцевскаго архива, хранящагося въ Московскомъ Музеѣ только подкрѣпляетъ со временемъ эти выводы.

Мнѣ приходилось говорить о значеніи меценатства и такъ сказать покровительственной системы въ области науки во Франціи XVII столѣтія. Чистая наука не подмѣшанная разными суррогатами вродѣ привлекательныхъ политическихъ тенденцій растеніе, требующее усиленной культуры — она напоминаетъ пышныя розы, нуждающіяся въ уходѣ, безконечно разнообразныя орхидеи, чахнущія при недостаткѣ тепла. Не вина розъ, если, какъ говорится въ одной сказкѣ, корова, пожевавъ, не нашла въ нихъ вкуса!

Если французская наука много обязана покровительству знаменитыхъ министровъ Людовика XIII и Людовика XIV, то еще болѣе и несравненно болѣе русская обязана Румянцеву.

Графъ Николай Петровичъ былъ сынъ знаменитаго полководца Екатерининскаго вѣка и родился въ 1754 году. Какъ воспитаніе, такъ и карьера его отличается замѣчательными особенностями. Два мальчика Румянцевыхъ (Николай и Сергій) въ 1772 году взяты были Екатериной II ко двору, постоянно бывали въ числѣ немногихъ на Эрмитажныхъ собраніяхъ и затѣмъ въ 1773 году были увезены барономъ Гриммомъ въ Голландію, считавшуюся центромъ умственнаго движенія и слушали лекціи въ Лейденскомъ университетѣ. Затѣмъ, побывали они въ Парижѣ, въ Женевѣ, въ разныхъ городахъ Италіи и черезъ Берлинъ вернулись въ 1776 году въ Петербургъ. Въ 1779 году 25 лѣтъ отъ роду графъ Николай Петровичъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при Германскомъ сеймѣ. Внимательный и наблюдательный дипломатъ онъ въ тоже время продолжалъ свое самообразованіе въ обширныхъ размѣрахъ; въ это время онъ начинаетъ интересоваться русской исторіей и даже пишетъ краткій очеркъ ея. Пробывъ много лѣтъ заграницей Румянцевъ возвращается въ Россію, довольно быстро получаетъ постъ министра Коммерціи, въ 1807 году назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ 1809-мъ канцлеромъ. Война съ Наполеономъ положила конецъ его политической дѣятельности, ибо онъ стоялъ за необходимость союза съ Франціей и былъ такъ пораженъ вторженіемъ Наполеона, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Мы отстоящіе почти на столѣтіе отъ событій, вѣрнѣе оцѣнимъ воззрѣніе Румянцева, чѣмъ близорукіе современники, англоманы и сторонники священнаго союза! Гр. Румянцевъ скончался 3 января 1826 года на 73 году жизни; молодость и зрѣлые годы его принадлежали Екатерининскому вѣку, только старость свою онъ отдалъ всецѣло русской наукѣ, но тѣмъ

удивительнѣе та горячность, та свѣжесть силъ, бодрость духа и ясное сознаніе преслѣдуемыхъ задачъ, которые мы находили въ этомъ замѣчательномъ старикѣ. Всѣ отзывы современниковъ рисуютъ свѣтлую, богатоодаренную личность, которую недаромъ Екатерина называла St. Nicolas.

П. Н. Милюковъ говоритъ (изд. II, стр. 215) «настоящимъ ученымъ графъ Николай Петровичъ не сдѣлался... отставъ отъ дилетантизма и не приставъ къ учености Румянцевъ былъ самымъ типичнымъ выразителемъ состоянія современной ему исторической науки». При этомъ П. Н. указываетъ, что Румянцевъ подчинялся постепенно повышаясь въ научныхъ знаніяхъ и требованіяхъ—А. Ѳ. Малиновскому, П. М. Строеву, К. Ѳ. Калайдовичу, и наконецъ, Востокову. Послѣднее утвержденіе не совсѣмъ вѣрно. Румянцевскій кружокъ былъ очень обширенъ и интересы Румянцева были гораздо шире интересовъ всѣхъ четырехъ указанныхъ лицъ. Тотъ же фактъ, что Румянцевъ въ извѣстной области постепенно переходилъ отъ Малиновскаго къ Востокову—фактъ высокозамѣчательный. Онъ показываетъ что графъ Николай Петровичъ не только не остановился на излюбленныхъ взглядахъ, сложившихся въ немъ въ зрѣлую пору (что случается съ большинствомъ людей), не только не пережилъ себя (что бываетъ со многими учеными), но шелъ вмѣстѣ съ временемъ, воспринималъ новыя научныя вѣянія и безъошибочно для своихъ цѣлей выбиралъ что было наилучшаго среди извѣстныхъ ему ученыхъ.

Онъ дѣйствительно не былъ ученымъ спеціалистомъ (среди которыхъ не рѣдкость люди ограниченные и по способностямъ, и по образованію), но ученымъ знатокомъ науки онъ былъ несомнѣнно и тотъ систематическій обхватъ всего историческаго источниковѣдѣнія, который явился результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ работы, всего яснѣе говоритъ, что передъ нами человѣкъ съ громаднымъ научнымъ кругозоромъ. Сойдя съ поста канцлера, Румянцевъ самъ сдѣлалъ себя министромъ-директоромъ департамента исторической науки. Съ замѣчательною проницательностью Румянцевъ завербовываетъ себѣ дѣятелей въ новое учрежденіе; не его просятъ, самъ онъ ищетъ, списывается, предлагаетъ. Застѣнчиваго Васюкова подкупаетъ лаской и подаркомъ книгъ, нарочно выписанныхъ изъ заграницы, какъ знакъ глубокаго уваженія къ ученой дѣятельности и желаніе помочь. Въ письмахъ къ Малиновскому Румянцевъ пишетъ: «я только тогда богатымъ себѣ кажусь, когда Вы хвалите, что я пріобрѣтаю, я

люблю у Васъ учиться, я точно тужу, что Вы отъ меня никакого рода услуги не требуете» (Иконниковъ, стр. 156). А этотъ Малиновскій былъ чиновникомъ въ его министерствѣ и во всякомъ случаѣ по своему образованію и даже по учености уступалъ канцлеру. Отношенія Румянцева къ зависѣвшимъ отъ сего и бывшимъ у него на жалованьи ученымъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Деликатность Румянцева тѣмъ замѣчательнѣе, что въ тѣ времена хотя уже и не было академиковъ по физіономіи, но Казанскій губернаторъ не рѣшался первое время пребыванія въ Казанскомъ университетѣ извѣстнаго профессора К. Ѳ. Фукса подавать ему руку, опасаясь унизить свое служебное положеніе.

Обыкновенно изображаютъ, что Румянцевъ все заражался идеями въ разговорахъ съ лицами, которыхъ онъ самъ не знаетъ, но однако вызывалъ къ себѣ. Безъ сомнѣнія, что онъ искалъ указаній спеціалистовъ, и что всего важнѣе, чего не понимаютъ многіе до сихъ поръ, не насиловалъ дарованій, всѣ его порученія систематичны и какъ разъ соотвѣтствовали склонностямъ лица, которому давались. Фактъ очень важный. Въ подобныхъ случаяхъ надо понимать и людей, и науку, чтобы не ошибаться.

Широкіе, самостоятельные взгляды иногда вырываются у Румянцева въ письмахъ и дѣйствіяхъ. Напримѣръ о значеніи систематическихъ указателей онъ пишетъ, когда еще въ Россіи на нихъ не обращали вниманія, Малиновскому онъ рекомендуетъ систематическій подборъ актовъ; не страшась объема изданія, а и много лѣтъ спустя у насъ господствовала система выборокъ; знаменательно его стремленіе руссифицировать Академическія изданія. (Онъ предлагалъ взять на свой счетъ изданіе на русскомъ языкѣ изслѣдованій Ѳ. Круга, нѣмецкое изданіе которыхъ подготовляла Академія Наукъ).

На склонѣ лѣтъ Румянцевъ противодѣйствовалъ обскурантамъ и воевалъ съ преосвященными, продолжавшими свою роль запретителей и уничтожателей.

«...Какому же осужденію пишетъ Румянцевъ къ Шишкову подвергнемся мы непремѣнно заграницей, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ сочиненіе Добровскаго о Кириллѣ и Мефодіѣ подъ запрещеніемъ единственно потому, что сей ученый и почтенный мужъ повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны они въ нашей Минеи-Четьи. Охраните насъ отъ такого стыда!»

«Не всегда однако», говоритъ В. С. Иконниковъ, «авторитетъ и вліяніе Румянцева могли защитить отъ подобныхъ безобразій. Когда издатели законовъ вел. князя Ивана III и царя Ивана IV хотѣли присоединить къ нему вновь открытое соборное опредѣленіе 1503 года (о мздѣ за поставленіе о вдовыхъ попахъ, о воспрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ), то они встрѣтили противодѣйствіе со стороны архіепископа Августина, увидѣвшаго въ этомъ оскорбленіе духовенства. Поэтому поводу Румянцевъ писалъ къ Строеву. «Я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, если бы Малиновскій выходилъ у преосвященнаго Августина дозволенія издать въ печать въ добавокъ къ законамъ опредѣленія собора 1503 года. Но это Малиновскому такъ и не удалось.

Хлопоталъ Румянцевъ о переводѣ книги о князѣ Свидрилаймѣ духовная цензура не желала помѣщать въ русское изданіе папскихъ буллъ—и Румянцевъ такъ и умеръ, ничего не добившись! Эти хлопоты неоднократныя въ 1820 годахъ опять таки рисуютъ намъ Румянцева какъ высокопросвѣщеннаго человѣка, стоявшаго впереди своего вѣка.

Дѣятельность Румянцевскаго кружка провела неизгладимую борозду въ исторіи просвѣщенія. Длинный списокъ пришлось бы составить, чтобы перечислить всѣ предпріятія которыя заглохли послѣ смерти мецената и тѣ предпріятія, которыя и послѣ смерти его были выполнены только благодаря ему. Немного слишкомъ строгій къ самому Румянцеву П. Н. Милюковъ превосходно охарактеризовалъ дѣятельность его общества: «Посредствомъ этихъ (ученыхъ) сношеній Румянцевъ успѣлъ создать своего рода ученое общество, разсѣянное по всей Россіи и даже за границей. Вмѣсто ежемѣсячныхъ засѣданій, это общество поддерживало чуть не ежедневныя сношенія; письма занимали мѣсто рефератовъ, а содержаніе этихъ писемъ ручалось за то, что каждый членъ общества дѣлаетъ подъ своею личною отвѣтственностью взятое на себя дѣло и съ каждымъ днемъ подвигаетъ впередъ одно изъ многочисленныхъ изданій, затѣянныхъ канцлеромъ. Изданія эти давали практическую цѣль ученой дѣятельности, наполняли время и давали средства къ жизни сложившимся ученымъ, вызывали на совѣтъ новыя ученыя силы — словомъ по почину Румянцева, была создана и утилизирована такая масса ученаго труда и знанія, какую трудно было даже ожидать отъ нашей молодой еще исторической науки. Можно сказать, что ни одинъ сколько нибудь подходящій человѣкъ не

ускользалъ отъ вниманія канцлера, и ни одна минута такого человѣка, насколько это зависѣло, конечно, отъ канцлера,—не пропадала даромъ для ученыхъ предпріятій, имъ начатыхъ, или сдѣлавшихся его собственными»: («Главн. теченія рус. ист. мысли», изд. 2, стр. 214—215).

Эта характеристика въ устахъ строгаго критика является пѣснью хвалы старцу, который съ желѣзной энергіей побуждалъ молодыя силы двигать науку; но онъ не шелъ наугадъ, онъ лишь торопился, зная, что смерть недалеко, а замыслы велики.

Однако, относительно значенія задуманнаго имъ плана онъ не заблуждался. Скромно отстраняя себя, повидимому, даже отъ инціативы предпріятій, онъ, однако, разъ написалъ, что если его старанія удадутся, то можетъ быть въ русской исторической наукѣ будетъ «эпоха Румянцева».

Сбылись его мечты и въ этомъ отношеніи, и въ томъ, что задушевное желаніе его видѣть свою библіотеку публичной и общеполезной осуществилось. Румянцевскій музей открытъ для всѣхъ и надо прибавить, что условія занятій въ немъ не обставлены формальностями, просты и привлекательны.

Обширное предпріятіе изданія русскаго дипломатическаго сборника продолжалось все время просвѣтительной дѣятельности графа Румянцева. Къ изданію онъ приступилъ еще будучи канцлеромъ, заботился объ немъ до самой смерти, и оставилъ не оконченнымъ. По смерти мецената, какъ и слѣдовало ожидать, все дѣло остановилось.

13 декабря 1810 года Румянцевъ поручилъ управляющему Московскимъ Архивомъ Н. Н. Бантышу-Каменскому составить планъ для предпринимаемаго печатанія Россійскихъ грамотъ и договоровъ. Хотя знаминитый архивистъ мечталъ объ изданіи своихъ обозрѣній, и даже заговаривалъ объ этомъ съ графомъ, но и мысль Румянцева не могла не обрадовать такого всей душой преданнаго своему архиву ученаго чиновника. Не болѣе какъ въ десять дней планъ былъ разработанъ и сообщенъ графу. Бантышъ-Каменскій полагалъ начать изданіе съ «внутреннихъ россійскихъ актовъ», то есть съ грамотъ Новгородскихъ (1263—1472), великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и прочихъ удѣльныхъ князей, а потомъ царей; грамотъ духовныхъ, договорныхъ, межевыхъ и проч., актовъ объ избраніи и восшествіи на престолъ Государей, о коронаціи и проч., и, наконецъ, малороссійскихъ актовъ объ избраніи гетмановъ и жалованныхъ послѣднимъ грамотъ; далѣе излагаетъ свое мнѣ-

ніе, что всѣ эти документы нужно непремѣнно печатать въ Москвѣ, такъ какъ необходимо безпрестанно справляться съ оргиналами и послѣднія корректуры въ Архивѣ читать очень тщательно; что къ памятникамъ, назначаемымъ для обнародованія, должны быть вырѣзаны печати, гдѣ это окажется нужнымъ...» и. т. д. 3-го мая 1811 года государь утвердилъ докладъ Румянцева, по которому учреждалась при Московскомъ Архивѣ особая коммиссія для печатанія грамотъ и договоровъ, при чемъ расходы по изданію перваго тома «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» Румянцевъ бралъ на себя. «Уважая правила строгой бережливости, необходимо нужно въ расходахъ государственныхъ», писалъ онъ въ докладѣ, «я не почитаю себя въ правѣ утруждать Ваше Императорское Величество ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія оной книги были приняты на счетъ казны; но облагодѣтельствованный столь много Высочайшею милостію Вашего Величества, осмѣливаюсь испрашивать и приму съ живѣйшею благодарностью въ видѣ новаго для меня опыта Монаршаго благоволенія, Всемилостивѣйшее соизволеніе, Вашего Императорскаго Величества, чтобы для напечатанія первой части сего изданія исчисленную выше сего сумму (25000 р.,), или сколько потребно будетъ, употребилъ я изъ собственнаго моего иждивенія».

Открывшаяся въ маѣ 1811 года коммиссія немедленно приступила къ дѣлу и начала печатаніе актовъ въ типографіи Всеволожскаго съ неслыханной до того времени роскошью.

Первый томъ долженъ былъ войти въ 1812 году, но его задержало нашествіе французовъ, только предусмотрительностью Бантыша-Каменскаго были спасены отпечатанные листы отъ гибели въ бѣдствіи, постигшемъ Москву. Только 22 іюля 1813 года Бантышъ-Каменскій могъ, наконецъ, написать Румянцеву: «Трудъ, благодареніе Богу, конченъ. Безсмертную Ваше сіятельство сдѣлали Отечеству услугу, даровавъ свѣтъ толико лѣтъ лежавшимъ въ пыли и забвеніи безцѣннымъ россійскимъ древностямъ»!

Первая часть Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ содержитъ 203 акта и раздѣлена на три совершенно неравномѣрныхъ отдѣла: I Новгородскія грамоты—1265—1471.—№№ 1—20.

II. «Грамоты древнія великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Литовскихъ и прочихъ удѣльныхъ князей и всероссійскихъ государей царей:

духовныя, договорныя, межевыя, жалованныя и приговорныя; также записи мѣновныя, поручныя и подручныя россійскихъ бояръ и дворянъ», 1328—1584 гг., №№ 21—202.

III. «Избраніе на царство государя царя Михаила Ѳеодоровича» грамота, утвержденная отъ мая 1613 года.

Какъ видимъ, содержаніе этой части въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ I и II томами. «Древней Россійской Вивліофики», на которую, можетъ быть именно въ виду этого, сдѣлано нападеніе въ предисловіи:

«Испытатели древностей Россійскихъ и желавшіе пріобрѣсть познанія въ Дипломатикѣ отечественной не могли довольствоваться неисправными и противорѣчащими отрывками грамотъ въ Древней Вивліофикѣ помѣщенныхъ; имъ потребно было полное собраніе коренныхъ постановленій и договоровъ, которое бы объясняло постепенность возвышенія Россіи. Не имѣвъ сего путеводства они принуждены были допытываться о происшествіяхъ и союзахъ своего Отечества у иностранныхъ писателей, и сочиненіями ихъ руководствоваться; но недостаточныя свѣдѣнія чужеземцевъ и ошибочныя ихъ сужденія невсегда удовлетворяли изысканіямъ историковъ; а молодыхъ людей, встрѣчающихъ безъ указателя въ сіе невѣдомое поприще, часто приводили въ недоумѣніе».

Грамоты Новгородскія, начинающіяся договорами Новгородцевъ съ Тверскими князьями и заканчивающіяся договорными 1) Новгорода съ вел. кн. Литовскимъ Свидригайломъ 2) Новгорода съ вел. кн. Иваномъ III., только въ послѣднее время замѣнены изданіемъ несравненно болѣе совершеннымъ А. А. Шахматова. Печати же выгравированныя и помѣщенныя при нихъ, до сихъ поръ еще не дождались свѣтопечатнаго воспроизведенія, кромѣ древнѣйшихъ, прекрасно изслѣдованныхъ А. В. Орѣшниковымъ.

Духовныя и договорныя грамоты, идущія съ Ивана Даниловича Калиты, представляютъ акты наиболѣе извѣстные и разработанные въ наукѣ. Можно лишь пожалѣть, что эти драгоцѣнные подлинники не изданы какъ акты Меровингской эпохи у французовъ (съ каковыми ихъ и можно сравнить по національному значенію) въ видѣ альбома геліогравюрныхъ снимокъ. Пользуясь случаемъ, среди печатей отмѣтимъ фактъ серебряной вызолоченной буллы митрополита Алексѣя. Онъ показываетъ, что византійское вліяніе передалось безъ системы. Въ Византіи митрополичьи хрисовулы были бы не мыслимы. Правомъ этимъ

не пользовались и вселенскіе патріархи. Изъ великокняжескихъ хрисовуловъ не достаетъ лишь печати вел. кн. Василія Темнаго но что такія существовали, это извѣстно изъ источниковъ, и между прочимъ изъ одного челобитья аѳонскихъ монаховъ. Можно пожалѣть объ одномъ—печати срисованы были спѣшно и до крайности не точно. Палеографическіе признаки искажены до полной безполезности искать въ ихъ буквахъ фантастическаго шрифта, придуманнаго граверомъ.

Высокій историческій интересъ представляютъ грамоты, правильнѣе записи клятвенныя, начинающіяся документомъ отъ 1474 года, по которому князь Данило Дмитріевичъ Холмскій обязуется не отъѣхать отъ осподаря своего великаго князя Ивана. Рядомъ съ записью напечатана и поручная бояръ по князѣ Холмскомъ.

Такихъ поручныхъ было взято восемь. При Иванѣ Грозномъ этотъ родъ документовъ изобилуетъ; рядъ поручныхъ и вслѣдъ за ними поручныхъ по поручникамъ, уже на громадныя по тому времени суммы денегъ, ярко рисуетъ намъ настроеніе царя. Въ дипломатическомъ отношеніи эти акты важны какъ подлинники, иногда покрытые автографическими подписями (дающими, между прочимъ, матеріалъ для опредѣленія степени грамотности придворнаго дворянства XVI вѣка).

Драгоцѣннымъ документомъ въ первой части является и знаменитый актъ соборный 1566 года (въ послѣднее время очень остроумно разобранный В. О. Ключевскимъ), озаглавленный какъ—«грамота приговорная духовныхъ особъ, бояръ, окольничихъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и купцовъ, учиненная по приказанію царя Іоанна Васильевича объ отказѣ присланнымъ отъ польскаго короля посламъ въ перемирьѣ...» и т. д.

Единственный въ своемъ родѣ, колоссальнаго историческаго значенія, документъ представляетъ грамота утвержденная «о избраніи на Россійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьевыхъ». Находились скептики, которые тайкомъ говорили, что де грамота не настоящая, что въ ней князь Дмитрій Пожарскій писался уже бояриномъ. Такія сомнѣнія однако напрасны. Въ самой грамотѣ сказано, что она написана въ маѣ 1613 года, то есть въ царствованіе уже Михаила Ѳеодоровича, когда Пожарскій былъ пожалованъ боярствомъ. Документъ написанъ на цѣлыхъ открытыхъ листахъ бумаги, подклеенныхъ въ видѣ столбца. Удивительно, что онъ не хранился съ особой

бережью, время повліяло на него гораздо больше, чѣмъ на многія много древнѣйшія грамоты—актъ ветхъ и существенно необходимо было бы сдѣлать съ него факсимиле [1]). Еще болѣе удивительно, что частное факсимиле имѣется въ изданіи, гдѣ всего менѣе слѣдовало бы ожидать его, а именно въ исторіи «Царской охоты». Ни Академія, ни архивъ, ни Коммиссія не имѣли средствъ издавать палеографическіе альбомы; но вотъ на счастье науки—князья наши и цари «дѣяли ловы», благодаря чему въ исторіи великокняжеской охоты мы имѣемъ нынѣ свѣтопечатные снимки съ Новгородскихъ грамотъ и другихъ историческихъ документовъ. Впрочемъ всѣ эти снимки остаются для ученыхъ всетаки малодоступными, ибо каждый томъ изданія стоитъ 50 рублей.

Вторая часть собранія государстверныхъ грамотъ и договоровъ вышла черезъ значительный промежутокъ времени, именно въ 1819 году и озаглавлена, какъ дополненіе къ первой части, что и правильно, такъ какъ она, начинаясь съ древнѣйшихъ грамотъ доходитъ лишь до воцаренія дома Романовыхъ. Составъ 288, изданныхъ въ этой части документовъ очень разнообразенъ и важенъ, но въ дипломатическомъ отношеніи рѣзко отличается отъ первой части. Въ первой части преобладаютъ подлинники, во второй—списки. Первая часть наполнена актами изъ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, во второй—использованъ рядъ копій, заимствованныхъ изъ разныхъ мѣстъ и впервые початы драгоцѣнные портфели Миллера, изъ коихъ взяты документы эпохи смутнаго времени. «Сіи то самые акты», говорится въ предисловіи, «едва-ль кому свѣдомые, обогащаютъ своею рѣдкостью вторую часть собранія Государственныхъ Грамотъ и придаютъ ей вящую цѣну предъ первою; ибо всѣ принадлежатъ къ смутнымъ временамъ и бывъ, по тогдашней политикѣ, истреблены внутри Россіи, сохранились только въ отдаленныхъ ея областяхъ».

Изъ копій, изданныхъ въ этой части, замѣчательнѣйшимъ являются договоры Смоленскихъ князей съ Ригою; — ярлыки монгольскихъ хановъ; письмо князя Эдигея къ вел. кн. Василію Дмитріевичу; духовная митрополита Фотія; шертныя Казанскихъ царей; чины вѣнчаній царей и митрополитовъ.

Отмѣтимъ, между прочимъ, что № 37 — «Воззваніе царя

---

[1]) Сдѣлано М. О. И. И. Д. Р. въ 1904 году.

Іоанна Васильевича къ собравшемуся въ Москвѣ передъ лобнымъ мѣстомъ народу»—взятое изъ вставныхъ листовъ одной рукописи, апокрифическимъ (см. соображенія С. Ѳ. Платонова).

Румянцевъ особенно дорожилъ извлеченіями изъ портфелей Миллера. «Да не устрашитъ Васъ», писалъ онъ Малиновскому, «обширное поприще въ собираніи актовъ для сея II-й части: чѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ собраніе, тѣмъ болѣе принесетъ Вамъ чести, а мнѣ удовольствія!» «Благословеніе памяти Миллера!» восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ, «за столь полезное для отечественной исторіи нашей изъ Сибирскихъ архивовъ пріобрѣтеніе».

Рядъ подлинниковъ, изданныхъ въ этой части также представляетъ необыкновенно важные въ историческомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ памятники.

Отмѣтимъ, напримѣръ, грамоту уложенную, объ учрежденіи въ Россіи Патріаршескаго престола (1589). Этотъ документъ на большомъ листѣ пергамента, съ надписями участниковъ Собора, закрѣпленъ приложеніемъ государственной печати, двухъ патріаршихъ, двухъ митрополичьихъ и рядъ епископскихъ. Интересно, что греческій патріархъ привѣсилъ не свинцовую буллу, а подобно русскому духовенству красновосковую. Печати эти доселѣ не воспроизведенныя болѣе точно, изобилуютъ иконографическими изображеніями.

Въ историческомъ отношеніи, не менѣе цѣннымъ, является отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла объ убіеніи царевича Дмитрія (1591). Тщательное изданіе его сопровождено рядомъ интересныхъ снимковъ съ надписью всѣхъ допрошенныхъ подсудимыхъ и свидѣтелей.

Необыкновенную историческую и дипломатическую важность имѣютъ документы, касающіеся Лжедимитрія. Они извлечены изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ дѣлъ «о самозванцахъ». Въ этотъ отдѣлъ попали между прочимъ грамоты и письма Лжедимитрія, бумаги Мнишковъ, нѣкоторые документы, касающіеся второго самозванца и т. д. напримѣръ:

Подъ № 76 напечатана «Запись Лжедимитрія за собственноручнымъ его подписаніемъ» на польскомъ и русскомъ языкахъ, данная въ Самборѣ Сендомирскому воеводѣ Юрью Мнишкѣ»... отъ 25 мая 1604 года. Чрезвычайно любопытны и печать, приложенная на западный манеръ подъ бумажкой и автографъ «царевича Дмитрія».

№ 79.—представляетъ грамоту жалованную отъ 12 іюня

1604 года съ печатью вислой, но на польскій образецъ красно-восковая печать втиснута въ круглый ковчегъ или кустодію простого воска. По изображенію печать сходна съ той, что находится въ актѣ № 76.

Подъ №№ 87, 88, 95, 99, 102 и т. д. нѣсколько писемъ отъ Лжедимитрія № 104—грамота отъ Лжедимитрія къ Мнишку изъ Москвы отъ 5 ноября 1605 года, снабжена большой государственной печатью, сдѣланной уже въ Москвѣ, а слѣдующій затѣмъ (№ 105) Наказъ Бучинскому подписанъ »Inperator» и запечатанъ малою печатью, которая называлась, кажется «таіною».

№ 130.—жалованная грамота Львовскому клиру отъ февраля 1606 года, снабжена среднею или малою государственною печатью, прекрасной русской работы. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь всѣ виды печати Лжедимитрія. Весьма интересны письма Марины къ отцу—съ надписью ея и печатью съ двуглавымъ орломъ (№ 178) и грамота второго самозванца къ Мнишку отъ 12 апрѣля 1609 года, также съ приложеніемъ очень любопытной печати (№ 179).

Изъ русскихъ подлинниковъ отмѣтимъ грамоту отъ имени вдовы Бориса Годунова, рядомъ съ именемъ сына и дочери; а изъ оригиналовъ «Смутнаго времени»—№ 199—договорную запись польскаго Гетмана Станислава Жолкевскаго съ Московскими боярами. На актѣ находятся подписи съ польской стороны; противная—съ надписями русскихъ бояръ вѣроятно былъ увезенъ въ Польшу. Печать Жолкевскаго къ сожалѣнію искрошилась.

Чрезвычайная рѣдкость и интересъ должны быть признаны за двумя грамотами (№№ 276 и 277) отъ бояръ, осажденныхъ въ Москвѣ, съ увѣщаніемъ въ Кострому и Ярославль, отъ 25 и 26 января 1612 года, чтобы признали Владислава и помогали князю Трубецкому и Заруцкому. Подписи бояръ и дьяковъ факсимилированы, почему нѣкоторыя лица (замѣтимъ кстати) и не попали въ указатель,

Третья часть Собранія Государственныхъ Грамотъ и договоровъ вышла въ свѣтъ въ 1822 году и содержитъ 184 акта съ 1613 по 1656 годы.

Въ этомъ томѣ слѣдуетъ въ дипломатическомъ отношеніи отмѣтить подлинную грамоту Королевича Владислава къ чинамъ русской земли отъ августа 1618 года. Актъ конечно единственный въ своемъ родѣ.

Затѣмъ № 46—утвержденная грамота іерусалимскаго Патрі-

арха Θеофана относительно избранія Филарета. Никита во Всероссійскіе патріархи (съ прекраснымъ снимкомъ подписи и буллы) и № 74.—Утвердительная грамота россійскаго духовенства Патріарху Филарету взамѣнъ настольной грамоты, сгорѣвшей въ пожарѣ 1626 года.

№ 113. Земскій Соборъ объ Азовскомъ сидѣніи 1642 года.

№ 132. Интереснѣйшій документъ отъ лица самозванца Тимоѳея Анкудинова, писанный въ Венеціи въ 1648 году (свидѣтельство въ родѣ какъ бы жалованной грамоты). Интересны также документы относительно присоединенія Малороссіи (между прочимъ № 172—листъ за подписью Богдана Хмѣльницкаго).

Канцлеръ не дождался выхода въ свѣтъ четвертой книги Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ: она появилась лишь въ 1828 году, снабженная пятью палеографическими таблицами и огромнымъ личнымъ и географическимъ указателемъ. 221 документъ этого огромнаго тома обнимаютъ 1656—1696 годы и содержатъ рядъ историческихъ актовъ первостепенной важности. Съ дипломатической стороны мы упоминаемъ акты, касающіеся дѣла Патріарха Никона. Напримѣръ, актъ № 27—за подписями (факсимилированы) вселенскихъ патріарховъ и митрополитовъ; № 28 письмо къ царю Паисія Лигарида, 1663 годъ; № 37—грамота патріарха іерусалимскаго Нектарія; № 53—извѣстительная грамота патріарховъ о низверженіи Никона. № 67—представляетъ подлинный актъ избранія въ Гетманы Демьяна Многогрѣшнаго; цѣлая тетрадь съ многочисленными надписями (къ сожалѣнію даже главнѣйшія не выгравированы).

Вообще въ этомъ томѣ издано нѣсколько очень цѣнныхъ и интересныхъ и касающихся Малороссіи подлинниковъ. Такъ отмѣтимъ № 113—грамоту похвальную отъ царя Θеодора Алексѣевича полковнику Θедору Молчану (1678), съ приложенной подъ бумажкой большой государственной печатью.

Подъ № 130 напечатано соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества (но не показано сохранилось ли оно въ подлинникѣ).

Предисловіе къ четвертому тому закончено словами: «Дальнѣйшее продолженіе сего изданія, по содержанію Высочайше конфирмованнаго въ 3-й день мая 1811 года доклада, поступило въ вѣдѣніе государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и зависитъ отъ ея распоряженія. Пятымъ томомъ можетъ начаться печатаніе договоровъ Россіи съ Европейскими и Азіятскими государствами».

«Распоряженіе» это заключалось въ томъ, что было отпечатано безъ всякой системы нѣсколько листовъ, которые болѣе 50 лѣтъ валялись въ складахъ архива и только недавно, совершенно устарѣвшіе и лишившіеся своего значенія, выпущены въ свѣтъ, скорѣе въ видѣ тетради, чѣмъ тома.

Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ содержитъ въ себѣ такое количество основныхъ историческихъ актовъ русской исторіи, что ознакомленіе съ нимъ обязательно для всякаго лица, желающаго получить понятіе о дипломатическихъ источникахъ исторіи русскаго государства.

Слава Румянцеву и за роскошное изданіе, соотвѣтственное важности матеріала, и за тѣ научные пріемы, которые при этомъ были примѣнены. Мысль Румянцевскаго кружка о разработкѣ вспомогательныхъ историческихъ знаній, надолго замолкла вмѣстѣ съ его распоряженіемъ.

Поучительна жизнь Павла Михайловича Строева, котораго нѣкоторые считаютъ создателемъ русской археографіи. Болѣе пятидесяти лѣтъ трудился онъ на поприщѣ русской науки, но все время какъ то оставался въ тѣни и если бы не обширный біографическій трудъ Н. П. Барсукова [1]), можетъ быть дѣятельность Строева никогда не получила бы должной оцѣнки. Самъ біографъ въ предисловіи оговаривается: «по своимъ дарованіямъ П. М. Строевъ могъ бы, конечно, играть видную роль на болѣе блестящемъ поприщѣ, но «вся красная міра сего» принесъ онъ въ жертву скромной области Русской Археографіи, и ея ради лучшіе годы жизни провелъ онъ въ монастырскихъ и сборныхъ хранилящахъ древней письменности, въ архивахъ, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда, по словамъ самого Строева, «груды древнихъ книгъ и свитковъ снесены были для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе» (стр. II) Біографъ какъ бы предрѣшаетъ, что занятія Россійской Археографіей не совмѣстимы съ «красными міра сего» и для человѣка выдающихся способностей является жертвой, добровольнымъ отказомъ отъ видной роли на иныхъ, «блестящихъ» поприщахъ. Не будемъ говорить, соотвѣтствуетъ ли эта характеристика и современному положенію дѣлъ, но по отношенію къ Строеву она невольно вырвалась у біографа, какъ резюме всей его толстой

---

[1]) „Жизнь и труды П. М. Строева“ (Спб. 1878. 8°).

книги. Судьба Строева характеристична и назидательна. Павелъ Михайловичъ Строевъ родился въ Москвѣ въ 1796 году и умеръ тамъ же 5 января 1876 года, не доживъ нѣсколько мѣсяцевъ до восьмидесяти лѣтъ. Вся его дѣятетьность принадлежала Москвѣ, изъ которой онъ выѣзжалъ только на недолгіе сроки. Строевъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, средняго достатка имѣвшій нѣкоторыя связи, но не примыкавшій къ Московской аристократіи. Очень рано лишившійся матери, заботливо, но строго воспитанный отцомъ, Павелъ Михайловичъ является передъ нами съ чертами твердаго характера, человѣкомъ, суровость котораго, по увѣреніи его біографа, скрывала доброе сердце.

Въ этомъ послѣднемъ можно, пожалуй, и сомнѣваться, да оно и не важно. Важно то, что Строевъ былъ самостоятеленъ и гордъ, съ сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Эти то особенности его характера и объясняютъ намъ его судьбу.

Тщательное домашнее воспитаніе и знаменитый Московскій Университетскій благородный пансіонъ сдѣлали то, что въ 1812 году шестнадцатилѣтній Строевъ выдержалъ экзаменъ въ Университетъ и съ августа 1813 года сталъ слушать лекціи, особенно подчиняясь вліянію талантливыхъ профессоровъ Каченовскаго и Тимковскаго.

Въ декабрѣ того же 1813 года, фактъ можно сказать невѣроятный, студентъ Строевъ представилъ въ цензуру трудъ своего сочиненія—«Краткую Россійскую Исторію», которая и была выпущена въ свѣтъ въ 1814 году. На этой книжкѣ, сочиненной семнадцатилѣтнимъ юношей, училось не одно поколѣніе и что еще замѣчательнѣе это то, что по авторитетному отзыву И. И. Срезневскаго, учебникъ этотъ «заслужилъ вниманіе знатоковъ и педагоговъ, и, какъ рѣдкое въ этомъ родѣ явленіе того времени, въ самомъ дѣлѣ былъ достоинъ вниманія». Почти въ тоже время Строевъ печатаетъ статьи «о художникѣ Парамыгинѣ» и «о родословіи владѣтельныхъ князей Русскихъ» («Сынъ Отечества», 1814 года).

Въ послѣдней—умной и горячей—статьѣ юноша авторъ выражаетъ свои мысли, оправданныя имъ потомъ въ составленіи извѣстнаго «ключа» къ исторіи Карамзина.

Въ мартѣ 1815 года студентъ Строевъ выступаетъ съ собственнымъ журналомъ «Современный наблюдатель Россійской словесности», издававшійся очень не долго (вышло всего 18 №№), но обратившій всеобщее вниманіе. Девятнадцатилѣтній студентъ выступилъ съ рядомъ критическихъ статей и между прочимъ

разнесъ «Россіаду» Хераскова. Статьи Строева обратили вниманіе Румянцева и это имѣло рѣшающее значеніе для Строева — онъ сталъ присяжнымъ археографомъ. Замѣчательно, что впослѣдствіи онъ даже питалъ какое то отвращеніе къ журнальнымъ статьямъ.

Въ Строевѣ мы видимъ примѣръ необыкновенно ранняго развитія, съ юношеской горячностью соединяется критическій тактъ и большая начитанность. На студенческой скамьѣ обнаруживается такой блескъ способностей, что казалось бы передъ нами проявленіе и первые шаги будущаго великаго мыслителя. Къ сожалѣнію, какъ это бываетъ нерѣдко именно съ скороспѣлками, Строевъ не вполнѣ оправдываетъ апріорныя предположенія, вызываемыя его ранними работами. Апогеемъ изслѣдовательской дѣятельности Строева является введеніе къ изданному имъ Софійскому Временнику (М. 1822 24°), въ которомъ онъ впервые выразилъ убѣжденіе въ томъ, что наши лѣтописи суть своды. Благодаря благодѣтельнымъ порученіямъ Румянцева, я разумѣю археографическія поѣздки въ монастыри, Строевъ въ 1823 году выразилъ и задачу, которой въ сущности онъ посвятилъ свою долгую жизнь — приведеніе въ извѣстность и систематизацію сохранившихся памятниковъ письменности.

Избранный въ члены «Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» онъ 14 іюня 1823 года произнесъ рѣчь: «О средствахъ удобнѣйшихъ и скорѣйшихъ къ открытію памятниковъ Отечественной исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обрабатывать оные», въ которой и указалъ на необходимость археографической Экспедиціи въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Съ этого времени, углубляясь въ археографію, Строевъ добровольно все болѣе и болѣе ограничивается служебной ролью составителя указателей, и др. справочныхъ книгъ. Критицизмъ его и изслѣдовательская жилка не исчезаютъ, но размѣниваются на мелочи въ критикѣ частностей. Строевъ нашелъ свою спеціальность. Тщательный работникъ и строгій систематикъ во всемъ, онъ дѣйствительно съ необыкновенной любовью и мастерствомъ обрабатывалъ свои указатели. Огромный трудъ къ громадѣ Карамзина до сихъ поръ оправдываетъ свою высокую репутацію.

Надо замѣтить впрочемъ, что, можетъ быть, П. М. Строевъ сознательно устранился отъ писанія историческихъ статей, лелѣя въ душѣ выполненіе грандіозныхъ справочныхъ предпріятій,

польза отъ которыхъ была бы, по его убѣжденію, неизмѣримо больше всего, что онъ могъ бы составить, какъ изслѣдователь. Всю жизнь онъ думалъ и подбиралъ матеріалы для «Библіологическаго словаря русской письменность» и «списковъ Россійскихъ іерарховъ и настоятелей монастырей. Чтобы понять грандіозность этихъ задачъ, надо вспомнить, что во времена Строева собранія рукописей и монастырскіе архивы представляли «terram incognitam» необозримаго археографическаго пространства. При жизни—во время—Строевъ не получилъ поддержки и годами забрасывалъ свой трудъ, но по смерти его—жалкіе обрывки черновыхъ устарѣвшихъ записокъ удостоились немедленнаго изданія. Россія любитъ чествовать умершихъ дѣятелей! «Библіологическій словарь» былъ напечатанъ Академіей Наукъ, а «Списки іерарховъ» были воспроизведены съ значительнымъ легкомысліемъ и наивностью членомъ Археографической Коммиссіи М. И. Семевскимъ, который, если мнѣ неизмѣняетъ память, за свой корректорскій трудъ былъ награжденъ такимъ орденомъ до котораго не дожилъ въ теченіе своей восьмидесятилѣтней жизни самъ авторъ списковъ. Впрочемъ что значитъ сей эпизодъ передъ фактомъ, совершившимся въ наши дни, когда издатель книги Звенигородскій за чужое сочиненіе стяжалъ семнадцать звѣздъ (въ томъ числѣ одну русскую) и отъ двухъ иностранныхъ университетовъ почтенъ степенью доктора!

Можно съ увѣренностью сказать, что на археографическое поприще направилъ П. М. Строевъ все тотъ же незабвенный графъ Н. П. Румянцевъ. Собственноручная записка Строева гласитъ: «Въ исходѣ 1815 года, сдѣлавшись извѣстенъ по историческимъ статьямъ въ журналѣ «Сынъ Отечества» покойному Государственному Канцлеру, я былъ приглашенъ его сіятельствомъ къ занятію должности Главнаго смотрителя въ Коммиссіи Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Обрадованный слишкомъ лестнымъ, для девятнадцалѣтняго юноши, призывомъ—я оставилъ Университетъ, не окончивъ курса». Кромѣ работъ по изданію 2 и 3 части «Собр. Госуд. Грам. и Догов.» Строевъ выполнялъ разныя порученія Румянцева и между прочимъ въ 1817 году совершилъ экскурсію для обозрѣнія монастырей Московской епархіи. Составленный въ это время каталогъ рукописей Іосифова Волоколамскаго монастыря явился (по словамъ Ундольскаго) первымъ ученымъ описаніемъ рукописей.

Часть открытій Строева была напечатана на иждевеніе Ру-

мянцева такъ въ 1819 году изданъ былъ Судебникъ Іоанна III, а въ 1822-мъ «Софійскій Временникъ».

Вскорѣ послѣ этого Румянцевъ почему-то охладѣлъ къ Строеву, а тотъ немедленно вышелъ въ отставку и между прочимъ занялся составленіемъ «ключа по исторіи Карамзина», который однако несмотря на рекомендаціи Пушкина, хлопотавшаго черезъ Блудова, семь лѣтъ пролежалъ въ портфелѣ у автора.

18 марта 1828 года письмомъ къ президенту Императорской Академіи Наукъ С. С. Уварову Строевъ приступилъ къ предпріятію, которое имѣло неисчислимыя послѣдствія не для него одного. Письмомъ этимъ Строевъ просилъ объ организаціи обширной археографической экспедиціи, которая бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ объѣхала бы Европейскую Россію, начиная съ сѣвера, и дополнила труды знаменитыхъ академическихъ путешественниковъ XVIII столѣтія. «Раздѣлять подвиги Академіи», писалъ Строевъ «стать въ ряду знаменитыхъ ея членовъ—путешественниковъ: вотъ моя награда, вотъ мечта моего честолюбія!» За проектъ горой стоялъ академикъ Ф. И. Кругъ, благодаря стараніямъ котораго, дѣло было утверждено общимъ собраніемъ Академіи и представлено на усмотрѣніе высшаго начальства. 14 іюля 1828 года было объявлено Высочайшее соизволеніе и предпріятіе Строева стало осуществляться съ 1829 года. Смыслъ предпріятія выраженъ первыми двумя параграфами проекта:

«§ 1. Цѣль Археографическаго путешествія по Россіи есть обстоятельное познаніе всѣхъ (буде возможно) письменныхъ памятниковъ и пособій Отечественной Исторіи, Дипломатики, древней статистики, прежняго Законовѣденія и прочихъ, кои находятся въ монастырскихъ, соборныхъ, духовно-училищныхъ и другихъ библіотекахъ; въ старыхъ архивахъ городовъ, судебныхъ мѣстъ и проч.

§ 2. Поелику историческіе, дипломатическіе и прочіе акты наиболѣе уцѣлѣли въ тѣхъ мѣстахъ, кои рѣже другихъ подвергались частымъ въ прежнія времена нашествіямъ враговъ и сопряженному съ тѣмъ опустошенію и пожарамъ, то поприщемъ путешествующаго Археографа должна быть преимущественно сѣверо-восточная часть Европейской Россіи, богатая обителями и ихъ книгохранилищами. Онъ объѣдетъ также среднія губерніи и нѣкоторыя изъ западныхъ, но не коснется южнаго края, гдѣ еще въ прошломъ столѣтіи были однѣ безлюдныя степи, или, какъ называли въ старину, поле. Черта

сего поля есть южный предѣлъ Археографическаго путешествія».

По проэкту Строевъ набиралъ на себя невозможную массу работы, которой конечно не былъ въ состояніи исполнить. Такъ § 9 говоритъ: „въ каждомъ изъ книгохранилищъ монастырскихъ и иныхъ духовнаго вѣдомства, Археографъ обязанъ составить обстоятельный каталогъ всѣхъ (безъ исключенія) находящихся тамъ рукописныхъ книгъ, грамотъ и другихъ актовъ». Такая задача неисполнена и до сихъ поръ; § 15 подъ видомъ «общей росписи» обѣщанъ былъ и «библіологическій словарь» по окончаніи экспедиціи.

Для переписки актовъ Строевъ нанялъ отъ себя двухъ помощниковъ съ которыми заключилъ удивительно подробное и до мелочей оговоренное условіе, и передъ Академіей Наукъ ходатайствовалъ объ испрошеніи открытыхъ листовъ съ разнаго рода полномочіями. Въ этомъ отношеніи археографъ былъ въ высшей степени предусмотрителенъ: отъ оберъ-прокурора святѣйшаго Сѵнода, онъ между прочимъ испрашивалъ, чтобы: «... въ монастыряхъ, гдѣ есть гостинницы для богомольцевъ Экспедицію помѣщать въ нихъ; а гдѣ нѣтъ таковыхъ, отдѣлять приличную келью, съ отопленіемъ зимою; за что Археографъ бѣднымъ обителямъ не приминетъ дѣлать соразмѣрные вклады».

Начальство Академіи исходатайствовало П. М. Строеву открытые листы отъ гг. Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія; но Святѣйшій Сѵнодъ во всемъ просимомъ у него для Экспедиціи отказалъ рѣшительно (Барсуковъ, стр. 174).

15 марта 1829 года Археографическая Экспедиція выѣхала изъ Москвы прямо въ Архангельскъ. Въ Соловки Строеву не удалось попасть, но по губерніи онъ объѣздилъ многіе монастыри и между прочимъ въ Антоніевомъ-Сійскомъ нашелъ знаменитое Евангеліе 1339 года и путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царь-градъ. «Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Архангельска П. М. Строевъ нашелъ случайно въ Архивѣ тамошней Консисторіи сундукъ съ древними документами, о коемъ, какъ писалъ онъ Фусу — и сама Консисторія не вѣдала. Сіи документы были собраны лѣтъ за 20-ть передъ симъ изо всѣхъ монастырей и церквей для сочиненія чего-то, и потомъ будучи заброшены подверглись нѣсколько гнилости. По представленію Строева Консисторія предположила улучшить будущую участь манускриптовъ» (Барс. стр. 184). Въ Шен-

курскѣ археографъ пріобрѣлъ греческую рукопись XIV вѣка, на пергаментѣ, творенія св. Григорія Богослова, изъ Ватопедской обители на Афонѣ и грузинскую рукопись 1350 года, писанную на Аѳонѣ и содержащую Номоканонъ.

Обѣ рѣдкости Строевъ съ торжествомъ отправилъ въ Академію Наукъ и получилъ неожиданный репримандъ. По порученію Академіи Кругъ извѣстилъ Строева—«... по сему ограничьтесь впередъ покупкою только такихъ предметовъ, кои въ ближайшемъ отношеніи къ Отечественной Исторіи». Тогдашній собиратель рукописей и страстный любитель древностей графъ Толстой пытался перекупить рукописи у Академіи, но тщетно—общее собраніе большинствомъ голосовъ рѣшило рукописей графу Толстому не отдавать. Графъ утѣшился слѣдующимъ письмомъ: «Процесъ сей хотя мною и проигранъ, но нѣтъ худа безъ добра, я изъ него вывожу для себя большую пользу, а именно: не впродолжительномъ времени ты получишь отъ Академіи предписаніе, подобныхъ нынѣ присланнымъ въ Академію не присылать, а добывать ихъ въ мою библіотеку. Надѣюсь, что ты, по дружбѣ своей ко мнѣ, предписаніемъ симъ воспользуешься». (Барсук. стр. 186).

Изъ Архангельска Строевъ передвинулся въ Вологодскую губернію и получилъ отъ Вологодскаго архіерея открытый листъ, который однако не спасъ отъ приключеній. Приказано было допускать до осмотра библіотекъ и архивовъ, на счетъ же помѣщеній ничего сказано не было. По этой причинѣ архимандритъ Спасо-Прилуцкаго монастыря отвелъ для занятій археографовъ такой «покой», что они отъ сырости простудились и оба спутника Строева подали просьбы объ увольненіи. Годъ кончился и Строевъ испросилъ отпускъ, чтобы пробыть въ Петербургѣ съ конца декабря по конецъ января 1830 года и постараться устроить дѣла экспедиціи, между прочимъ исхлопотать листъ отъ Сѵнода. Январь 1830 года Строевъ проводилъ, почивая на лаврахъ, Академія Наукъ встрѣтила его очень хорошо и одна лишь забота была у археографа—необходимость найти помощника, который хорошо бы читалъ старинную скоропись и былъ бы достаточно образованъ для археографической дѣятельности подъ его руководствомъ. Судьба послала ему Яковъ Ивановича Бередникова, весьма образованнаго чиновника, побывавшаго въ Казанскомъ и Московскомъ Университетахъ. Новый помощникъ явился настоящимъ сотрудникомъ Строева и неоднократно исполнялъ самостоятельныя порученія,

одинъ осматривалъ и описывалъ архивы; отдѣльно ѣздилъ въ дальніе монастыри. Четыре года Строевъ и Бередниковъ работали вмѣстѣ, не разъ Строевъ оказывалъ себя строгимъ начальникомъ, онъ не предвидѣлъ каприза фортуны, что настанетъ время, когда роли ихъ перемѣнятся.

Въ январѣ 1830 года выхлопотана была, наконецъ, и нѣкая Сѵнодальная уступка: «Святѣйшій Сѵнодъ для облегченія Экспедиціи полагалъ сдѣлать отъ себя частныя предписанія преосвященнымъ и прочимъ подвѣдомымъ ему мѣстамъ о удовлетвореніи чиновниковъ Экспедиціи приличными квартирами, гдѣ только будетъ возможно, для чего Оберъ-Прокуроръ и просилъ увѣдомленія, по какимъ именно губерніямъ имѣетъ быть поѣздка Экспедиціи въ нынѣшнемъ году» (Барсуковъ, 203).

Въ 1830 году были осмотрѣны Экспедиціей губерніи Вологодская и Костромская. По случаю холеры пришлось бросить Ярославль и переѣхать въ Москву, которая вскорѣ послѣ этого была оцѣплена кардономъ. Наибольшіе матеріалы въ этомъ году далъ, кажется Кирило-Бѣлозерскій монастырь Въ 1831 году Строевъ много извлекъ матеріаловъ изъ книгохранилищъ Троице-Сергіевой Лавры и началъ занятія въ Ярославской Епархіи, Бередниковъ самостоятельно осматривалъ Романовъ, Рыбинскъ, Пошехонье, Угличъ и т. д.

Нельзя не отмѣтить, что рядомъ съ историческими актами Строевъ собиралъ отдѣльно дипломатическое собраніе всевозможныхъ документовъ въ подлинникахъ.

Въ этомъ же году собранные Экспедиціей документы были классифицированы и списаны въ четыре тома. Въ началѣ 1832 года С. С. Уваровъ представилъ ихъ Государю Императору, который продержалъ ихъ нѣсколько мѣсяцевъ у себя въ кабинетѣ и прочелъ отъ доски до доски.

Въ 1832 году Строевъ работалъ неутомимо въ Москвѣ, а Бередниковъ въ родномъ Тихвинѣ, Устюжнѣ и въ Новгородѣ, куда въ концѣ мая поѣхалъ и самъ Строевъ. Изъ Новгорода археографы поѣхали въ Псковъ, а затѣмъ перебрались въ Тверь, откуда впрочемъ Строеву пришлось немедленно выѣхать по предписанію Академіи въ Казань, гдѣ надѣялись найти гробы князей Рязанскихъ, въ виду обнаруженія нѣсколькихъ погребеній въ развалинахъ храма въ Старой Казани. Между тѣмъ Бередниковъ дѣятельно ѣздилъ по Тверской губерніи и сдѣлалъ не мало находокъ. Такъ въ Кашинскомъ Срѣтенскомъ монастырѣ

была отыскана большая рѣдкость—подлинная грамота великаго князя Тверского Бориса Александровича.

Въ началѣ 1833 года Строевъ подалъ президенту Академіи Наукъ записку, въ которой между прочимъ настаивалъ: что—«Сборъ славянскихъ рукописей, хартій и старинныхъ книгъ, въ С.-Петербургъ и Москву, въ библіотеки государственныя есть дѣло крайне необходимое. Только въ столицахъ существуютъ ученые, способные ими пользоваться». Строевъ такъ увлекся, что прибавилъ къ этому и желчную фразу: «только свѣтскіе писатели и критики принесли пользу Отечественной Исторіи» (Барс., 256).

Въ 1833 году Экспедиція ѣздила въ губерніи Владимірскую, Нижегородскую, Казанскую (въ которой оказалось очень немного—интереснѣе прочаго акты хранящіеся въ Зилантовѣ монастырѣ). Изъ Казани Строевъ поѣхалъ обратно въ Москву, а въ Вятку отправилъ Бередникова (который въ Уржумѣ отыскалъ между прочимъ бумаги упраздненнаго Цѣпочкпна монастыря). Въ 1834 году Строевъ опять прочно осѣлъ въ Москвѣ, а Бередниковъ проѣхалъ въ Александро-Свирскій монастырь, въ Олонецъ, Петрозаводскъ, въ Каргополь (гдѣ ему посчастливилось найти харатейную уставную грамоту Онежанамъ отъ 1534 года) и затѣмъ пробрался въ Соловки. Въ сентябрѣ Бередниковъ вернулся въ Москву, въ которой Строевъ закончилъ въ это время разсмотрѣніе присланныхъ Пермскихъ архивовъ и старался проникнуть въ архивъ Оружейной Палаты.

Въ отчетѣ, представленномъ въ 1834 году Строевъ подводилъ итоги Экспедиціи и между прочимъ подчеркивалъ, что актами юридическими никто еще не занимался, хотя безъ нихъ старинное правовѣдѣніе невозможно» (Барс. 277).

Начальникъ Археографической Экспедиціи былъ полонъ радужными мечтами, надѣялся на продолженіе своего дѣла и предлагалъ Академіи Наукъ—а) продолжить Археографическую Экспедицію въ остальныхъ областяхъ Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: болѣе сего нѣтъ; или б) начать печатаніе актовъ историко-юридическихъ, почти приготовленныхъ, и «собраніе разныхъ писаній» по моимъ указаніямъ?

Академія не успѣла ничего отвѣтить археографу, которому готовился жестокій ударъ.

Біографъ Строева, большой его почитатель, Н. П. Барсуковъ—мастерски описываетъ это событіе:

«Наканунѣ того самаго дня, когда въ стѣнахъ Академіи

торжественно читался этотъ отчетъ, въ Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія писалась на имя автора отчета и Начальника Археографической Экспедиціи бумага доселѣ изумляющая своею неожиданностью. Содержаніе этой бумаги, отъ 28 декабря 1834 года, подписанной директоромъ Департамента Министерства княземъ Платономъ Александровичемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ—слѣдующее:

«Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго представленія Министра Народнаго Просвѣщенія, Его Императорское Величество, въ 26-й день сего декабря, Высочайше соизволилъ на опредѣленіе меня предсѣдателемъ, учрежденной при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія коммиссіи, для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціею актовъ о Россіи, членами же оной г. Министръ назначилъ на основаніи § 3 Высочайше утвержденныхъ 24-го Декабря, правилъ: Васъ, милостивый государь, надворнаго совѣтника Сербиновича, проффессора Устрялова и коллежскаго секретаря Бередникова».

«Такимъ образомъ», говоритъ Н. П. Барсуковъ, «дѣло созданное Строевымъ и доведенное имъ до блестящихъ результатовъ, несмотря на всѣ трудности, сопряженныя съ тогдашними путешествіями по Россіи, передавалось другому лицу, ничѣмъ доселѣ не заявившему о своей компетентности въ области Археографіи» (стр. 279).

Назначеніе Ширинскаго-Шихматова въ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи далеко не единичный примѣръ республиканскихъ воззрѣній, что военнымъ министромъ долженъ быть штатскій! Біографъ Строева ядовито излагаетъ исторію дѣятельности князя Ширинскаго-Шихматова и приходитъ къ выводу, что «съ назначеніемъ на должность предсѣдателя Археографической коммиссіи князь Платонъ Александровичъ вступалъ въ совершенно новую для него сферу дѣятельности».

Первое засѣданіе Коммиссіи было 7 января 1835 года. Бередникову было поручено приведеніе актовъ, собранныхъ Археографической Экспедиціей, въ хронологическій порядокъ и на него же возложено было продолжать дѣло Экспедиціи въ Спб. библіотекахъ и архивахъ. Строевъ два засѣданія просидѣлъ молча и затѣмъ отпросился въ Москву для приведенія въ порядокъ дѣлъ по Экспедиціи. Изъ Москвы Строева пришлось вызывать приказомъ, такъ какъ безъ него нельзя было приступить къ изданію. Только 4-го іюля могло состояться засѣданіе Коммиссіи съ бывшимъ начальникомъ Археографиче-

нерѣдко критиковались и признавались незначительными редакторами Коммиссіи. Строевъ постепенно смирялся все болѣе и болѣе, въ 1838 году Коммиссія избрала его опять въ свои члены и Бередниковъ поздравилъ его съ достигнутымъ успѣхомъ: Съ Я. И. Бередниковымъ Строевъ поддерживалъ дѣятельную переписку, отъ Бередникова онъ узнавалъ всю подноготную, что дѣлается въ Петербургѣ. Бывшій подчиненный писалъ къ Строеву съ необыкновеннымъ самодовольствомъ, вышучивалъ и ругалъ всѣхъ и вся. Читая выдержки изъ этихъ писемъ, приведенныя у Барсукова иногда такъ и хочется воскликнуть:— «Боже! Какой ограниченный пошлякъ!»

Изданіе Археографической Коммиссіи въ первое время исключительно, а затѣмъ (очень долго) въ значительной мѣрѣ покоились на матеріалахъ, собранныхъ Строевымъ.

Мы должны обратить особенное вниманіе на актовыя изданія Археографичеткой Коммиссіи:

1) «Акты Археографической Экспедиціи».

т. I—1294—1598 гг.—Спб. 1836 4⁰
т. II—1598—1613 гг.—Спб. 1836 4⁰
т. III—1613—1645 гг.—Спб. 1836 4⁰
т. IV—1645—1700 гг.—Спб. 1836 4⁰

Въ этомъ изданіи особенно замѣчательны—рядъ договорныхъ грамотъ, грамоты уставныя, губныя, таможенныя, опись царскаго архива XVI в., грамота избранія на царство Бориса Годунова. Указы о крестьянскихъ выходахъ, акты смутнаго времени и т. д.

2) «Акты историческіе».

т. I—1334—1598—Спб. 1841 4⁰
т. II—1598—1613—Спб. 1841 4⁰
т. III—1613—1645—Спб. 1841 4⁰
т. IV—1645—1676—Спб. 1842 4⁰
т. V—1676—1700—Спб. 1842 4⁰

Изъ древнѣйшихъ отмѣтимъ—жалованныя несудимыя и тарханныя грамоты, начиная съ князя Олега Рязанскаго (знаменитый пергаменный уникъ съ миніатюрою), посланія восточныхъ патріарховъ, грамоты Россійскихъ Митрополитовъ, грамоты Новгородскія, Судебникъ Ивана IV, дѣло о ссылкѣ Романовыхъ и т. д.

3) «Дополненіе къ Актамъ Историческимъ».

т. I кон. X в.—1613 гг.—Спб. 1846 4⁰
т. II — 1613—1645 гг.—Спб. 1846 4⁰
т. III — 1645—1654 гг.—Спб. 1848 4⁰
т. IV — 1655—1664 гг.—Спб. 1851 4⁰
тт. V—XII — 1665—1700 гг.—Спб. 1853—1872 4⁰

Первый томъ, можно сказать, отличается богатствомъ своего содержанія.

4) «Акты Юридичискіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства».

I томъ in 4⁰—Спб. 1838.

Юридическіе акты начинаются съ XV вѣка и идутъ по 1705 годъ; можно сказать цѣликомъ все изданіе дѣло рукъ П. М. Строева, хотя и издано не подъ его редакціей.

Названныя четыре изданія—для настоящаго времени конечно уже недостаточно полны и устарѣли, но все-таки они остаются остовомъ археографической исторіи Россіи и въ нихъ дѣйствительно собрано все важнѣйшее. Несмотря на пренебреженіе монограммами и отсутствіе снимковъ эти изданія составляютъ основной дипломатическій источникъ.

Строевъ безъ устали работалъ для Археографической Коммиссіи въ разныхъ Московскихъ Архивахъ и между прочимъ первый перебралъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ знаменитую коллекцію грамотъ Коллегіи Экономіи. Не разъ Строевъ намѣревался взять на себя какое-либо изданіе Коммиссіи, напримѣръ, онъ хотѣлъ издавать Полное Собраніе Лѣтописей, но его всегда отстраняли.

Строеву оставалось слѣдить за изданіями издали и продолжать высылать матеріалы. О ходѣ изданій онъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія, особенно о моментахъ задержекъ и борьбы съ духовной цензурой, «Вчера мы отправили», пишетъ къ брату дѣлопроизводитель Коммиссіи С. Строевъ, къ Нечаеву (оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода) «акты, касающіеся до Церкви: я заранѣе пою имъ reqviem. Муравьевъ сказалъ, что они достанутся Филарету Московскому». Другое письмо (Барс. 307) гласитъ: «Акты церковнаго содержанія до сихъ поръ еще не возвращены изъ Сѵнода. Серафимъ, увидавшись съ княземъ (то-есть предсѣдателемъ Коммиссіи княземъ Ширинскимъ-Шахматовымъ), сказалъ ему: «на что вамъ эту дрянь».

Иногда Строевъ пытался давать совѣты. Отмѣтимъ одинъ

очень важный и интересный указывающій на то, что Строевъ думалъ о русской дипломатикѣ: «почитаю необходимымъ», писалъ онъ 17 марта 1838 года къ предсѣдателю Коммиссіи (Бар. 321), «слѣдующее замѣтить: подлинники жалованныхъ грамотъ и иныхъ актовъ, особенно ранѣе царя Іоанна Грознаго, съ ихъ скрѣпами, утвержденіями, печатями поучительны самою наружностью, весьма важны въ отношеніяхъ дипломатическомъ, палеографическомъ и проч. У насъ недостаетъ полныхъ собраній подобныхъ дипломовъ, расположенныхъ въ системѣ и доступныхъ для ученыхъ изслѣдователей. Зачѣмъ держать ихъ въ такихъ архивахъ, каковъ Архивъ Старыхъ Дѣлъ, въ безобразныхъ грудахъ разнаго старья, подъ присмотромъ едва умѣющихъ разбирать ихъ? Покамѣстъ сіи акты не будутъ на виду, Дипломатики и другихъ отдѣловъ науки нашихъ древностей быть не можетъ». Думалъ Строевъ и о Россійскомъ дипломатаріумѣ, но это были мечты, въ его время совсѣмъ неисполнимыя. Впрочемъ словесныхъ поощреній онъ получилъ не мало. Бередниковъ умолялъ закончить «великій проэктъ собранія и изданія полнаго Русскаго Дипломатаріума». «Безъ Васъ», пишетъ Бередниковъ, «ето останется неисполненнымъ, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе. Будьте нашимъ Монфокономъ (Барс. стр. 368).

Будущему Монфокону однако скоро пришлось перестать думать о грандіозныхъ предпріятіяхъ. Съ сороковыхъ годовъ начинается переворотъ въ жизни Строева—матеріальная нужда постепенно все болѣе и болѣе начинаетъ угнетать знаменитаго археографа не умѣвшаго устроиться. Уже въ 1841 году семья Строева состояла изъ жены и 6 дѣтей, тещи и 5 человѣкъ наемной прислуги. Не смотря на неутомимую работу, дефициты стали грозить съ роковой неизбѣжностью.

Въ ноябрѣ 1841 года Строевъ предлагаетъ свое собраніе рукописей казнѣ, получаетъ отказъ и продаетъ въ 1842 году М. П. Погодину, продаетъ съ гнѣвомъ и раздраженіемъ, потому что отрывалъ продаваемое отъ своего сердца и сознавая, что это начало паденія.

Даже самая слава археографа какъ бы начинаетъ колебаться Онъ выпускаетъ въ свѣтъ превосходное изданіе—«Выходы царей» и вызываетъ грубую несправедливую критическую ругань.

Академія нравственно поддержала Строева избравъ его въ 1841 году въ адъюнкты по второму отдѣленію и въ 1847 году сдѣлала экстро-ординарнымъ, но это не улучшило матеріаль-

наго положенія труженика, нуждавшагося въ частной платной работѣ. Мало по малу непріятности одолѣваютъ Строева, онъ подумываетъ уѣхать въ деревню, остается въ Москвѣ, но сосредоточиваетъ дѣятельность на указателяхъ—къ Дворцовымъ Разрядамъ и Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей. Деньги, которыя Строевъ бралъ на составленіе этого послѣдняго труда отравляли ему окончательно всю старость. Бѣды шли одна за другой. Домъ—руину, которую воспрещено было и поправлять пришлось продать, а тутъ эмансипація крестьянъ окончательно подкосила Строева, который всегда питалъ горделивыя надежды, что въ случаѣ крайности онъ продастъ имѣніе и расчитается съ авансами коммиссіи. Крестьяне Строева всегда жили на оброкѣ и пользовались всѣми угодьями. Строевъ былъ хорошій помѣщикъ, заботился о крестьянахъ, сбавлялъ оброкъ при неурожаяхъ и радовался крестьянскому благосостоянію. Какъ извѣстно въ Россіи неурожаи сопровождаются рѣзкимъ уменьшеніемъ прироста населенія, заботы Строева вызвали явленіе обратное. Крестьянство размножилось необыкновенно и оказалось, что возьми мужики полный надѣлъ, у Строева не останется ничего. Устройство крестьянъ и составленіе уставной грамоты продолжалось нѣсколько лѣтъ во время которыхъ Строевъ просто бѣдствовалъ. Работоспособность конечно пала съ годами, заботы о хлѣбѣ насущномъ удручали ежечасно, а казенный источникъ двухтысячная пенсія давно превратилась въ мизерные сотни рублей на серебро. Создатель русской археографіи и академикъ постепенно распродаетъ все что можно, продаются гр. Уварову отдѣльные документы, которые случайно уцѣлѣли, распродается вся библіотека до пособій включительно.

«Въ послѣдній періодъ своей жизни», говоритъ біографъ Н. П. Барсуковъ, «П. М. Строевъ почти прекратилъ всякія сношенія съ столичнымъ ученымъ міромъ».

Жутко становится, морозъ подираетъ отъ этой простой фразы! Знаменитый археографъ медленно умиралъ въ нуждѣ лишенный средствъ къ работѣ.

Въ критическій моментъ полнаго обѣдненія старика Строева въ 1864 году исполнилось пятидесятилѣтіе его ученой дѣятельности, этотъ юбилей можно было соединить и съ двадцатипятилѣтіемъ вторичнаго назначенія Строева членомъ Археографической Коммиссіи. Смирившійся старецъ самъ напомнилъ объ этихъ датахъ въ письмѣ къ Калачеву, котораго просилъ переговорить съ предсѣдателемъ Коммиссіи Норовымъ. Желаніе

Строева было получить полную отставку и по этому случаю хоть сколько нибудь прибавки къ пенсіи—«болѣе сего я не желаю».

Жгучая нужда, просьба чуть не Христа ради—слышится въ этомъ письмѣ! Какъ далекъ авторъ этого письма отъ дерзкаго Строева 1830 годовъ!

Археографическая Коммиссія рѣшила ходатайствовать (заставивъ Строева написать всетаки прошеніе) объ увеличеніи пенсіи съ 571 руб. 43 коп. до полной тысячи рублей.

А между тѣмъ тайкомъ отъ Строева старый его знакомецъ М. П. Погодинъ съ обычнымъ свойственнымъ ему неистовствомъ началъ хлопотать, просто ударилъ въ набатъ, о предстоящемъ юбилеѣ. Въ Москвѣ собиралась подписка на торжественный обѣдъ, депутаціи къ Строеву (кажется по этому поводу Погодинъ писалъ—музыки не на что, а надо пѣвчихъ и выбрать имъ приличные канты) собиралась и на поднесеніе памятнаго подарка.

Широкій Погодинъ самъ сообщаетъ «я писалъ Норову о лентѣ, чинѣ и пенсіи», но своей сумятицей онъ испортилъ въ сущности все дѣло. Удалось лишь одно, Строевъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и поздравленъ адресомъ Академіи Наукъ. За чинъ предстояло уплатить 108 рублей, а ихъ не было. Вмѣсто торжественнаго пріема ошеломленный Погодинъ получилъ отъ Строева ругательное письмо.

По поводу производства въ чинъ Строевъ писалъ въ Академію (къ Я. К. Гроту): «неожиданное производство въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (скажу откровенно) изумило меня, даже поразило: я всегда опасался этого производства. Высокіе чины лестны при обезпеченномъ положеніи и удобствахъ жизни, но при слишкомъ ограниченныхъ доходахъ и безпрерывно увеличивающейся дороговизнѣ на все необходимое, согласитесь сами, по истинѣ тягость. Чтобы уплатить тре буемые съ меня, за повышеніе, 108 руб. сер., я долженъ въ теченіе остальныхъ восьми мѣсяцевъ текущаго года, всячески экономить, чтобы покрыть значительный дефицитъ въ моихъ скудныхъ финансахъ». Я. К. Гротъ предложилъ Строеву напечатать что-либо въ Академіи, за что она могла уплатить за него эти 108 рублей. Грустнымъ письмомъ отвѣтилъ Строевъ—онъ писалъ, что онъ уже полуслѣпой старикъ, живущій только прошлымъ. «Время когда я исписывалъ цѣлыя дести, не имѣя въ виду ни премій, ни гонораріевъ уже слишкомъ давно прошедшее....»

Просьба о пенсіи вызвала отповѣдь Министерства Финансовъ и Министра Народнаго Просвѣщенія—было указано, что «пенсіи внѣ закона назначаются только за особенныя и отличныя государственныя заслуги», почему Министръ и полагалъ, что полезная дѣятельность г. Строева уже достаточно вознаграждена пенсіей въ 571 руб. 43 коп. въ годъ.

А. С. Норовъ послѣ этого вошелъ съ особой запиской къ Министру, указывая на отличныя заслуги Строева и значеніе этого дѣла для всего ученаго сословія. На это Министръ Финансовъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, такъ какъ, по его мнѣнію «въ упомянутой запискѣ не представлено новыхъ уваженій для назначенія г. Строеву показаннаго пожизненнаго пособія...».

Годъ спустя, Строевъ писалъ къ А. Ѳ. Бычкову: «очень жаль, что прошлогоднія хлопоты Археографической Коммиссіи, объ увеличеніи моей пенсіи, не имѣли желаннаго успѣха: я одряхлѣлъ, почти ослѣпъ, не могу работать, все, что можно было продать, продалъ; остается прибѣгнуть къ займамъ, если только будутъ вѣрить; что послѣдуетъ далѣе, боюсь и думать» (Барс., 612).

Изъ всего ученаго имущества у Строева оставался завѣтный шкафъ съ черновыми матеріалами и разобранной въ систематическомъ порядкѣ перепиской. И тотъ присмотрѣлъ было себѣ Погодинъ! Строевъ не согласился только на продажу, увѣряя, что она невыгодна для самого Погодина и вмѣсто этого попросилъ въ заемъ денегъ, чтобы имѣть возможность переждать время потребное на окончательное улаженіе дѣла съ крестьянами. Погодинъ ссудилъ деньги и положительно спасъ престарѣлаго археографа, земля котораго только благодаря этому не была продана съ молотка. Чрезъ нѣсколько времени судьба сжалилась надъ Строевымъ и дала ему возможность остатокъ дней прожить спокойно.

Въ 1866 году Министромъ Народнаго Просвѣщенія сталъ графъ Д. А. Толстой, который понималъ смыслъ дѣятельности Строева и его заслуги. О Строевѣ ему напомнилъ все тотъ же Погодинъ и графъ заявилъ, что онъ помимо Министра Финансовъ лично доложитъ Государю. Толстой сдѣлалъ свое дѣло быстро и благородно. Чтобы дѣло не имѣло вида подачки, онъ присоединилъ имя Строева къ Карамзину (по поводу столѣтняго юбилея дня рожденія), какъ дѣятеля Карамзинской эпохи и автора ключа въ исторіи Карамзина. Когда Рейтернъ упрямо еще разъ отказался дать прибавку къ пенсіи, Толстой добился

*